

ЛЕВ КОНСТАНТИНОВ

СХВАТКА С НЕНАВИСТЬЮ

ЛЕВ КОНСТАНТИНОВ

**СХВАТКА
С НЕНАВИСТЬЮ**

Москва
«Молодая гвардия»
1976

Константинов Л. К. (Корнешов Л. К.)

K64 Схватка с ненавистью. Приключенческая повесть. 2-е изд. М., «Молодая гвардия», 1976.

352 с. с ил. (Стрела).

Отзвучал салют Победы, но не для всех закончились бои. Выстрелы из-за угла, в спину, зарево ночных пожаров, кровавые налеты на мирные села... В первые, очень трудные послевоенные годы предатели украинского народа — буржуазные националисты, бандитским ножом и пулей пытались помешать утверждению новой жизни на западноукраинских землях. Коммунисты и комсомолы, чекисты мужественно защищали интересы народа, в жестоких классовых схватках разгромили реакционное подполье, бандитскую ОУН. О сложной чекистской операции, начавшейся в тихом западноукраинском городке и завершившейся на Западе, о подвиге молодой сельской учительницы Марии Шевчук, волею народа ставшей разведчицей, рассказывается в повести Льва Константинова «Схватка с ненавистью».

G2

И: 70302—044, 268—76
078(02)—76

Лев Константинович Константинов (Корнешов)
СХВАТКА С НЕНАВИСТЬЮ

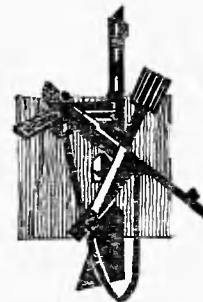
Редактор В. Фалеев
Художник И. Пчелко
Художественный редактор Б. Федотов
Технический редактор В. Мещаненко
Корректор З. Харитонова

Сдано в набор 9/IX 1975 г. Подписано к печати 3/II 1976 г.
Формат 84×108^{1/2}. Бумага № 1. Печ. л. 11 (усл. 18,48).
Уч.-изд. л. 19,6. Тираж 100 000 экз. Цена 79 коп. Т. П. 1976 г., № 268. Заказ 1445.

Типография ордена Трудового Красного Знамени изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

© Издательство «Молодая гвардия», 1976 г.

Совпадение имен и псевдонимов в повести с подлинными — только случайность.

В 194... году на тайной курьерской тропе, проложенной бандитским буржуазно-националистическим подпольем через Западную Украину к кордону, был задержан связной. Он не успел уничтожить донесение. Листик тоненькой папиросной бумаги — шифровку — доставили начальнику управления МГБ одной из областей полковнику Коломийцу.

«Всем боевкам, референтурам и проводам ОУН и УПА*.

Надлежит разыскать:

Особо опасного для нашего движения агента НКВД, известного нашим людям под псевдо «Зоряна», «Горлинка», «Подольянка», «Мавка» и другим, которые использовались в зависимости от обстоятельств.

Фамилия:

Подлинная фамилия не установлена. Предъявляет документы на имя Марии Григорьевны Шевчук, Олеси Николаевны Чайки и другие.

* ОУН — так называемая «Организация украинских националистов», создана предателями и изменниками украинского народа для борьбы с Советской Украиной. Активно сотрудничала с гитлеровцами, выполняла кровавые поручения гитлеровской разведки, на содержании которой находилась долгое время. После разгрома фашистской Германии главари ОУН бежали на Запад и оттуда пытались по заданию империалистических разведок развязать террористическую войну против украинского народа. Хозяева у ОУН менялись, но суть — ненависть к Советской Украине — оставалась и остается неизменной. УПА («Украинская повстанческая армия») — так пышно именovali националисты свои бандитские шайки, созданные при помощи гитлеровской разведки на территории некоторых западноукраинских областей в годы оккупации, — пыталась действовать и после изгнания оккупантов, но при поддержке всего населения была разгромлена органами государственной безопасности СССР. Боевка, референтура и провод — организационные звенья ОУН и УПА, центральный провод руководил всей сетью ОУН. С о т н и к — звание в УПА.

Профессия:

По косвенным данным — педагог. Работала секретарем райкома комсомола, учительницей Зеленогайской школы.

Звание:

Советское — неизвестно.

В УПА — сотник, курьер центрального провода с особыми полномочиями.

Партийная принадлежность:

Советская: член ВКП(б) — предположительно.

В ОУН: член ОУН (бывший).

Национальность:

Украинка.

Возраст:

Точно неизвестен. Около 28 лет.

Место рождения:

Не установлено.

Рост:

166 см.

Телосложение:

Красивая, спортивного склада, иногда можно заметить военную выправку, походка свободная, властная.

Лицо:

Очень правильное, красивое. Лоб высокий, чистый. Кожа смуглая. Скулы, разрез глаз — восточного, но не ярко выраженного типа. Особых примет нет.

Волосы:

Цвета спелого жита. Не красит. В одних случаях ее видели с косами, в других — с короткой стрижкой.

Нос:

Средней ширины, ровный, без горбинки, ноздри прямые.

Уши:

Маленькие, круглые.

Подбородок:

Типичный для украинки.

Зубы:

Ровные, без изъянов.

Рот:

Небольшой, полные мягкие губы.

Речь:

Говорит на правильном украинском, иногда с западноукраинским (львовским) акцентом. Свободно владеет немецким, польским и русским. Речь человека, привыкшего отдавать приказы.

Обладая этими приметами проникла к источникам высших тайн организации, систематически передавала информацию в НКВД. Участвовала в уничтожении боевых подразделений УПА. Неоднократно выдавала себя за курьера с особыми полномочиями, что позволило ей действовать очень эффективно и нанести серьезный ущерб.

Каждый член организации, который опознает эту чекистку, должен, не ожидая особых на то приказов, любым путем, даже ценою собственной жизни, ее уничтожить.

При акции соблюдать осторожность: вооружена, умело пользуется оружием, отличается личным мужеством, выдержкой и хладнокровием.

Референт службы безопасности . . . Место поста . . . ».*

* Место поста — так в приказах украинских буржуазных националистов обозначалось местонахождение «штаба».

В камере было душно. Казалось, ее голые, облупившиеся стены источают густой, прокаленный в жерле огромной печи воздух. Только сквозь маленькое окошко еле ощутимо тянулась свежая струйка воздуха. Окошко было открыто — сквозь решетку виднелся край синего неба. Небо было поделено прутьями решетки на ровные квадратики. Леся встала под окном, подставила лицо воздушному ручейку.

Их здесь было трое. У каждой — узкая откидная койка, жесткое солдатское одеяло, набитая спрессованным в камень сеном подушка. У каждой — своя тоска, только духота одна на всех. Привели их сюда разные дороги. Каждую — своя.

Леся вынула из косы шпильку, провела на стене черточку — закончились еще одни сутки. Черточек было много, они выстроились длинной шеренгой, нацарапанные неровно, но глубоко — твердой рукой.

Щелкнул «глазок» на двери, караульный бегло осмотрел камеру. Все как всегда: девушка на угловой койке спит, вторая лежит, уставившись в потолок, а эта, с длинной косой, пристроилась под окном.

— Спать! — равнодушно приказал солдат.

— Иди к черту! — так же беззлобно откликнулась Леся.

Караульный покачал головой: каждый вечер одно и то же. Никак не привыкнет дивчина, что не дома и не в гостях.

— Марш на койку! — уже строже прикрикнул солдат.

— Ложись, Леся, — присоветовала и девушка, бездумно смотревшая в серый, потрескавшийся потолок.

Сухо стукнула заслонка «глазка», солдат потопал к следующей камере.

— Боже, как душно! — Леся сбросила одежду, нырнула под одеяло. — А у нас дома сейчас сады цветут. И яблоньки стоят как невесты перед свадьбой. А на землю ложится розовый снег — яблоневый. И небо над головой звонкое, чистое. Когда-то снова увижу?

Никто не ответил ей. Впрочем, Леся и не ждала, что подруги по камере как-то откликнутся на ее слова. Она уже привыкла к тяжелому, угрюмому молчанию,

как привыкла к тому, что каждый день их по очереди водили к следователям.

И сейчас она разговаривала только с собой. Ей казалось, что, когда в камере звучит живой голос, не так давит на сердце унылая тишина.

Чего-чего, а тишины здесь вдоволь...

За два месяца в камере перебивали и другие девушки, находившиеся под следствием по подозрению в связях с националистами. Потом некоторых из них освободили, других куда-то перевели. Леся осталась одна. Вначале обрадовалась, даже в шутку сказала следователю, что у нее теперь отдельный номер. Потом испугалась — одиночество выползло из притененных углов и подступило к ней неслышным, коварным шагом.

Она стала начинать день гимнастикой, делала упражнения до пота, а потом мечтала о холодном ласковом душе.

Еще стихи читала, по памяти, все, какие знала. Пыталась переругиваться с солдатами охраны, но те равнодушно молчали.

Игру себе придумала: «путешествовала» по всем местам, где когда-то бывала. Это было забавно — отрешиться от всего и уйти в прошлое, окунуться в воспоминания.

Наконец появилась толстенькая, неповоротливая Янина. Она присмотрела себе угловую койку, сунула под подушку торбинку с нехитрым имуществом, натянула до подбородка одеяло и сразу уснула.

С тех пор она или спала, или молча сидела на койке, тупо уставившись в одну точку.

Леся пробовала с нею разговаривать.

— Откуда ты?

— С Тернопольщины.

— А за что сюда?

— Не знаю...

— Не придуривайся, — Леся сердито хмурила брови, — не перед слидчим*.

— Так, кажут, за те, що бандитам допомагала.

— А допомагала?

Яна в недоумении двигала плечами:

— Так у тех же бандитов мой нареченный Гнат...

Я ему то харчи прынесу, то самогонки...

— Грeпсы* носила?

— Що то — грeпс?

— Ну записки такие? — растолковывала Леся.

— Ой не знаю я ничего...

— Заладила! Носила или нет?

Яна сосредоточенно, с видимым напряжением размышляла над вопросом, потом вздыхала:

— Так носила...

— Ну и дурепя, — подвела итог Леся.

— Так оно и есть, — покорно согласилась Яна.

А как не понесешь, если Гнат просил? Еще рассердился — что ж, мне в девках век вековать? А Гнат у меня файный... — Воспоминания о возлюбленном выжимали из круглых, как чершня, глаз обильные слезы. — Когда-то теперь его увижу? Увезут меня в Сибирь холодную, некому там будет и на могилку мою прийти...

Голос у Яны звучный, красивый, и причитала она над своей несчастной долей с видимым удовольствием.

— Не ной, — останавливала Леся. — Кому ты нужна в Сибири? Разберутся, что ты просто дура, и выпрут отсюда на все четыре стороны.

— Ага, — вздыхала Яна, насухо вытирая глаза. — Як бы ж я знала. А то Гнат просил... А он такой... Чуть что не по нему, сразу выгоняет и говорит — другую найдет...

Судя по всему, энергичный Гнат использовал свою влюбчивую подругу в качестве связной. Да так, что та об этом и не подозревала.

В какой-то день в камеру привели еще одну девушку. Новенькая хмуро, ни на кого не глядя, подошла к свободной койке, присела на край. Была девушка такой спокойно-неприступной, что даже общительная Леся не решилась заговорить первой, лишь украдкой, искоса ее разглядывала.

Она была очень красивой, это Леся вынуждена была признать, хотя редко-редко девушки соглашались, что есть еще, кроме них, разумеется, красавицы. Тонкое, надменное лицо. Удлиненный разрез темных глаз — строгих, почти отрешенных. Нежная, чуть смуглая кожа хорошо гармонировала с темными глазами и пухлыми, яркими губами. «Смуглянка», — подумалось Лесе. Она обратила внимание, как удивительно изящно сидит

* Слидчий — следователь (здесь и далее — с укр.).

* Грeпс — шифрованное донесение, письмо.

на точеной головке незнакомки корона из золотых кос. Казалось невероятным, невозможным такое сочетание: цвета спелой пшеницы косы и матовая смуглость лица. Это была та деталь, которая сразу выделяла девушку из разряда обычных и заставляла думать о том, что природа в своей мудрости может сплавить в цветок яркий луч солнца и темную кисею ночи. «Приметная особа, — отметила Леся, — такую опознать несложно».

Девушка встала, прошлась по камере, словно давала возможность полюбоваться, какая у нее красивая, грациозная фигурка, упругая, сильная походка, как хорошо, будто богатый наряд, сидят на ней простенькая вышитая блузка и расклешенная юбка из недорогого серого сукна.

«Благородной крови панночка, — Леся цепким взглядом оценила девушку, — такой бы на балах да по шляхетным гостиним красоваться».

— Вошла. — поздоровайся, — сказала Леся.

— Здравуются, когда в хату входят, — неприветливо ответила девушка. Выговор у нее был мягкий, только некоторые слоги она произносила жестковато.

— Здравуются не с углами — с людьми, — не уступила Леся.

— День добрый, если вам от того легче станет. — Новенькая зло отвернулась к окошку.

Время от времени, словно тень, по лицу незнакомки скользила злая гримаса. И тогда красота ее сразу меркла, она становилась похожей на привередливую Оксану из бувальщин, рассказанных Гоголем про вечера на хуторе близ Диканьки.

В тот день новенькая больше не проронила ни слова. И когда утром с лязгом открылась дверь камеры, она так же молча, даже не глянув на своих случайных подруг, ушла по вызову следователя.

Возвратилась часа через два: такая же спокойная, неприступная, только усталость бросила легкую тень под глаза.

— Ну как там? — осторожно спросила Леся, кивнув неопределенно на дверь.

— Не понимаю, о чем вы, — резко бросила девушка.

— Понимаете! — обозлилась Леся. — Вы здесь недавно, а у меня — стаж...

— Не мое дело. — Девушка стала против Леси и в упор на нее посмотрела. — Не я вас сюда упрятала...

Леся подошла к стене, на которой выцарапана была длинная вереница палочек, провела пальцем по выщербленному цементу.

— На досуге посчитайте. Каждая — сутки. Это только здесь. Кое-что было и раньше. Я не хвалюсь, а говорю, что за это время многому научилась.

Девушка по-прежнему смотрела на нее с легким, высокомерным презрением:

— Я при чем?

Леся сделала небольшую паузу, чтобы слова ее прозвучали убедительнее:

— Здесь одной нельзя. Одиночка — самое тяжелое наказание. А ты, — она намеренно сказала этой гордичке «ты», — сама в нее рвешься, хотя рядом с тобой люди. Сдадут скоро нервы, заест тоска, и сама не заметишь, как сломаешься... — Леся сказала это и отвернулась, будто черту подвела: мое дело предупредить, твое — решать. Но в словах ее была правда, и даже толстенькая Яна своим красивым голосом подтвердила:

— Говорят люди: одинокую волчицу и плохой охотник подстрелит.

— Я не волчица, — обидчиво сверкнула темными глазами девушка.

Леся улыбнулась примирительно:

— Зато охотники идут по твоему следу. И неплохие, замечь.

В камеру вползли ранние сумерки. Там, на воле, было еще совсем светло, а здесь уже тени легли по углам, зачернили стены. Впереди был длинный однообразный вечер. И тишина, прерываемая лишь мерными шагами часового.

Разговор оборвался. Леся и не хотела его продолжать: на правах старожилы она дала новенькой совет, а последовать ли ему — пусть сама решает. Она тихо, для себя, запела песню. Песня была о том, как тоскует человек, которому не дано стать соколом, и нет у него крыльев, чтобы покинуть землю и подняться в небо, далеко-далеко, за синие тучи. Вплелись в песню тоска и бессилие.

— Хорошо поешь, — задумчиво протянула девушка. — Ну-ка, еще...

— По заказу не могу. — Леся чуть приметной улыбкой смягчила резкость.

Потом за нею пришли.

Леся кивнула Яне и вышла из камеры, даже не взглянув на новенькую.

Когда затихли шаги, девушка повернулась к Яне.

— Кто она такая? — спросила властно.

— У нее и спрашивай, — недружелюбно ответила Яна. Она заметила, что Леся почему-то пререкалась с новой, не совсем было понятно почему, но симпатии ее были на стороне веселой и общительной Леси. Ишь ты, новая, как сова, уставилась, будто хочет испугать ее. Недаром Гнат говорил, что все городские девушки бесстыжие. А эта была тоже из городских, хоть и надела вышитую блузку. Ручки нежные, с такими за плугом не походишь, грасу* они не удержат. Вот Леся — другое дело, эта своя, хуторская, хоть и учительница. Гнат говорил...

— Откуда эта дивчина? — резко прервала неторопливые размышления Яны новая.

Яна лениво повела плечом.

— Может, со Львова, а то и из Ужгорода. Говорила еще как-то, что в Стрые жила. А еще вроде бы бывала в Каменце...

— Ты что, издеваешься? — вскипела новенькая.

Яна с медлительным равнодушием посмотрела на нее в упор. Ишь ты, губы дергаются, будто у припадочной. Куда и красота подевалась. Правду Гнат говорил, что настоящие украишцы на хуторах живут, а в городах те, кто омоскалится, забыл про этот, как его... дух предков...

— Так я же не знаю точно. Леся-учителька — так ее называют. Если хочешь про нее больше узнать, спроси у самой, когда вернется.

Леся пришла через несколько часов, и походка у нее была медленной, неровной, неуверенной. Казалось, идет по шаткому настилу и боится поскользнуться. Куталась она в платок, туго наброшенный на плечи, на щеках играл яркий, нездоровый румянец. Она устроилась на койке, повернулась лицом к холодной стене и не проронила ни слова. А утром поднялась снова бодрая, в глазах — смешливые искринки.

— Ну вот, подруженьки, — звонко проговорила, — бог даст, скоро я вас покину.

* Граса — тляпка.

Яна широко раскрыла свои круглые глаза, изумленно уставилась на Лесю.

— Следователь сказал?

— Пока нет, но я сама чувую: к этому дело идет.

— Передашь тогда весточку моему Гнату, — мечтательно протянула Яна, — расскажешь ему, как я его кохала, как в этих стенах сырых только про него одного и думала...

— Обязательно, — охотно пообещала Леся, — если бродит еще твой Гнат по лесам да встречу с ним на узенькой дорожке, то передам, как ты страдала и молилась на него, как на икону... Может, и помилует меня, не прирежет, — неожиданно добавила она.

— Да что ты! — встреपелась Яна. — Мой Гнат не такой...

— Ага, — продолжала иронизировать Леся, — не такой: он девушек не режет, только насилует...

Пока Яна переводила дыхание от возмущения — Гнат ведь для нее, несмотря ни на что, оставался воплощением всех добродетелей, к Лесе подошла новенькая.

— Нам пора познакомиться, — твердо выговаривая согласные, сказала она. — Меня зовут Ганна, Ганна Божко. — И протянула руку.

Она приветливо улыбалась, и Леся подумала, что улыбка этой дивчины к лицу: она немного смягчала бросающееся в глаза высокомерие.

— От и добре. Мое имя ты уже знаешь. — Леся небрежно стиснула ладошку Ганны, отметив, что мягкая она, ухоженная.

— Кстати, откуда у тебя этот выговор? — вдруг поинтересовалась она. — Никак не пойму: ни на Львовщине, ни в Закарпатье так не говорят.

Ганна отвела глаза, неохотно спросила:

— А что, заметно?

— Чувствуется.

— В войну служила в немецком учреждении. Скажи, и в самом деле бывают случаи, когда отсюда выходят?

— Не так уж и редко. Чекисты тут лишних не держат, у них с законностью строго. Вот она, к примеру, точно выйдет. — Леся кивнула на Яну, все еще не пришедшую в себя от возмущения. — Попала сюда по глупости, в том и вся вина ее перед Советами. А за

глупость не судят, за глупость только предупреждают.

— А ты? — Ганна смотрела пристально, изучающе, будто хотела прочесть ответ в глазах, отгадать его еще до того, как будет сказано.

— Со мной сложнее. Думала я, что попалась крепко. И надежду потеряла. Но свет не без добрых людей. Пока человек живет — все надеется...

— Туманно очень, — разочарованно сказала Ганна.

— А яснее и не требуется. Во всяком случае, нам еще с тобой здесь не один день коротать — наговоримся. Если освободят — то не завтра...

И действительно, дни тянулись серые, однообразные — одинаковые. В камере почти всегда стояла тишина. Изредка горестно вздыхала Янина.

Воля давала о себе знать неясными сигналами автомобильных гудков, газетами, которые каждое утро приносили в камеру. Обычно это была «Радянська Україна» — Ганна прочитывала ее от строки до строки и становилась после этого еще сумрачнее. «Неплохо идут у Советов дела», — пробормотала как-то, вычитав, что успешно восстанавливается Киевский университет и трудящиеся столицы с энтузиазмом восстанавливают Крещатик.

— А чего ж, — охотно согласилась Леся. — Они — сила...

— Ты-то чему радуешься?

— Добрый вечер, дивчинонько! — издевательски поджала губки Леся. — Огнем и мечом пройдем по Украине? Так, кажется, мечталось? Дудки! Мне лично нужна родина, а не развалины от нее... Советы восстанавливают Украину — то добре.

— И сами крепнут. — У Ганны в глазах бушевала ярость.

— Народ хоть в себя придет от военного горя.

— И в большевиков поверит.

— А тот народ, для которого они стараются, давно в них верит.

— Большевичка? — Ганна сжала кулачки, аргументов ей больше не хватало.

— Беспартийная я, — откровенно иронизировала Леся. И сурово, зло оборвала спор: — Хватит, злоба должна не слепить, а силы добавлять.

И Ганна подчинилась ей, перестала спорить.

Иногда Леся пела: знала она песен множество, и голос у нее был хороший, ласковый.

Ганна вслушивалась в песню, становилась еще строже.

«Повий, витре, на Вкраину, де покынув я дивчину...» — ласково упрасивала Леся и даже руки поднимала, будто пробовала, не прикоснется ли к ним отзывчивый ветерок. Но в камере воздух стоял без движения, лишь прорывавшиеся мгновениями сквозь окошко лучи солнца выписывали золотой квадрат на полу. Значит, солнышко уже в зените, скоро время обедать... Леся научилась и без часов, по шумам, которыми наполнена тюремная тишина, по краскам кусочка неба за окошком определять безошибочно время.

Она теперь многое знала о Ганне. Общая судьба, длинные дни в заключении их сблизили; и какой бы сдержанной, замкнутой ни была Ганна, она постепенно прониклась к Лесе доверием, кое-что рассказывала о себе.

Может быть, этому способствовало одно обстоятельство, которое помогло Ганне сообразить, почему очутилась здесь эта учительница.

Их дела вел один следователь. И так получилось, что однажды Ганна попала к нему на допрос сразу же после Леси. Следователь был не в настроении, он стоял у окна и торопливо затягивался папирсой. «Садитесь», — махнул он рукой вместо обычного шутивного приветствия: «Поиграем в прятки?»

Ганна присела на грубо сколоченный стул и вдруг увидела: на столе лежит толстая серая папка: «Дело №...» Она наклонилась немного, прочла: «Олеся Чайка (псевдо «Мавка», «Подольянка»), курьер краевого провода». Против слов «Подольянка» и «курьер краевого провода» были поставлены жирные вопросительные знаки. Видимо, следователь сомневался, является ли учительница особой, которой принадлежат эти титулы.

Ганна мгновенно отметила все это в памяти; и когда следователь подошел к столу, по ее лицу нельзя было понять, как взволновали ее две случайно подсмотренные строки. Следователь заметил свою оплошность, торопливо схватил папку, бросил косой взгляд на Ганну — успела ли прочитать? — и положил папку в сейф.

Допрос длился долго, следователь уточнял подробности, детали. Ганна старалась уйти от конкретных

ответов, виляла, путала следователя многословием, подчеркнуто искренними интонациями. В душе она поражалась терпению этого молодого человека, так долго который день подряд задававшего ей одни и те же вопросы. Она все ждала, когда начнутся пытки; ей много говорили и Мудрый и Боркун о «пытках в застенках НКВД», и она боялась, что их слова окажутся правдой. И когда ее вызвали на первый допрос, со злостью спросила:

— Когда начнете избивать?

Следователь с интересом на нее посмотрел и хмыкнул:

— Редкий экземпляр...

Ганну взяли на курьерской тропе. У нее были надежные документы, хорошо сделанные специалистами из службы безпеки* центрального провода, и она благополучно миновала несколько проверок, почти добралась до указанного на инструктаже перед рейсом пункта. Оставалось выйти на прямую связь с человеком, который помог бы ей выполнить задание. Ганна ехала на эту встречу к нему в большой западноукраинский город, среди жителей которого надеялась окончательно раствориться, затеряться.

Пригородный поезд тащился медленно. Вагон, в который попала Ганна, был полупустой, только несколько селян ехали по каким-то своим делам в областной центр да панок из бывших сиротливо жался к окну. Ганна чувствовала себя в безопасности, в Мюнхене ей сказали, что проверка документов в пригородных поездах с некоторых пор — большая редкость. Советы, мол, стараются не раздражать население.

Ганна с острым любопытством, не отрываясь, смотрела в окно вагона: оставались позади поля, перелески, небольшие села с неизменными церквями или костелами на пригорках. Она приподнято размышляла о том, что вот эта ее родная земля, не раз видевшаяся в беспокойных снах на чужбине, станет полем ее славы и величия.

«Украина ждет вас, — торжественно сказал ей на прощанье Степан Мудрый, — земля наших предков спит летаргическим сном, и не волшебники — мы с ва-

* Служба безпеки (СБ) — карательный и разведывательный орган в бандитских формированиях буржуазных националистов.

ми пробудим ее, вдохнем новые силы для великих свершений...»

Мудрый пристально, не мигая, смотрел на Ганну, и она кивнула: да, это так, ей выпала суровая и счастливая доля борьбы.

В Мюнхене остался Мудрый, ждет от нее весточки. Ганна предупредила: первое донесение пойдет лишь после того, как она почувствует себя в полной безопасности. Мудрый одобрил: рисковать перепиской не стоило, каждый такой рейс готовится долго, тщательно, на эмиссара возлагаются особые надежды, и он должен быть застрахован от случайностей. Годами отрабатывались способы подпольной связи, но кто даст гарантию, что донесение придет в определенные руки? Длинный и опасный путь должен проделать грепс от «земель»* до центрального провода, побывать в руках у многих людей, не исключается, что где-то «прилипнет» к этим рукам. Лучше выждать, убедиться в исправности всех звеньев связи.

«Интересно, что бы они подумали, если бы знали, кто я на самом деле?» — эта мысль привела Ганну в хорошее настроение. Она искоса рассматривала случайных попутчиков.

Двое селян устраивались обедать: застелили чехол газетой, достали сыр, домашнюю колбасу, куски жареной курятины. Один из них извлек из кошелки бутылку, налил в кружки водки. Он посмотрел на Ганну и улыбнулся. Ганна тоже улыбнулась понимающе: пейте, добрые люди, никто вас не осудит.

Кружком расположились несколько молодых колхозниц, все веселые, говорливые. Ехали они, судя по разговорам, с какого-то областного совещания свекловодов. Ганна с неприязнью прислушивалась к тому, как они восторгались выступлением какой-то Мотри Одарчук, взявшей по шестьсот центнеров буряка с гектара. У одной, судя по всему, главной среди колхозниц, на блузке поблескивал комсомольский значок. «Эти уже омоскалились, обольшевичились, — раздраженно отметила Ганна. — Новая жизнь им, кажется, пришлась по вкусу».

Бабуся с внучкой сидели в конце вагона. Старая

* «Земли» в лексиконе украинских националистов — Советская Украина.

дремала, а внучка все старалась высунуться в окно, стреляла по сторонам быстрыми любознательными глазенками. На девочке был пионерский галстук.

В вагоне ехали и другие люди — каждый занимался своим делом, не обращая никакого внимания на соседей. Они не казались настороженными, напуганными или озлобленными, как предупреждал Ганну Степан Мудрый. «Украинцы ошеломлены крушением вековых надежд, они замкнулись, ушли в себя перед лицом огромной опасности, ломающей всех вместе и каждого в отдельности», — Мудрый любил изрекать подобные сентенции, которые, по его мнению, обнажали психологические пласты современных настроений.

Вагон мягко покачивало на стыках, поезд часто останавливался на маленьких полустанках, тихих и пустынных, будто дремавших под знойным небом.

Ганна все больше убеждалась, что опасности нет никакой; ей, опытному конспиратору, удалось вроде бы благополучно миновать все ловушки, расставленные чекистами. «Интересно, как они выглядят, эти чекисты?» — подумалось Ганне.

Поезд подходил к большому городу, он деловито погромыхал на стрелках, в окно уже можно было видеть красивое, с башенками здание вокзала. На перроне было мало встречающих, пригородные поезда прибывают без того шума и праздничной суеты, которые характерны для курьерских составов.

Ганна сняла с полки небольшой чемодан и спрыгнула на перрон. Здесь ее арестовали.

Все произошло буднично просто.

Двое молодых людей вдруг встали справа и слева от Ганны, и один из них сказал вполголоса: «Вы арестованы. Пойдите с нами». Ганна сунула руку в карман плащика, но выхватить пистолет не смогла: один из двоих молниеносно перехватил ее руку, сжал пальцы в кулак и стиснул в своей ладони, широкой и сильной.

— Не надо, — сказал он спокойно. — Сопротивление бесполезно.

Второй парень взял ее чемоданчик, и Ганна пошла по средине к небольшой машине.

— Вы ошиблись, — сказала она, стараясь быть спокойной. — Даже не спросили, кто я.

— Мы знаем, кто вы, — уверенно ответил один из молодых людей.

В машине он достал из ее плаща пистолет, положил к себе в карман, ощупал воротничок блузки. «Опытный, ищет ампулу с ядом», — отметила машинально Ганна.

Она прикинула, что если внезапно нажать на ручку дверцы и навалиться на нее всем телом, то, коли повезет, можно свалиться под заднее колесо. И тогда кончится все.

— Не делайте глупостей, — будто разгадав ее мысли, посоветовал чекист, сидевший рядом. — Ничего не выйдет...

Сердце у Ганны тоскливо сжалось. Это был конец ее курьерского рейса, ее борьбы, которой она отдала много лет жизни. Ей хотелось кричать от невыносимой тоски, от жестокой душевной боли, будто тисками сковавшей все ее существо.

Чекисты сидели спокойные, уверенные в себе, и от этого стало еще горше. Если бы они кричали, ломали руки или хотя бы ткнули кулаком... Это помогло бы собраться в тугую пружину, возродило бы волю к сопротивлению.

Но парни в штатском вели себя так, будто каждый день брали кого-нибудь с «той стороны», и работа эта им уже малость приелась. Ни любопытных взглядов, ни поуканий — они делали свое дело сноровисто, без суеты.

И еще Ганну поразило — они говорили на чистом украинском языке, мягко и певуче. А Мудрый утверждал, что все чекисты москали.

— Куда вы меня везете? — с трудом разжав губы, спросила Ганна.

— Увидите...

Спокойствие чекистов действовало на Ганну заволаживающе.

Лишь со временем она с ужасом вспомнила, что не выполнила непреложный, нерушимый закон особо доверенных курьеров: в случае опасности ареста немедленно покончить с собой. Эти двое взяли ее как сопливую девчонку, без труда, без риска.

Все случившееся казалось невероятным, дурным сном.

Уже во время следствия, в камере, когда времени для размышлений было более чем достаточно, Ганна мысленно проанализировала каждый свой шаг на пути

из Мюнхена до украинского города, где оборвался так неожиданно ее курьерский рейс. Она перебрала в памяти все встречи, все явки, которыми пользовалась, припомнила всех людей, с которыми пришлось войти в контакт. Где-то в этой длинной цепи из паролей, явок, конспиративных встреч была расставлена ловушка. Где?..

Ганна не могла найти причину своего провала.

ГЛАВА II

Юлий Макарович с удивлением читал объявление на афишной тумбе у областного Дома народного творчества. Объявление извещало, что в актовом зале педагогического института состоится встреча с кандидатом в депутаты областного Совета М. Ф. Коломийцем, приглашаются все желающие. Методист областного Дома народного творчества Юлий Макарович поправил пенсне и вновь перечитал афишку. Все правильно: избирателей приглашали встретиться именно с М. Ф. Коломийцем, кандидатом в депутаты областного Совета.

— Демократия... — процедил сквозь зубы Юлий Макарович и поспешно оглянулся: не услышал ли кто?

Дело в том, что, как доподлинно было известно Юлию Макаровичу, М. Ф. Коломиец имел звание полковника и являлся начальником областного управления государственной безопасности.

Юлий Макарович решил обязательно пойти на эту встречу: было заманчиво вблизи увидеть и услышать человека, которого он считал в этом городе врагом номер один. Тут читателю следует открыть одну тайну: Юлий Макарович был референтом службы безопасности подпольного краевого провода ОУН. Но об этом знали только два-три его особо доверенных помощника. В карточке же закордонного провода Юлий Макарович числился под псевдо «Бес».

...За пять минут до начала встречи Юлий Макарович появился в актовом зале. Здесь было уже много избирателей, и не составляло особого труда отыскать себе удобное место в задних рядах. Вообще-то Юлий Макарович был личностью неприметной, костюмы выбирал скромных тонов, избегал всего, что могло бы выделить его. Разве только пенсне — старомодное, так

называемое «адвокатское», могло привлечь к нему чье-либо внимание. Однако оно было своего рода свидетельством интеллигентности Юлия Макаровича, так сказать, деятеля на ниве народной культуры. Коллеги Юлия Макаровича по работе привыкли, что он носит сорочки снежной белизны, галстук-«бабочку», что глаза его смотрят из-за стекол пенсне на окружающий мир ласково и отрешенно. Они бы очень удивились, если бы узнали, что у Юлия Макаровича отличное зрение и на явки к своим связникам он приходит в стареньком пальто, в неброской сорочке и без пенсне.

Еще недавно Юлий Макарович считал бы личным оскорблением, если бы к нему обратились по имени-отчеству: звучало бы это «по-восточному». Но с некоторых пор он сам стремился к тому, чтобы быть таким, как ненавистные ему «схидняки». И даже закордонному центру рекомендовал: я для вас для всех — Юлий Макарович, и никто иной...

Юлий Макарович внимательно слушал, как доверенное лицо представляет М. Ф. Коломийца избирателям. Полковник был в военной форме, и Беса это немного удивило. Ему казалось, что чекисты всегда носят штатскую одежду.

Полковник между тем рассказывал о программе, с которой шел к выборам блок коммунистов и беспартийных. Он говорил о том, что крепнут колхозы области, реконструируются цехи самого крупного в городе предприятия — машиностроительного завода, что намечается в городе развернуть жилищное строительство.

Его слушали внимательно, степенно. Чувствовалось, что кандидату в депутаты верят, как верят и Советской власти, которую он представлял на этом собрании.

— Предлагаем вопросы задавать в письменном виде, — сказал председательствующий, когда полковник под аплодисменты сошел с трибуны.

Юлий Макарович поерзал в кресле. О, он бы мог задать начальнику областного управления госбезопасности много вопросов! Жаль, не может этого сделать...

Перед полковником положили целый ворох записок. И пока выступал слесарь машиностроительного завода, рабочие которого выдвинули М. Ф. Коломийца кандидатом в депутаты, полковник прочитал записки, рассортировал их.

Вопросы были разные. В одной записке спрашивали, когда соединят трамвайной линией центр города с рабочим поселком. В другой — почему так трудно разделить ребенка в ясли. Но больше всего вопросов задали о том, как ведется борьба с остатками националистического подполья.

Полковник отвечал на все вопросы основательно.

— Банды буржуазных националистов практически уничтожены, — сказал он, — речь сегодня идет о том, чтобы окончательно выкорчевать этот дурной бурьян.

От слов полковника Юлия Макаровича передернуло, он заерзал в кресле и посмотрел на выход.

— Да не вертитесь вы, — проворчал сосед.

— Простите, — пробормотал Юлий Макарович.

— Однако мы с вами должны понимать, что борьба еще не окончена, — продолжал полковник. — К сожалению, отдельным, глубоко законспирированным группам националистов удалось уцелеть, выжить. Их подпольная деятельность направляется из-за рубежа сборищем предателей и палачей, укrywшихся под вывеской «Центрального провода закордонных частей ОУН». Оуновцы ревностно служат империалистическим разведкам. Выполняя их задания, они стремятся максимально использовать остатки своих сил для шпионажа, диверсий, террора против Украины.

Коломиец рассказал о мерах, которые принимают Компартия и правительство Украины для того, чтобы окончательно очистить леса западных областей от националистических бандитов. Полковник вновь подчеркнул, что почти все банды украинских националистов на территории области уничтожены, их главарь погиб или арестован, а тем бывшим бандеровцам, которые осознали свою вину перед народом, предоставлена возможность заняться мирным трудом.

Для Беса эти слова прозвучали похоронным звоном. Он сжал в кармане рукоять пистолета. Если стрелять навскидку, то можно уложить полковника наповал, а там — будь что будет! Бес ясно представил мгновение тишины после выстрелов, потом волну паники. Уйти, конечно, не удастся... Ну и что же...

Бес мог бы авторитетно подтвердить, что все сказанное кандидатом в депутаты — правда. Бандеровские сотни действительно разгромлены, подполье ликвидировано, только в лесах или городках еще сохранились

одиночки, но и они обречены. Бес знал почему, хотя даже себе боялся в том признаться: побеждала новая жизнь, она наступала стремительно, властно.

Бесу было хорошо видно, как зал неодобрительно зашумел, когда полковник сказал, что кого-то из бандеровцев простили.

— Они нам — пулю, мы им — хлеб-соль? — поднялся пожилой человек, по виду рабочий.

Коломиец переждал шум.

— Не надо крайностей, — рассудительно сказал он. — Чекисты никогда еще хлебом-солью бандитов не привечали. Не об этом речь. О другом. О том, что среди бандеровцев было немало обманутых. И всегда надо отличать, где бандит, а где заблудившийся селянин, которого бандеровцы угрозами и страхом смерти загнали в лес. Борьба с буржуазным национализмом — это борьба классовая. И естественно, у нее много граней. Разве просто иному полуграмотному, не имеющему политического опыта хлопцу разобраться в том, что проповедуют националисты? Ой как непросто! Мне, скажу вам доверительно, — по-доброму улыбнулся полковник, — не раз приходилось «беседовать» с бандеровцами: и бывшими, и такими, кто не раскаялся. Знаете, что поражает? Полное незнание жизни, целей, за которые борется наш народ. Иные так заплутают меж трех сосен, что только диву даешься... Вы, конечно, понимаете, что говорю я не о тех, кто сознательно встал на путь борьбы с Украиной Советской и мечтает об установлении буржуазного строя, о собственных заводах и хуторах, адвокатских конторах и торговых фирмах. С такими у нас и разговор другой. А вот обманутым надо глаза открывать.

— Много ли их? — иронически спросили из зала.

— Они есть, и мы должны это учитывать. Не наша это пословица — «Лес рубят, щепки летят»... Как должны помнить и то, что украинские буржуазные националисты накопили колоссальный опыт демагогии и лжи. Знаете, наверное, что та же ОУН была создана еще в 1929 году под крылышком немецкой разведки.

— Ого! Бандиты со стажем! — Зал чутко реагировал на каждую фразу оратора.

— Вот-вот, очень точно подмечено! А ведь и до той поры существовали десятки националистических организаций. За что они боролись, какие цели перед собой

ставили? У меня есть националистическая газетенка той поры. Вот что в ней провозглашалось...

Полковник извлек из папки небольшую по формату газету, пожелтевшую от времени, нашел нужное место, прочел:

— «Украинский национализм должен быть готовым ко всевозможным способам борьбы с коммунизмом, не исключая массовой физической экстерминации хотя бы и жертвой миллионов человеческих экзистенций...»

Полковник отложил газетку, чуть иронически усмехнулся.

— Не очень понятно, верно? Слова все какие-то замысловатые... Это оттого, — объяснил он тут же, — что желто-голубые добродии всегда были равнодушны к псевдонаучной тарабарщине. А если ее отбросить, как шелуху, то легко увидится бандитский призыв к уничтожению любыми способами миллионов людей. Ибо физическая экстерминация означает физическое уничтожение. Кого? Человеческих экзистенций — человеческих существ.

Полковник внимательно глянул в зал, словно хотел проверить, понятно ли он говорит.

— Впрочем, вспомните недавние события. Все мы знаем, в чем обозе приплелись националистические бандиты на Украину в сорок первом. Соперничали с гитлеровцами в том, кто больше убьет, сожжет, расстреляет... Пусть не надеются, что мы это забудем, у народа крепкая память...

— Помним... — сказали из зала.

Полковник резко и гневно говорил о том, против чего боролся последовательно, неустанно.

— Если вы окажете мне доверие и изберете своим депутатом, то я обещаю, что как ваш представитель и избранник приложу все свои силы для того, чтобы покончить с националистическим бандитизмом. В этом вижу долг коммуниста, долг гражданина!

Раздались аплодисменты. Они шквалом накатились на Беса. Аплодировали все, и Юлий Макарович, всеми силами сдерживая ненависть, тоже похлопал пухлыми ладошками.

— Хочу повторить, — сказал полковник, — что борьба не закончилась. Мне иногда приходится читать издания националистов за рубежом. Эти недобитые бандиты с волчьей тоской вспоминают о тех временах,

когда под защитой гитлеровских автоматов могли терроризировать целые села, устраивать облавы на коммунистов и комсомольцев, чинить еврейские погромы, расстреливать, как они выражаются, москалей и жечь хаты поляков. В одной из записок меня спрашивают: «Кто сегодня поддерживает националистов, есть ли у них союзники?» Отвечу так: у нас, на Украине, националистов ненавидят за горе и жестокие злодеяния. Это святая ненависть. Но «союзники» у националистов есть. Это империалистические разведки, это те, кто мечтает о новом походе против нашей великой страны.

Полковник достал из папки еще один лист бумаги.

— Я прочитаю вам документ, который даже меня, много повидавшего человека, потряс до глубины души. Вот что вспоминает маленькая девочка о налете банды Клея...

Полковник говорил тихо, но его слышали все.

— «Двадцать девятого ноября 1944 года под вечер дома были мой отец, мама, сестра Эмилия и я. К нашей хате подошла группа вооруженных людей. Два бандита вошли в комнату, а остальные остались в сенях. Те, что вошли в комнату, требовали, чтобы отец вышел во двор. Отец вышел в сени, здесь его окружили бандеровцы. Один из них возвратился в хату, выругался и выстрелил из пистолета в голову матери — она упала на пол. В сенях он убил отца. Вернувшись в комнату, он еще раз выстрелил в труп мамы, потом вышел в сени и спросил у бандитов: «И ее убить?» Я потеряла сознание...»

Коломиец закончил чтение. Он стоял на трибуне молча, будто задумался. И люди молчали — тишина эта была как минута молчания в память погибших.

— Хочу спросить... — поднялась в зале женщина. — Ответьте мне, товарищ кандидат в депутаты, что с тем выродком Клеем? А то, может, и сегодня еще землю топчет?

— Клей, к сожалению, ускользнул, — ответил полковник. — Но мы разгромили вооруженное националистическое подполье. Ничто им не помогло: ни оставленное гитлеровцами оружие, ни террор, ни ложь. Они были обречены, потому что пошли против народа.

Бес снова потянулся к пистолету. Он, всегда сдержанный, привыкший с ювелирной точностью взвешивать каждый свой шаг, терял рассудок от бешенства. Огром-

ным усилием воли он все-таки заставил себя сидеть и слушать.

— Вам плохо? — спросил участливо сосед.

— Ничего, пройдет, — выдавил Бес, — знаете, годы не те... сердце пошаливает...

Он даже улыбнулся: бледно, чуть разжав тонкие губы.

ГЛАВА III

Степан Мудрый встретился с одним из руководителей центрального провода, Максимом Боркуном. Встречу назначил Боркун, и Мудрый шел на нее без особого восторга: он пока не представлял, зачем понадобился Боркуну.

Боркун считался в центральном проводе наиболее удачливым автором сложных комбинаций по заброске на «земли» курьеров и агентов. Только несколько высших руководителей знали, что он работает в тесном контакте с иностранными разведывательными службами.

Референт СБ Степан Мудрый, гроза рядовых агентов, по сравнению с ним был мелкой сошкой. Степан признавал свое ничтожество, полную зависимость от Боркуна, завидовал ему, боялся и опасался навлечь на себя его недовольство.

Они могли бы встретиться на службе — для этого Степану надо было подняться этажом выше, миновать «привратника» с двумя пистолетами в карманах и постучать в комнату № 7. Под этим номером значилась приемная Боркуна, в которой постоянно вертелись двое: трое его подручных, носивших звонкие титулы адъютантов и старшин по особо важным поручениям. Из приемной под бдительными взорами «адъютантов» визитер попадал в кабинет: большую, подчеркнуто скромно меблированную комнату. Дубовый стол, шкаф с книгами духовных вождей украинского национализма, на специальной подставке в глиняной чашке — целлофановый мешочек с землей. «Земля родной Украины, — чуть приглушив голос, объяснял Боркун посетителю, попавшему к нему впервые. — Прикоснешься к ней — и чувствуешь, как вливаются в тебя свежие силы».

Боркун, несомненно, знал древнюю легенду об Антее. Но на мифического героя член центрального про-

вода походил мало. Боркун выглядел так, как диктовала переменчивая мода послевоенных лет: высокий, сухощавый, он предпочитал пестрые американские костюмы, клетчатые рубашки, туфли на толстой каучуковой подошве. Его ослепительные галстуки неизменно приводили в восторг молодых националистов, а привычка жевать «гумку» вызывала тихую ярость у представителей старшего поколения украинской «колонии», видевших в жевании резины измену национальным традициям.

У Боркуна было худое, удлиненное лицо, заканчивавшееся узким, клиновидным подбородком, впалые щеки, бесцветные глазки, прятавшиеся под набухшими от бессонницы веками. Густые русые волосы взбиты в высокую прическу. Он любил, будто озябнув, прятать ладони в рукава своих пестрых пиджаков, безвольно и расслабленно опустив плечи.

Боркун мог бы сойти за дельца средней руки, не очень довольного своей коммерцией, или за учителя-неудачника, мечтающего о лучших временах.

На самом деле он был разведчиком высокого класса, опытным мастером закулисной борьбы, умело пользовавшимся против других и интригами, и пистолетами своих «адъютантов».

Нетипичную для деятелей украинского «национального движения» внешность он объяснял необходимостью контактов с представителями «дружественных сил», то есть с иностранными разведчиками, среди которых он должен был выглядеть «своим». Контакты эти были делом прибыльным: так финансировались некоторые операции. Часть средств прилипала к рукам Боркуна. Степан Мудрый при случае и соответствующих обстоятельствах мог бы многое рассказать об этом хапуге, сделавшем головокружительную карьеру: от сотника гитлеровской дивизии СС «Галиция» до одного из руководителей «национального движения». Но такие обстоятельства пока не наступили. И Степан завел на Боркуна специальное досье, которое хранилось в надежном месте. Агенты информировали его о каждом шаге Боркуна. Придет день, и он рассчитается с этим выскочкой сполна за все оскорбления, унижающие честь и достоинство его — заслуженного борца, взявшегося за автомат тогда, когда Боркун еще под стол пешком ходил.

Боркун был на десяток лет моложе Мудрого — мальчишка, дорвавшийся до власти.

По каким-то причинам Боркун не захотел встречаться с Мудрым на службе. Он позвонил и осведомился, что намерен делать Степан сегодня вечером.

— Всегда к вашим услугам, — почтительно ответил Мудрый, понимая, что не из простого любопытства спрашивает его Максим о вечерних планах.

— От и добре, — доброжелательно откликнулся Боркун, будто и не ожидал другого ответа. — А как вы смотрите на то, чтобы вместе поужинать? Нам, старым борцам, необходимо чаще общаться, — назидательно добавил член центрального провода.

— Для меня то большая честь! — с неискренним энтузиазмом поблагодарил за приглашение Мудрый.

Условились встретиться в загородном ресторане «Альпы».

В точно назначенное время Мудрый вошел в ресторан, который находился чуть в стороне от оживленной трассы. Степан хорошо его знал: бывал и раньше. Посетителей здесь обычно немного, и можно было поговорить без опасения, что содержание беседы станет известно заинтересованным лицам.

Метрдотель встретил Мудрого у двери легким поклоном.

— Вам сюда, — указал кивком головы на угловой столик.

— Вы уверены? — чуть насмешливо поинтересовался Мудрый.

— Да, мне кажется, именно о вас говорил герр Крюне.

Крюне была одна из «деловых» фамилий Боркуна.

— Я действительно условился пообедать с герром Крюне в «Альпах», — подтвердил Мудрый.

— О, от старого довоенного ресторана осталось одно лишь название, — добродушно поддержал разговор метрдотель. — Время не обошло стороной и нас. — У него были манеры дипломата в отставке — приветлив, но без малейшего оттенка фамильярности. И слова его должны были означать как раз обратное: несмотря на тяжелые времена, «Альпы» остаются «Альпами» — солидным рестораном для солидных людей.

— Что будете пить? Пиво для начала?

— Пиво, — буркнул Мудрый.

Ему пришлось ждать Боркуна минут пятнадцать. Но он не позволил накопиться раздражению: предстоял серьезный разговор, и нельзя, чтобы эмоции превалировали над разумом.

Мудрый задумался и не заметил, как к столику незаметно подошел Максим.

— Мое шанування*, — Боркун приветливо улыбался, а глаза у него застыли, смотрели холодно и оценивающе.

Мудрый встал, торопливо пожал руку высокому гостю.

Пока официант бесшумно сервировал стол, поговорили о том, о сем: об общих знакомых, второстепенных делах, житейских заботах.

Максим казался оживленным, с неподдельным интересом выслушивал пространные жалобы Мудрого на трудности, с которыми приходится сталкиваться в последнее время при подборе и обучении надежных, идейно убежденных людей.

— Вы правы, — согласился он, — контингент, с которым можно работать, постоянно сужается. Но дело не только в этом.

— А в чем же? — осторожно спросил Мудрый.

— В приверженности к старым методам, в косности, разъедающей нашу систему подготовки кадров...

Мудрый подобострастно кивал. Да, он тоже не раз об этом думал. Длинными тоскливыми ночами лезли в голову разные мысли. Пропало все, сгнуло, развеял злой ветер мечты.

А казалось, цель близка. 30 июня 1941 года Мудрый в числе немногих националистов участвовал в сборище в доме № 10 на львовской площади Рынок. Был тихий вечер, тишина казалась странной после недавних боев. Мудрый сидел в полупустом зале и с волнением слушал, как один из ближайших сподвижников Бандеры, референт по идеологическим вопросам Ярослав Стецько, декламирует «акт провозглашения» Украинской державы.

Голос у Стецька дрожал, в конце чтения «акта» референт сбился на тонкий визг.

Мигали свечи, и было в собрании что-то от траурной церковной церемонии. До сих пор Мудрый помнит

* Мое шанування — мое почтение.

запах сырости, въевшейся в углы зала. И долго еще вспоминались слова третьего пункта «акта»: «Вновь возникшая Украинская держава будет тесно сотрудничать с национал-социалистской Германией, которая под руководством своего вождя Адольфа Гитлера создаст новый порядок в Европе и во всем мире...»

Мудрый подумал с тоской, что с той поры не миновало и десятка лет. Где они, мечты? Впереди пропасть, и есть ли хоть капелька надежды удержаться, не свалиться в нее?

Боркун что-то говорил, и Мудрый усилием воли заставил себя вслушаться в этот поток слов.

Видно, и сам Боркун заметил, что референт СБ без особого внимания относится к его монологу, потому что внезапно замолчал и после паузы сказал резко и чужь презрительно:

— Я знаю, о чем вы думаете. Борьба закончилась полным поражением, вместе с капитуляцией Берлина рухнули и наши надежды, не так ли?

— Ошибаетесь, — стараясь, чтобы ответ прозвучал почтительно, сказал Мудрый. — Действительно, положение у нас не из легких. Поражение Германии привело к тому, что оказалась разрушенной и создававшаяся годами наша система борьбы. Вы не хуже меня знаете, что к окончанию войны перестали существовать наши диверсионные школы, пропагандистские центры, перевалочные базы в Австрии, Германии и некоторых других странах.

— Да, это так, — признал Боркун.

— Вам также известно, что если мы даже имели бы возможность набрать людей, то все равно не смогли бы их одеть, вооружить, кормить...

— Эти прописи я без вас знаю, — чуть раздраженно прервал его Боркун. — Не вам мне рассказывать, что наши сотни снабжались вермахтом.

— Этой базы больше не существует.

— Найдем новую!

— Мне бы ваш оптимизм!

Мудрый позволил себе усомниться в словах Боркуна.

— Джентльмены из английской Интеллидженс сервис и американцы из службы Даллеса пока относятся к нам весьма прохладно...

— В некоторых случаях реклама вредна.

— Верно, бывают и такие связи, о которых не стоит писать в газетах.

— Вот-вот, — кивнул Боркун. — Самое главное, что в нашей борьбе с Советами мы не одиноки. Над Европой подул новые ветры.

— Вы имеете в виду речь Черчилля в Фултоне?

— Не только ее, хотя эта речь — целая вежа в послевоенной истории. Разве не знаменательно, что специальные службы некоторых государств стали выделять даже людей для связи и контактов с нами?

— Об этом вслух не говорят, — приглушил голос Мудрый.

— Не волнуйтесь, здесь нас не услышат. Да, действительно, — задумчиво, будто размышляя вслух, продолжал Боркун, — наши надежды на быстрый успех в вооруженной борьбе потерпели крах. Мы не контролируем события, приходится в этом признаться. По имеющимся сведениям, одиночки там, на украинских «землях», еще продолжают сражаться. Но они обречены.

— Мужество героев не пропадет бесследно, — почтительно сказал Мудрый.

— Безусловно. Но мы реалисты — это безысходное мужество. Самоубийцы выбирают обычно самые высокие мосты, чтобы броситься вниз головой. И никому не придет в голову считать их рекордсменами по прыжкам в воду. В лучшем случае их хоронят в укромном месте и без панихиды.

— Не совсем понимаю вас... Не можем же мы прекратить борьбу!

— И не должны. Но вести ее следует новыми методами, а не уподобляться самоубийцам. Сколько вы послали за последнее время агентов на «земли»? — неожиданно спросил Боркун.

Мудрый замаялся. Даже здесь, в укромном ресторане, он предпочитал не говорить о таких вещах.

— Впрочем, я и без вас знаю, — свысока бросил Боркун. — Ушло у вас пять человек. Двое погибли в перестрелке на границе, двое явились с повинной к Советам, один где-то осел так, что сыскать его невозможно. Короче, воспользовался вашими деньгами и документами, чтобы сбежать от своего прошлого, а заодно и от вас...

— От нас... — тихо поправил Мудрый.

— Не имеет значения. Факт остается фактом: из пяти попыток ни одной удачной. Это сейчас самое важное. Остальное — лирика. А мы с вами — люди дела, не так ли?

Мудрый опустил голову. Боркун болтает о вещах, которые знать ему не положено. Для него была составлена рапортчика: пятеро ушли за кордон, двое погибли смертью героев в схватке на границе, трое приступили к выполнению задания. Боркун должен был передать эту цифирь «друзьям», которые дали деньги на операцию.

Мудрый в минуту раздражения называл свою службу «конюшной». Видно, в «конюшне» завелась «серая лошадка». Придется навести порядок.

— Не вздумайте искать мой источник информации, — словно угадав его мысли, проворчал Боркун. — Отобью охоту...

— Мы с вами не из конкурирующих служб, — примирительно улыбнулся Мудрый. — От вас секретов нет... — Он с ненавистью глянул на прилизанный пробор Боркуна, склонившегося над тарелкой, и испугался: вдруг тот заметил его взгляд?

Официант принес отличный бифштекс. В другое время Мудрый с аппетитом поужинал бы — в этом уютном ресторане отлично готовят. Но проклятый выскочка затронул больное место. Мудрого преследовали в последнее время неудачи: курьеры уходили и не подавали о себе вестей. Или надежные люди сообщали об их провалах. Двое не смогли даже перебраться через кордон. Хорошо, хоть отстреливались, это дало возможность положить на стол руководству реляцию о награждении посмертно мужественных борцов за национальную идею. Ластивка и Вир подняли руки, как только добрались до первой советской погранзаставы. Один курьер — казалось, надежный и проверенный — где-то затерялся в безбрежной стране, наверное, как и предполагает Боркун, забился в какую-нибудь дыру, уничтожил снаряжение и живет себе тихо да мирно.

— В нашем деле без риска невозможно, — хмуро сказал Мудрый.

— Речь идет не о риске, а о полной бесперспективности усилий. — Боркун энергично уничтожал бифштекс: казалось, напряженная беседа только разжигает его

аппетит. — Ну хорошо, пошлем мы еще пятерых... Что это даст? Где гарантия, что они сумеют прорваться на ту сторону и выполнят задание?

— Несколько наших людей возвратились, — напомнил не без гордости Мудрый.

— С чем? — наседал Боркун. — Что они принесли? Байки о тяжелом положении на Украине? Так им никто не верит. Знаете, что сказал наш общий друг майор Стронг, когда я принес отчеты ваших людей? Он посоветовал оставить себе на память — им эта «липа» не требуется.

Мудрый тоскливо смотрел в сторону, старался не встречаться взглядом с Максимом. Вцепился в него, будто он, Мудрый, во всем виноват. А если разобраться, то его люди выполнили задание пусть не лучше, но и не хуже, чем обычно. Они шли по надежным адресам. Разве их вина, что вместо хорошо законспирированных, как значилось в картотеке СБ, очагов подполья они никого не нашли? Один из агентов должен был проинструктировать краевой провод, в распоряжении которого якобы имелись значительные силы. Агент спасся чудом: в день, когда чекисты взяли все руководство провода, он пьянствовал у своей давней приятельницы. Вот уж воистину бог дураков любит. И никакие силы за этим проводом не стояли: сотни давно разгромлены, одиночки затерялись в лесах.

— Я знаю ваши обычные задания курьерам, — серьезно сказал Боркун. — Кое-кто в центральном проводе не может расстаться с мыслью, что УПА на «землях» больше не существует — большевики ее уничтожили. Легенда об УПА живет и еще по одной причине: те, кто нам платит, должны видеть, что мы кое-что можем. Вы, Степан, стойте у истоков специальной информации. Скажите, положив руку на сердце: действительно ли имеются у нас на «землях» какие-то силы?

Мудрый сосредоточенно думал. Что ответить? Правду сказать? Понравится ли она, эта правда, одному из руководителей центрального провода? Да знает он ее хорошо и сам. Выпытывает, вызывает на откровенность...

— Борьба продолжается, — вполголоса сказал Мудрый, — и до тех пор, пока жив хоть один человек...

— Бросьте, — поморщился Боркун, — это вы скажете тем, кого пошлете на Украину. Мне нужен другой ответ.

— Какой? — Мудрый впервые за весь разговор поднял на Боркуна бесцветные глаза. И подумал: «Пусть сделает первый ход. Я ему зачем-то нужен. Я ему, а не он мне».

Боркун недолго помолчал — подошел официант, чтобы сменить приборы. Мудрый хорошо знал, что среди официантов бывает немало агентов различных специальных служб. Мелких доносчиков, получающих «за услуги» жалкие гроши. И ему было известно, насколько цепок взгляд такой «разведсошки» и сколько профессионалов имело неприятности из-за неосторожно оброненного и тут же подхваченного слова.

Не любил Мудрый рестораны и официантов. Еще не любил он горничных в отелях, случайных попутчиков в поездах, одиноких, скучающих девиц в барах.

И сейчас он выждал, пока официант, подхлестнутый выразительным жестом, испарился.

— Так какой ответ вам нужен?

— Я хочу знать, — напористо сказал Боркун, — могу ли я рассчитывать на вас в выполнении одной очень важной операции...

Мудрый был доволен собою. Первая карта легла на стол. И у него есть чем ее покрыть — козыри еще не играли.

— Всегда к вашим услугам, — невразумительно пробормотал он.

— Э-э-э, так мы не договоримся, — хмыкнул пренебрежительно Боркун. — Да или нет?

— Так нельзя.

Мудрый решил немного сбить спесь с этого самоуверенного молодняка. Ишь, развалился в кресле, не хватало только, чтобы на манер своих друзей-американцев еще грохнул ноги на стол.

— Я могу вам сказать «да». Ну и что? Это будет пустой ответ: не зная брода, не привык соваться в воду...

— Очень хорошо, — неожиданно одобрил член центрального провода, — именно такое мнение о вас и сложилось. Осмотрительность, осторожность в нашем деле — прекрасные качества.

Вполголоса, так что и Мудрому было еле слышно, Боркун стал излагать суть поручения. Требовалось подобрать очень квалифицированного агента для рейса на «земли». Не просто курьера. Даже не курьера с чрезвычайными полномочиями. Эта сторона деятельности пусть идет, как шла. Нужен человек, который мог бы надолго осесть на Украине, легализоваться, войти в доверие, даже сделать у Советов карьеру. Короче, стать своим у Советов. Хорошо бы, если бы это был интеллигент — задание требует ума и кругозора.

— Вы меня заинтересовали, — решил перебить Мудрый, — с такими качествами — только в руководство всей сетью... Были бы у меня такие люди — не жаловался бы на судьбу. Вот если потребуется спровести кого на тот свет — так это пожалуйста, есть проверенные кадры.

Мудрый прикидывался простачком. Этаким недалеким чиновником, все мысли которого сосредоточены на выполнении простых поручений. И всякие там «теории» ни к чему таким, как он. Ни к чему...

— Не прибедняйтесь, Степан, — доброжелательно посоветовал Боркун. — Вам это не к лицу. Я ведь вас знаю не первый день.

— А я всерьез.

— Не верится.

— Известно ли вам, что сделать карьеру у Советов — это не у нас в верхи пробиться? Там ни связи, ни гроши не помогают.

Мудрый опять не удержался, больно кольнул Боркуна: все знают, что вылез тот наверх, к руководству организацией, благодаря влиятельным родственникам, их связям и деньгам.

— Найду других, Мудрый, — гневно повел взглядом Боркун. — Можем обойтись и без вас. И тогда...

Он потянулся к сигарете, и Мудрый услужливо поднес зажигалку. Конечно, курит американские. Американские... А сам ли он разрабатывал операцию? Боркун не будет по собственной воле заниматься черной работой. Этому панку на приемах бы красоваться.

— Я не знаю суть операции, — тихо сказал Мудрый. — Пугать меня не надо, — добавил он вяло. — Я давно пуганный — еще Советами, когда в тридцать девятом срочно оставил в первый раз наш славный Львов. И позже...

— Биографию вашу знаем, — кивнул Боркун. — И пугать не собираюсь. Но рекомендую настоятельно: не переосторожничайте. Я позвал вас, чтобы посоветоваться, хотя мог бы просто приказать.

Конечно, мог бы. Но толку от такого приказа было бы чуть.

Людей знает только он, Мудрый. Можно подобрать такого кандидата, что и кордон перейдет, и на «землях» осядет, а операцию провалит, потому что умеет только одно — на спуск автомата нажимать. А тут работа предстоит тонкая...

Официант опять вертится у стола, неймется ему. Ишь, глаз не поднимает, такой равнодушный к разговору, что сразу видно — старается хоть слово поймать. Нет, рестораны эти не место для деловых разговоров. Он, Мудрый, предпочитает по старинке: проверенная квартира, парочка верных хлопцев в передней. И все-таки не Боркуна это затея — точнее, не только его. Что же, надо помочь: когда идет крупная игра, перепадает и крупье.

— Хорошо. Я вам дам такого человека. Но только после того, как узнаю, что ему предстоит. И второе: я должен знать, кто еще, кроме нас с вами, заинтересован в успехе операции.

— Это деловой разговор. Условия принимаются. Суть операции в следующем... Да не вертитесь вы, бога ради, официант — наш человек...

Разговор этот резко повлиял на судьбы нескольких людей.

Еще не представляла, что ей предстоит, Злата Гуляй-вистер — «ученица» Мудрого и племянница редактора недавно созданной националистической газетенки «Зоря» Левка Макивчука.

Строила планы на летние каникулы учительница из небольшого украинского городка Олеся Николаевна Чайка — только несколько человек знали, что была в не очень далеком прошлом Леся Чайка курьером бандитского подполья.

По случайному совпадению в этот же день за сотни километров от Мюнхена, в одной из западных областей СССР, старший лейтенант госбезопасности Малеванный загнал остатки сотни Буй-Тура (он же Ластивка, он же Орлик) в глухое урочище и готовился к атаке...

Буй-Тур понимал, что из этого оврага ему не выбраться. От сотни остались рожки да ножки: сперва наварались на засаду, потом сотню пощипали «ястребки», и, наконец, в нее вцепился со своей группой этот чекист Малеванный. Отчаянное упорство Малеванного известно всем лесовикам, от него не уйти.

Тянулись пятые сутки, как их свинцом гнали по бескрайнему лесу. И негде отсидеться — на хуторах тоже наверняка предупреждены и встретят сотню огнем. Была думка — оторваться от погони и уйти в самую глушь, где и бог не увидит, и черт не достанет. Но разве оторвешься от Малеванного? Идет след в след, огнем пропалывает сотню, осталось уже пятнадцать стрелыцов. А у Малеванного, судя по огню, четыре «дегтяря», и на каждом хуторе к нему то один, то два «ястребка» подсоединяются — всем хочется поскорее покончить с ним, Буй-Туром.

Звонко ударил выстрел, и тут же в ответ ему — пулеметная очередь. Трескучая, будто палкой по штакетнику провела.

Буй-Тур склонился над картой. Прижал все-таки его Малеванный, вцепился в хвост, будто шулика*. За спиной — болото, через него узенькая топкая стежка, известная только охотникам. И конечно, Малеванному, не такой он дурак, чтобы не знать эту тропу, проводники у него из местных. Справа, километрах в пяти, село. Большое село, через него не прорваться. Да и не выберешься из оврага — хлопцы Малеванного обложили остатки сотни с трех сторон, стерегут каждое движение.

А солнце выперлось на горизонт, будто и не думает садиться. До спасительной темноты часа четыре: вполне достаточно, чтобы Малеванный положил в овраге всех пятнадцать.

Ясно было Буй-Туру, что отсюда никуда не уйдешь. Пришло время казаку сложить голову. Погулял — и хватит, смерть не перехитришь.

Его люди, лихие в налетах на беззащитные села, внезапных и жестоких, как удар ножом, в обороне не выдержат, побегут. А куда бежать? В болото... Не от пули погибнут, так в трясине утонут.

* Шулика — коршун.

Буй-Тур прислушался: Малеванный недалеко, даже слышны команды. В полуденном лесу голоса далеко разносятся, и сосны вторят им приглушенным эхом. Позвал сотник адъютанта, которого все звали Щупаком. Пожалуй, один Буй-Тур и знал его настоящее имя — Степан Рымар, бывший студент Львовской политехники.

— Что будем делать, Степане?

Щупак, удивленный необычным обращением — давно никто не звал его по имени, все «друже Щупак» да «друже Щупак», — глянул на сотника.

Буй-Тур был невысоким, сухощавым и крепко сбитым. Стоял, прислонившись к светлому сосновому стволу спиной, затянутой в защитный френч. На голове — мазепинка с трезубом, в память о славных днях, когда вручал ему этот символ УПА сам проводник Рен. «Носи с гордостью, отныне ты рыцарь нашей славной нееньки-Украины», — напутствовал краевой проводник. Нет Рена — обложили чекисты зимой его схрон, не ушел живым.

За пояс френча — широкий, из добротной кожи — заткнуты две немецкие гранаты с длинными деревянными ручками. Такая цацка летит, будто нехотя, кувыркается, а о землю шлепнется — сеет осколками метров на пятнадцать по кругу. В руках у Буй-Тура ПППШ. Почему-то из всех автоматов предпочитал Буй-Тур этот. Хоть он и тяжелее немецкого «шмайссера», зато незаменим в затяжном бою.

Сотник давно не брился, оброс мягкой русой бородкой, низко опустились кончики гайдамацких усов. Усталый, с покрасневшими от бессонницы глазами, выглядел он почти стариком, хотя совсем недавно разменял третий десяток.

— Так какое примем решение?

— Не вырваться нам отсюда, друже сотник, — тоскливо сказал Щупак.

— Это я и сам вижу, — недовольно проворчал Буй-Тур.

Загнали карася в сеть. Осталось погибнуть «героями». Но погибать даже «героями» не хотелось.

Солнце жгло нещадно, и сквозь сукно френча проступил бурными пятнами соленый пот. Буй-Тур потянулся к фляжке и сплюнул: теплый, вонючий самогон казался отравой.

Боевики укрылись за деревьями, за пнями, лежали,

равнодушно поглядывая на склон оврага, по которому пойдут на них в атаку хлопцы Малеванного. И вид у боевиков был угнетенный, даже не матерились, просто упали в густую траву за первым попавшимся укрытием — не все ли равно, за каким пнем голову положить? Не вояки, нет, ждут, чтоб скорее все кончилось.

— Передай по цепи, Шупак, — решил наконец Буй-Тур. — Будем пробиваться через болото.

— Згода, друже сотник.

Шупак, пригнувшись, подошел к одному из боевиков, передал ему приказ, тот повторил соседу. Боевики ожили, задвигались, стали подгонять амуницию, собирать положенные под руку для последнего боя гранаты.

«Лучше уж такое решение, чем никакого, — подумал Буй-Тур. — Из ста шансов нет и одного, что на том конце болота не сидит засада».

— Гей, Буй-Туре! — крикнули сверху, с обрыва.

Это было так неожиданно, что Буй-Тур вдруг откликнулся:

— Слухаю!

— Это я, Малеванный! Прикажи своим хлопцам не стрелять, хочу у тебя кое-что спросить.

— В переговоры з врагами Украины не вступаю! — ответил Буй-Тур.

— Я тоже, — слышно было по голосу, что Малеванный смеется. — Да и на кой бес мне переговоры с тобой? Ты ж не новичок, знаешь, что отсюда, где я, «дегтярями» твоё воинство можно в три минуты успокоить.

— Так чего же тянешь?

— Жалко кровь проливать. — Голос у лейтенанта стал строгим. — И так уж земля наша полита кровью, засеяна горем. Ну да ладно, об этом как-нибудь в другой раз, при лучших обстоятельствах. А сейчас... Вижу, ты через болото решил прорываться...

Буй-Тур ошеломленно молчал. Он теперь убедился окончательно, что оттуда, сверху, Малеванному видно каждое движение его недобитой сотни. Лежат они, как дохлые мухи на стекле, осталось лейтенанту только метелочкой пройтись.

— Хочу посоветовать. — Малеванный вышел из-за дерева и стал над обрывом — весь на виду, полоснуть бы очередью до последнего патрона в диске, а потом будь что будет... — Как старому приятелю хочу дать совет...

Буй-Тур скрипнул зубами. Помнит лейтенант и не простит ему той осенней ночи, когда впервые они встретились.

— А что, зажила рана? — зло спросил сотник.

— Ага! — охотно подтвердил Малеванный. — Ты меня тогда только оглушил: мое счастье, что не было у тебя под рукой ножа...

Лейтенант только начинал в те дни службу в этих краях. Пришел с фронта, после госпиталей, и казалось ему, попал в тишину. И когда пришлось доставить в райцентр схваченного в облаве бандеровца, он совсем мирно сказал: «Поехали, хлопче», — посадил его рядом с собой на бричке. Позади них устроился солдат с трехлинейкой.

Быстро темнело. Они въехали в лесок, когда выглянул из-за тучи молодой рогатый месяц.

Буй-Тур решил бежать. Он видел, что не в пример лейтенанту солдат настороже, не дремлет, но у него трехлинейка: если повезет, с первого раза промажет, а там кустарник, темень...

— Лейтенанте, зупынысь на хвылынку, — попросил Буй-Тур.

— Тпру-у, — тронул вожжи Малеванный. И тоже слез с брички, чтобы размять затекшие от долгого сидения ноги.

Тогда и ударил его Буй-Тур. Двинул зажатым в кулак камнем по затылку, и лейтенант, не вскрикнув, начал оседать на землю. Буй-Тур прыгнул в придорожную канаву и понесся вперед огромными прыжками, рассчитав, что солдат тоже должен спрыгнуть с брички, так как стрелять по нему мешают лошади. Он точно уловил момент выстрела и упал плашмя на землю, пуля только обожгла плечо. А потом — в кусты, через низкорослый подлесок, кто найдет его в лесу ночью? Солдат расстрелял обойму и, чертыхаясь, оглядываясь с опаской на мрачный в ночной темени лес, погрузил лейтенанта на бричку, погнал во всю мочь лошадей.

О чем они говорили тогда, по дороге? Кажется, лейтенант рассказывал, как нравятся ему эти края и что хочет он остаться здесь навсегда.

Об этой «встрече» и напомнил сейчас Малеванный. Он только крикнул Буй-Туру, что с тех пор поумнел, так что пусть не рассчитывает сбежать еще раз.

Люди Буй-Тура прислушивались к их разговору и

время от времени вопросительно поглядывали на своего сотника: что решит. Молодые в большинстве своем хлопцы, они не хотели умирать в разгар солнечного, тихого и ласкового дня. И Буй-Тур уловил эти их мысли, зло, с надрывом выкрикнул Малеванному:

— Где расстреливать будете? — Он потянулся к автомату, чтобы разом закончить этот странный разговор.

— Не делай глупостей, — предостерег лейтенант; ему сверху было хорошо видно, как поднимает Буй-Тур автомат, прислоненный к стволу сосны.

— Не стреляй, друже проводник, — неожиданно сказал и Щупак, — мы не хотим умирать.

— Ты... молчи! Или надеешься, что Советы помилуют? — Буй-Тур хотел было еще что-то добавить злое, но вдруг почувствовал, как уткнулся в спину ствол пистолета.

Щупак решил «ускорить» переговоры.

— Зрада! Хлопцы, бейте по зраднику! — заорал Буй-Тур.

А те поднялись, швыряя подальше от себя автоматы.

По склону шли солдаты Малеванного, шли не торопясь: было ясно, что с бандой покончено.

— Не ожидал от тебя, Степан, — устало сказал Буй-Тур.

— А что делать? — незлобно ответил Щупак. — Жить хочется, друже сотник...

Малеванный подошел к Буй-Туру. Он сильно изменился с той осени, когда видел его бандеровец. Похудел и почернел от жгучего солнца, лесных колючих ветров. Резко выдавались острые скулы на лице, запали глаза. И были они все такими же голубыми и добрыми. Месяцы непрерывного напряжения приучили его к осторожности, к молниеносной реакции на каждое движение врага. Он подошел к Буй-Туру неторопливо и вроде бы без опаски, но проводник видел, каким цепким стал его взгляд, как вздыбились под гимнастеркой мускулы. «От такого уже не сбежать», — подумал проводник.

— Слава героям...* — насмешливо сказал Малеванный.

— Здравия желаю, лейтенант! — в тон ему откликнулся Буй-Тур.

* Лейтенант иронически здоровается с проводником националистическим приветствием.

— И псам, и гончим, и псарям — слава! — добавил Малеванный, и у Буй-Тура на лицо легла злобная гримаса.

Этот лейтенант причислял его, идейного борца за самостийну, к своре псов и палачей, душителей народной воли, которых «восславил» еще великий Тарас.

— Не издевайся, лейтенант. — Сотник безнадежным жестом расстегнул свой широкий кожаный ремень с гранатами, взвесил на руке и собрался швырнуть в кучу амуниции.

— Отставить! — прикрикнул лейтенант. И одному из своих солдат: — Кравчук, возьмите у него гранаты.

Кравчук ловко вывернул из гранат взрыватели. «Да, такого не проведешь», — опять подумал Буй-Тур, секунду назад решивший было умереть геройской и скорой смертью.

Солдаты обыскивали бандитов, и те охотно и облегченно — наконец-то кончился этот изнурительный бег от смерти — подставляли под солдатские ладони карманы, освобождались от ножей и пистолетов. Потом их построили в реденькую колонну и повели по склону к выходу из оврага.

— Пошли и мы, — махнул рукой Буй-Тур лейтенант.

Щупак, как и положено, шел на шаг позади своего сотника — привычка, выработанная двумя годами совместного хождения в лесах.

Солнце наконец покатилося к горизонту, и от сосен легли длинные тени, разлинейли землю. Шел от нее, от земли, густой дух, мешался с резким ароматом трав, красной ягоды земляники, сосновой хвои. Буй-Тур подумал, как он измотался за эти пять дней и что хорошо бы лечь на эту землю и не встать...

ГЛАВА V

Злата Гуляйвитер подошла к небольшому серо-скучному особняку, на котором красовалась новенькая вывеска: «Зоря». Вільна українська газета для українців». Она поднялась по каменным ступенькам к парадному входу.

В прошлом это, очевидно, был типичный «арийский» дом. Над парадным сохранилась дощечка: «Вход толь-

ко для господ». Сбоку от нее белел вьевшийся в стену призыв «Покончить с трусами и паникерами». На специальной подставке был укреплен почтовый ящик, и будто для того, чтобы никто не сомневался, какие газеты получали в этом особняке, на нем виднелась полузатертая надпись: «Фелькишер беобахтер». Рядом ввинчено медное кольцо для собаки, у порожка лежал резиновый коврик.

Злата почувствовала легкое раздражение: дядя несколько дней назад неожиданно стал хозяином этого особняка и уже мог бы избавиться от этого старогохлама. Он позвонил ей сегодня днем: приди да приди, давно не виделись. Злата не любила визиты к родственникам. Начинались охи и ахи, часами длились бесцельные, бессодержательные разговоры. Но сегодня от встречи она не смогла уклониться. Дядя, Левко Макивчук, стал редактором газеты «Зоря» и подготовил ее первый номер. Было решено отметить это незаурядное событие в кругу старых борцов за «вильну соборну Украину».

Злата принадлежала к младшему поколению националистов. Но и ей было уже что вспомнить. Люди осведомленные знали, что в биографии племянницы редактора Златы Гуляйвитер («Веселка») — рейды в сорок третьем году по Львовщине, два «путешествия» по нелегальным тропам в качестве курьера в сорок пятом.

Но известно это было немногим, а Злата старалась, чтобы в ее прошлом кто попал не копался. Для всех она была просто Златой Гуляйвитер, симпатичной дивчиной, увлекавшейся историей, пробовавшей силы в журналистике.

Тетка попросила Злату прийти сегодня пораньше, чтобы подготовиться к приему гостей.

Давно, когда Злата была совсем маленькой, ее отец однажды ушел и не возвратился. Позже она узнала, что был отец курьером, поддерживавшим связь между националистическим центром за кордоном и нелегальной организацией националистов на территории Советской Украины. Отец не вернется — это было ясно. Мать Златы перестала его ждать и сошлась с владельцем ресторана «Подол». Держал ресторацию петлюровец Панас Тихий — удалось ему бежать с Украины не с пустыми руками. Он заставил Злату подавать пиво клиентам, улыбаться толстым, разжиревшим на немецких сосисках таким же, как и он, петлюровцам.

А мама пела им украинские песни, по ночам плакала и много курила — к утру набиралась полная пепельница окурков дешевых сигарет.

Потом она умерла.

Злата пошла к дяде, брату матери, Левку Степановичу, и сказала:

— Возьмите меня из ресторации. А то и я умру, как матуся.

— Прокляти петлюры, — злобно сказал Левко Степанович, — замордували дытынку!

Он был сторонником гетмана Скоропадского, с Украины сбежал еще в 1918 году в одном жупане и теперь бедствовал, обивал пороги более удачливых земляков. Но Злату приютил, одел, подкормил и послал учиться.

С годами дела у него пошли лучше, он стал пописывать в газетки и еженедельники, издававшиеся националистической эмиграцией, собрался с духом и высидел за облезлым письменным столом книжку: «Мы в майбутний Европи», в которой поделился своими мыслями о будущем украинских национальных идей. Это будущее, по Макивчуку, зиждилось на двух китах: союзе с германским национал-социализмом и единении всех «здоровых украинских сил», осевших в Праге, Вене, Берлине и других столицах и, к сожалению автора, раздираемых противоречиями и ссорами.

Брошюрка Макивчука являла собою смесь полубезумных идей, в большинстве своем надерганных из речей Гитлера, Розенберга и других нацистов. Весьма свободно оперируя некоторыми историческими фактами, пан Макивчук пришел к неожиданному выводу, что Киев когда-то был центром варяжского государства. И поэтому у украинцев ярко выражены «нордические» черты, что ставит их в особое положение по отношению к великороссам.

Сделал пан Макивчук и ряд других ошеломляющих исторических открытий. В частности, он пришел к выводу, что Крым является германской территорией, так как там якобы еще в XVI веке жили последние готы. И будет разумно, писал Макивчук, именовать в связи с этим Крым Готенландом.

За такое «открытие» единомышленники пообещали придушить Левка Макивчука в темном углу — даже им подтасовка фактов показалась подлой: Левко оптом и в розницу торговал украинскими территориями.

Разделавшись с прошлым, взялся Макивчук за планировку будущего. Украина станет великим союзником национал-социалистской Германии, утверждал он, в ее движении на Восток. Она даст рейху уголь и хлеб, мясо и руду, фрукты и сталь; она примет всех, кто захочет очистить от москалей ее просторы. Надо только дать ей возможность получить «самостоятельность» и искоренить еврейско-большевистское влияние. А для этого запретить на Украине русский язык и поощрять всеми мерами пропаганду немецкого языка и арийской культуры. Рецепты были нехитрые, и все знали, где Левко Макивчук их позаимствовал.

Словом, пан Макивчук брал свое, что называется, с ходу: нацисты не могли не оценить его «эрудицию и широту взглядов».

И они оценили. Герр Макивчук был приглашен в ведомство Розенберга и удостоился официальной похвалы, а также материальной поддержки, дабы мог продолжать свои научные изыскания.

Итак, книгу заметили — и Макивчук пошел в гору. Скоро о нем заговорили как о «ведущем национальном публицисте».

Когда Злате исполнилось восемнадцать, Левко Степанович открыл ей тайну исчезновения отца. Он сказал, что во время рейса на Украину отец Златы был схвачен советскими пограничниками. Очевидно, его сослали в лагерь — там и погиб.

— Я б не сказал, что отец твой был прекрасным человеком, но он остался в нашей памяти мужественным борцом, — такими словами закончил свой печальный рассказ Левко Степанович.

Жена его, Евгения, вытерла сухие глаза квитчатым рушником. На добродушно, заплывшем жиром лице ее не было видно горя. О, она б многое могла рассказать Злате о ее татусе. Если грабители с большой дороги — борцы, тогда, конечно, вечная им память. Разве не Гуляйвитер обирал до исподнего своих же земляков, когда очутились после бегства с Украины в лагерях репатриантов? Сотник Гуляйвитер — упокой, господи, его душу! — добросердечием не отличался, жену свою и ту стегал канчуком. За что только она сохла по такому волощюге? Злодий, одним словом, его еще до семнадцатого года из университета святого Владимира выперли, так он в писарчуки подался, а при Центральной раде

выбился в люди, стал старшиной. Но и храбрый был, этого не отнимешь. И здесь, на чужбине, семье не дал с голоду помереть, еще и Левка поддержал. А когда спрашивала Евгения, откуда у него деньги, смеялся:

— Ветер принес, я ему брат, недаром меня зовут Гуляйвитром. Бери и не интересуйся, в наши дни любопытных не любят.

Брала и не расспрашивала больше.

Многое могла бы рассказать Злате тетка Евгения, но научилась за долгие годы на чужбине молчать. Не хочет Левко, чтобы дивчинка всю правду знала, значит, так надо, ему виднее, он умный, а она как была поповской дочкой, так и осталась, хоть и занесло ее от родного села в тридевятое царство, тридесятое государство.

Толстая, добрая тетка Евгения и на чужой земле пыталась жить так, как учила ее матушка: варила варенье, истово била поклоны перед иконами, обвешивала каждое временное пристанище рушниками, подавала на стол своему Левку вареники и галушки.

Воспитателем Златы стал Левко Степанович. Он к тому времени уже красовался в президиумах националистических сборищ, кого-то представлял и кому-то сочинял манифесты. Принципиально ходил в вышитой белой сорочке (Евгения вышила крестиком) и даже пальтецо пошил на манер жупана. В доме у него говорили только на украинском («Нельзя забывать родной язык, скоро, скоро возвратимся на святую землю»).

Шаг за шагом, день за днем втолковывал он Злате догматы националистической веры. И в пятнадцать Злата в веночке с лентами, в национальном костюме преподносила хлеб-соль почетным гостям на всевозможных собраниях. Гости были немцами, и поэтому Злата начинала приветствовать их на украинском, а заканчивала на немецком.

Оказывали ей эту высокую честь за красоту и ум. Недаром один из лидеров эмиграции, обращаясь к высокому гостю, сказал:

— Хотите знать, как выглядит Украина? Посмотрите на эту девочку. Такая же нежная и гордая. Красивая и не знающая истинной цены своей красоте. Такая же молодая и еще не сказавшая свое главное слово в истории.

Получился маленький спич, в ответ на который гость доброжелательно похлопал пухлыми ладошками и подарил Злате коробку эрзац-конфет.

А Злата запомнила, что она красивая и не сказала еще своего слова.

У Левка Степановича были собраны основные труды идеологов национализма. На книжных полках жались друг к другу Донцов, Грушевский, Петлюра, «теоретики» более поздних времен. Злата читала эти творения запоем, отрываясь только для того, чтобы помечтать об Украине, которую она пока не знала — родилась ведь в Германии. И виделась ей великая страна, прекрасная, как сказка, закованная в большевистские цепи, которые порвет новое поколение украинцев в союзе с Адольфом Гитлером. Так, во всяком случае, говорил ей дядя Левко.

Иногда Украина представлялась ей спящей красавицей, у которой были ее, Златы, черты лица.

Дядя заставлял ее читать и другие книги — советских писателей, тщательно обсуждая потом каждую из них. Он, судя по всему, стремился к тому, чтобы Злата знала то же, что и ее ровесницы там, на Советской Украине. Она, когда понадобится, ничем не должна будет отличаться от них.

Левко Степанович воспитывал всеми доступными ему способами у любимой племянницы и ненависть ко всему советскому, и Злата не подозревала, что специальная подготовка ее началась задолго до курса разведывательной школы, который ей еще предстояло одолеть, как не могла предположить, что шановный добродий Левко Макивчук давно состоял на службе у гитлеровцев, был профессиональным разведчиком. Левко Степанович неумоимо готовил себе смену. Он надеялся, что когда-нибудь его племянница станет «звездой» в одной из двух разведок, которым он служил — и за страх, и за деньги, — в службе безопасности ОУН или в гитлеровской.

...Злата поднялась по ступенькам к массивной, из темного дуба двери. Нажала на пуговку звонка и только тогда сообразила, что пришла на новоселье без подарка.

Открыла тетка Евгения, и Злата извинилась: «Любятю, подарок за мною, звяняйте глупе дивча».

Тетка расцеловала ее в обе щеки, тут же простила и повела показывать свои новые хоромы.

В передней у журнального столика развалились в креслах два хлопца в одинаковых твидовых пиджаках.

У хлопцев были невыразительные, сонные лица и оттопыренные карманы пиджаков.

— Кто такая? — бесцеремонно спросил один из них у тети Евгении, ткнув пальцем в сторону Златы.

— Племянница, — торопливо объяснила тетка.

— Ага, — хлопцы посовались в креслах, снова задремали.

«Будут высокие гости, — отметила Злата. — Всегда, когда появляются телохранители, вскоре приходит кто-то из членов провода».

Из кабинета вышел Левко Степанович, еще в домашнем халате и шлепанцах на босу ногу, но уже весь благоухающий, чисто выбритый, в прекрасном настроении. Он тоже по-родственному обнял Злату.

— Пропустили тебя мои орлы? — не без гордости спросил он. И объяснил: — Свободную украинскую газету надо охранять. Такова реальность этих тяжелых послевоенных лет, когда большевики проникли во все уголки Европы.

«Дело не в высоких гостях, — подумала Злата, — а в том, что газету надо действительно охранять. В лагерях перемещенных лиц немало тех, кого можно смело назвать «красными». Рвутся к Советам, пишут заявки... Вряд ли им понравится выход первого номера «Зори». И дядя поступил мудро, позаботившись об охране».

— Кстати, дядя, чем сидеть им без дела, приказал бы соскоблить немецкие надписи у входа — сейчас никому они не нужны, — посоветовала деловито Злата.

— Остались от старого хозяина. Был он какой-то шишкой в министерстве пропаганды у Риббентропа, сейчас переживает бурю в укомном месте. А особняк у него мы взяли в аренду со всем имуществом.

— Кто «мы»?

— Те, кто является издателями газеты, — уклонился от ответа Левко Степанович.

Евгения показывала племяннице особняк.

Первый этаж отвели под редакцию, на втором, куда вела крутая лестница, разместился редактор. Временно, объяснил Левко Степанович, пока не подыщет для жилья что-нибудь более подходящее. Но, судя по всему, Макивчуки устраивались здесь надолго и не собирались брать бесплатную квартиру — в том, что за аренду особняка платит не Левко Степанович, Злата не сомневалась.

Они прошли в парадную гостиную — большую квадратную комнату, где стояли массивные кожаные кресла и пыльные чучела на очень старых шкафах. Солидно выстроились на полках старинные фолианты в кожаных переплетах с золотым тиснением, пристроились к ним пестрые («доступно для каждого арийца») издания геббельсовского пошиба. Несколько полок Левко Степанович уже освободил для «своей» литературы — у него была солидная коллекция националистических творений. По большей части это были дешевенькие публикации с неизменным трезубом, с благодарностями на титульных листах глубокочтимым меценатам, стараниями и коштами которых произведение увидело свет. На видном месте красовались брошюры, сочиненные Левком Степановичем.

Когда-то в гостиной на одной из стен чинным рядом расположились портреты предков владельца особняка. Сейчас они уступили место идеологам и вождям национализма. Эти портреты были меньше по размеру прежних, и вокруг них, как нимб, сверкали квадраты невыцветших обоев. На каждый портрет, как на икону, тетка Евгения набросила рушник.

На стенах висело также множество вышивок под стеклами в аккуратных дубовых рамочках.

Были здесь и вышитые мешочки для газет и сигар с аккуратными надписями «Для газет», «Для сигарет» — причудливой колючей строкой тянулись готические буквы.

Здесь накрывали стол для гостей.

Из гостиной шел неширокий коридор — двери справа и слева. Там были служебные комнаты редакции: с пишущими машинками, набросанными тут и там гранками, комплектами корректуры.

Еще на первом этаже был небольшой рабочий кабинет редактора — простой стол, кресло, полки для книг. В кабинете Левко Степанович хранил наиболее дорогие его сердцу вещи. В углу стоял суковатый посох — спутник его студенческих хождений «в народ». С этим посохом Левко Степанович, по его словам, исходил всю Украину. Злата так и не могла понять, когда успел он это сделать, — ведь дядько сразу после окончания учительской семинарии в Нежине стал управляющим имением в тех самых Мазепинцах, где подрастала на церковных хлебах юная поповна Евгения, покоровшая вско-

ре молодого управляющего пышными своими формами и неплохим приданым.

Единственный портрет украшал кабинет — на его обитателя печально смотрел Тарас Шевченко.

Портрет был изготовлен во времена Центральной рады — великого Кобзаря богомазы-самостийники нарядили в вышитую сорочку и соломенный брыль, отчего он неожиданно стал похож на деревенского пасечника. Злата не раз говорила дяде, что не таким она представляет поэта, но тот и слушать не хотел — этот портрет, как он говорил, напоминал ему о бурной юности.

Конечно же, в этом кабинете находились и награды Левка Степановича: «Золотой крест», «Серебряный крест» и какая-то немецкая медаль, название которой Злата не знала. «Золотой» и «Серебряный» кресты Макивчук получил за особые заслуги перед ОУН, медаль ему вручили немцы в бытность господина редактора бургомистром в одном из местечек Подолии. О тех временах Левко Степанович обычно вспоминал неохотно. Ему тогда только чудом удалось выскользнуть из рук партизан. «Кошмарными» называл он и дни, когда вместе с немцами спешно покидал Украину.

Еще в кабинете в специальном сундучке находилась парадная форма сына Макивчуков — Олеса, погибшего в рядах дивизии СС «Галиция».

На осмотр второго этажа не осталось времени — гости вот-вот придут. Но Злата и так знала, что там, в спальне, горой вздыбились пуховики, прикрытые немецкими голубыми накидками, что тетка, конечно, без меры все застелила дешевыми, ярчайших цветов ковриками, а на подоконниках — милая ее сердцу герань в глиняных горшках.

Тетка Евгения позвала Злату на кухню — такую же аккуратную и унылую, как и весь особняк.

Тетке Евгении помогли готовиться к парадному ужину две молоденькие девушки из редакции — не то машинистки, не то курьеры. Они сноровисто и умело раздвигали хлеб и ветчину под крохотные бутерброды, перетирали фужеры и тарелки.

Злата хотела было сказать, что из этого особняка так и прет арийским духом, а немецко-украинский стиль его интерьера может быть воспринят кое-кем как намек, но передумала. Тетка все равно не поймет, а Левко Степанович со временем сам наведет порядок.

Она познакомилась с девушками: Галя и Стефа служили в редакции машинистками. Они были счастливы, что могут приносить пользу национальному делу и наконец-то имеют постоянную работу.

— А где работаете вы? — поинтересовалась Стефа.

— Учусь, — ответила Злата.

И это была почти правда. Злата действительно училась в специальной школе ОУН, готовилась к выполнению своего «высшего национального долга» — к борьбе с «большевиками и москалями».

Одному очень близкому человеку Злата как-то сказала, что видит в том смысл жизни.

— А что они тебе сделали, большевики и москаль?

— Отняли родину.

— А была ли она у тебя, родина?

Близкий человек отличался неуживчивым и колючим характером. К националистам прибилась случайно — побоялся после войны возвращаться на Украину, откуда вывезли его в сорок третьем фашисты в качестве «рабочей силы». Поверил националистам, а потом почти открыто жалел об этом.

— Не оскорбляй! — Когда Злата сердилась, глаза у нее выцветали от ярости.

— Мы сами себя лишили родины...

Злата донесла на близкого ей человека в службу безопасности.

Гости собрались, когда часы в гостиной пробили восемь.

Приходили по одному. Хлопцы из СБ принимали у них пальто и шляпы. Встречал гостей лично редактор Макивчук.

— Степан, дорогой! Какое счастье видеть тебя! — с неподдельным восторгом обнял он Мудрого.

Степан искоса глянул на охранников, недовольно проворчал: «Пистолы похвойте, видно...» Это были его люди, и сюда он пришел не только, чтобы провести вечер в кругу близких соратников, но и проверить, все ли в порядке в только что прорезавшемся «голосе вильных украинцев».

Пришел Боркун. Он доброжелательно поздоровался с Мудрым, подчеркнул:

— И вы завитали? Радый...

— Хлопцы! Помогите же уважаемому гостю снять пальто, — подкатился к нему Левко Степанович. Кажется, он светился от радости.

Появилось несколько сотрудников редакции. И Мудрый и Боркун их хорошо знали, сами рекомендовали в штат. Точнее, подобрали этот штат, а потом уже редактора, которому сказали: «Вот ваши сотрудники, делайте с ними газету». Впрочем, в немногочисленной украинской колонии все знали друг друга. И не только в лицо, а до мелких деталей официальных биографий, до привычек и странностей.

Гости вели себя чинно, степенно обменивались приветствиями, вежливо уступали дорогу у двери в гостиную. Так же чинно вели себя в свое время их родители, собираясь на день именин или иное торжество в далекие дореволюционные дни в местечках, на той далекой, старой, доброй Украине, где служили управляющими, директорами гимназий, владели хуторами и сахарными заводами.

Как Евгения перенесла в «арийский» особняк герань и вышитые полотенца, так и они цепко сохранили и берегли традиции старого мира, вывезенные десятки лет назад с украинской земли.

Они любили вышитые сорочки и жупаны, по воскресеньям — вареники вместо сосисок, тщательно берегли те немногочисленные реликвии, которые удалось прихватить с собой и которые подчеркивали их принадлежность к неньке-Украине.

Но больше всего на свете они любили воспоминания: о беззаботных днях на отцовских вишневых хуторах, о Львове и Киеве — прекрасных городах, где многие из них обучались наукам, о встречах с «корифеями украинской национальной мысли» и своей неустанной работе на ниве пробуждения национального сознания.

Еще недавно многие из них с гордостью называли имена «друзей» из высших сфер «третьего рейха». Теперь же эти имена были запрятаны в самые дальние тайники памяти. Было бы дурным тоном вспомнить тому же Мудрому о внимании к нему Эрвина Штольца, заместителя начальника абвера II (диверсии и саботаж).

Не могли быть темой для общих разговоров и проблемы нынешнего состояния националистической организации. Это была высокая политика, определявшаяся «лидерами».

Здесь собрался узкий круг людей, притершихся друг к другу, но никогда и никому не доверявших — даже самым близким.

И был среди гостей Макивчука странный человек — Щусь. Так его все и звали — Щусь, хотя вряд ли кто стал бы утверждать, что это подлинная фамилия. Щуся редко видели трезвым и никогда не встречали пьяным. Вот уже несколько месяцев он вливал в себя дозы спиртного, презирая трезвых, но не переступая черту, за которой белая горячка. Под глазами у него темнели круги, глаза были воспаленные, над ними нависли тяжелые, набухшие веки. Как и всякий подвыпивший человек, Щусь говорил громко и резко, бесцеремонно вмешиваясь в чужие споры. Его не очень любили приглашать на вечеринки и торжества, он же, нимало не смущаясь, приходил сам, прослышав, что где-то есть выпивка и люди.

Шепотом рассказывали, что стал таким Щусь после того, как пришлось ему в Жешувском воеводстве Польши истреблять семьи украинцев, отказавшихся поддерживать бандеровцев. Не так давно Щусь курьером ходил на «земли» и возвратился вконец издерганным, и на какое-то время странно присмирившим. Пить стал еще больше.

— Панове, — влез Щусь в разговор гостей, чинно рассуждавших о том, как рубят под корень большевики основы украинского самосознания, — чепуху вы несете, звяняйте.

— То есть как это чепуху? — возмутился Левко Степанович.

— На Украине никогда не делалось столько, сколько сейчас, для развития языка, литературы, науки, культуры. У них куса хлеба не хватает часто, а книги миллионными тиражами издают. Саи в землянках живут, а школы строят. И какие школы!

— Опять хватил лишнего, — пробормотал себе под нос Макивчук.

Щусь услышал, подошел вплотную к редактору, погрозил пальцем:

— Ох, Левко, плохо ты кончишь! Свои же, как теля на веревочке, прирежут...

Назревал скандал, и Макивчук поспешил потушить его, сунув Щусю чарку с водкой. Щусь, когда выпивал, становился покладистее.

Ждали Крука. Это был один из приближенных вождя ОУН, его правая рука. Крук стоял у истоков высокой политики, он определял вместе с несколькими лицами эту политику и разрабатывал практические шаги для ее осуществления.

Крук вошел в силу недавно, когда вместе с поражением фашистских союзников упали на израненную войной землю и черно-красные знамена УПА. Он был из тех, кто любой ценой решил поднять их снова, если надо — перекрасить, отмыть от крови и грязи, но развернуть для нового похода, ибо союзники ОУН могут меняться, но конечная цель — борьба с большевизмом — никогда.

Лидер был из «молодых». Не из тех, кто обрел пристанище в Германии еще в двадцатые годы, после победы Советской власти на Украине, а из так называемой новой эмиграции, то есть из тех, кто бежал с Украины вместе с гитлеровцами.

Злата благоговела перед ним. Это была реальная надежда — не на старцев, упивающихся прошлыми заслугами, а на энергичного, сильного человека, думающего о будущем.

Ей казалось не случайным, что Крук, как и Степан Бандера, происходил из семьи священника, что он вступил в националистскую организацию, как и Бандера, совсем юным и при случае мог вспомнить о своих встречах с «великим Степаном».

Ожидание высокого гостя наложило свой отпечаток на начало званого вечера — никто не садился за стол, беседа велась вполголоса, охранники особняка крутились у входа.

Крук пришел минута в минуту в обещанное время, демонстрируя верность новому стилю руководства — деловому, энергичному.

Стефа преподнесла ему букетик ромашки. Он, в свою очередь, передал их хозяйке:

— Щиро вдячний за запрошення...

Поздоровался со всеми дружелюбно, как равный с равными, и гости Макивчука откликнулись на приветствие угодливыми улыбками.

Левко Степанович от оказанной ему чести немного растерялся, и прийти в себя ему помог чувствительный — локтем в бок — пинок Евгении.

— Прошу до столу! — с обретенным энтузиазмом пригласил редактор «Зори».

Вечер этот запомнился Злате присутствием кумира — Петра Крука.

Вот он взял первый номер «Зори» — Левко Степанович раздал еще пахнувшие типографской краской экземпляры газеты всем гостям сразу же после появления Крука. Просмотрел бегло первую полосу, развернул. Одобрительно кивнул, задержавшись взглядом на рубрике «Вісті з України». Так же одобрил другую рубрику: «Вспоминают ветераны». Посерьезнел, прочитав заголовок «подвала» «Рух і час»*.

— Это надо будет внимательно изучить, — сказал Макивчуку. — Ваш материал?

— Да, я имел счастье готовить для номера основополагающую статью. — Левко Степанович, как преданный пёс, заглядывал в глаза Круку.

— А кто из руководства просматривал рукопись?

Макивчук ответил, и Крук опять удовлетворенно кивнул. Он поинтересовался источниками информации, которыми намерен пользоваться редактор, посоветовал шире распространять любыми путями газету в лагерях для перемещенных лиц: «Там наши резервы. Я сейчас не говорю о доставке «Зори» на Украину — то специальна розмова...» Посетовал, что номер неважно иллюстрирован: оно и понятно, фотографии с места событий сейчас получить не удастся.

Еще раз полюбовался «Зорей» и сердечно поздравил Макивчука, сотрудников редакции и всех присутствующих с «вызначною подією»**.

— Наша «Зоря» станет для миллионов украинцев ласточкой свободы... — И положил газету на стол. — Напомните, чтобы не забыл взять с собой, ночью поработать над номером.

Макивчук кивал, кивал...

— Ваши рекомендации помогут обрести «Зоре» сильные крылья! Она действительно будет ласточкой воли, и к ее голосу прислушается каждый, кому дорого будущее...

Редактор в суете поздравлений как-то позабыл, что «Зоря» его отпечатана тиражом лишь в несколько сот экземпляров. Они пока лежат в редакционных кабинетах; неизвестно, куда и кому их направлять. Конечно,

* «Рух і час» — «Движение и время».

** «Визначна подія» — большое событие.

часть тиража отправят специальными каналами на Украину, но вряд ли удастся их туда доставить. А здесь число подписчиков исчисляется пока десятками...

Где-то в перерыве между немецким протертым супчиком и украинскими варениками Крук обратил внимание на Злату. Он слышал о девушке как об отчаянно смелом и до конца преданном ОУН курьере, готовом к выполнению самых сложных поручений. Мудрый говорил, что у этой девицы природная хватка отшлифована месяцами упорной подготовки. И Крук тоже отметил холодный взгляд голубых глаз — трезвый и оценивающий, и уверенность, с которой держалась девушка в этой пестрой компании. «Красивая, — подумал Крук, — надо будет проследить, чтобы эсбековцы не слопали этот лакомый кусочек раньше времени». Ему было известно, что в СБ хлопцы проворные, обучают не только специальным предметам...

Злата встретила взгляд Крука открыто и прямо. Она была в простенькой белой блузке, хорошо оттенявшей смуглую кожу лица. Голубые глаза ее непроницаемы — так смотрят на бьющих поклоны святые на иконах. Наверное, таких, как она, поэты сравнивали с гибкими, стройными тополями. Девушка уложила пшеничные косы золотой короной, пристроила на короне цветок ромашки, и Крук ясно увидел ее в разливе пшеницы под голубым небом, а вдали — отцовский хутор тонет в садах. Круку стало тоскливо, захотелось вернуться в детство, пройти сквозь почудившееся пшеничное море босиком по мягкой пыли степной дороги, приветливо помахать рукой красавице жнице...

Но этого уже не могло быть: детство давно миновало. Крук выбрал минутку, поманил Злату. Она подошла так, будто давно ждала, когда ее позовут.

— Давно не виделись, — сказал Крук.

— Сто пятьдесят шесть дней.

— Считала? — обрадовался Крук.

— Сто пятьдесят шесть дней назад вы приезжали к нам на курсы.

— А... помню, был Праздник оружия.

— Да.

— А я сейчас увидел тебя там... на нашей родине...

Злата ничего не сказала в ответ. Что же, если руководство пошлет ее на Украину, она готова выполнить приказ.

— Не скрою от тебя, что связи с «землями» оборваны, курьеры не могут туда пробиться.

Ответить, что это ей известно? Но такие вещи не положено знать рядовому члену ОУН. И опять Злата промолчала.

Крук оценил это. «Вдобавок и умненькая», — отметил он. Крук не любил красивых девиц: по его убеждению, они обычно не отличались широтой ума. Эта была исключением. Мудрый и Боркун рекомендуют ее для новой операции. Что же, пусть пройдет проверку — посмотрим.

Таково было правило: самые верные перед новым поручением все равно подвергались проверке. Какие связи появились за последнее время? Что за контакты?

В гостиной стоял разноголосый гомон. После нескольких добрячих чарок исчезла сковывавшая всех степенность. И даже хлопцы, охранявшие особняк, смотрели не так хмуро: перед ними на подносе тоже стояли чарки.

Раздался переливчатый женский смех. Запрокинув голову, смеялась Галя-машинистка; один из сотрудников редакции что-то нашептывал ей, поглаживая оголенную коленку.

Боркун увел в дальний угол Стефу, что-то ей втолковывая. «Наверное, уговаривает», — безразлично подумал Крук. Так называемые «нравственные» качества соратников не особенно его интересовали. Они жертвуют достатком и жизнью в борьбе, не получая взамен ничего, кроме призрачных надежд. Неудивительно, что иногда хотят развлечься. Такое обоснование Крук придумал давно и придерживался его, к удовольствию подручных: приятно было грешить на идейной основе.

Стефа согласно кивнула Боркуну. «Недолго сопротивлялась», — иронически отметил Крук. У Стефы был обещающий взгляд и томная походка.

Немного осоловевший Левко Степанович разглагольствовал в кругу друзей «о перспективах», рассчитывая, что его рассуждения слышны и Круку. «Орет, как на ярмарке, — поморщился Крук, — не редактор, а сорочинская тетка Параска». Гоголя он не любил (омоскалил-ся), но почитал за яркий язык.

Крук перевел взгляд на Злату.

— В ближайшие дни мы встретимся, — сказал.

И выждал: как отреагирует?

— Предстоит важное дело. Готовы ли?

— Да, — без колебаний ответила Злата.

— Мне нравится ваша решительность. Но ее одной мало. То, что следует сделать, под силу не просто волевым — умным людям.

— Я не из дурочек, — сказала Злата и чуть покраснела: не будут ли приняты ее слова как пустая похвальба.

— Хорошо, что вы верите в свои силы...

— На Украине сегодня неспокойно, — сквозь гул голосов прорывался фальцет Левка Степановича, — украинец мучительно размышляет над местом своей державы в Европе. Украина, всегда бывшая мостом между цивилизованным Западом и дикой Азией, не может привыкнуть к большевистскому аркану...

«Мост... аркан...» Крук морщился: господа публицисты не могут без сравнений. Да и что он знает про Украину, этот «редактор»? Но других людей нет, и в этом трагедия. Смешно верить, что такие Макивчуки способны изменить судьбу многомиллионного народа. Но если не верить, что останется? Лучше борьба без веры в успех, чем прекраснодушная вера без борьбы...

ГЛАВА VI

— Помогите нам, Марк Иванович, — попросил полковник Коломиец.

Буй-Тур хмыкнул насмешливо. Чем может помочь он, бывший сотник бывшей УПА, чекистам? Загнали его в ловушку, скрутили, теперь третий месяц ведут беседы. Где? Что? Когда? Всего выпотрошили, все выспросили.

Пришлось вспоминать Буй-Туру свой жизненный шлях от первого шага до оврага, в который скатился он под огнем хлопцев лейтенанта Малеванного. А чекисты кое-что добавили, помогли припомнить то, что выпало из памяти у Буй-Тура. Например, как он не на словах, а на деле сражался с фашистами, не выполнив тем самым приказ своего руководства — поддерживать с представителями германского командования дружеские контакты. Мстил за смерть отца? Отец был убит карателями в сорок первом — его вместе с сельчанами вывели к обрыву реки и изрешетили пулеметной очередью. Долг сына — отплатить сполна убийцам. Это и сделал Буй-Тур — тогда еще не сотник УПА, а командир маленькой

боевки, никем не управляемой — не было связи, — действовавшей на свой страх и риск.

Ну и что из того, что скрыл от краевого проводника свою борьбу с немцами? Знал: по головке не погладят, расстреляют, как сам застрелил боевика, позарившегося на крестьянское добро. Неправомерное сравнение? В пламени войны многое сгорело, и немало было такого, что лучше забыть.

А теперь полковник называет его Марком Ивановичем... Сотник Буй-Тур он, вот кто! Марком Ивановичем был бы, если б шел другой стежкой, не лесной, освещенной злыми пожарами.

— Чем же я могу помочь вам, друже полковник?

— Гражданин полковник, — поправил Коломиец. — Ваше обращение мне, советскому офицеру, не по душе.

— Почему же?

— Запятнали ваши соратнички хорошее слово кровью.

Что так, то так. Знал Буй-Тур проводников, чотовых, сотников, куренных, выжигавших села, выбивавших целые семьи. Видел и думал: путь к победе — через кровь и смерть. Победой обновится земля, и забудут люди горе, простят злобу, потому что примирят их светлые идеалы.

Буй-Туру показали кадры кинохроники: колхоз на месте сожженного в сорок четвертом бандеровцами села. Хорошее, сильное хозяйство, добротные хаты, детвора в школе, клуб и за околицей — жито в рост человека.

Одни сожгли — другие отстроили...

И жену, Марийку, допустили чекисты на свидание. С сыном. Пришли в слезах — не ждали, что он объявится. Марийка работает медсестрой — закончила какие-то курсы. А Буй-Туру еще два года назад сообщили из провода, что замучены жена его и сын чекистами за связь с УПА — слава, мол, героям...

— Я сама пошла тогда до Советов и попросила: отправьте меня куда-нибудь отсюда, потому что не дадут жизни бандеры, признали, чья я дружина, топчут стежку по ночам. А мне сына надо растить, твоего сына, Марко. На следующую осень уже и в школу пойдет...

...А сообщали свои — закатывали дружину и сына чекисты...

Буй-Тур не чувствовал вражды к полковнику Коломийцу. Степенный и рассудительный мужчина — такому

бы в школе учительствовать. Учитель, по мнению Буй-Тура, — первый человек на земле: от него и добро и зло, чему научит хлопчиков, такими они и будут. И когда в одном из сел хотели хлопцы пристрелить старика учителя — уже и к школьной стенке повели, — лично измордовал канчуком охочих до расправы.

Коломиец возится с ним уже который день и ни разу не крикнул, голос не повысил. А мог бы скоренько следствие провести — не отпирался сотник, не петлял, как перепуганный заяц, рассказал всем, что знал. Только и оставалось, что подшить его показания к «делу» — и в суд.

Полковник разрешил давать ему книги и газеты. И занялся Буй-Тур работой, от которой за последние лесные годы совсем отвык, — чтением. Особенно ждал «Радянську Україну», газету из Киева. Виделся ему за газетными строчками новый мир — огромный, непознанный. Тот мир, против которого он автомат поднял. Мир, выбивший навсегда из его рук оружие. Суда которого он теперь ждет.

Коломиец видел, какую мучительную борьбу ведет со своим прошлым бывший сотник, хотя и казалось Буй-Туру, что его боль скрыта от всех. Полковник, возвращая Буй-Тура на допросы в его прошлое, давал возможность еще раз пройти уже пройденное, взглянуть на минувшую жизнь по-новому, другими глазами.

Первые дни Буй-Тур просил: «Расстреляйте поскорее!» Потом замолчал. Задумался. Шли дни, и однажды обернулись его размышления сотней вопросов: отчего да почему? Не приходилось сомневаться: искренне пытался понять Буй-Тур, что же происходит, почему отвернулись люди от таких, как он, проклинали и имена их, и дело.

Политическая безграмотность этого взрослого человека поразила бы неопытного. Но не Коломийца. Полковник знал, как тщательно ограждаются бандеровские «лыцари» от любых соприкосновений с новой жизнью. Смерть грозила каждому, кого подозревали в том, что он как-то связан с сельчанами, встретился, пусть и случайно, с кем-то из знакомых, с симпатией относящихся к Советской власти.

Только с ножом и автоматом, только с факелом шли в села бандеровцы.

И Коломиец давал сотнику время подумать, взвесить, прикинуть.

— Вербуете в свою веру? — спросил как-то Буй-Тур.

— А в нашей вере уже больше двухсот миллионов, — ответил полковник. — В нашу веру вербовать, силой загонять не надо...

«Так оно и есть», — подумал Буй-Тур.

Он обычно разговаривал с полковником осторожно, опасаясь хитроумных ловушек и козней, потому что, по словам референтов СБ из краевого провода, были на них чекисты великие мастера.

Но полковник вел себя с ним ровно и спокойно. А тут — встреча с Марийкой, с сыном. Все в душе перевернулось у Буй-Тура.

— Зачем вы их привезли?! — почти кричал он Коломийцу. — Могли бы просто сообщить — живы, мол.

— Ты бы не поверил, — ответил Коломиец. — Тебя ведь специально обучали не верить правде.

Буй-Тур согласился в душе с этим. Конечно, решил бы, что обманывают чекисты, плетут свои сети. Референт СБ Сорока говорил, что из их сетей самому скользкому и хитрому не выпутаться.

А сыну на следующую осень в школу идти...

— Так чем могу служить, гражданин полковник? — тихо спросил Буй-Тур и встал, как встают перед словом приказа.

— Сядьте, Марк Иванович, — попросил Коломиец. — И попробуйте чистосердечно ответить на очень важный вопрос. Признаете ли вы, что ваша предыдущая деятельность была преступной, направленной против интересов народа?

— Да, — тихо сказал Буй-Тур.

— Тогда нам есть смысл разговаривать дальше. А просьба наша заключается в следующем...

ГЛАВА VII

За маленьким окошком камеры кружилась тополиная метель. Тополиный снег цеплялся за прутья решетки и, когда окошко было открыто, ложился на бетонный пол. Леся ловила пушинки, но они от прикосновения теряли свою прозрачную солнечную красоту — серые неказистые комочки.

Было начало осени — знойной, щедрой и веселой.

— Ты же говорила, что выберешься отсюда. — Ганна будто упрекала Лесю в том, что та до сих пор не на воле.

— Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается... Куда следователю торопиться? Вдруг выпустят меня, а я националистка? — Леся говорила будто всерьез, а глаза смеялись.

— Я серьезно.

— И я тоже.

Ганна не решалась задевать Лесю: поняла, что одной в камере не выдержать. И разумный человек постарается увидеть в случайных людях, с которыми свела его судьба в зарешеченной клетке, не врагов — друзей.

Однажды они крепко поссорились. Так крепко, что Яна, вначале пытавшаяся притушить искры размолвки, перепуганно всплеснула руками:

— Бешеные! Такой и мий Гнат, як що не по ньому, побиле, очи скажени, прыдушыты може...

Ганна никогда и ничего не рассказывала о себе, но в тот вечер разоткровенничалась. Выходило, по ее словам, что выросла во Львове, родители держали небольшой книжный магазин — в основном украинская литература. В 1939 году магазин стал «собственностью народа», а родителям Ганны хоть с сумой по людям...

Началась война, и с нею эти жуткие бомбардировки, паника, когда люди, как былинки, закружились во все испепеляющем огненном вихре. Родители Ганны погибли в первые месяцы военного лихолетья. Она пошла работать — знала неплохо немецкий, немцы взяли переводчицей. Не помирать же с голоду? Пусть и оккупанты, но она от них зла не видела. Да, да, слышала и о расстрелах и о казнях, знает и о том, что немцы уничтожили в те годы львовскую интеллигенцию, ученых с мировой известностью, но это все ее не коснулось, обошло стороной, у нее была чисто канцелярская работа — перевод документов, приказов, распоряжений.

Вроде бы и счастье свое нашла. Встретилась с солидным, степенным человеком, не каким-то прощелыгою, а хозяином для дома, с таким не стыдно было и на люди показаться. Тодос Свиридович Боцюн часто приезжал по делам в их управу и обязательно готовил для Ганны небольшие подарки. Так, какую-нибудь мелочь, а приятно. Приглашал в ресторан: «Не отказы-

вайтесь, Ганночка, вы одна, и я одинокий, нам надо друг друга держаться». Кончилось тем, что покинула Ганна Львов и переехала в небольшое местечко, где служил Тодос Свиридович бургомистром. В их местечке был какой-то особо важный объект, и гитлеровцы ввели там специальный режим. Ну, знаете, эти пропуска, облавы, заложники... Но с Тодосом Свиридовичем считались, не обижали, наоборот, наградили медалью.

Ганночка и там стала работать переводчицей — не сидеть же дома в молодые годы. И Тодос Свиридович не препятствовал: «Пусть, мол, немцы видят, что мы не враги новому порядку». Жили в хорошем доме, обставили его ладно и красиво, выбрать мебель было нетрудно, гитлеровцы многих порасстреливали, а имущество казенных полиции свозили на склады для отправки в Германию. Тодос Свиридович имел туда доступ, он и подобрал все, что требовалось, не торопясь. Ну а вкус у него был неплохой, тонкий был вкус — до войны работал художественным руководителем в Доме культуры.

По вечерам к ним приходили гости, бывали и немецкие офицеры. Ганночка гостей принимала с радостью и гордилась, когда видела, что офицеры разговаривают с ее Тодосом почти как с равным. Она неплохо играла на рояле. Тодос Свиридович приказал полициям привезти инструмент из Дома культуры, где раньше работал, — офицеры научили ее играть немецкие *Lieder*, и всем было весело.

А потом... даже страшно вспомнить, гитлеровцы ворвались ночью, увели Тодоса в одном белье, пытали долго и повесили на главной площади местечка, согнав на казнь всех жителей. Были две виселицы. На второй повесили молодую женщину, которая бывала у них в доме и считалась близкой знакомой Ганночки. У обоих были таблички «*Partisanen*». Ее Тодос Свиридович — партизан? Нет, она не могла этому поверить! Она ходила к коменданту, тот тоже бывал в их доме, объясняла, плакала, но ей сказали, что Тодос Боцюн действительно партизан-разведчик, и его надо было не просто повесить, а поджарить на костре, закопать по шею в землю дня на три и уже после этого вздернуть. И все это говорил офицер, который целовал раньше ей ручку и старался прийти тогда, когда Тодос Свиридович отсутствовал по служебным делам.

— Но к вам претензий нет, — сказал комендант. —

Мы помним и ценим ваши заслуги. Советую возвратиться во Львов, мы дадим положительный отзыв о вашей работе.

И она возвратилась во Львов. Работала, потому что немцы конфисковали все имущество Тодоса Свиридовича, а ей разрешили взять только личные вещи.

В 1944-м, когда подошла Советская Армия ко Львову, вместе с учреждением, за которым числилась, двинулась Ганна на запад. Очутилась в Германии. И пришлось несладко, ой как несладко! На чужой земле и корка хлеба — камень, без слез не проглотить. Многие довелись ей увидеть, как только осталась жива...

И возникла мечта — вернуться на родину. Пусть незваной-нежданной, но домой. Она обращалась в соответствующие советские организации — там долго не говорили ни да ни нет. Видно, изучали ее прошлое. И она решилась — бежала из лагеря, прошла кордоны, почти добралась до мечты — родины. Потом ее схватили, нашли в кармане пистолет... А разве можно было ей, столько видевшей зла и насилия, без оружия? Чтобы первый же встречный от скуки, от нечего делать потащил ее в ближайшие развалины? В лагере, где она жила, девочки таким «возлюбленным» глаза спицами выкалывали, лишь бы сохранить себя, не погнать в грязи.

— Я хотела только одного — домой. Меня здесь никто не ждал, все погибли, но это моя родина. Когда начинается война, перестают действовать нормальные законы, властвует только жестокость. Я имела право защищаться. Но я никому не сделала зла. Наоборот, помню, когда германцы взяли заложников и должны были их расстрелять, я передала списки людям, о которых точно знала — подпольщики. Не моя вина, что любовь к Украине оказалась сильнее любви к жизни. Я ведь понимала, что это так, — Ганна показала на тюремные стены, — все может закончиться. И все-таки пошла через кордон... — Ганна рассказывала все это проникновенно, убедительно.

И рассказом она как бы выписывала свой портрет ограниченной мещаночки, которую вдруг жизнь швырнула из уютной папиной квартиры в водоворот событий, завертела, закружила, выбросила на отмель, как море в шторм выбрасывает на берег медузы. Во второй части ее рассказа зазвучали тоскливые нотки — ски-

тания все-таки чему-то научили. И стало встречаться слово святое и высокое — родина.

— А где находился магазин твоего отца? — спросила Леся.

Девушка назвала улицу и, отдавшись нахлынувшим воспоминаниям, подробно рассказала, какой это был старый и красивый дом и как хорошо в нем было мирными вечерами, когда отец раскрывал томик Васыля Стефаника и читал вслух ей и сестричке, тоже потом затерявшейся на дорогах войны. И еще в доме том бывали студенты, которым отец давал книжки бесплатно — пусть учатся для народа.

— А ты в какой гимназии училась? — спросила Леся оживленно.

Ганна охотно назвала и гимназию, и учителей своих и даже тот вечер припомнила, когда праздновала в кругу друзей окончание учебы.

Леся слушала ее заинтересованно: казалось, доставляют ей эти воспоминания радость. Лицо ее временами светлело, будто падал на него луч солнца. Так светлеет человек, когда заходит речь о милых сердцу далеких юношеских днях.

И когда закончила Ганна, она несколько минут молчала, снова и снова возвращаясь в далекий мир детства. Молчала, чтобы потом бросить грубое и презрительное:

— Бреешь!

— Ты с ума сошла! — вскочила Ганна. — Да как ты, паршивка, смеешь такое говорить мне?

— Складную сказочку придумала, — неумолимо отрубил Леся, — и, рассказывая ее следователям, следи, чтобы не сбиться.

— Перестань! Не имеешь права оскорблять! Я свою жизнь честно прожила...

— Может быть, — перебила Леся, — но тогда честно о ней и рассказывай.

— Сволота, рвань вшивая. Да я тебе сейчас!..

— А не хочешь рассказывать о себе правду, тогда лучше молчи. И полегче с проклятиями. А то я тоже умею, — вела свое Леся.

— А ты... ты разве не оскорбила меня недоверием? Как плетью отхлестала!

— Переживешь!..

Ганна окончательно вышла из себя. Она сжала ку-

лачки — глаза яростные, — шагнула к Лесе. Еще секунда, и она бросилась бы на девушку, чтобы ударить ее, вцепиться в волосы и тащить по полу, расшибая каблуками голову, как делала это надсмотрщица в лагере, где она переживала хмурые дни.

— Молчать! — резко, коротко скомандовала Леся. — Назад! Руки за спину! Живо!

И Ганна, выкарабкиваясь из залившей всю ее ярости, вдруг увидела перед собой не Лесю — надзирательницу из лагеря. Такой же угрюмый голос, такие же короткие приказы, попробуй замешкайся — кровью вспухнет спина от плети.

И не понимая, как это произошло, она выполнила команду, убрала руки за спину.

— В лагере ты действительно была, — удовлетворенно отметила Леся. — А то, может, и немцы вышкололи, они это умеют...

— От такой и мий Гнат скаженный, — бормотала в испуге Яна.

Очнувшись, будто от дурного сна, от злобного, переполнившего душу беспамятства, Ганна во все глаза смотрела на Лесю. Еще и улыбнулась, нет, не улыбнулась — скривила губы, будто в улыбке, а лицо застыло — недоброе лицо, злое.

— Что я хочу тебе сказать, кохана, — будто и не было только что яростной вспышки, почти пропела Леся. — Не повезло тебе. Рассказала ты не о себе — о моей подруге, Ганнусе Божко. В доме ее я часто бывала. И это мне давал бесплатно книжки ее отец. Все было: и книгарня, и гимназия, и бал прощальный. Только не было там тебя, моя рыбонько...

Сказала это так, чтобы не слышала Яна. И так же тихо продолжала:

— Работала Ганнуса у немцев переводчицей. За муж вышла за Тодоса Боцюна. И видела, как гитлеровцы ее мужа вешали. За что — история это сложная и тебе, вижу точно, неизвестная. Ушла Ганна вместе с немцами, дурочка, испугалась, как бы Советы мстить не начали. А что было дальше — тебе виднее. Только боюсь, нет больше Ганночки Божко, и вряд ли я найду ту могилку, на которую цветы хотела бы положить...

Стояла в камере тишина. Отсчитывал свои шаги часовой.

— Позови его, — сдавленно проговорила Ганна.
— Зачем?
— Донеси. Волю купишь.
— А я и так выйду. Не сейчас, так через месяц, а через месяц, так через два...
— Уверенная.
— Я — да. А ты истеричка, психопатка. Тебя сломать — раз плюнуть. Счастье твое — следовательно неопытный попался. У нас бы ты заговорила... — зло блеснула глазами Леся.

— Ого! Где это у вас?
— Ладно, спать пора. И десять раз подумай, что не допросах отвечаешь. Нет книгарни. Нет и родных Ганн. Но вдруг остались, как я, друзья? Эх, не я следовательно, а то в три дня бы тебя на чистую воду вывела, всю твою «легенду», как кочан капусты, по листочку бы сбодрала...

«И правда счастье, — подумала Ганна, — что не Леся следовательно...» Боже мой, так, выходит, ее послали почти на верную смерть?

Степан Мудрый клялся: Ганна Божко — одна во всем свете. Нет, мол, лучше «легенды»... Была переводчицей? Кто это помнит? Не во Львов же идешь, в другой город.

С одной стороны, работала на гитлеровцев, с другой — от них же и пострадала. Схватят чекисты — вдова героя, разведчика. Потому что Тодоса оккупанты и в самом деле вздернули, царство ему небесное, и видели это сотни людей. Хотя никто не может поверить, что Тодос Боцун мог быть партизаном. Много неясного в том, что произошло. Да и повадки гитлеровцев известны: они предпочитали сперва повесить, а потом уже разбираться, виновен или нет. Тодос, когда и петлю накинули, все скулил, а рядом с ним вешали партизанку, так она спокойная была и крикнула: «Смерть оккупантам! Люди, убивайте их, травите, душите, выжигайте огнем!» Это была партизанка, каждому ясно. А Тодос... Никчемный человечиска...

И его Ганна оказалась такой же. Пробовали приобщить ее к национальным идеям, говорит: «Досыть з мене, я и так перед батькивщиною вынувата». Ганна Божко погибла — попала под машину. Совпало это с тем временем, когда стала писать заявки с просьбой разрешить ей возвратиться на родину. Заявления, до-

кументы о том, что была переводчицей и служила оккупантам, все уничтожены. Но даже и это можно рассказать чекистам, если возьмут, — «чистосердечное» признание всегда действует неотразимо. По дурости, за кусок хлеба, чтобы с голоду не помереть, работала у фашистов. И год в лагере для перемещенных — не поддавалась вербовке, не осталась на Западе, мечтала о родине. Это тоже неплохо...

Степан Мудрый все рассчитал. Он не учел только одного: что попадет она в камеру вместе с подругой Ганны Божко...

— Вот эта, — указал Мудрый на девушку в синеньком, затрепанном дождями и ветрами плащике.

Ткнул пальцем, будто на прицел взял.

— Вижу, — откликнулся его спутник.

Это был щеголеватый парень лет двадцати пяти, в дешевом, но модном костюме, неприметная личность, скуластый, с ленточкой черных усов под длинным носом. К таким обращаются без церемоний: «Эй, парень...» И место им — за конторской стойкой, у ресторанной двери, у входа в отель. У Мудрого парень делал то, что только и умел: когда надо ножом кого пугнуть, строптивых эмигрантов на место поставить, а то и «пришить» слишком упрямым.

Ганну Божко давно предупреждали: «Не таскайся к Советам, в разные комиссии по отправке на батькивщину...»

— Значит, сегодня? — не то спросил, не то напомнил Мудрый.

— Будет сделано.

Во второй половине дня Ганна отправилась в город. Настроение у нее было прекрасное. Кажется, приближается конец мытарствам. Дня три назад ей сказали в комиссии по возвращению на родину, что в ближайшее время ее вопрос будет решен. Трудно в это поверить: столько было уже неоправдавшихся надежд, столько разочарований. Но вдруг повезло? И Ганна шла по прогретым первым весенним солнцем чужим улицам, а ей казалось — это Львов, вот там, за поворотом, — Стрыйский парк...

Из-за угла медленно выполз разболтанный «виллис». Машина шла у самой кромки тротуара, хотя

улица была пустышкой. Поравнялась с Ганной, притормозила.

— Садись, красотка, подвезу, — окликнул Ганну ее хозяин, молодой парень с щеголеватыми усиками.

Ганна еще подумала: «Какой у него ужасный немецкий язык!» Германия в те годы говорила на многих языках, и в этом не было ничего удивительного: пытались выбраться отсюда те, кого пригнали фашисты.

— Спасибо! Мне рядом! — поблагодарила Ганна.

«Виллис» еле катился. Ганна весело махнула рукой водителю, дождалась, пока не мигнул зеленовато световым, и пошла через улицу.

Мотор «виллиса» взвыл, машина рванулась вперед...

— Все в порядке, — было доложено Мудрому через полчаса.

— Документы взял?

— Да, сумочка у меня...

ГЛАВА VIII

— Вот твои документы. — Мудрый протянул Злате пухлый конверт. — Они вполне надежны, не «липа», не подведут. Желаю удачи! И помни: от того, сможешь ли выполнить задание или провалишь его, зависит очень многое...

Этими фразами закончился длительный период подготовки, которую прошла Злата в последние месяцы.

Вчера она встретилась с Боркуном и Круком. Встреча эта состоялась на одной из тех маленьких квартир, хозяевами которых являлись доверенные люди службы безопасности.

Адрес назвал Мудрый. И предупредил:

— Не опаздывайте. Эти люди не любят ждать...

Как всегда, все окутывалось таинственной неопределенностью. С кем ей предстоит встретиться, Злата не знала. Впрочем, она уже привыкла ни о чем не расспрашивать.

Ровно в восемь часов вечера поднялась по широкой лестнице старого многоквартирного дома. На третьем этаже остановилась. Все правильно, квартира № 14, на двери табличка выписана мелкой готикой: «Доктор Иоганн Штерн». В почтовый ящик наполовину втиснута газета.

Злата трижды позвонила, и ей тотчас открыли. Мудрый провел ее в комнату, очевидно предназначенную для подобных встреч. Обставлена она была очень скромно: письменный стол, мягкие стулья, диван, невысокий книжный шкаф. Хозяева, видно, бывали здесь редко, на мебель тонким слоем легла пыль.

За письменным столом сидел Крук.

— Слава героям! — вытянулась, руки по швам, Злата.

— Слава! — серьезно ответил Крук. — Садись, пришло время поговорить нам серьезно.

Крук тихо барабанил пальцами по столу. Злата еще на вечере у дяди подметила эту его привычку. Кажется, он выстукивает мелодию какой-то песни.

Злата прислушалась, чутко уловила ритм, перевела его в слова: «Ге-й, на-ли-вай-те по-вни-и ча-ры!..»

— Любите эту песню? — спросила.

— Эге ж, — охотно подтвердил Крук. — Славная песня, наша, козацкая.

Мудрый погремел в передней замками, возвратился.

— Как ты себя чувствуешь, Злата? — почти по-отцовски заботливо осведомился Крук.

Злата дернула неопределенно плечиком.

— Когда мне задают такие вопросы, чувствую себя не в своей тарелке...

— Почему?

— Видите ли, не ваша это манера — заботиться о здоровье таких, как я...

— У тебя случай исключительный.

— Заметила.

Злата хотела добавить, что заметила это по той тщательности, с которой ее готовят к предстоящей операции, но прикусила язычок. Не слишком ли много она говорит? Болтливому курьеру — грош цена.

— Чувствую себя хорошо. Готова к операции, — поделовому, нарочито сухо доложила она.

— Что же, приступим, — предложил Крук. И спросил: — Что ты знаешь о предстоящем деле?

— Немного, — призналась Злата. — Меня пока не ввели в курс задания. Я могу только догадываться.

— Ну и?.. — подбодрил ее Крук доброжелательной улыбкой.

— Могу предположить, что предстоит рейд на «земли». Переход кордона нелегальный. Там — легализа-

ция, жизнь по настоящим документам. Установление связей. Изучение обстановки. Работа, рассчитанная не на один день, — наверное, на несколько месяцев.

Злата точно взвесила свой ответ. Конечно, догадывалась она о значительно большем. Ее обучали по специально отработанной индивидуальной программе. Следовательно, предстоит действовать в одиночку. Ушли в программе на второй план такие обязательные для обычного курьера «предметы», как ориентировка на местности, подрывное дело, тренировка в прыжках с парашютом, приемы обезвреживания противника. Все это Злата освоила раньше, и сейчас ее инструкторы лишь заботились о том, чтобы она не потеряла форму. Зато необычно много внимания уделялось изучению современной украинской жизни.

— Представьте, что вы работаете в учреждении... — так начинались многие «уроки».

«Спецкурс», который вел инструктор Варава, давался трудно. Ибо это было проникновение в мир, абсолютно чуждый ученице. Она его наблюдала только издали, но каждая попытка войти в него вызывала у Златы ощущение, будто наталкивается на табличку: «Посторонним вход воспрещен».

— Вы устроились техническим секретарем. С чего вы начнете свой рабочий день?

— Буду ждать распоряжений своего начальника.

— Уточним. Рабочий день начинается в девять.

Когда вы должны явиться в учреждение?

— Конечно, ровно в девять.

— Чепуха. В зависимости от того, когда приходит ваш шеф. Советские руководители учреждений имеют обычай прибывать на работу раньше официально утвержденного времени. Вы, если хотите завоевать репутацию дельного и самоотверженного сотрудника, должны быть за своим столом за пять минут до прихода руководителя.

— Ясно.

— Зачем вам эти пять минут?

— Чтобы привести себя в порядок.

— На это хватит шестидесяти секунд — пудреницу, помаду, зеркальце и прочую дребедель секретарши «там» держат в ящике письменного стола, за которым сидят.

— ???

— Этаким милый беспорядок. Остальное время для того, чтобы отобрать и положить на стол начальнику свежие газеты и самую важную почту.

— Понятно.

— Фамилия вашего начальника — Скляренко Павел Романович. Как вы к нему будете обращаться?

— Товарищ Скляренко...

— Можно, но плохо. Лучше по имени-отчеству.

И так до бесконечности. Злате временами казалось, что ей никогда не постигнуть все эти нюансы, не овладеть стилем жизни, ей непривычной и чужой.

Но, к своему удивлению, через какое-то время она обнаружила, что могла бы, не привлекая особого внимания, трудиться в каком-нибудь тихом учреждении «там», на Украине. Что может назвать новые книги и фильмы, знает цены на основные продукты на рынках и в магазинах, почти отчетливо представляет круг интересов своих возможных сослуживцев.

Она была подготовлена к этой учебе воспитанием дяди, редактора Макивчука, заставлявшего ее регулярно читать советские газеты и книги.

А Варава, вытирая огромным платком вспотевшую лысину, переходил к следующей теме:

— Вы — комсомолка. Где вас принимали в комсомол?

— На общем комсомольском собрании.

— А билет кто вручил?

— Ну, наверное, на собрании, кто-нибудь из лидеров.

— «Там» нет лидеров. Это слово для Советов чужое. Употребляется другое — руководитель. Но Устав ВЛКСМ вы не усвоили. Вечером выучить на память...

И Злата поняла, что из нее готовят «среднюю» украинскую девушку, такую, которая окончила десять классов, но война не дала учиться дальше, еще в школе вступила в комсомол, после учебы стала работать преимущественно в небольших учреждениях.

Эта девушка, созданная воображением людей, готовивших ее к заброске, всецело предана Советской власти, состоит в комсомоле, мечтает об институте («там» все хотят учиться), а пока неприметно, не торопясь продвигается по служебной лестнице, одолевая одну ее ступеньку за другой.

Свинцово-бледное лицо Варавы чуть порозовело от удовольствия, когда Злата однажды поправила его:

— Киевский университет не лежит в руинах. Он функционирует, и в этом году его студентами стало много героев войны...

— Умница! Про руины я вычитал в «Зоре» и по инерции... А вы воспользовались более достоверным источником.

— Читала «Радянську Україну». Але ж і «Зорю» не лайте...

— Э!.. — махнул рукой Варава. — Зарубите на носу: представления о жизни на Украине, составленные на основании наших пропагандистских кампаний, могут вас здорово подвести.

— Значит, тут у нас брешут? — голосом девочки-паньки спросила Злата.

Она умела, прикидываясь простодушной и наивной, вынудить собеседника переступить черты дозволенной откровенности, чтобы потом будто ненароком ужалить, поставить его на место.

— Не говорите чепухи, — взорвался Варава, обмахиваясь клетчатым платком. И сам спросил: — А кому здесь нужна пропаганда, в которой все правда?

Варава служил усердно и числился одним из наиболее толковых инструкторов. А по ночам пил, чокаясь с бутылкой. Пил все, что удавалось достать, и, насосавшись до беспамятства, ревел утробным голосом всегда одну и ту же песню: «За свит встали козаченьки...»

Встречалась Злата и со Щусем, журналистом. Этот считался специалистом по нравственной атмосфере современной Украины. И действительно, он метко, лаконично характеризовал отношения между различными слоями населения, между мужчинами и женщинами, отцами и детьми. Когда он был трезв, слушать его было одно удовольствие, и Злата видела в Щусе прежде всего проницательного и умного собеседника. Но так бывало редко. Обычно Щусь приходил на «лекции» злой, раздраженный и вел свои беседы так, что Злата несколько раз намеревалась доложить Мудрому о крамольных настроениях своего наставника.

— Скажите, — спросил как-то Щусь, — какими соображениями руководствуется советская девушка, стремясь работать как можно лучше?

— Делает карьеру.

— А точнее?

— Хочет продвигаться по служебной лестнице, выбиться в руководство...

— Вы не отвечаете на вопрос, — рассердился Щусь, — я и сам знаю, что такое «делать карьеру». Но зачем ей, простой советской девушке, карьера?

— Высокая зарплата, материальные блага...

— Ерунда! На «той» стороне многие наши мерки неприемлемы...

Щусь стал рассказывать о том, как много значат для молодых людей в СССР такие понятия, как долг, интересы всего общества, верность идее.

— Кто здесь пользуется уважением? — спросил он вдруг. И сам ответил: — Господа грабители — вот кто. Надо только уметь грабить чисто. И как можно больше. И еще — не попадаться. Наворовал столько, что фабрику купил, — пожалуйста, ты — почетный гражданин. А у них этот номер не проходит.

— Вам нравится Советская власть? — тихо спросила Злата.

— Не знаю, — неожиданно искренне сказал Щусь. — Во всяком случае, у нее в основе здоровые, разумные идеи...

Злата долго размышляла над этим разговором и не сказала о нем Мудрому только потому, что посчитала: Щусь ее проверял, говорил то, что подсказал ему тот же Мудрый.

Но наконец Щусь, Варава и другие инструкторы, вымотавшая душу «учеба», непрерывные инструктажи и проверки — все это позади.

Злата знала, что не будут так готовить курьера для короткого рейса. Ей, она думала об этом с болезненным интересом и страхом, предстоит жить на Украине, в каком-то из ее городов, куда попадет по воле высшего руководства организации.

Ничего этого она не сказала Круку. Не любят здесь слишком догадливых. И доброжелательность Крука не ввела ее в заблуждение.

Может быть, поэтому Крук остался доволен ее ответами. Еще раз убедился: смышленная. Не идет ни в какое сравнение с тем человеческим отребьем, с которым приходилось работать в последнее время. Два-три месяца ускоренной подготовки, примитивнейшее натаскивание — и через кордон. Пусть из десяти повезет одному, двум, трем. Утрата невелика, зато интенсивная дея-

тельность налицо. И вина ли руководства СБ, что чекисты стали чересчур бдительными, вылавливают агентуру густой сетью?

— Мне докладывали, что ты добросовестно отнеслась к подготовке, — продолжал Крук. — Это похвально. У москалей есть на этот счет даже поговорка...

— Тяжело в ученье, легко в бою, — подсказала Злата.

— Вот-вот! Но тебе и в бою будет нелегко... друже сотник!

Злата чуть растерянно взглянула на Крука, потом на Боркуна.

— Но я... у меня...

— Командование УПА сегодня издало такой приказ. И мы счастливы поздравить тебя первыми.

Крук встал, вышел из-за стола: высокий, уверенный в себе, уравновешенный человек средних лет. Он пожал Злате руку, хотел поцеловать по-отцовски, но раздумал: в данной ситуации более уместным было не родительское поздравление, а слова приветия и пожелания удачи от соратника по борьбе.

— Я оправдаю ваше доверие, — взволнованно сказала Злата.

— Убеждены в этом. А теперь слушай...

Круг говорил долго. Он старался, чтобы тон был как можно более доверительным. Злата должна почувствовать: в ее жизни наступил крутой перелом, ей доверяют полностью, с нею, наконец, советуются.

Вот как все выглядело, по словам Крука.

ОУН с трудом пытается встать на ноги. Ряды организации раздирают внутренние противоречия и свары. Угроза раскола — это более чем возможность, сейчас это уже реальность. В эмиграции возникло несколько центров, что еще более ослабило ряды националистов, и без того обескровленные поражением. Ряды ОУН практически не пополняются. Да и за счет кого их пополнять? В Германии очутилось немало украинцев: кого-то немцы вывезли насильно, кто-то бежал с ними. На тех, кто был пригнан в рейх как рабочий скот, рассчитывать не приходится. Они ненавидят фашистов, чужбину и мечтают о дне возвращения на родину. Многие уже выбрались отсюда и теперь шлют письма оставшимся: брехня, мол, что Советы всех побывавших в Германии угоняют в Сибирь, брехня, что их притесняют и

ущемляют, есть работа, есть кусок хлеба, дети учатся в школах. Впрочем, среди этого контингента и не было сторонников «национальных идей». В основном это была молодежь, воспитанная Советами. И когда гитлеровцы угнали этих молодых людей в рабство, они в большинстве своем не примирились со своим положением и мечтали о возвращении на родину.

Проще с теми, кто бежал от Советов. Эти готовы служить кому угодно. Но их мало, они перепуганы до полусмерти, не желают и слышать о какой бы то ни было борьбе. Стараются спрятаться так, чтобы не разыскали и не предали суду за военные преступления. Единственная цель — пересидеть где-нибудь в щели смутные времена и эмигрировать в Америку, в Канаду, в Австралию, куда угодно. Там они придут в себя, может быть, некоторые снова обретут энергию для борьбы, так как ненависть к большевикам для них превыше всего. Но пройдет немало времени, пока это произойдет, пока они очухаются.

В свое время руководство ОУН и УПА сделало главную ставку на вооруженную борьбу. Были мобилизованы все силы. Организовать УПА и ее отряды помогли нацисты. Они дали оружие, инструкторов, наконец, создали практически на всей оккупированной территории широкие возможности для формирования боевых подразделений.

Но Советы разгромили эти подпольные сотни УПА. Их больше не существует. Точнее, они «присутствуют» в пропагандистских реляциях, а на деле... Есть, конечно, уцелевшие, остались пока нетронутыми особо законспирированные звенья связи. Но разве это силы для борьбы с Советами? Горстка песка против урагана...

Значит, все проиграно? Стать и им, людям, отдавшим жизнь националистическим идеям, лавочниками в чужих землях, приспособливаться, попытаться создать себе и своим ближним сытую жизнь? Нет, нет и еще раз нет! Их удел — борьба до конца, до любого конца. Пусть даже нет никаких шансов на удачу — нельзя останавливаться... В эти тяжелые дни каждый должен найти в себе силы для исцеления от отчаяния, от бессилия. Только одно чувство сегодня имеет право жить в сердцах, верных знамени ОУН, — ненависть.

Крук говорил внешне неторопливо, размеренно, по несколько раз возвращаясь к одной и той же мысли,

чтобы выделить ее, подчеркнуть особо. Но в словах его и в сдержанной манере разговора чувствовалась незаурядная сила. Он умел ненавидеть — это Злата знала. И были у него очень веские причины для такой ненависти. Когда-то отец Крука владел несколькими сахарными заводами и сотнями десятин земли. Адвокат по образованию, профессиональный функционер по роду деятельности, Крук, было время, уже видел себя в мечтах министром, одним из первых людей той самой Украины, которую он стремился отвоевать у большевиков. Не вышло. Отобрали большевики родительские заводы и десятины — там теперь колхозы.

Время от времени Крук строго смотрел в глаза Злате: понятно ли ей то, о чем он говорит? И девушка, раздумываясь от высокого доверия, взволнованная близостью кумира, кивала: да, ей это близко, это и ее взгляды, и ее мысли.

Боркун, устроившись удобно на диване, скучал. Конечно, нужна какая-то обязательная часть в разговоре, но зачем столько слов? Не проще ли изложить суть, пожелать счастья да и по чарке, чтобы дорога гладкой была?

— Где же выход? — спрашивал Крук. — Есть ли у нас хоть какие-то надежды? Есть. Это опора на новых союзников, на тех, кто собирает силы для нового похода против большевиков. В этом крестовом походе найдется место и колоннам ОУН.

А пока — время консолидации и накопления энергии, восстановления потерянного. У нас появились новые друзья и в Европе, и за океаном. И они настоятельно рекомендуют главный упор перенести на сбор информации и создание нужной атмосферы там, на «землях». Сейчас не время, чтобы с саблей на лихом коне выступить в поход, как это сделал когда-то Тютюнник. Тютюнника легко разгромили. И сегодня Советы точно так же сотрут в порошок любого, кто к ним сунется через кордон.

— Это точно, — пробормотал будто про себя Мудрый, который устроился в мягком кресле.

— Поэтому новым походам должна предшествовать идеологическая подготовка, — с некоторым подъемом продолжал Крук. — Раньше наш козак бросался на воюющего с саблей. В современных условиях есть оружие куда острее: разложение, слухи, дезинформация.

Злата слушала Крука очень внимательно: в том, что говорил член центрального провода, был смысл. Спросила:

— Размывание коммунистической идеологии?

— Любыми путями, — подтвердил Крук. — В этом суть. Чтобы к тому моменту, когда грянет день икс, были подточены сами устои большевистской власти.

— Далеко вперед заглядываете.

— Иначе нельзя. Надо уметь думать не о булавочных уколах, а о конечных целях...

Крук широкими мазками рисовал картину психологической войны. Горные хребты, могучие, непоколебимые, разрезаны ущельями. Что узенький, слабый родничок против скал? А ведь пилит гранит, разрезает горы. Вот и он, Крук, мечтает о том дне, когда в полную силу забьют родники идеологической войны, заговорит это мощное оружие двадцатого века.

Злате оказывалась большая честь — она пойдет одной из первых, чтобы там, на «землях», создать небольшую, но состоящую из очень верных людей организацию, цель которой — ведение пропаганды, испытание различных способов и форм этой пропаганды, разработанных специалистами с помощью, ну, скажем, зарубежных... друзей.

А потом, вслед за Златой, пойдут другие. Они тоже обоснуются надолго, станут своими в ненавистном большевистском мире, будут трудиться на ниве возрождения национального самосознания не покладая рук...

— Специальные инструкции вам даст наш общий друг, — неожиданно закончил получасовую речь Крук.

Настала очередь Боркуна. Тот дотошно, до мельчайших деталей втолковывал Злате, какие сведения о стране большевиков являются особенно ценными в настоящее время, на что обращать особое внимание.

Всю «лирику» он оставил Круку. А вот суть — то, за что дружественная разведка платит неплохие деньги, он и его инструкторы постарались навсегда затолкать в хорошенькую головку этой смазливой «героини». Пусть себе попутно занимается идеологией. Но разведанные должны поступать регулярно — это товар, который ценится дорого.

Майор Стронг лично заинтересован в успешном

внедрении Златы на Украине, так он сказал вчера. Но тут же отказался встретиться со Златой Гуляй-вистер.

— Мисс Гуляй-вистер пусть и не догадывается о моем существовании. Ни к чему. Мои задания поставят ее в положение агента иностранной разведки. Молодые девушки бывают весьма щепетильными в подобных вопросах. Верно, дорогой друг, у вас профессионально подготовленные люди, которым несвойственны сложные комплексы. Ну а вдруг? Нет уж, пусть ваша Гуляй-вистер чувствует себя идейным борцом. Это, знаете ли, льстит самолюбию.

— Мы видим в вашей стране нашего верного союзника, — подобоострастно сказал Боркун.

— Что за слова! — поморщился Стронг. — Еще вчера вы говорили: «Мы видим в великой Германии...» Стыдитесь, мистер Боркун, интеллигентный человек должен чувствовать такие тонкости. Вы можете «видеть» все, что вам померещится. Но наша страна не рассматривает вас как союзников. Слишком много чести...

У майора было лицо джентльмена и ухватки коммивояжера. С деловой настырностью он проверил, о чем и как будут инструктировать Злату, передал Боркуну специальную памятку, в которой были сжато изложены задачи предстоящей операции.

— Прочтите и съешьте...

— Что? — поперхнулся Боркун.

— Не надо понимать так буквально, — проницески улыбнулся майор, — забудьте... сожгите... уничтожьте... И имейте в виду, мы к этой операции не имеем никакого отношения. Вы ее проводите на свой страх и риск.

Боркун понимал, почему майор так решительно отрекся от дела, в которое вложил средства и силы. ОУН не очень доверяют. Попытки руководителей ОУН войти в контакт с разведкой, в которой служил Стронг, предпринятые еще в сорок пятом, не встретили с ее стороны особого энтузиазма.

Коллеги Стронга не были уверены, что им может пригодиться этот сброд, скомпрометировавший себя службой у гитлеровцев. Да и что они могут? Немцы использовали их в качестве карателей, полицейских, пушечного мяса. Серьезная работа доверялась редко.

А шефам майора нужны люди, которые умели бы вести дело всерьез.

Кроме того, какой смысл покупать поодиночке? Деловые люди так не делают. Не лучше ли закупить оптом всю их организацию?

Стронг знал, что его шефы — люди деловые — выжидали, пока эти ублюдки не взвыли от голода и четкой перспективы попасть в разряд военных преступников, и только после этого дали указание своим органам использовать националистов в пробных операциях. И ни в коем случае не фамиллярничать с ними, не выставлять наметившиеся связи напоказ. Никаких разговоров о «союзнчестве». Никаких обязательств! Пусть еще работают себе право на место у корыта.

— Имейте в виду, мистер Боркун, эта Злата Гуляй-вистер — ваша козырная карта. Мы хотим посмотреть, стоит ли иметь с вами дело...

Боркун, понягливо кивая, вдруг представил себе: лес где-нибудь под Ровно, вечерние сумерки, майор Стронг у сосны, а в пяти шагах он, Боркун, с автоматом. Дорого бы он дал за то, чтобы всадить в брюхо этому болвану добрячую порцию свинца. Мечта была сладкой и несбыточной, Боркун ее испугался и мотнул головой, чтобы прогнать наваждение.

— Что с вами? — удивился майор. — Или вчера хватили лишнего? — Он презрительно вскинул бровь. — Постарайтесь впредь перед нашими встречами не накачиваться этим вонючим немецким шнапсом.

— Слушаюсь, мистер Стронг...

Попал бы этот майор в ровенские леса, когда гулял там он, Боркун, с боевиками, живо бы научился вежливости. Стронг издевается над ним. Он еще на первой встрече указал место — в передней. Но платит щедро. Если бы не эта хамская привычка постоянно шлепать человека мордой об асфальт...

— Не беспокойтесь, со Златой будет все в порядке, — почтительно сказал Боркун.

Он стоял перед майором почти навтыжку.

— Ладно, держите меня полностью в курсе всего хода операции. Кстати, я слышал, что у ваших людей туго с обмундированием? На днях мы вам подбросим из немецких трофеев.

«Нет, со Стронгом можно иметь дело. Если бы не его колонизаторская спесь».

Боркун добросовестно повторял Злате инструкции Стронга. Минимальный риск. Работа на перспективу. К черту мелочи! Только главное — внедрение, легализация, создание условий для длительной работы и выполнение по мере необходимости особо важных поручений. Первый этап операции проходит в абсолютной тишине. И кодовое название его — «Тишина».

На втором этапе — создание небольшой, крепкой подпольной группы. Три-пять человек, больше не надо. Проверка их всеми мыслимыми способами. Учить умению проводить пропагандистские акции, собирать информацию. Подготовка основных и запасных явок. Отработка связи с центром. Наконец, создание абсолютно надежной тропы через кордон. Кодовое название этапа — «Тропа». Третий этап, если все пойдет нормально, будет иметь особое значение. Ради него затевается вся операция. Главная его цель — планомерная повседневная пропаганда. Материалы для нее пойдут по тропе. Главное внимание — связям с интеллигенцией. Опора на молодежь. На третьем этапе к Злате придет помощник. Дело Златы — создать все условия для его непростой работы. На базе сотни Буй-Тура будет развернута подпольная радиостанция.

Злата восхищенно смотрела на Круга. Вот это размах! Такая операция навсегда прославит ее имя.

Передачи с Украины примут все радиостанции мира. Это даст гораздо больше, нежели все сообщения западных газет о «гражданской войне», якобы идущей в западноукраинских лесах. «Зоря» об этом пишет в каждом номере — призывы, заклинания, проклятия. А фактов нет. И потому «Зоре», как и другим аналогичным газетам, никто не верит. Когда же заговорит радиостанция...

Конечно; люди осведомленные сразу определят, что «подпольная радиостанция» — блеф. Да и выйдет она в эфир в лучшем случае два-три раза. Чекисты ее неминуемо засекут — чудес не бывает. Но и этого будет достаточно, чтобы устроить очередной антисоветский бум.

А вдруг повезет, и радиостанция продержится несколько месяцев? Сотня Буй-Тура обеспечит ее охрану и пути перемещения. Леса большие, в них можно и затеряться...

Кодовое название всей операции — «Голубая волна».

— Явки... пароли... Повторить. Еще раз. Снова повторить! Шифры...

Инструктаж продолжался долго. Злата устала, глаза ее потеряли бархатный оттенок.

Явки... пароли... шифры... Основные. Запасные. Сигналы провала...

Круг скучал, ожидая, когда наконец Боркун угомонится. Такая проверка, с его точки зрения, не вызывалась необходимостью. Злату не в пример обычным курсанткам готовили к заброске без спешки, неторопливо. Все, что долдонит Боркун, ей наверняка известно. Мудрый в этом деле ас, он не станет выпускать из клетки пташку с неокрепшими крыльями. Боркун — выскочка, любитель, возомнивший себя специалистом. Кое-что, конечно, и он умеет. Но уж лучше полагаться на Мудрого.

— Все, — сказал Боркун, — и провались я сквозь землю, если Злата не готова к рейсу.

— К подвигу! — строго поправил Круг.

— Ага ж, — не смутился Боркун. — Каждый день жизни на той стороне — героизм. И нянька-бабькивщина никогда не забудет своих лыцарей.

— Насколько я знаю историю, — вяло пошутила Злата, — рыцарей в юбке не было.

Круг и Боркун засмеялись.

— Прошу об одном одолжении, — сказала Злата.

— Пожалуйста, — с готовностью повернулся к ней Круг. — Речь идет о... — замялся, подобрал требуемое слово, — ...о вознаграждении?

— Нет. О другом. По правилам «игры» я должна идти без оружия. Но... я не могу. Привыкла к пистолету. Разрешите взять его с собой? Так, на всякий случай.

— Нет! — категорически возразил Боркун. — Что за штучки? Вдруг заметут, пистолет вас потянет на дно.

— Если меня арестуют, то будет при мне оружие или нет — это обстоятельство ничего не изменит. Но я не хочу, не допущу, чтобы меня взяли... живой.

Она давно мечтала об этой минуте. Пусть видит Круг, пусть знает Боркун, что для нее борьба — это все. Она посвятила свою жизнь идеалам ОУН. И если не сможет за них бороться — лучше смерть. Злата играла созданную воображением героиню, твердо идущую к заветной цели. И если ей придется погибнуть...

«Фанатичка, — подумал Боркун. — Это хорошо. Спа-

сибо Макивчуку, старый злодуга воспитал племянницу, вышколил ее получше разведшкол».

— Разрешаю вам иметь при себе оружие, — торжественно, будто оказывая огромную милость, сказал Крук.

«Пыхатый индюк», — прокомментировал про себя Боркун. И засобирался:

— У меня еще сегодня вечером важная встреча. Если не возражаете, я, пожалуй, откланяюсь.

«Побежит докладывать Стронгу», — без раздражения отметил Крук. Порядок есть порядок: Стронг платит деньги, а кто платит за ужин — тот заказывает и музыку.

Мудрый тоже, сославшись на дела, решил уйти. Он молчал почти весь вечер. Встреча эта носила скорее «вдохновляющий», нежели деловой характер, а разжигание энтузиазма у агентов — не его специальность. Это по линии Крука.

Крук попрощался с Мудрым и Боркуном, сказал, чтобы как-то объяснить свое решение остаться вдвоем с симпатичной агенткой:

— А мы еще со Златой поговорим. Путешествие ей предстоит долгое, когда свидимся...

Злата тем особым чутьем, которое присуще красивым женщинам, угадывала, что не для очередных инструкций задерживает ее Крук. «Ну и ладно, — думала она. — Внимание такого человека — уже честь для меня».

Крук тщательно закрыл на задвижки дверь, повернулся к Злате:

— Отпразднуем присвоение вам офицерского звания. Вдвоем. Чтобы никто не мешал...

— Спасибо за внимание, друже! — тихо сказала Злата.

— На кухне есть кофе. Пошарьте в холодильнике, там найдется, чем закусить.

Он подошел к бару, привычно открыл полированную дверцу. Злата, мельком взглянув на этикетку, отметила, что коньяк прекрасный — французский «Мартель».

Разговор не клеился. Злата не отказывалась выпить, не манерничала. Она деловито хозяйничала за столом, изредка улыбаясь своим мыслям: а что, обзавестись бы семьей, встречать по вечерам мужа, подавать ему войлочные тапочки, газету и кофе? И никаких рейдов, опе-

раций, постоянного ожидания западни: свои ли ее расставят, чужие — кто бы ни послал пулю, умирать не хочется.

А Крук думал, что вот еще один человек уйдет на ту сторону. Скоро Злата увидит Украину, ее поля, тихие леса, услышит родной язык — ласковый и певучий. Свидание с родиной у нее состоится не по любви, но все-таки она увидится с нею.

Что ее там ждет? Удача или провал? Она пойдет по самому краю пропасти. Достаточно будет одного неверного шага, и... можно публиковать в «Зоре» некролог: «Погибла смертью героя... Не изменила великим идеалам борьбы...»

Но в любом случае она встретится с Украиной. То, что никогда больше не суждено ему, Круку. Ибо надо быть сумасшедшим или полным идиотом, чтобы еще на что-то надеяться. Кто в состоянии противостоять гиганту, сломавшему хребет такой силе, как фашизм?

Так неужели до конца жизни скитаться по чужбинам? Крук решительно прогнал тяжелые мысли, улыбнулся Злате, предложил выпить:

— Поднимем наши чарки за борьбу, — вздохнул он, — за удачу!

— У меня был приятель, — тихо сказала Злата. — Так он в ответ на такие слова обычно говорил: «Не перепутать бы, с кем бороться».

— О-ва, — удивился Крук. — Это что-то новое...

— А я, — вела свое Злата, — поправляла его: «Не знаешь, с кем ты, не лезь в драку. Но уж если сунулся — бейся до последнего!»

Коньяк помог ей разговориться. Неожиданно для себя Злата сказала Круку, что даже не мечтала о таком счастье: быть с ним, великим борцом за свободуеньки-витчизны, вдвоем. Это для нее самая большая радость.

Крук произнес еще несколько высоких фраз о переломном времени, в которое они живут, о горьком счастье отречения во имя высшей цели. Он налил по полной, предложил выпить за родную землю, которая, убежден, ждет их, чтобы обнять как любимых сыновей.

— Ты не торопиться? — спросил он Злату.

— Нет. Меня никто не ждет.

— Тогда... переберемся в спальню, там нам будет уютнее.

Пока Злата стелила постель, Крук проверил замки на дверях, потом сунул пистолет под подушку.

— Зачем? — удивилась Злата. — Мы же с тобой вдвоем, коханный.

— Привычка, — пробормотал Крук и погасил свет.

— И этот ваш Крук остался с агентом Гуляй-витер на конспиративной квартире? — не поверил майор Стронг.

— Так точно, — подтвердил Боркун.

— У вас что, разведка или бордель? — взорвался майор. — Впрочем, вы поступили правильно, сообщив об этом мне. Мы ценим откровенность.

И не сдержался, со злостью грохнул кулаком об стол:

— Вонючий кот! Да не вы, а этот ваш, как его...

— Крук...

— Вот именно! А вы куда смотрели? Так ведь можно всю операцию провалить в самом начале! С каким настроением уйдет эта шлюха за кордон?

— Думаю, с прекрасным, — решил перебить шефа Боркун.

Гнев Стронга его не очень испугал. Наоборот, Боркун был доволен: удачно подставил Крука под удар. А то уж больно напористо прется тот в «вожди».

— Ладно, — сказал Стронг, — в ближайшее время подумаю, как навести порядок на вашей псарне. С документами для Гуляй-витер нормально?

Он никак не мог произнести эту идиотскую славянскую фамилию «Гуляйвитер» единым словом и делил ее пополам: «Гуляй-витер».

— Да, — демонстрировал служебное рвение Боркун. — У нее паперы на имя Ганны Божко — она ими будет пользоваться только первое время, пока не осмотрится. А дальше наши люди там, на Украине, передадут ей другой комплект документов, более подходящий для окончательной легализации.

— Не слишком ли сложно? Смотрите, себя не перехитрите.

— Смею вас заверить, все продумано до мельчайших деталей.

— Хорошо. Начинайте операцию.

Майор Стронг опять побагровел и крепко выругался:

— Блудливые мерзавцы!..

Разве можно иметь дело с человеком, который перед самой операцией тащит агента в свою постель? Хорошо, что Боркун рассказал ему эту препохабную историю: надо будет приглядеться к Круку...

ГЛАВА IX

— Удивляюсь, почему они не вызывают меня на допрос, — сказала Ганна.

— За этим дело не станет, — Леся сидела рядом с нею на койке. — Не волнуйся, позовут. А пока отдыхай, — посоветовала она доброжелательно.

Леся подошла к стене, вычертила шпилькой еще одну палочку.

— День прошел.

— И слава богу, — откликнулась из своего угла Яна. — Где-то сейчас мой Гнат?

— А у вдовицы какой-нибудь самогонку дует, — елеинно ответила ей Леся. — Если его еще чекисты не шлепнули.

— Типун тебе на язык! — не на шутку разобиделась Яна.

Леся пересчитывала черточки своего «календаря»: «Тридцать два, тридцать три... сорок три...»

— Сорок восемь дней я уже здесь, — подвела итог.

Ганна поражалась этой девушке. По утрам занимается гимнастикой. Вытребовала разрешение на чтение книг. Всегда в хорошем настроении — песни поет. Умеет и пошутить и посочувствовать, если тоска нахлынет.

— Слухай, Подолянка, — тихо позвала она Лесю.

Такое псевдо было обозначено на папке «дело №...», которую случайно увидела она у следователя. Девушка не отозвалась.

— Подолянка!

— Ты кого? — удивилась Леся.

— Тебя зову, — серьезно сказала Ганна.

— Сроду меня так никто не звал, — резко сказала Леся. — Да и не с Подоля я...

«Осторожная», — отметила Ганна. И, действуя ско-

рее по наитию, нежели по заранее продуманному плану, рассказала вдруг Лесе об оплошности следователя. Закончила словами:

— Второе твоё псевдо — Мавка... Подолянка — Мавка... Гарно!

Лесья покосилась на Яну — девушка уже спала. И тихо, но решительно открестилась от всего, что ей наговорила Ганна:

— Нет, это «им» не удалось мне пришить. Как ни пытались — не вышло. А сижу я по другому случаю.

— По какому, если не секрет? — живо заинтересовалась Ганна.

Раньше все ее попытки что-то выудить у Леси так мягко отклоняла, отделиваясь шуткой или просто молчанием.

— За то, что я в Германии побывала.

— За это не карают. Многих девчат в неметчину угнали.

— А меня не угоняли. Я сама ездила.

Только сейчас Ганна поняла: Лесья толкует о том, что по доброй воле в годы войны отправилась в Германию. Могло ли такое приключиться с украинской девушкой? Ганна засомневалась:

— Не могу поверить. Где ты там была?

— В Берлине...

День давно закончился. Узкое окошко будто затянуло темно-синей шторкой — небо там, на воле, затянуло тучами. Мерно вышагивал часовой, позвякивая снаряжением. В тюрьме свои приметы времени. Ритм ее жизни меняется редко, только в силу чрезвычайных обстоятельств. И можно без часов, по тюремным звукам, точно знать, который сейчас час. Вот солдат остановился. Стукнула дверь в дальнем конце коридора. Снова грохот сапог. Приглушенный разговор.

Смена караула — полночь.

— Ну почему бы и не поверить? — спросила тихо Лесья.

— Да как ты могла попасть туда, в Берлин? — Ганне не приходилось разыгрывать удивление, чувствовалось, что она до крайности заинтригована и еще не успела сделать для себя какие-либо выводы из неожиданной откровенности Леси. — Ты, сельская учительница-украинка... Что тебе было делать в Берлине? Боже мой, это ведь совсем другой мир!

— Конечно, — охотно согласилась Лесья, — с нашей жизнью ничего, ну ничегошеньки общего. Небо и земля.

Она усмехнулась, и Ганна не увидела — почувствовала эту легкую, ироническую улыбку.

Она не обиделась. Лесья имела право на иронию — не надо было так обнаруживать свою растерянность.

— Постой, — сообщила Ганна, — так тебя увезли в Германию в украинских эшелонах?

Лесья живо вспомнила эти эшелоны: длинный ряд товарных вагонов, решетки на окнах, рвутся из-за решеток стон и плач — едут «добровольно» в великую Германию украинские девушки-рабыни.

— Нет, эта доля меня миновала...

— Тогда не понимаю, — Ганна даже губку прикусила от злости.

Странные это были диалоги. Ганна, в первые дни заключения неприступно-холодная, горячилась, теряла терпение, забрасывала Лесью вопросами. И чем больше нервничала Ганна, тем спокойнее становилась Лесья. Она уже твердо знала, кто перед ней. И не скрывала, что решила эту задачу с несколькими неизвестными.

Ганна, наоборот, никак не могла решить, как ей вести себя с этой девушкой, которая где фразой, а где только намеком дала понять, что есть у них общие «знакомые» и, вполне возможно, ходили когда-то одними тропами.

Сдерживала Ганну неприязнь, скрытая, почти неуловимая, с которой относилась Лесья к тому, что Ганна боготворила. Впрочем, это была даже не неприязнь, а равнодушие много повидавшего и разочаровавшегося человека.

— Значит, не понимаешь? — переспросила Лесья.

— Нет.

— Тогда попытаюсь вспомнить, как это было...

...Она ехала курьерским поездом. Пассажиры «Дедуца» пережили все: их обстреляли в украинских лесах партизаны, на одной из небольших станций над составом с воем пронеслись советские пикировщики — от армейского эшелона, стоявшего в тупике, остались только щепки и темный дым. Их пять, нет, десять раз проверяли патрули — документы изучались так тщательно, что сама Лесья начинала сомневаться в их подлинности. Наконец они добрались до пригородов Берлина, и было объявлено, что ни к одному из вокза-

лов, к сожалению, состав не подойдет. «Боятся бомбардировок», — объясняли вполголоса бывалые путешественники.

Леся выбралась где-то в районе Трептова. Было темно, абсолютно пустынные, какие-то сжавшиеся от страха улицы напоминали безмолвные ущелья, клиньями разрезавшие темноту. Ни такси, ни носильщиков — только мрачные полицейские, подозрительно оглядывавшие каждого, кто задерживался у поезда.

Леся ушла в темноту. Она звонко стучала каблучками по тротуару и боялась собственных шагов, город пугал ее молчанием. Это была страшная тишина — такая стоит в доме, где ждут покойника.

И вдруг завывли сирены, и встречный патруль загнал Лесю в бомбоубежище. Налет она переждала среди женщин, детей и стариков, среди чемоданов, детских колясок, узелков и кастрюлек. Некоторые семьи — из разрушенных домов — здесь и жили.

Глухо доносились взрывы, будто издалека слышался треск зениток.

Страх. Именно он объединял людей, оказавшихся в убежище. Они молчали, даже дети не плакали. Слышны были только голоса «гитлер-девиц», оказывавших первую помощь пострадавшим.

Лесе удалось после налета быстро отыскать нужный адрес — дом уцелел, и ее встретили в нем приветливо. В последующие дни она, когда позволяли дела, много бродила по Берлину — хотелось знать, каков он, этот город. В чистеньких скверах и парках стояли зенитные батареи, укрытые маскировочными сетями. Везде — запретные зоны, аккуратные таблички: «Проход воспрещен. Сопротивление патрулю карается смертью». Разрушенные кварталы и оптимистические призывы: «Жители Берлина! Не бойтесь воздушных налетов противника. Вы находитесь под защитой мощной зенитной артиллерии. Паникеры караются смертью».

Самым употребляемым в этом городе было слово «смерть». А самым распространенным цветом — черный: повязки на рукавах у инвалидов, обрамление знамен, черная форма гестаповцев, закопченные руины...

Леся вспоминала улицы, по которым она ходила в Берлине, площади, облик столицы «третьего рейха» в те дни, когда до капитуляции было еще далеко, но и надежда на победу уже рассеялась, как туман на заре.

У нее была цепкая память: многие детали, подробности были такими, что их нельзя было заимствовать из газет, о подобном в газетах не пишут. Это можно было увидеть только в Берлине тех лет.

— Помню, как меня удивило объявление о конкурсе «домохозяйек-изобретательниц». Первую премию получила вдова полицейского инспектора за изобретение миндального торта из овсяных отрубей...

Ганна молча слушала подругу, стараясь сразу же, по ходу, определить степень доверительности, искренности. Так ее учил Степан Мудрый: «Первый рассказ — самый правдивый и... самый опасный. На нем легко пойматься — из-за старания, чтобы все было правильно». Мудрый не допускал, что кто-нибудь может говорить правду. Все дело в том, удастся ли поймать на деталях или нет.

— А какие юбки носили берлинки? — неожиданно спросила она.

— Естественно, короткие, — ответила Леся. — Сам Геббельс, выступая в Спортпаласе, призвал: «Женщины Германии! Сокращайте до минимума свои одежды: ткани нужны фронту!»

Леся произнесла последние фразы крикливо, напыщенно, так, по ее мнению, выкрикивал их колченогий доктор, и рассмеялась:

— До чего же долго помнится подобная чепуха! А мне, чтобы не выделяться, тоже пришлось подрезать платье — было странно светить голыми коленками...

Леся разговорилась: видно было, что и ей интересно вспомнить давнюю поездку в Германию.

— Я очень любила ходить в кафе «Комикерс». Там выступал любимец берлинцев комик Гробб. Старый, добрый и веселый. Надо было видеть, как он обращался к серой, скучной публике: «Немцы, смейтесь! Улыбайтесь, хохочите, гогочите, ржите, покатывайтесь со смеху! Смех полезен для организма. Он содержит витамины! Час смеха заменяет два яйца!» Комик веселился, а зрители сидели мрачные. Им было уже не до смеха. Умора!..

В голосе Леси послышалось злорадство. И его отметила Ганна. Что же, вполне естественно: молодая украинка, воспитанная в страхе перед рейхом, имела возможность поиздеваться над ним.

Очевидно, Леся действительно была в те годы в Гер-

мании. Она точно даже в деталях, нюансах. Было в Берлине кафе «Комикерс», и там почти каждый вечер подобострастно кланялся избранной публике Гробб.

Ганна понимала, что настойчивые расспросы могут насторожить Лесю, и старалась, чтобы в тоне звучало любопытство — и больше ничего. Сказала:

— А я любила в кино ходить.

— Я тоже. Тогда как раз рекламировался новый фильм. Кажется, «Сверхлюди Восточного фронта». С Гансом Эверсом в главной роли. А почти во всех берлинских театрах шел один и тот же поэтический фарс: «Густав мылся в бане, когда раздался вой сирен». Глупый и пошлый, хотя там были заняты и знаменитости: Хуберт Клоц и Эмма Лампе...

И вдруг Лесья резко спросила:

— Может, хватит?

— Что? — не сразу поняла Ганна.

— Прекратим допрос?

— Ох и колючая ты, Лесья! — примирительно сказала Ганна. — Допроса не было, просто интересно вспомнить.

— Мне тоже. — Лесья встала, прошлась по камере, поправила одеяло на сладко посапывающей во сне Яне: «Спит наша дуручка...»

— И все-таки ты не сказала главное. Теперь я верю, ты действительно была в Берлине. Но зачем и как туда попала?

— Многое же ты хочешь знать, Ганна...

— Пойми, для меня это очень важно.

— Непонятно, почему тебя все это заинтересовало...

— Ну хотя бы потому, что, согласись, далеко не каждая из украинских учительниц в сорок четвертом могла по доброй воле поехать в Германию, ходить там в кафе и театры и возвратиться обратно...

Когда щелкал «глазок» на двери, они замолкали. Часовой осматривал камеру — все спокойно, и снова шагал, шагал по гулкому коридору.

— Допустим, Ганночка, был у меня жених. Офицер. И вот, опять допустим, захотел он, чтобы посетила я его родителей, познакомилась с ними, получила благословение.

— Нет, невозможно! Уж не думаешь ли ты, что я идиотка? — воскликнула Ганна.

— Не думаю, — невозмутимо сказала Лесья.

— Тогда скажи тому, кто изобретал твою «легенду», что немецким офицерам запрещалось вступать в брак с неарийками.

— А я разве говорила, что собиралась замуж за немца? Я, украинка?

— Тогда...

— Да. Мой жених был украинцем. Из старой, истинно украинской семьи.

Лесья не стала больше ничего говорить, как ни попытывалась Ганна. Теперь они будто поменялись ролями. Ранее сдержанная, замкнувшаяся в себе, Ганна становилась день ото дня разговорчивее, и, наоборот, общительная Лесья часто замолкала, будто боялась, что в порыве искренности может случайно проговориться о чем-то чрезвычайно важном для нее.

Но Ганну недаром наставлял сам Степан Мудрый.

— Вот, подруженька, теперь я знаю твою тайну, — ласково сказала она, — и если завтра скажу о ней следователю...

— И правду люди говорят, что, когда бог хочет обидеть человека, он отнимает у него разум, — ответила Лесья. — Плохо же ты думаешь о москальских слидчих! Да они это уже давно знают: и кто мой жених, и когда я в Берлин ездила, и сколько дней там была. Все им известно. Потому я тут и сижу, с тобой дни коротаю.

И она невозмутимо сообщила Ганне, что вряд ли чекистам удастся обвинить ее в чем-нибудь предосудительном: никому не возбраняется выходить замуж, и жениха каждая по своему вкусу подбирает. К тому же жених голову сложил в том же сорок четвертом, так что осталась она соломенной вдовой. Следователи называют его палачом, говорят они ей, Лесе, что на совести жениха десятки загубленных людей. Но она при расстрелах и экзекуциях не присутствовала, со своим женихом познакомилась во Львове — залечивал раны в госпитале, а Лесья работала там сестрой. Да и какой спрос с мертвого?

Есть в ровенских лесах маленький хуторок, подступили к нему с четырех сторон дубы вековые. Там и поручкался со старой каргой ее жених, пошел со своей сотней на партизан и не вернулся.

Вот и спрашивается, какая ее вина? Никогда он не говорил, что командует какой-то особой командой...

— Так-таки и никогда? — не утерпела Ганна. И решительно сказала: — Если ты мне доверяешь, назови имя жениха твоего. Хоть и велик мир, но случиться может — знаю его или родичей...

Леся недолго размышляла. Да и чего опасаться? Судя по всему, Ганна не день будет гостевать в казенных домах, не разнесет сплетню. А следователям и так все известно.

— Максим Ольшанский...

Ганна не в силах была скрыть удивление. Она поднялась с узкой откидной койки, подошла к Лесе, попыталась заглянуть ей в глаза.

Выполз из-за тучи молодой месяц, бросил в тюремное окошко сноп бледного света. Леся подставила лицо этому гостю с воли, и оно выписалось в густой темноте, как тень ложится на озерную воду.

— Красивая, — признала Ганна.

— Гнате... — пробормотала, повернувшись на другой бок, Яна.

— Яна и во сне своему богу молится, — невесело пошутила Леся.

— Так вот, красавица, — решившись, осторожно сказала Ганна, — знала я твоего Максима...

Настал черед удивляться Лесе. Она совсем как девчонка всплеснула руками, не сдерживаясь, громко вскрикнула:

— Не може того бути!

— Правду говорю, Мавка!

Леся сразу пришла в себя, посуровела:

— Оставь псевдо. Этого даже следователь не смог доказать.

Невероятная, почти невозможная догадка промелькнула в голове у Златы. Следователь доказать не смог, но... Бывают ведь счастливые случайности. Вдруг еще не все потеряно? Леся выйдет на волю. Ей повезло, она оказалась неуязвимой. В длинных вечерних разговорах Злата давно установила, что девушка, с которой судьба столкнула ее в одной камере, вроде бы разделяет ее взгляды, хотя и не сказала этого прямо ни разу. Только осторожные слова, детали, намеки... Какие-то штрихи прошлого... Но недаром говорят: рыбак рыбака видит издалека.

— Случалось ли тебе бывать в Киеве? — Злата неожиданно сменила тему разговора.

— Конечно. Раза три или четыре, — сказала Леся.

— Какой памятник тебе больше всего понравился?

— Тарасу Шевченко.

— Любишь Кобзаря?

— Очень!

— А вот эти его строчки знаешь? — Злата мгновение помолчала, будто вспоминая, потом выразительно, медленно прочитала первые строки пароля:

Наша дума, наша песня
Не умрет, не сгинет...

Леся закончила:

Вот в чем, люди, наша слава,
Слава Украини!

— Боже, какое счастье! — тихо сказала Злата. И заплакалась.

Грохнула, будто выстрел, в тюремной тишине заслонка «глазка».

— Эй вы, сороки, — незлобно прикрикнул из-за двери караульный, — угомонитесь. Или в карцер захотели?

— И в самом деле, — не стала пререкаться Ганна, — давай спать. Успеем наговориться.

Впервые за все время было у нее хорошее настроение. И совсем тихо пожелала:

— Доброй ночи, Мавка.

Леся ничего не ответила, отвернувшись к стене.

И снова в камере тишина.

ГЛАВА X

... — Хорошо горит, — сказал Рен.

Он поигрывал нагайкой, стоял на земле крепко, будто врос в нее. Блики пожара отражались в начищенных до зеркального блеска сапогах. Рен был туго перетянут ремнями, на голове мазепинка с трезубом. Среди своих боевиков, одетых кто во что — в немецкие мундиры, в форму полицейских, в селянские полушубки, — казался он Злате мужественным, таким, каким и должен быть истинно украинский рыцарь.

Злата восхищалась Реном. Она стояла рядом с ним, и ей хотелось, чтобы он знал, как она к нему относится.

— Друзе Рен, — сказала, — от такого пожара светлеет на душе.

— Ага ж, — согласился Рен, — добре пожарятся колгоспники...

— Вы войдете в историю, — восторженно добавила Злата.

Было ей двадцать два, и рейс к Рену был самым серьезным заданием, которое ей приходилось выполнять. Как говаривал дядя Левко, пришло время борьбы, и Злата под руководством Мудрого истово служила идеям «самостийной и соборной».

Стояла, как и сейчас, ранняя осень, тихая, безветренная: дым пожарища в чистом, прозрачном воздухе казался особенно черным и печальным. А у Златы было радостно на душе — пусть горят ясным пламенем те, кто встал на их пути! Когда собирались в рейд, Рен протянул ей колушок, который ладно обтянул плечи и был точно по ее фигуре. Колушок был явно сшит для дивчины, кокетливо подбит мехом, украшен красной нитью. Злате он очень понравился, и спросила она тогда у Рена, чья это такая фанная одежда. Рен сказал, что его связной. Может, Мавки?

Рену нравилась восторженность юной курьерши. Но ни он, ни сама Злата не думали тогда, как близки были ее слова к истине. «Вошел» Рен в историю, ибо народ ничего не забывает, и записал он в своей памяти строки о кровавом Рене, чтобы воздать ему должное, когда придет срок.

— Вот ту хату не трогайте, — показал Рен своим хлопцам нагайкой на один из домов.

— Почему, друже Рен? — заинтересовалась Злата.

Все, что делал Рен, казалось ей наполненным особым смыслом.

— Видишь, там лелека* гнездо свила? А ее трогать нельзя — эта птица счастье приносит.

На гребне соломенной крыши укрепил хозяин хаты колесо от воза. Аисты построили на нем из хмыза, прутиков свое гнездо. Сейчас они кружили высоко в вебе над косым клином дыма, редко и тяжело взмахивая крыльями.

И снова пришла Злата в восторг.

— Расскажешь там, — Рен неопределенно указал

нагайкой куда-то на запад, где обитало высшее руководство, — как мы боремся, огнем выжигаем бурьян с наших полей.

— Расскажу, Рен, — заверила Злата.

Она потом в рапорте о рейсе не поскупилась на яркие краски, и Мудрый, читая его, только головой крутил: видно, добре Рен ублажал молодую курьершу.

Был то удачный для Златы рейс, она легко перешла кордон, потому что царила еще военная неразбериха, когда огромные массы людей, сдвинутые с места, пересекали в разных направлениях обширные пространства.

Рен надолго остался в памяти у Златы. Позже она узнала, что стал «ее» сотник куренным, что крепко впечатлелся он в леса, не удастся чекистам его вышибить.

А в день, когда стало известно о гибели Рена, надела черную косынку. Так мечталось ей еще раз с ним свидеться...

Слышала Злата, что была возле Рена дивчина, которую щедро одарял куренной и доверием и лаской. Мудрый, готовя Злату к рейсу, называл людей, которые заслуживали полного доверия. Была в том недлинном списке и связная Рена, известная службе безопасности под двумя псевдо: «Подольянка» и «Мавка». Курьеры нередко имели два псевдо: одно для повседневной жизни, другое для особых, специальных заданий.

— Но вы Мавку не найдете, — сказал тогда эсбековец. — За несколько месяцев до гибели Рена она исчезла. Что случилось с нею, знал один Рен. А он уже не с нами... — Мудрый поднял очи к потолку, словно хотел показать, куда отправился Рен.

Злата вспомнила все, что знала о Рене и его гибели.

Рен сколотил свой курень* из остатков разгромленных сотен, собрал вокруг себя всех, кому терять было нечего. Карьеру свою начал в украинской вспомогательной полиции, потом был сотником. Сотня его совершала налеты на села, перехватывала партизанских связных, вместе с гитлеровцами участвовала в карательных акциях. Любил Рен в молодости въезжать в притихшее от страха село на белом коне. А там, где Рен появлялся, оставались лишь пепелища и расстрелянные.

* Курень — подразделение в пресловутой УПА. В курень входили четыре так называемые сотни.

* Лелека — аист.

После ухода гитлеровцев у Рена сохранились прочные базы — бункеры, построенные организацией Тодта специально для националистических «друзей». Бункеров было несколько: Рен маневрировал, изворачивался, ловко уходил от облав. Вроде бы ему очень везло. Но дело было не только в везении. Куренной в совершенстве владел приемами тайной войны, в свое время числился в специальной школе абвера не в последних учениках, годами накапливал бандитский опыт.

Куренной Рен был молчаливым, кряжистым. Лицо его изрезано ранними морщинами, в чубе густо серебрилась седина. Говорили люди, что не знал Рен, что такое жалость. Он выше всего ценил другое качество — страх. И когда однажды в его сотню пришел какой-то хлопчина и сказал, что хочет добровольно встать под знамя славного батька Рена, куренной приказал пристрелить его. Не верил, что кто-то может добровольно прийти к нему. Пополнял свою сотню другим путем. Налетал на село, и его люди ловили молодых парней. Другие волокли к майдану активистов, всех, кто под руку попадался.

Рен спрашивал у какого-нибудь хлопца:

— Хочешь в сотню?

Тот пришибленно молчал, переминаясь с ноги на ногу.

— Дайте ему карабин! — приказывал Рен.

Против парня ставили односельчанина-активиста.

— Убей его, он предал неньку-витчизну коммунистам и москалям.

Хлопец, случалось, швырял винтовку на землю, кричал больно и гневно:

— Убей лучше меня, бандюга проклятый!

Рен стрелял, и падал хлопец, а бандеровец вызывал другого. И снова:

— Хочешь в сотню, воевать против коммунистов?

Уловив чуть заметный перепуганный кивок, приказывал:

— Убей его! — тыкал нагайкой в сторону избитого, истерзанного ожиданием смерти селянина.

И, случалось, гремел выстрел. Рен удовлетворенно кивал: прошел хлопьяга аттентат*, кровь держит лютого на привязи крепче всяких там слов и клятв.

* Аттентат — своеобразные «крестины» в бандитскую веру: участие в убийстве, налете на село и т. д.

Тактика у куренного была простая: он совершал налеты на села далеко от своих баз. Село еще горело, а Рен уже стремительно уходил со своей бандой в глубь леса, заметал следы, петлял по непролазным трущобам.

Одновременно был Рен и руководителем — проводником краевого провода. Впрочем, к тому времени все рефентуры провода — пропаганды, хозяйственную и другие — разгромили чекисты. Уцелел лишь референт службы безпеки Сорока со своими людьми. Они обеспечивали банде «тылы», снабжали информацией, расправлялись с теми, у кого возникало желание уйти из леса.

Рен сидел в лесу, Сорока — в городе; они регулярно обменивались «штафетами» и грепсами.

Мудрый высоко ценил Рена. И действительно, нужна была незаурядная изворотливость, чтобы уйти от облав в то время, когда другие сотни были разгромлены.

За несколько месяцев до гибели Рен ушел на одну из запасных баз. Перед этим провел чистку среди своих людей. Всех, в ком сомневался, поодиночке уничтожил. Сделал это без излишнего шума, тихо и основательно, как и все, за что брался.

Приглашал к себе в бункер для «душевного» разговора.

— Трудно стало в лесу?

Парень мялся: не часто задавал батько такие вопросы. Тяжело шевелились мысли в голове, из которой лес да пожары начисто выветрили способность рассуждать здраво. Были это, как правило, малограмотные сельские хлопцы, силой загнанные в сотню. Детство — в наймах, в постоянной тоске по куску хлеба, в старании угодить хозяину. Юность — в сотнях, тот же хозяин или такой же чоловьяга, как хозяин, стал сотником. Опять гнись ниже, угождай, делай, что прикажут.

— Стреляйте, хлопцы, — кричал Рен во время очередной «акции», — я за вас перед богом и витчизной отвечу!

Стреляли хлопцы по безоружным и с каждым выстрелом все больше привязывали себя к лесу.

Но Злата знала, что даже эти тупые, способные только жечь хаты да брюхатить сельских девок люди, которых она называла не иначе как быдлом, и те порой задумывались: а что же дальше, сколько можно

убивать? И начинали шептаться между собой, по слогам читать листовки, которые сбрасывали самолеты над лесами. Тогда и звал их поодиночке к себе Рен:

— И в самом деле лес — не брат и не сват, тяжело тут...

Тон доверительный, как раз для беседы «батька» с «сыном».

— Та ничего... — тянул хлопец.

Непонятно было, куда куренной гнет. И на всякий случай заверял Рена:

— Де вы, там и мы...

Рен объяснял, что принял решение часть людей перевести на легальное положение, чтобы сохранить их. Подчеркивал: самых преданных, таких, у кого ума побольше. Вручал документы, денег немного: «Завтра и уйдешь».

А назавтра встречали хлопца люди Сороки, валили на землю, набрасывали удавку. Рен приглашал следующего...

Так он очистил сотню и с наиболее верными людьми ушел к бункерам, которые берег на самый крайний случай. Бункера превратил в крепость, заминировал подходы к ним, организовал круглосуточное наблюдение за дальними и ближними подступами к своему штабу. И отсюда отдавал приказы своим уцелевшим бандитам, собирал остатки разгромленных сотен, одиночек, затанувших в лесах.

Рен терпеливо ждал разрешения центрального провода уйти на запад.

Мудрый говорил Злате, что такого приказа куренной не получил. Он был нужен проводу на «землях», а не в Мюнхене или Вене. Курьер, приказавший Рену держаться до последнего, назад не возвратился. Его судьба Мудрому неизвестна.

Что еще Злата знала о Рене? Что ненавидел он люто Советы и никогда бы добровольно не вышел из леса. Не мог он рассчитывать, что простят люди налеты его сотен. Что всю жизнь он боролся под желто-голубыми знаменами, был, по словам Мудрого, одним из наиболее верных людей.

— Рен не из тех, кто автомат бросит, — говорил Мудрый Злате, — он будет стрелять до конца и последнюю пулю сбережет для себя.

Так оно, очевидно, и случилось.

Известно стало, что окружили штаб Рена чекисты. Мудрый рассказывал, что удалось им выйти на Сороку, взяли они референта безпеки со всем его добром. И наконец, не выдержав Сорока, заговорил, спасая свою подлую шкуру, указал дорогу к штабу куренного. Чекисты бесшумно сняли охрану штаба, проложили стезжку в минных заграждениях.

Куренного в Мюнхене посмертно наградили «Золотым крестом». В «Зоре» о нем был напечатан большой очерк. И ставил Мудрый Рена в пример тем молодым, которых школил в своей референтуре.

— Но ведь Рен провалился? — спросила как-то Злата Мудрого.

— Что значит молодая кровь... — по-стариковски рассудительно покачал головой Мудрый. И откровенно объяснил: — Держался Рен, пока мог. И мы знали, что не сегодня, так завтра ему конец. А в таком случае лучше мертвый герой, чем еще один нахлебник здесь, за кордоном.

Слова эти поразили Злату так, что она забыла о бдительности, и то, о чем думала, ясно отразилось на лице. А думала вот о чем: вдруг и с нею так же обойдется?

— Не волнуйся, у тебя другая судьба, — нашел нужным успокоить ее Мудрый. — Ты, опытный курьер, стоишь по нынешним дням дороже двух Ренов...

Злата и верила и не верила, что соседка по камере — курьер грозного Рена. Если бы это было так! Многие совпадает, и многое настораживает... Но должно же ей, Злате, хоть в чем-нибудь повезти?

ГЛАВА XI

Дни шли за днями, и казалось Ганне, что никогда не было в ее жизни Мюнхена, Мудрого, Крука. Затягивалось прошлое легкой кисеей.

Как и предсказывала Леся, Яну выпустили. «Долго со мной беседовали, — чуть ли не с гордостью рассказывала Яна, — и про то, что я по глупости едва не стала на кривые дорожки, и кто такие бандеровцы, и почему они враги народа. Так я и сама знаю поче-

му. У мене тоже очи есть. Помню, налетели бандиты как коршуны на наше село, хаты сожгли, людей поубивали... Я слידчому про это тоже рассказала. «Вот, — говорит их самый главный начальник, — и вы, еще бы немного, тоже стали бы помощницей бандитов. Мы вас освобождаем, но помните: никогда не идите против народа, это может плохо кончиться». А у меня аж в глазах потемнело от радости. Схватила за сердце, чтоб не выскочило. Кажу: «Пане, то есть громадянин начальник, та щоб я... та николи!»

«Дуракам везет!» — злясь на разговорившуюся Яну, подумала Ганна.

— Куда теперь? — поинтересовалась доброжелательно Леся.

— А в свое село, куда ж еще? Найду Гната...

— Вот дурочка, — расхохоталась Леся, — ты ж из-за него в тюрьму попала.

— Найду Гната, — упрямо твердила Яна, — скажу: «Бросай, вражий сыну, автомат, ходы землю ораты!»

— Так он тебя и послушает!

— А нет, так навеки выброшу его из сердца и памяти.

Яна была настроена воинственно.

Остались Леся и Ганна в камере вдвоем. Долгими вечерами вспоминала Ганна прошлое, вставали в памяти люди, с которыми встречалась, виделись ей далекие дни, которым уже не вернуться. Она не Ганна, она Злата. Вот принимают ее в ОУН. Приносит пятнадцатилетняя Злата присягу. Дядя Левко гладит ласково по голове: «Вот ты и стала, девонька, в наши ряды. Попродовался бы твой отец — достойной ему, старому борцу, растешь». Рядом с нею стоит Максим Ольшанский, шепчет: «Присягаю завжды и всюды...» Максим ушел с походной колонной ОУН в сорок первом, когда громынула война. Прощаясь со Златой, просил, чтоб ждала, а сам обзавелся нареченной на «землях». Ну, о покойниках плохо не говорят, да и что там была у них за любовь, целовались украдкой...

В сорок втором ушла на Украину и Злата — по приказу ОУН. Сколько же ей было тогда, когда впервые встретила с родной землей, о которой мечтала, которую видела в девичьих снах? Не коханный снился — простор полей, жаворонки над жито, села в садах... Было ей тогда около двадцати. Думала, что станет рабо-

тать на культурной ниве, просвещать народ, задурманный чужими идеями. А ей приказали стать переводчицей в зондеркоманде, «очищать» украинскую землю от коммунистов, евреев и всех подозрительных. Зондеркоманда на машинах врывается в село, солдаты спрыгивали на ходу, привычно перекрывали дороги, отрезая пути к бегству. Начальник зондеркоманды гауптман Шеллер приказывал согнать селян на майдан.

— Позавчера, — переводила Злата, — в районе вавшего села был убит немецкий солдат. Приказываю расстрелять за убитого каждого десятого. Это будет первым предостережением бандитам.

Солдаты, не считая, вытаскивали из толпы человек двадцать.

Злата с любопытством смотрела, как эти люди неторопливо, словно не понимая, куда они уходят, шли к обрыву над речкой.

Толпа молчала, только слышалось тяжелое ее дыхание.

«Боже мой, — думала Злата, — до чего довели Советы народ, они уже и страдать разучились! Быдло, стадо скотины...»

Раздавались очереди, и только тогда шел по толпе стон и кто-нибудь падал там, в этом скопище людей, — жена ли, мать ли расстрелянного.

— А теперь, — переводила Злата герра гауптмана, — когда вы убедились, что мы пришли сюда не шутить, называйте имена главарей и партизан...

Потом расстреливали каждого пятого... Герр гауптман неторопливо постукивал нагайкой по лакированному голенищу сапога, отсчитывая залпы. Он ей нравился невозмутимостью и полным равнодушием к тому, назовут эти люди какие-нибудь имена или нет. И когда однажды вышел из толпы парнишка и сказал: «Это я убил фашиста, меня и казните, а их не трогайте», — герр гауптман презрительно скривил губы.

— Это есть неправда, — переводила Злата. — Не хорошо обманывать. Ты будешь первым, а остальные — как обычно.

И снова вытаскивали из толпы каждого десятого, и Злата видела, как в толпе старались запрятать детей в середину, закрыть их, чтоб не попались на глаза карателям. Но она знала, что это напрасно, потому что еще будут отсчитывать каждого пятого, а потом без

арифметики погонят всех к обрыву и прошьют очередями — старательно, аккуратно, чтоб не осталось никого в живых.

И с четырех концов встанет над селом пламя...

Герр гауптман Шеллер удовлетворенно кивал головой, переставал постукивать нагайкой и говорил:

— А теперь можно и отдохнуть.

— А теперь, — переводила Злата, — можно и...

— Остановитесь, — смеялся гауптман, обмахиваясь фуражкой — солнце било прямо в глаза, — переводить больше некому...

Герр гауптман в отличие от Максима Ольшанского не любил целоваться. После первой же совместной акции, когда расположились они на ночлег в уцелевшем доме, герр гауптман плотно закусил, ткнул нагайкой в кровать:

— Там будем спать. — И уточнил: — Вдвоем.

Злата, глотая неожиданные и такие ненужные слезы, постелила постель и стащила с усталого гауптмана лакированные сапоги.

— Очень карашо, — одобрил Шеллер, почесывая впалую грудь.

А Злата, по привычке все анализировать подумала: «Чего только не отдашь на алтарь борьбы...»

Когда однажды она шла с герром гауптманом по большому селу, где остановилась их зондеркоманда, и услышала вслед: «Немецкая овчарка», то неторопливо обернулась, расстегнула кобуру и пристрелила какую-то бабу, которая, наверное, ее облаяла, потому что стояла, кланяясь, ближе других таких же баб.

— Зачем? — удивился Шеллер. Он был не на «работе», а потому его абсолютно не интересовали «туземцы».

Злата, остывая, сказала, что баба ее оскорбила.

— Как? — заинтересовался гауптман.

— Она назвала меня... — Злата помялась, — вашей овчаркой.

На невозмутимой, холеной физиономии гауптмана бледно выписалась заинтересованность:

— Очень точно сказано... Не ожидал, что они умеют мыслить образами...

Партизаны пристрелили его два месяца спустя. Услышав выстрелы и взрывы гранат, гауптман выскочил из хаты в одном белье и, как заяц, поскакал ши-

рокими прыжками вдоль улицы. Очередь перерезала его тощую фигуру пополам.

Злате тогда удалось спастись чудом. У нее хватило самособладания остаться в постели, и партизаны просто не обратили внимания на женщину, забившуюся от страха под одеяло.

И снова шли перед нею вереницей дни, о которых не хотелось бы думать и перед страшным судом.

Вот пробивается она курьером к проводнику Рену. Рен тогда был в силе, хозяйничал в целой округе. Два телохранителя прикроют Злату в случае чего автоматами, отобьются, примут огонь на себя. Остался позади кердон, миновали Закарпатье, полонины и горы сменялись тихими полями, просторными лесами. Изменились и говор людей, и их одежда.

Рен встретил ее по чину — не таясь, доложил обстановку, просил передать проводу, что будет держаться до последнего.

— Как долго?

Краевой проводник, мрачноватый, похожий на хуторянина, с выдубленным всеми ветрами лицом, большими руками, неторопливой манерой долго размышлять над услышанным, повздыхал, поспеел, прикинул:

— С полгода...

— А дальше?

— Думаю, прикончат Советы.

Его прикончили в том самом бункере, где принимал Злату.

Она не могла представить его убитым — виделся таким, каким запомнился по «акциям», на которые приглашал закордонного курьера.

Уничтожали семью председателя сельского Совета. Рен сказал:

— Пойдем с нами, это безопасно, для тебя, курьера, опасности никакой.

Постучали в хату. Будто вымерли. Ударили прикладом так, что зашаталась убогая халупа.

— Гей, ты, выходи, выродок! — крикнул кто-то из приближенных Рена. — Будем землею тебя наделять.

— Выходи! — сказал и Рен. — Выйдешь сам, не тронем твоих волчат, только ты нам нужен. А так — всех передушим.

Рен глянул на Злату, отметил ее напряженный интерес к происходящему. «Выйдет», — сказал.

Злату занимало: о чем думает обреченный?.. Он там с винтовкой, может отстреливаться. Но тогда сунут факел под соломенную стреху, запылает хата, погибнут дети — мальчик и девочка, и жена тоже сгорит. Выйти из хаты — все равно что в волчью пасть влезть, от хлопцев Рена пощады не дождешься. Грюкнул засов, вышел селянин — в суконных штанах, в белой исподней рубашке. Швырнул карабин.

— Детей не трогайте...

— Выкуривайте весь выводок, — распорядился Рен.

Посмеиваясь, хитрый атаман без единого выстрела взял всю большевистскую семейку — хлопцы вытолкали из хаты детей и женщину.

— Ставьте к стенке...

Злата смотрела на расправу без ужаса — ей было интересно. Правда, немного знобило. И еще очень хотелось самой пристрелить председателя сельсовета. Рен не разрешил, сказал, что от пули — самая легкая смерть.

Сперва убили девочку — штыком, чтобы не тратить патроны. Потом мальчонку. Исполосовали ножами жену активиста. Председатель не мог даже кричать — ему заткнули рот шматком разорванной сорочки, спутали руки и ноги. Злата впервые увидела, как седеют моментально, сразу. Наверное, это был очень сильный человек, потому что не потерял сознание, видел все до самого последнего мгновения, когда вошла ему в лоб пуля из маузера Рена.

Злата запомнила, какой он был: невысокий, кряжистый, с гуцульскими усами. Стоял на земле крепко, будто и не боялся смерти, лишь бы детей не тронули.

У Рена во всем был порядок. Адъютант достал из полевой сумки список, вычеркнул оттуда одну фамилию.

— Много еще осталось? — поинтересовался Рен.

— Немало, друже проводник.

— Работа... — неопределенно процедил Рен и тяжело зашагал к лесу.

Вот и для гауптмана Шеллера такие «акции» тоже были «работой».

Злата не особенно долго оставалась под впечатлением этой «акции». Еще дядя Левко говорил: «Густо поросла украинская земля большевистским бурьяном, и не хватит нам рук, чтобы вырвать его с корнем».

А теперь вот вспомнила... И увидела, что поднялся с земли карабин председатель сельсовета, целится в нее.

— Да не ори ты, не дома! — растормошила наконец ее Леся.

— Ты? — приходя в себя, хрипло спросила Ганна. — А где...

Она шарила взглядом по углам: куда делся селянин с карабином?

— Про Яну спрашиваешь? Так ее ж отпустили. А ты кричишь, будто тебя на куски режут.

— Извини, приснилось.

— Вот я и говорю: не дома, дай и людям поспать. — Леся снова натянула на голову грубое одеяло.

А Ганна еще долго не могла уснуть. Правильно говорил Мудрый: нельзя вспоминать прошлое, его у нас нет. Есть только задание, которое надо выполнять.

ГЛАВА XII

— Было что-нибудь от этой... Гуляй-витер? — спросил Стронг, неторопливо раскуривая сигарету.

— Пока нет. — Боркун стоял перед майором навзрыд.

— Вас это не волнует?

Боркун помаялся. Скажешь «волнует» — нарвешься на нотации за грубую работу, «не волнует» — можно заслужить репутацию пустого, безответственного агента.

— Как вам сказать, мистер Стронг... Пока еще рано делать выводы. Злата даст о себе знать, только когда убедится, что все в порядке.

— А связь не подведет?

— Нет, этот канал мы берегли для самых крайних случаев.

— Ладно, будем надеяться. Вы не тянитесь, можно сесть...

Когда Стронгу приказали заняться националистами, он приуныл. Сколько интересных дел в послевоенной Европе! Секретные архивы, ученые, занимавшиеся разработкой новых видов оружия, военные преступники, гитлеровская агентурная сеть... Коллеги Стронга на таких делах не только растут по службе, но и наживают состояния, завязывают полезные связи. Изменится политическая погода, эти связи можно будет пустить в ход... А она неустойчива, эта погода, очень неустой-

чива. Подул холодный ветер, ударили первые заморозки. Не секрет для Стронга, что его коллеги создают тайные арсеналы из трофейного оружия, нянчатся с гитлеровскими генералами, будто те и не в плену, а были с дружеским визитом.

Да, много возможностей сейчас у предприимчивого человека. А тут возись с этим отребьем... Но приказ есть приказ. И в конце концов, там, наверху, виднее. Эти парни, наверное, знают, что делают, сколачивая и такую команду.

Ему, Стронгу, было сказано: нужна надежная сеть по ту сторону «железного занавеса». Гитлер среди прочих ошибок совершил и такую: полез в Россию, не зная этой страны. Накануне войны немецкая разведка практически не располагала объективными данными о России. Ее агентура была обезврежена чекистами. Люди Канариса пользовались ложными данными об оборонном и экономическом потенциале страны большевиков, об отношениях партии и народа. Они ввели фюрера в заблуждение, обещая после первых ударов по коммунистическому колоссу хаос и панику. Но фюрер был всего лишь ефрейтором. Его ошибки — урок...

Это было ясно и Стронгу — изучение России становится задачей номер один. Он был знаком с проектом создания сети «восточных институтов».

Не было для него секретом и то, что разведподразделения, работающие на Восток, реорганизуются и расширяются.

— У нас есть руководители, ученые, аналитики, — было сказано Стронгу. — Но у нас мало исполнителей, нет агентов, сумевших бы прорваться сквозь «занавес» и осесть на большевистской почве. Где их взять? Надо искать среди тех, кто ненавидит большевиков. ОУН как организация разгромлена. В политическом отношении это ноль, движение, скомпрометировавшее себя от начала и до конца. Но у них есть люди, готовые на все. Мера подлости для таких не установлена. Дадим им возможность снова поиграть в самостоятельность, пусть выкрикивают свои лозунги, а взамен заставим работать на нас.

— Таких подонков я на вербую в ближайшем притоне, — пробормотал Стронг.

— Там вы сколотите команду для ограбления банка. Но людей, способных пробраться через кордон и лега-

лизоваться в СССР, вы не найдете. Если только националисты не хвастают, то еще и сейчас на Украине у них есть преданные им люди. Надо прибрать к рукам карточку их агентуры, просеять ее, выбрать профессионалов.

— Не проще ли позвать сюда главарей и договориться с ними?

Стронг не спорил, было бы глупо пререкаться в данной ситуации. Он предлагал варианты. О майоре недавно говаривали, что он с трудом усваивает приказы, но если уж усвоил — то надолго. Руководство ценило в нем умение цепко и последовательно осуществлять избранную линию. Учитывалось и то, что майор не привык церемониться, не стеснялся в выборе средств для реализации задач — такой человек и нужен был для того, чтобы держать оуновцев в жесткой узде.

Майору Стронгу было известно, что не ему одному поручено заниматься националистами. Эту линию разрабатывали еще несколько кадровых разведчиков. Националистические главари грызутся между собой, и под влиянием этих распрей организация распалась на несколько группировок. Того и гляди вцепятся друг другу в глотку.

Нужны крепкие парни, чтобы держать эту свору на поводке...

— А теперь, — наконец вспомнил Стронг о Боркуне, — доложите о ваших внутренних делах. Как новая газета, эта «Зоря»?

— Не расходится тираж. От имени руководства мы обязали всех членов организации покупать «Зорю».

— И что? — иронически поинтересовался майор.

— Ничего. Прибавка — несколько десятков экземпляров.

— Так я и думал.

Майор не очень верил в затею с газетой. Другое дело, если бы газета издавалась «там».

— Как вы обозначили место издания «Зори»? — спросил у оуновца.

— Естественно, Мюнхен...

— Конечно, ничего другого ваши идиоты придумать не могли... Естественно...

Стронг презрительно уставился на Воркуна. Он умел смотреть на собеседника долго, не мигая, так что становилось не по себе и вспоминались все мелкие и круп-

ные прегрешения. Боркун в такие минуты особенно остро чувствовал презрение «шановного друга», и его охватывал почти животный страх — вдруг окажется ненужным и его отшвырнут от корыта? Отшвырнут пинком, будто шелудивую собачонку.

— Как большевики отреагировали на появление газеты?

— Никак... Будто ее и нет...

— Да, им ваш визг что слону дробинка.

Боркун по опыту знал, что майору лучше не перечить. Тот любил распоряжаться их делами, как у себя на ферме. Да и как перечить? Именно майор решает в первую очередь вопросы о субсидиях, помощи продовольствием, снаряжением. Не забывая при этом и себя, конечно.

— А что, если подогреть интерес ваших неблагодарных читателей к «Зоре»?

— Каким образом, мистер Стронг?

— Сколько за идею? — спизошел до мягкой фамильярности Стронг.

— За нами не пропадет! — бойко сказал Боркун. И подумал: «Значит, из очередной партии продовольствия опять два ящика кофе — на квартиру к майору. Мародер...»

— Устройте на «Зорю» налет, подожгите особняк...

— Что вы, мистер Стронг! Мы ее бережем как зеницу ока.

— Ну и напрасно, — отрезал майор. — На ваше несчастье, никто ее и трогать не собирается... Так вы сами... И поднимите такой гвалт, чтобы все услышали, как большевики расправляются с правдолюбцами.

— Поджог рейхстага? — начал догадываться Боркун.

— Параллели неуместны, — сухо отрезал майор. — Но если вы и впрямь хотите успешно работать — думайте. Ищите новые пути. Комбинируйте. Почему бы, например, вашей «Зоре» не сменить адрес? Представляете, как бы зазвучало: подпольная газета издается «там», в условиях постоянной опасности, в глубоком подполье?

Идея была настолько простой и заманчивой, что Боркун готов был приступить к ее реализации немедленно. В согласии своих высших руководителей он не сомневался. Но Стронг советовал не торопиться. Еще не

время. Все должно быть сделано чисто, чтобы никто ничего не заподозрил.

— Можете выдать эту мысль за свою, — разрешил он Боркуну. — Это несколько поднимет ваш авторитет. А нам реклама ни к чему...

Майор предпочитал оставаться в тени. Но за тем, как выполняются его «советы», он следил неусыпно. Акция «Голубая волна» должна быть разносторонней. Газета и создаваемая на Украине радиостанция, листовки, распространение других пропагандистских материалов — все это звенья единой цепи. Цепь куетя чужими руками. Но какой она должна быть — это забота Стронга и его коллег.

— Я преклоняюсь перед вашим умом, — восхищенно провозгласил Боркун.

— Ладно, парень. Лучше постарайся, чтобы все получилось о'кей. Имей в виду, чекисты тоже не дремлют. Работают они на совесть. Как только что-то будет от Гуляй-витер, — Стронгу все-таки не удавалось правильно произнести фамилию этого агента, — немедленно информируйте.

Боркун решил пройти пешком. Было уже поздно. Блеклый свет редких фонарей не закрывал звезды. Горели они ярко и холодно.

Боркун шел неторопливо, в голову лезли невеселые мысли. «Приходится унижаться и пресмыкаться. И перед кем? Перед этим чиновником Стронгом. А что делать?»

С наемниками не церемонятся. Впрочем, надо отдать должное, Стронг — опытный мастер, и рука у него крепкая. Такому палец в рот не клади: откусит и скажет, что так и было. Если ничего не сорвется, операция «Голубая волна» принесет немало хлопот большевикам. Ради этого стоит тянуться. Но и мы тоже не лыком шиты. Пусть Стронг думает, что его слово закон. Не получит он полного доступа к картотеке агентуры. Информацию — пожалуйста, а каким путем она добыта, это уже техника. Злата получила и другие явки, кроме тех, о которых доложено Стронгу. Вряд ли майору известна игра в поддавки. А оуновцы играли в нее еще с немцами. И не без успеха...»

— Стой! Руки за спину!

Окрик раздался так внезапно, что Боркун не успел ничего предпринять — перед ним стоял какой-то тип в

стволом пистолета показывал, что именно требуется сделать. Еще двое торчали рядом. «Кто? — лихорадочно соображал Боркун. — Хорошо, если просто грабители...»

— Кругом! — скомандовали ему.

Боркун, не сопротивляясь, повернулся.

— Послушайте, — стараясь говорить спокойно, сказал он. — Если вам нужны деньги...

— Молчать!

Эсбековец уловил в отрывистом тоне, которым произносились команды, иностранный акцент. Немецкие слова звучали не жестко и твердо, как обычно, а немного нараспев. Так мог произносить их славянин.

Его обыскали быстро и умело. Извлекли из кармана плаща пистолет. Не удивились — в эту лихую пору многие ходили с оружием. Бумажник Боркуна перекопывал в карман одного из налетчиков. «Счастье еще, что я не делал никаких записей», — промелькнула мысль. Правда, в блокноте есть кое-какие имена и клички, но они зашифрованы, уголовникам их не понять. «Только бы не прикончили, — молитвенно думал Боркун, — только бы отпустили живым». Много раз отправлявший людей на смерть, убивавший и сам, он не представлял, что это так страшно — ожидать пулю. В ту же секунду он почувствовал тупую боль в затылке и свалился ничком под стену, в которую упирался руками. Он уже не слышал, как налетчики неторопливо ушли, даже не прячась в тень от света фонарей, — кто посмеет их остановить на ночной улице?

Очнувшись, Боркун убедился, что у него даже карманы вывернули. В затылок будто иголок насовали, попробовал сделать шаг и застонал — боль была невыносимой. Тронул затылок ладонью — волосы слиплись. Но больше боли тревожило, что налетчики не сняли с него плащ, добротный пиджак. Так грабители не поступают...

ГЛАВА XIII

— Вам знаком этот человек?

— Вам знакома эта женщина?

— Что вы знаете об этом человеке?

— Где вы встречались с этой женщиной?

Злата поняла, что наступает конец игре. Бессмысленное, нервное заpiresательство на допросах ни к чему не привело. Может, только ненадолго удалось оттянуть время. Следовательно часами выслушивал ее рассказы о жизни в отцовском доме, о замужестве, службе у гитлеровцев, о казни мужа. Иногда он уточнял детали, переспрашивал, требовал точно назвать даты.

Злату удивляла и пугала его дотошность — такие не остановятся до тех пор, пока не вывернут, выпотрошат и душу, и то, что за душой. Было такое ощущение, что идет она по тонкому льду: еще несколько шагов — и лед треснет, вздыбится, и не выбраться ей из черного омута.

Такого отчаяния, как сейчас, она еще никогда не испытывала.

Изредка на допросах присутствовал пожилой, седоватый человек, к которому следователь обращался почтительно: «Товарищ полковник». Полковник обычно молчал, только смотрел на Злату взглядом, под которым она ежилась, сжималась, заикалась.

— Следовательно, рояль из Дома культуры к вам привез начальник полиции? Вы его хорошо знали?

— Он много раз бывал в нашем доме.

— Прекрасно. Давайте уточним еще одно обстоятельство: кроме вас, в учреждении, где вы работали у фашистов, были другие переводчики?

— Была переводчица. Я это уже говорила.

— Спокойнее, Божко. Вы что-то могли забыть, перепутать. Прошло ведь несколько лет...

— Я все прекрасно помню.

— Вот и хорошо. Как фамилия вашей бывшей коллеги?

— Галина Супруненко.

— Вы бы ее узнали, если бы встретились случайно?

— Конечно, но мне известно, что она погибла во время наступления Красной Армии на Львов.

Так ей сказал Степан Мудрый.

Полковник часто курил, и однажды Ганна не выдержала, попросила:

— Дайте сигарету.

— Курю папиросы. Пожалуйста, — протянул он ей открытую пачку «Казбека».

Ганна мельком взглянула на всадника в бурке, ска-

чущего по бело-синим горам, и потянулась к зажигалке.

— Неужели ваши инструкторы не показали, как у нас курят папиросы? — удивился полковник. — Смотрите...

Он извлек папиросу, постучал мундштуком по крышке, чтобы вылетели табачные крошки, примял табак пальцами, сжал мундштук лопаточкой.

Следователь смеялся одними глазами.

— Я не привыкла к папиросам. Курю всегда сигареты, — защищалась Ганна.

— Наконец-то вы сказали правду, — отметил иронически следователь.

— Вы мне не верите? — не сдавалась Ганна.

— Нет.

Она видела, что они действительно не верят ни единому ее слову.

Полковник невозмутимо курил, и у Ганны появилось ощущение, что ответы его не интересуют — он ее изучает по каким-то своим, одному ему известным параметрам.

На Ганну надвигалась безнадежность. Хуже всего было то, что она даже не приступила к операции. А пославшие ее надеются, ждут. Крук в ту последнюю ночь рассказывал, как много они ставят на ее смелость, ум, изворотливость. «Мы должны выиграть в этой игре, которую нам навязал Стронг, — говорил Крук. — Иначе...»

Что иначе, Ганна и сама представляла. Стоит пересохнуть ручейку субсидий, и организация очутится на краю пропасти. Кроме разведки, с которой они установили контакты, их поддержать некому, потому что остальным после войны и своих дел хватает.

Как, где оборвалась цепочка, по которой шла Злата от Мюнхена на «земли»? Провал не был случайностью, она ничем себя не выдала, не обнаружила. Ее ждали... Но точно так же будут ждать и других, кого пошлют Мудрый и Крук. Они попадут в ловушку...

Ганна не могла найти ответы на свои вопросы. И не видела выхода — казалось, все и вся ополчились против нее.

Какой он уверенный в себе, этот полковник! Чуть опустил веки, задумался, будто и нет ему дела до

какой-то Ганны Божко. Изредка проронит слово-два и молчит, сжигая папиросу за папиросой.

Ганна его боялась. Она решила стоять на своем до последнего, даже тогда, когда запирательство потеряет всякий смысл.

А потом последовало несколько очных ставок.

— Когда-нибудь вы встречались с этой женщиной?

— Нет.

— Что вы можете сказать об этом мужчине? Вы его знаете?

— Ничего не могу сказать. Первый раз вижу.

В кабинете следователя побывали тучный мужчина в чужом костюме, девушка примерно одного возраста с Ганной, какая-то женщина, одетая слишком пестро для своего возраста, еще один мужчина, бабушка, явно из села, другие люди. Все они внимательно и напряженно всматривались в Ганну, и все уже через несколько минут говорили одну и ту же фразу:

— Вижу впервые.

И Ганна подчеркнуто старательно присматривалась к этим людям и тоже отрицательно качала головой.

— Ничего не могу сказать.

Они проходили перед Ганной один за другим, и она чувствовала, что где-то здесь ей подготовлена ловушка. Знать бы где...

Наконец следователь сказал:

— Хватит. Вы не Божко. Это уже доказано.

— Не надо меня запугивать! — залилась багровым румянцем Ганна. — В конце концов, есть в этой стране закон и правосудие...

— Есть, — подтвердил полковник. — Вам воздастся должное. Объясните ей, кто были эти люди, — предложил он следователю.

— Здесь побывали те, кого настоящая Ганна Божко хорошо знала. И они тоже с нею неоднократно встречались. Начальник полиции местечка, где служил бургомистром Боцюн. Переводчица Галина Супруненко — она с Ганной работала в одном кабинете. Юрий Васильевич Хорунжий служил кучером у господина бургомистра и часто катал на легковой бричке его молодую супругу. Пелагея Жадан убирала в доме бургомистра...

— Хватит! — закричала Ганна, — Они ведь погибли! Это ложь!

— Поберегите нервы, — не повышая голоса, сказал полковник. — Вам они еще пригодятся. Как видите, эти люди живы...

— Ничего я вам больше не скажу. Хоть режьте меня на куски!

— Это те, кто вас послал сюда, резали людей на куски, полосовали ножами, рубили топорами... — сказал полковник. — Я это видел своими глазами.

— Дайте, ради бога, воды.

— Пожалуйста.

Он подождал, пока Ганна пришла в себя.

— Будете давать показания?

— Нет, — твердо сказала Ганна.

— Имейте в виду, не всегда молчание — золото.

— Я ничего не скажу.

И следователь и полковник видели — она действительно ничего не скажет. Ни сегодня, ни потом. Потому что превыше всего для нее были страх и ненависть — она боялась тех, кто ее сюда послал, и ненавидела жизнь, которую так и не узнала...

Ганне казалось, что во всем виноват Мудрый. Это он послал ее с «легендой», которую чекисты разоблачили быстро и без труда. Разве не уверял ее эсбековец, что все знавшие Ганну Божко погибли? Это он направил ее. А сколько было сказано слов о надежности пути. Будь он трижды проклят, этот Мудрый, столкнувший ее в пропасть!

Но что же делать? Ее, Злату, не страшит будущее, не волнует личная судьба. На территории СССР она не успела сейчас совершить какие-либо преступления. А до прошлого им не докопаться. Несколько лет в лагерях... За это время многое может измениться. Пока человек живет, живет в нем и надежда.

Но операция провалена — с треском, по всем статьям. И это самое важное, о чем Злата думала теперь днем и ночью.

Она была фанатичкой, Злата Гуляйвитер, и когда Крук в ту последнюю ночь спросил ее: «Выдержишь?», ответила: «Я живу только ненавистью». — «Слава тебе уже плетет венок», — Крук умел говорить афоризмами. «Я вернусь», — пообещала Злата.

Она не вернется. И напрасно будут надеяться на

нее те, кто послал. Пройдет не один месяц, прежде чем станет известно Мудрому о том, что ее взяли. Она сама предложила: чтобы свести риск до минимума, отзовется только после полной легализации.

Двурогий месяц заглянул в окошко камеры.

— Леся, — позвала Злата.

— Чего тебе? — приподнялась на койке подруга.

— Мне крышка, — сказала Злата спокойно. — Они все сумели доказать.

— Что ты — это не ты? — спросила Леся.

— И тебе это известно?

— А оно сразу видно. Вначале я сомневалась, теперь нет.

— Но почему?

— Сложно это объяснить. Лучше скажи — есть какая-никакая надежда?

— Нет. Они потянули за нужную ниточку. Мне теперь отсюда не выбраться.

Леся ничего не сказала, не поддержала ни добрым словом, ни участием Злату. Да и что могла сказать она, Мавка? Не тот был случай, чтобы разводить сантименты. Провозгласить разве: «Украина тебя не забудет! Мужайся!»? Так разве же это так? Не знает Украина эту особу, прибившуюся к ее берегам из далеких краев.

Злата подобрала ноги, сидела на койке, как большая унылая птица с перебитыми крыльями. Зябко куталась в цветастый платок.

— Молчишь? — спросила.

— Молчание по нынешним временам дороже золота.

— И это все, что ты можешь мне сказать?

Леся задумчиво смотрела в квадратное окошко. Взгляд у нее был отрешенный; казалось, что мысли увели ее далеко от этой камеры и беды Златы ей безразличны.

— Мой совет ты не примешь, — ответила после тяжелой паузы.

— А ты все-таки скажи...

— Хорошо, — согласилась Леся. — Хочешь жить — ответь на вопросы следователя.

— С ума сошла! — Злата сжала кулачки, вплотную подступила к Лесе.

— Тише, не ори. Часовые сбегутся. Ты спросила —

я ответила. Пойди все и расскажи — может, будет на нашей земле меньше крови и слез.

— Не дождутся они этого от меня! Что с тобой произошло, подруга? Еще вчера ты по-другому говорила.

— То было вчера...

— Тогда хочу тебе напомнить: у Советов свой суд, у нас — свой. Советы могут и помиловать, они сильные, а где сила — там доброта. Но мы ничего не прощаем. Наш закон: провалилась сама — не тащи за собой остальных.

— Хочешь погибнуть «героем»?

— Смерть меня не пугает.

— Потому что знаешь: грозит тебе только тюрьма.

— Значит, решила покончить с прошлым, Мавка? — в упор спросила Злата.

— Не знаю, — не сразу ответила Леся.

Она действительно еще ничего не знала.

Сегодня ее вызвал на очередной допрос следователь.

— Мы точно установили, — сказал он, — что ваш жених Максим вовсе не погиб в бою с партизанами. Он был уничтожен по приказу куренного Рена. Вот документы, свидетельствующие об этом. Знакомьтесь.

Когда Леся прочитала показания людей Рена, участвовавших в акции, а потом арестованных чекистами, ей показалось, что рухнул весь мир.

— Боже мой!.. — прошептала она. — Но за что?

— Можно предположить, что Ольшанский — молодой, энергичный — мог в скором времени заменить Рена на посту куренного. Рен убрал соперника...

Леся справилась с болью: она сидела перед следователем прямая, строгая. Глаза у нее были сухие, только чуть приметно мерцали в них, будто отсвет далекой грозы, злые огоньки.

— А Рен сказал, будто это ваши люди Максима...

— Мы подумали, что вам лучше знать правду.

— Спасибо.

Она еще долго сидела неподвижно, и следователь ее не беспокоил — стоял у окна и курил.

Наконец Леся спросила:

— Мне можно идти?

— Да.

Уже от двери девушка обернулась, сказала:

— Рен погиб, но я найду способ отблагодарить его так, что он и на том свете в гробу перевернется. И всех его друзей заставлю по-волчьи завывать — попомнят они Мавку...

ГЛАВА XIV

— Итак, первый этап операции практически завершен. Пока все идет нормально...

Полковник Коломиец редко когда поздравлял своих подчиненных с успехом. И сейчас он сухо вато подвел итоги: сделана большая и сложная работа, а впереди — самое трудное. Но по тону, по тому, как с удовольствием, не торопясь произносил полковник слова, Мария чувствовала, что он доволен. Когда полковник нервничал, он говорил резко, отрывистыми, рублеными фразами. Мария, как и все товарищи, работавшие под командованием Коломийца, знала его стиль и уже в начале беседы могла определить настроение полковника.

Когда Коломийцу говорили, что эта его манера не особенно соответствует характеру выполняемой работы, так как приоткрывает его мысли и настроение, полковник обычно отвечал:

— А это только в плохих повестях чекисты не улыбнутся, не пошутят, все знают наперед и противника видят насквозь. Лица у них обязательно «непроницаемые и чуть усталые», веки «припухли от постоянного недосыпания», походка «энергичная, отражающая сильный характер». Вот и пусть живут такие чекисты на страницах романов. А мы люди обычные...

Полковник был убежден, что после разгрома краевого провода Рена империалистические разведки и направляемые ими националистические банды не оставят их область в покое.

— Мы должны быть готовы к новым схваткам. Не исключено, что изменится тактика борьбы, будут применены новые методы. Но наш край будет интересовать врагов: трудно им смириться с мыслью, что агентура, насаждавшаяся здесь десятилетиями, вырвана с корнем.

Полковник в свое время настоял, чтобы Мария с окончанием операции против Рена не расконспирировалась, оставалась в тени.

И когда стало известно, что на «земли» вновь собираются «гости», Коломиец, предлагая дерзкий план их встречи, отвел важную роль в его осуществлении своей ученице. Кое-кто сомневался, сможет ли Мария после многих месяцев предельного напряжения, жизни в постоянной, ни на секунду не ослабевающей опасности вновь включиться в операцию. А вдруг сдадут нервы, вдруг ошибется в мелочи, не рассчитает силы? Многие «вдруг» подстерегают разведчика... В одном мнении у всех совпало: борьба с бандитами, участие в разгроме краевого провода Рена обогатили Марию опытом, вооружили знанием врагов. Когда-то робкая девушка, пришедшая в органы государственной безопасности по путевке комсомола, стала стойким, испытанным солдатом тайной войны.

— Сомнения не лишены оснований, — согласился Коломиец. — Но в общем-то надо посоветоваться с самой Марией, что она скажет?

И когда Марии предложили принять участие в новой операции, полковник внимательно смотрел, как она воспримет перспективу снова на месяцы окунуться в самую гущу схватки. Он не любил людей, которые в ответ на любые приказания отвечают бодро «есть!» и потом только начинают размышлять.

Мария попросила несколько дней на то, чтобы все обдумать и взвесить. Это понравилось полковнику, всегда в своей беспокойной и точной работе помнившему народную мудрость: семь раз отмерь...

— Не торопитесь, — сказал он Марии, — время у вас в запасе есть.

Мария попросила послать ее ненадолго в какой-нибудь город, где ее бы никто не знал и она бы ни с кем знакомая не была. Объяснила:

— Хочу походить в театры, в музеи. Хочу побродить по улицам и паркам, не оглядываясь, не думая о том, что кто-то вдруг опознает.

Ей предоставили краткосрочный отпуск и возможность поехать в Москву. В столице она провела десять дней — ярких, заполненных до отказа новыми впечатлениями.

Сразу же после приезда она пошла на Красную площадь. Мария была впервые в Москве, и ее не покидало чувство приподнятой взволнованности — так встречаются с мудрым другом, со своей судьбой, с мечтой.

Такой себе и представляла она Красную площадь: строгой, светлой и очень родной. Было предвечерье, брусчатка площади матово блестела под мягким светом фонарей. Сказочно темнели в синеве витые купола собора Василия Блаженного. Чеканя шаг, сменился караул у Мавзолея. Марии все здесь было знакомо до мельчайших деталей по книгам, кинофильмам, фотографиям.

Мария Григорьевна Шевчук, капитан государственной безопасности, пришла сюда со своими думами, сомнениями, колебаниями. В двадцать пять лет ей уже известны были и накал схватки, и радость победы, и горечь утрат. Она знала, что самым жестоким испытанием для человека является бессилие — на твоих глазах гибнут хорошие люди, и помочь им нельзя. Она не раз делала выбор между жизнью и смертью и, не колеблясь, шла на верную гибель, если этого требовали интересы Родины. Ей пока везло — она выходила из огня живой. Она хорошо знала, что может погибнуть, так и не познав по-настоящему жизнь, потому что пока ей приходилось иметь дело с самыми затененными ее сторонами. И если бы она вдруг разоткровенничалась (что само по себе было невозможно, но вдруг...) и рассказала бы кому-нибудь о прожитом за последние годы, вряд ли бы ей поверили: «Начиталась взбалмошная девица приключенческих повестей».

Переход от жизни в лесу, в бункере Рена, в окружении бандитов, к площадям и улицам столицы был таким резким, что первое время Марии казалось: это сон, который может внезапно развестись, исчезнуть. Но где бы она ни была — в Третьяковке, в Большом театре, у себя в номере на девятом этаже гостиницы «Москва», — она постоянно в мыслях возвращалась к событиям последних месяцев. Виделись ей родные леса такими, какими запомнились они в дни разгрома Рена. Казалось тогда, что и автоматные очереди на поляне со схроном, и гулки взрывы гранат — это уже последние испытания, за которыми стоит мирная тишина. Зубчатые стволы ели, молчаливые и спокойные, будут стоять на страже этой тишины. И не прошьет больше очередь синее небо, не вопьются пули в облака, никто не упадет, истерзанный свинцом, в снег, который так быстро пламенеет, орошенный кровью. «Кровь людская — не водица», — говорят старые люди. А сколько ее было пролито головорезами!

И Мария радовалась, что выстрелы и эхо от них по-

глотили леса, что они не раскатились по земле, как на то надеялись бандиты.

Однажды ей вдруг ужасно захотелось домой. Она шла по улице Горького к Красной площади. Навстречу катился людской поток: женщины, дети, мужчины, старики... Поток был разноязыким и разноплеменным. Мария различила гортанную восточную речь, рубленные фразы прибалтийцев. Был конец дня, час «пик». Люди спешили по своим делам, они ничего не знали о схватках в западноукраинских лесах. В газетах о них не писали. И хорошо, что люди здесь ничего не знали об этом; война для них закончилась, и пусть у них будет спокойная жизнь, по которой все так стосковались за долгие годы.

А у кремлевской стены — голубые ели. Из каких краев сюда попали, красавицы? Такие же елочки встречаются и в ровенских лесах... Мария видела бандитский бункер, на люке которого росла елка. Было жаль, когда разнесло ее взрывом гранаты.

Мария ничем не выделялась в московской толпе. Первый день в столице она с удовольствием потратила на магазины. В своей чекистской работе ей не раз приходилось менять одежду, делала она это умело и привычно, а тут вдруг засмущалась, нерешительно перебирая платья. Ей показалось странным, что выбирает она одежду не для того, чтобы походить на сельскую учительницу, и не для того, чтобы стать избалованной профессорской дочкой «оттуда», а просто так — для себя, для своего удовольствия. И единственный критерий в этом выборе: к лицу ей обновка или нет.

И когда в ресторане, где ужинала, с нею заговорил случайный сосед по столику, она поймала себя на том, что торопливо перебирает варианты: кто он, откуда, с какой стати набивается в знакомые?

А она была просто красивой, и молодой человек, естественно, начал за нею ухаживать — неловко, зато очень энергично.

Парень оказался из Закарпатья, Мария это сразу определила по акценту, по характерным словечкам, которые только там и употребляют, смягчая согласные, растягивая мягко и ласково окончания слов.

Мария представила киевлянкой, приехавшей в столицу в научную командировку. Она на ходу сочиняла «легенду»: учится в Киевском университете, в аспирантуре, ее специальность — творчество Леси Украинки.

С удовольствием и с полным знанием дела рассказала случайному соседу о детстве Леси — Ларисы Петровны Косач, о том, как будущая поэтесса с малых лет приобщалась к родникам народного творчества, записывала в Колодяжном и окрестных селах щедривки, свадебные песни, колядки, веснянки. Мария сознательно употребила в своем рассказе несколько определений, которые охотно использовали националистические идеологи: самосознание, национальный дух, самобытность... Как сосед отреагирует?

Парень, он оказался секретарем райкома комсомола и приехал в Москву на какой-то семинар, морщился, а потом неожиданно спросил:

— Как думаете вы, знаток Леси, за что Иван Франко назвал эту больную, слабую девушку едва ли не единственным мужчиной во всей современной ему соборной Украине?

Мария удивленно приподняла бровь: парень смело лез в спор по, казалось бы, далеком от его практической работы темам.

— Я вам отвечу, — сказала Мария, — словами самой Леси:

Вставайте, живые, в ком дума восстала!
Пора для работы настала.
Гони предрассветную сонь,
Зажги предрассветный огонь,
Покуда заря не выиграла!

Говорить о Лесе Украинке, любимой поэтессе, было для Марии большим удовольствием, и она охотно поддерживала разговор. Тем более когда потом зашел он о вещах, ей очень близких. Петро Климчук, так звали парня, с горечью рассказал о том, сколько вреда причинили западноукраинским селам бандеровцы. «Вам, киевлянке, — сказал он, — трудно даже представить, что они творили совсем недавно в лесных селах...»

Мария удивленно восклицала: «Не может быть!..», «Кто бы мог подумать!..», произносила какие-то слова, которые подчеркивали ее полную неосведомленность в том, что так волновало Петра.

Это был ее первый разговор о бандеровцах не с националистами и не с коллегами по работе, и ее очень интересовало, как расставляет Петро интонации в своем рассказе, нет ли в его словах страха.

Парень ей понравился. Он напомнил те времена, когда сама она была секретарем райкома комсомола, дни и ночи проводила в поездках по селам, объединяла парней и девчат глухих деревень в комсомольские организации.

— Когда мы увидимся? — спросил Петро.

— Не знаю. Я завтра, очевидно, уеду...

— Дайте адрес, я напишу вам.

— Зачем?

— Разве обязательно должна быть причина? Мне хочется вам написать — и все...

— Вот вам листок, запишите свой адрес — лучше напишу вам я...

Они попрощались, и Мария подумала, что вот есть же девчата, которые могут назначить свидание, оставить свой адрес, переписываться и встречаться с парнями.

Она была лишена этих, таких естественных для обычных людей, маленьких радостей. Тот же Петро, к примеру... Почему бы им снова не встретиться? Говорит, неженатый... А хлопец симпатичный, глаза у него хорошие, взгляд не прячет. Она его спросила, откуда он в таких деталях знает творчество Леси Украинки. Оказалось, два года назад закончил филологический, специальность — украинская литература, хотел быть учителем в школе, но ЦК ЛКСМУ направил на комсомольскую работу в западные области.

Мария уже давно привыкла делить людей на две главные категории: настоящих и «так себе». Этот был настоящий, и ей стало немного грустно, оттого что больше не суждено с ним встретиться.

Поздно вечером у нее в номере раздался телефонный звонок — вызывала междугородная.

— Как ты там? — спросил Коломиец.

Мария радостно крикнула в трубку:

— Здравствуйте, товарищ...

— Максим Федорович, — поспешно перебил Коломиец, очевидно опасаясь, что девушка обратится к нему по званию. — В Третьяковке была?

— А как же? И в Большом на «Лебедином озере», и во МХАТе!

— Вижу, время не теряешь, — добродушно сказал Коломиец.

— Спасибо вам, Максим Федорович! Я будто в другой мир попала...

— Представляю.

Они поговорили несколько минут. Мария торопливо делилась московскими впечатлениями.

— Не размякла под спокойным небом? — неожиданно спросил полковник.

Мария поняла, что он имеет в виду.

— Наоборот, сил у меня прибавилось, — ответила уверенно.

— Слушай внимательно, — сказал вдруг Коломиец, — есть возможность отправить тебя на учебу... по специальности... Соглашайся, заслужила.

Мария даже привстала с кресла — настолько неожиданно показалось ей предложение Коломийца.

— Товарищ...

— Максим Федорович...

— Максим Федорович, категорически возражаю, — резко сказала она, — когда нужно возвратиться?

— Завтра. Билет тебе заказали. Ждем.

— Все?

— Да. Иного решения мы от тебя не ждали. Встретим.

ГЛАВА XV

— Ты должна заменить меня, — втолковывала Ганна Лесе, — мне отсюда не выбраться — это ясно. Легенда оказалась тухлой. Я провалилась, но задание должно быть выполнено.

Даже после обмена паролями Ганна не сразу окончательно поверила Лесе. Ей казалось, что это слишком невероятно — попасть в одну камеру с курьером Рена. Но она уже немного пожила на свете и знала — бывают и не такие случайности. Жизнь словно в насмешку иногда может по своей воле так перетасовать карты, что остается только удивляться. Случайностям она, опытный курьер, привыкла доверять больше, нежели так называемой логике событий, где в цепи каждый факт плотно втыкается в предназначенное ему гнездо. Такая логика достаточно легко строится опытными людьми.

Особенно насторожил Ганну странный совет Леси рассказать все следователю.

— Ты тогда всерьез рекомендовала мне... покаяться? Лесья глянула на нее так, будто впервые видела:

— Понимай как хочешь.

— А все-таки?

— Я ведь не знаю, о чем ты со следователями беседы ведешь...

— Понятно, — с облегчением сказала Ганна.

Лесья, очевидно, ей не очень верила, опасалась предательства. Что же, это было вполне понятно в той ситуации, в которую обе они попали.

— Еще требуется доказать, что ты — это ты, — будто угадывая мысли Ганны, сказала Лесья, — кроме пароля, должна быть еще одна вещь...

— Голубая косынка с черной каймой... — уточнила Ганна, — ее отобрали вместе с другими вещами. Я не могла предположить, что она понадобится мне здесь, в тюрьме. А что ты делала после ликвидации краевого провода? — в свою очередь, будто мимоходом, поинтересовалась она.

— Краевой провод не уничтожен, — поправила ее Лесья, — Рен погиб — это верно. Но с его смертью борьба не прекратилась. Руководство краевым проводом, как и было предусмотрено в таком случае, взял на себя Бес.

— Референт службы безопасности?

— Он самый.

Девушки говорили шепотом, голова к голове, чтобы до минимума свести опасность быть подслушанными.

— Что все-таки спасло тебя?

— В последний год Рен приказал перейти мне на легальное. Воспользовалась я своими подлинными документами. «Липа», даже если она и выглядит добротнее оригиналов, рано или поздно подведет — я в этом не раз убеждалась. К счастью, не на своем опыте. Приехала в родное село, откуда уходила не к Рену — упаси бог, не такая дуручка, — уезжала в Каменец, к родственникам. Я у них действительно несколько раз объявлялась, меня там видели и запомнили. Стала учительницей — диплом у меня есть. Все было бы хорошо, но один человек знал, что у меня был жених — офицер СС. Сообщил куда следует. Так я попала сюда. Но убеждена, что все обойдется. Почему? Погибли почти все, с кем я была связана. Остались два-три человека, они пока на воле. Вот и невозможно ничего доказать. Чекисты что-то чувствуют, но докопаться, к счастью, не могут.

— Повезло тебе!

— Везет дуракам, а я не из их числа. — Это сказала та Леся, которую Ганна хорошо узнала за тоскливые дни заключения, — гордая, самоуверенная, энергичная дивчина.

— Когда Рен погиб, я долго об этом не знала. Все ждала от проводника весточки. Напрасно...

— Бес тебя в лицо знает? — спросила Ганна.

— Нет. Связь между ним и Реном держал другой курьер.

— А если бы понадобилось, ты бы могла выйти на Беса?

— Попыталась бы, конечно, но вряд ли бы что получилось. Референт законспирировался так, что его с собаками не найдешь.

— Я расскажу, как разыскать Беса и что надо делать...

Ганну тревожило, что ей не удастся передать Бесу сигнал тревоги — взяли ее внезапно, когда она чувствовала себя в безопасности. Как неопытного, сопливого щенка схватили за шкуру, выволокли на свет божий и подняли над землей — только лапками в воздухе перебирает. Это счастье, что встретила Леся. Дивчина пойдет по ее курьерской тропе дальше. Может быть, еще не все потеряно. Конечно, Крук или Боркун могут временно приостановить операцию, но это будет означать провал многих надежд.

Понадобилось немало дней, чтобы Леся усвоила суть задания, запомнила все, что ей могло пригодиться.

— Когда тебя выпустят? — интересовалась все время Ганна.

— Откуда я знаю? Я б отсюда на крыльях улетела. Будем надеяться, что скоро.

Ганна старалась не терять времени даром. Она вела инструктаж Леси тщательно, продуманно, по схеме, заимствованной у Мудрого.

Главная задача — отыскать Беса и сообщить ему о судьбе Ганны. Вытащить ее отсюда не удастся — это ясно. Поэтому не стоит тратить силы. Лучше использовать их для намеченной операции. Бес поможет Лесе избавиться от прошлого. У него подготовлен для Ганны комплект абсолютно настоящих, не «липовых», документов. Леся может ими воспользоваться. Когда она уйдет от своего прошлого, убедится, что осела крепко, тогда

надо приступить — очень осторожно — к поиску нужных людей, созданию небольшой, но сильной группы. После выполнения этой задачи поручить Бесу сообщить за кордон о готовности к операции.

Леся слушала, кивала. Да, она все поняла. Хорошо, сделает так, как требует Ганна. Нет, ей непонятно, что это значит: сообщить о готовности к операции. К какой операции? Бес знает о ней?

— Ему известно только, что операция предстоит особенно важная. Не больше этого...

— Тогда он мне не поверит...

— Почему?

— Представь: к тебе приходит неизвестная девица, предъявляет пароль и взамен требует назвать такие вещи, которые дозволено знать только особо доверенным. Кто она такая? Курьер закордонного провода? Нет. Известна ли она лично Бесу? Нет. Кто ее знает из доверенных людей? Рен? Но он погиб... Ах, сидела вместе с курьером в одной камере? Ясно, ясно... Два слова на ушко охраннику, и... приказала девица долго жить...

— Пожалуй, ты права.

— Что бы ты сделала с подозрительной особой, требующей связи, явок, людей? Что бы ты сделала с такой незваной гостьей?

— Ликвидировала бы, — жестко сказала Ганна.

— А я погибать не хочу...

— Тогда где же выход?

— Я должна знать столько же, сколько и ты. Тогда я пойду к Бесу спокойно и сумею доказать, что я — твой человек. Референт — не хлопчисько, он и не в таких переплетках бывал. Первая его мысль будет о том, что тебя перехватили чекисты и на него вышел подставной курьер.

Ганна признала, что Леся права. Она хорошо знала, что подполье ОУН держится на принципе недоверия; кто бы к тебе ни пришел — не верь ему, проводи через все возможные испытания, просей через три решета.

— Хорошо, я посвящу тебя в детали будущей акции. Думаю, это требуется для пользы дела. Так получилось, что без твоей помощи она все равно вряд ли состоится...

На это ушло еще несколько дней. Ганна, поверив Лесе, много и откровенно говорила о себе, о своих друзьях, оставшихся за кордоном. Необходимость долгое вре-

мя молчать вызвала неожиданную реакцию: надо было выговориться, выплеснуть все, что накопилось на душе.

Леся оказалась и старательной ученицей, и внимательной слушательницей. Она умела неназойливо подчеркнуть интерес к рассказам Ганны, с неподдельным увлечением расспрашивала о подробностях ее опасных рейсов, кое-что поведала подруге о себе.

Естественно, Ганна обходила те детали, которые касались центра, направившего ее сюда, взаимоотношений с Мудрым, Круком, Боркуном. Молчала она и о том, кто ее родственники там, за кордоном. Говорила больше о тех, кто погиб, кому ее откровенность уже не могла повредить. Новая «легенда», придуманная на ходу, была простенькой: с пятнадцати лет — активный член организации националистов, «члонкиня»*, курьер надрайонного провода. Рейсы на «земли», выполнение разовых специальных поручений. Круглая сирота — одна во всем свете, как былинка в поле.

Даже раскрывая смысл будущей акции, Ганна почти не рисковала — к ее началу Леся многократно проверят Бес и СБ центрального провода.

Если что-то вызовет у коллег подозрения — девушку просто уберут, в СБ работают люди решительные. Но появился шанс на то, что операция все же состоится в срок. Этим пренебречь было нельзя.

Ганна верила, что чутье ее не подводит. Случайно увиденное у следователя «дело», знание пароля, близость к Рену — все это убеждало ее в том, что Леся свой человек.

А в перерывах между доверительными разговорами были допросы, вызовы к следователю, изнурительная тяжесть бессонных ночей.

Наконец пришел такой день, когда Лесе сказали:

— Чайка, с вещами на выход.

Леся попрощалась с Ганной, подхватила заранее собранный узелок.

— Прощай, Ганна. Свет широкий — свидимся.

— Не забывай меня, подружка. — Ганна готова была расплакаться.

* Члонкиня — член вспомогательной женской организации в ОУН.

Осталось для Боркуна навсегда тайной, кто встретил его ночью на старинной площади. И не знал он, кому отплатить за удар рукоятью пистолета по затылку, за те минуты острого, все сметающего страха, которые пришлось ему пережить. Он пытался было навести справки, но выяснить не удалось ничего. Беспокоила пропажа записной книжки — в умелых руках ее страницы кое-что могли все-таки рассказать.

У Боркуна было несколько мелких агентов, о которых он знал, что в «затишье» добывают они себе средства к существованию отнюдь не законными способами. Боркун приберегал их для тех случаев, когда требовалось незаметно и бесшумно войти в чужую квартиру, умело взмахнуть ножом, в «пьяной» драке искалечить строппивого. В лагерях для перемещенных лиц жизнь была не сладкой, и многие опускались на самое «дно». Обычно это были рядовые националисты, которые в сотнях привыкли к грабежу, к безнаказанности. Воспитанные лесом, они очутились за кордоном без копейки и профессии и принялись за то ремесло, которое только и было им известно, — бандитизм. По вечерам вся территория вокруг лагеря пустела — даже самые смелые обыватели обходили ее стороной.

Боркун поручил своим подручным выяснить, кто из «коллег» выходил в ту ночь на «дело». Агенты пошатались по баракам, по пивным, поговорили с приятелями и... вернулись ни с чем. И все-таки, припоминая славянский акцент одного из грабителей, Боркун был уверен, что отделили его свои.

Он не ошибся. Более того, он пришел бы в еще большую ярость, если бы узнал, что ограбил его, можно сказать, коллега по профессии.

Щусь, один из инструкторов Златы Гуляйвитер, в эти дни крепко сел на мель. Мизерный заработок, мелкие подачки помогли бы как-то свести концы с концами, если бы Щусь не пил.

А он уже не мог обойтись без спиртного, он чувствовал себя человеком только после доброй порции шнапса. Было продано все, что можно продать. Перекачывали к другим «реликвии», вывезенные с родной земли, — вышитая сорочка, гуцульский посошок-топорик, редкое изделие «Кобзаря». И теперь уже бывший приятель Щуся

рассказывал каждому, у кого была охота слушать, как шел с топориком (вот он, не могу расстаться с этим спутником тревог) и автоматом по Карпатам через об-
лавы.

Щусь остался даже без надежды, потому что не мог появиться перед очи «соратников» — не в чем было выйти из каморки, которую снимал.

Он позвонил Макивчуку, сказал, что заболел.

— Выздоровлявай, — равнодушно ответил тот.

Щусь сидел в каморке, именуемой «комнатой», и тупо смотрел в стену. Хотелось выпить. Казалось, стопка спиртного прояснит мозги, и тогда удастся найти выход. Очень хотелось выпить, и ради этого Щусь готов был на все.

В «схрон» Щуся, как по привычке именовал свою каморку, вот в такую минуту и ввалился старый приятель, известный среди полууголовного эмигрантского люда под кличкой Козырь. Псевдо, которое когда-то в годы оккупации Мыкола Янчук выбрал, вступая на шлях борьбы за «национальные идеи», стало здесь, на Западе, уголовной кличкой, а его владелец — «лыцарем» ночных улиц.

Козырь пришел с приятелем.

— Доходишь? — спросил он участливо Щуся, заметив, что тот находится в состоянии полной отрешенности, от которой один шаг в мир иной.

По стенам каморки крупными грязными каплями проступила сырость. В углах повисла паутина. Колченогий столик был пуст — Щусь подобрал даже крошки.

Хозяин не ответил на приветствие. Пришли посмотреть на упавшего? Ну и пусть смотрят...

Козырь был человеком энергичным. Вместо всяких там слов сочувствия он извлек из кармана плаща плоскую флягу, нашел среди грязной посуды стакан, плеснул в него.

Щусь выпил и какое-то время сидел неподвижно, давая телу ожить. Взгляд его приобрел осмысленность, на лице проступили красные пятна.

— Ну вот, подзаправили хлопца, — удовлетворенно сказал Козырь приятелю и принялся философствовать: — Человек ведь та же машина. Есть горячее — работает, пытит. Нет — хоть на свалку...

— Дякую, — хрипло сказал Щусь.

— А помнишь, как ты меня втолкнул в эшелон, когда

москали поджарили нам пятки? Советы были совсем рядом, а немцы в эшелоны никого не пускали, только своих. Ты мне тогда паперы стоящие добыл — смог я смыться из пожара. Помнишь?

— Когда то было...

— Добро не забывается.

— Это в наши дни товар тухлый.

— Не скажи. Козырь, — приятель иногда любил говорить о себе в третьем лице, — все помнит и свои долги отдаст.

— Тогда дай сотню марок, — меланхолично попросил Щусь.

После шнапса, согретого и оживившего, пришли мысли о безысходности, о том, что все равно выхода нет и придется околевать, как шелудивому псу, под чужим забором.

— Нет у меня таких денег, — честно признался Козырь.

— Значит, и говорить не о чем.

Затеплившаяся было надежда погасла. На сотню марок можно было бы приобрести костюм, обувь и явиться перед очи «руководства» на работу.

Было очень жаль себя. Ведь он, Щусь, не какая-нибудь рядовая сошка, он журналист, писал когда-то статьи, которые «прорабатывали» в подразделениях УПА, — так в них все складно и хорошо было написано о символах веры, тенях великих предков и славной истории.

Почему бы не вспомнить прошлое? Снова бы перо в руки, бросил бы пить...

Козырь был настроен по-деловому.

— Вот что, друже, — сказал. — Мы тоже поиздержались — на кружку пива в карманах не наскребем. Но, к счастью, в этом городе есть люди, у которых бумажники набиты купюрами.

— Есть, — кивнул Щусь. Его всегда бесили ожиревшие, степенные бюргеры, которых даже война не потрясла, не ощипала.

— Мы намерены сегодня вечером кое-кого пощупать...

И Козырь кратко обрисовал ситуацию. Если действовать быстро и умело — а ловкости им, слава богу, не занимать, — можно в две-три минуты подправить финансовое положение. Не заниматься же, как сопливые недо-

ростки, мелкой куплей-продажей на черном рынке? Нет у них капитала для солидных сделок. Да они и не торгаша какие-нибудь, а вояки, гроза лесов. Проще уж выйти с пистолетом на темную улицу.

— Разбой? — спросил Щусь.

— Да нет, разбой — это когда до банка доберемся. А сегодня ночью только экспроприация излишков.

Козырь почти серьезно объяснил, что немцы в долгу перед Украиной — немало там награбили в оккупацию, да и их, оуновцев, крепко подвели: орали «дранг нах!..», обещали победу, а что получилось? Так что не грех им и поделиться кое-чем с бывшими соратниками.

— Грабеж на идейной основе, — подвел итог разглагольствованию Козыря Щусь. — Что же, жить надо. А с протянутой рукой не пойдешь. И церкви здесь другие, да и не подают, сквалыги.

— Пусть куренные и проводники попрошайничают у высоких порогов, — съехидничал Козырь, — а мы люди простые: козака шаблюка кормит.

— Так, так, — Щусь окончательно решил, что иного выхода нет; хочешь жить, цепляйся за соломинку. — А что твой напарник молчит?

— Так я всегда молчу, — неожиданно густым басом прорычал спутник Козыря, — чего базикаты? Пистоль под нос — р-раз, карманы вывернул — два... И ходу!.. Не впервые...

— Пусть он лучше молчит, — сказал неодобрительно Козырь. — А то еще что-нибудь ляпнет.

Не понравились Козырю слова дружка о том, что не первый раз.

Они встретились в точно назначенное время поздним вечером, когда улицы опустели и даже редкие полицейские покинули темные переулки, замаячили на освещенных перекрестках.

Щусь узнал Боркуна только тогда, когда тот поднял руки. Узнал и отодвинулся, чтобы эсбековец его не увидел. Впрочем, Боркун был так перепуган, что не признал бы в эти минуты и родного отца, не то что какого-то там бывшего журналиста, которому и руку при встрече не подавал.

У Щуся от ярости скрипнули зубы: сытые, довольные «борцы за идею» не с пустым брюхом и не с тощим

бумажником перебиваются на чужбине. Он размахнулся и двинул Боркуна рукоятью пистолета.

— Зачем ты его? — спросил Козырь.

— Со знакомым поздоровался, — процедил Щусь.

Уже дома, в своей каморке, он страницу за страницей перелистывал записную книжку Боркуна. Листал неторопливо — самая короткая в его националистической борьбе «операция» прошла успешно, на столе стояла бутылка шнапса, закуска, что Щусь позволял себе редко.

Значение некоторых записей в книжке он понял. И решил, что надо бы послать ее людям, которым будет она небезынтересной. «А что, — пробормотал про себя, — посмотрим, проглотят ли эту пилюлю Боркун и Мудрый...»

Он ненавидел тех, кто сломал его жизнь, капля за каплей потчуя националистической отравой.

— Пусть подавятся своим варевом, — процедил злобно странный человек Щусь, надписывая на конверте адрес.

ГЛАВА XVII

Коломиец и Буй-Тур встречались теперь часто. Полковник приглашал Буй-Тура на чашку чаю к себе в кабинет, и разговор у них тянулся иногда до полуночи. Как это ни странно, но именно в тюрьме Буй-Тур впервые за последние годы почувствовал себя человеком. Кончилась дикая безнадежная гонка по лесам. Не надо было ни самому стрелять, ни спасаться от выстрелов. Полегли в лесах, крепко сели в лагеря хлопцы его сотни.

Охрана в разговоры с ним не вступала и вообще относилась равнодушно. Следователь вел допросы неторопливо, не кричал, наоборот, вроде бы относился к его показаниям с доверием.

— Меня расстреляют? — спросил его Буй-Тур.

— Мери наказания вам определит суд.

— Почему обращаются со мной на «вы»? На моих руках кровь...

Буй-Тур протянул вперед руки — сильные, с широкими ладонями. Растопыренные пальцы чуть подрагивали.

— Нервы шалят... — отметил следователь. — Надо показать вас врачу.

Буй-Тур едва не взвыл от тупой, саднящей боли, удавившей в сердце. Его, лесного волка, показывать невропатологу?

— Меня не в больницу, а в клетку железную надо, — процедил сквозь зубы. — Чтобы все видели, какие на внешний вид бандиты...

Следователь хотел сказать, что Буй-Тур не первый из лесных «гостей» после поимки занимается самобичеванием, бандит пошел удивительно однообразный — сперва шкодит, потом истступленно кается. Но сдержался. Следователю надлежало вести допросы ровно и спокойно, ничем не выдавая своих подлинных чувств. И все-таки Буй-Тур не принадлежал к разряду обычных лесных бандитов, это следователь определил быстро. Сотник был из числа тех обманутых, кто на первых порах, во всяком случае, искренне верил, что он «борец» и «лыцарь». У себя в камере Буй-Тур ночи напролет сидел, уставившись в стену, один на один со своими думами.

У него не было желания жить, и он сказал об этом Коломийцу.

— Легкий выход, — ответил полковник. — Вы нашкодили и исчезли... А кому-то за вами кучи грязи разгребать?

— А что я могу? — У Буй-Тура вошло в привычку разговаривать, не поднимая тяжелую, с густым чубом голову.

— Почему ваша сотня последние месяцы затаилась, отказалась от налетов и терактов? * — резко спросил Коломиец.

Буй-Тур еще ниже опустил голову.

— Боялись носа показать.

— Неправда, — уверенно сказал полковник. — Мы знаем, что у вас был приказ: затаиться, выждать время, сберечь людей и ждать особых указаний.

— Да.

— Вы успели получить эти указания?

— Нет.

Буй-Тур начинал понимать, что Коломийцу известно больше, чем он предполагал.

— Вас берегли для важной операции? Какой?

— Мы должны были принять двух курьеров.

* Теракт — террористический акт — сокращение, применявшееся националистами.

— Почему двух? Что за роскошь? — иронически спросил полковник.

— Ну хорошо, — после некоторого раздумья сказал Буй-Тур. — Я не прошу сохранить жизнь. Она мне ни к чему. И даже сыну лучше будет, если я исчезну в неизвестности. Люди забудут и бандеровщину, и меня вместе с нею, и никто, даст бог, не попрекнет сына отцом-бандитом...

— А, вон вы куда! — протянул Коломиец. — Не сомневаюсь, что ваш сын вырастет хорошим человеком — об этом позаботятся его мать, другие люди. Но не надейтесь — бандеровский бандитизм не забудем. Мы уже научились все помнить, чтобы в будущих схватках не оказаться безоружными.

— Предусмотрительные...

— Мы построим на месте сожженных вами сел новые. Они будут краше старых. Жизнь в них будет лучше, богаче. И в каждом селе, где побывали бандеровцы, мы поставим погибшим памятники. На обелисках золотом выьем фамилии замордованных, замученных бандитами людей. Они всегда будут напоминать о мужестве павших и о подлости тех, кто поднял руку на народ.

Коломиец говорил тихо, но в словах его чувствовалась такая сила, что Буй-Тур не сомневался: так и будет, как сказал полковник.

— Вы хотите знать, почему берегли мою сотню? — после тяжелого молчания спросил Буй-Тур.

Месяцев за пять до ареста Буй-Тур получил необычный грепс. Ему предписывали свернуть активные действия и уйти в глухое подполье. Сотне запрещали предпринимать самостоятельные шаги, она ждала курьера с особыми полномочиями, который сообщит, что делать дальше. А пока надлежало связаться с Бесом — он распорядится о некоторых приготовлениях, которые требовалось сделать до прихода курьера.

— Вы вышли на связь? — спросил Коломиец.

— Я вошел в контакт с Бесом — эсбековцем. Он лично побывал у нас, инспектировал сотню.

— В чем заключалась инспекция?

— Бес долго беседовал с моими людьми.

— Сколько в сотне было к этому времени боевиков?

— Сорок семь. Мы понесли потери в боях.

— Что сделал Бес?

— Пять человек из наших получили приказ оставить сотню. Куда они ушли, я не знаю.

— Так-так, — Коломиец что-то черкнул в блокноте. — Что это могло означать?

— Только одно: Бес перетряхивал сотню, избавлялся от вызвавших подозрение.

— Он был один?

— Нет, с ним пришел телохранитель. Его псевдо «Мовчун».

— Вы думаете, отмеченные Бесом люди далеко не ушли?

— Они исчезали поодиночке, их выводил на тайную тропу Мовчун.

— Ясно...

Пятеро не внушали доверия, и их уничтожили руками Мовчуна. Не впервые националисты перед какими-то акциями чистят ряды — это их обычная практика. Сотне и впрямь предстояло какое-то важное дело, и служба СБ заранее выкорчевывала нестойких. У Буй-Тура наверняка было несколько насильно угнанных из сел парней. От них и избавились.

— Что делал Бес дальше?

— Проверил основную и запасную базы сотни.

— Что представляет собой запасная база?

— Это большой бункер, построенный еще немцами. Там несколько помещений, соединенных системой ходов. Бункер сооружен рядом с подземным ручьем — запас воды имеется всегда, вдобавок ручей — это вроде бы природная канализационная труба. Имеется небольшой запас продовольствия и боеприпасов. Бункер находится почти на вершине холма, в густом лесу, обнаружить его трудно, а в случае осады есть возможность уйти — запасной ход ведет в овраг.

— Почему вы не воспользовались этим логовом, чтобы отсидеться, когда вас начал преследовать Малеванный? — Полковник Коломиец слушал Буй-Тура со всевозрастающим вниманием.

— Не имел права. Наоборот, я уводил преследователей в другой квадрат — так требовали инструкции Беса.

— Бес знает вас лично?

— Да. Во время визита в сотню он жил в моей землянке.

— Если бы вы решили передать ему грепс, как бы вы это сделали?

Буй-Тур искоса глянул на большие настенные часы — стрелки почти сошлись на цифре «два». Разговор — допрос ли это или нет, Буй-Тур не мог определить — длился уже четыре часа. Полковник устал, он позволил себе небольшую вольность — расстегнул верхнюю пуговку у воротничка.

Буй-Тур понимал: его откровенность приведет к провалу важного звена подполья. Чекисты заметут Беса, Мовчуна, всех, кто остался на воле. Закордонные курьеры сами придут к ним в руки, не надо будет даже тратить силы на их отслеживание.

И конечно же, здесь допрос, хоть и стынет в тонких стаканах чай. Не два приятеля встретились для полуночного душевного разговора — сидят лицом к лицу советский полковник государственной безопасности и он, сотник разбойничьего националистического воинства. Когда-то, очень давно, отец говорил ему, Марку: «Расти, сынок, большим и сильным». Вырос: большим — ни в одну землянку, не сгибаясь, не входил; сильным — руками гнул железные прутья. А толку? Упал отец, пробитый немецкой пулей. Умерла, побираясь по милости оккупантов, мать. Сизым пепельным дымом поднялась к небу хата, в которой родился. Ни кола у него ни двора. Думал, родина есть. Нет, оказывается, и ее. Потому что родина — это не шмат собственной земли под жито и не хуторок в степи, родина — это земля и люди, что живут на ней, говорят на твоём родном языке, поют твои родные песни.

...Люди рассказывали — отец у немцев пощады не просил. Смерть встретил с достоинством. Старик всегда говорил, что и умереть надо уметь по-человечески...

Полковник ждал ответа. Помнится, прошлый раз просил он помочь. И он, Буй-Тур, пообещал, что сделает это...

— Что же вы хотите, Максим Федорович?

— О, я многого хочу, — усмехнулся Коломиец. — Но есть у меня главная мечта: дожить до того дня, когда полностью и навсегда будет выкорчеван бандитизм.

Почти мечтательно Коломиец протянул:

— Мирная земля — и ничто не нарушает тишину. Представляете?

— У меня есть две ниточки связи с Бесом. Одна

обычная, по курьерской тропе. О второй знаем только он и я, она организована для предстоящей операции.

— Вы еще можете ею воспользоваться?

— Конечно... Если Бес не знает о разгроме сотни.

— Бес убежден, что у вас все в порядке.

Полковник не стал говорить Буй-Туру, что недавно его люди перехватили донесение Беса за кордон. Тот сообщал, что подготовительный этап завершен и он готов приступить к операции.

— И еще два вопроса, Марк Иванович, — неторопливо сказал Коломиец. — Слышали ли вы что-нибудь о курьере по кличке «Подольянка»?

— Курьер Рена? Еще бы не слышать! Я ее даже видел однажды... Это была отчаянная дивчина: когда Рена обложили со всех сторон, она подняла боевиков в атаку, чтобы спасти куренного.

— Спасла?

— В тот раз — да.

— Вам неизвестно, что с нею приключилось?

— Ходили слухи, будто, узнав о гибели Рена, Подольянка покончила с собой. Ее можно понять, — размышляя вслух, добавил Буй-Тур, — по ее следу шли и не сегодня-завтра тоже взяли бы.

Коломиец нажал на черную пуговку звонка.

— Чайка здесь? — спросил у адъютанта. И, когда тот кивнул, приказал: — Введите.

Адъютант вышел и через несколько секунд впустил в кабинет полковника Лесю.

Девушка переступила порог, чуть прищурилась от яркого света.

— Добрый вечер, точнее, доброй ночи, — сдержанно сказала она. — И сами не спите, и людям не даете.

— Это хорошо, что вам не изменяет чувство юмора... Подольянка, — вместо ответа сказал полковник.

— Я устала повторять, что вы меня с кем-то путаете. — Леся говорила ровно, спокойно, так учительницы разговаривают в классе.

— Марк Иванович, вам знакома эта девушка?

Коломиец внимательно следил за выражением лица Буй-Тура. Сотник сидел в мягком кресле, чуть в стороне от Леси. Ему хорошо были видны и ее лицо, и тоненькая, будто застывшая на ветру, фигурка. Девушка кутала плечи в яркий платок, чуть отвернулась от Буй-Тура.

Тяжело, жалобно скрипнули пружины кресла, он поднялся, подошел к ней вплотную.

— Ну, — сказала Леся, — опознавай, как тебя там...

Буй-Тур одно мгновение готов был поклясться, что перед ним курьер Рена. Тот же взгляд — властный и жесткий. Тот же профиль лица — он видел ее, когда курьер что-то втолковывала батьке и так же повернулась к нему вполоборота. И голос тот же — певучий.

И в то же время она чем-то отличалась от той Подольянки, которую Буй-Тур знал. Сотник не мог уловить это отличие, хотя и чувствовал его чисто интуитивно. И дело было не во внешнем сходстве или в отсутствии его: жизнь за короткое время может резко изменить человека, украсить его сединой, согнуть, потушить глаза, изрезать морщинами. Да и чего оно стоит, внешнее сходство, в той жизни, которую Буй-Тур вел?

Девушка похожа была на Подольянку, как сестра. Она могла быть и ее двойником, умело изготовленной копией. Но она могла быть и Подольянкой, добавившей к своим годам новые месяцы суровой борьбы.

— Я не знаю эту девушку, — глухо сказал Буй-Тур. — Вижу впервые.

Леся чуть выпрямилась, платок соскользнул с плеч. Во взгляде появилась уверенность, она даже недовольно пробормотала:

— Таскаете по ночам...

Буй-Тур и сам сейчас не мог бы ответить на вопрос, что заставило его сказать неправду. Просто ему показалось, что это еще спасет дивчину и ей удастся вырваться отсюда, выйти на волю из этих глухих стен. Она молода, у нее жизнь впереди. Вдруг сможет начать ее с новой тропки?

— Уведите, — коротко приказал Коломиец.

И когда захлопнулась за Лесей и адъютантом дверь, полковник сказал Буй-Туру.

— Если вы и впредь будете таким же откровенным, Марк Иванович, это доставит нам немало хлопот...

Коломиец произнес эту фразу с иронией, и Буй-Тур ее понял.

— Я с женщинами не воюю, гражданин полковник. — Тень легла ему на лицо, и непонятно было: оправдывается сотник или отмечает подозрения в неискренности.

— Ой ли?.. — насмешливо сказал Коломиец. — Помните, схватили в сорок четвертом двух связных —

шли они на связь с польскими повстанцами, — что сотворили с девчонками?

— Это не моя работа, попали они в лапы к Стафийчуку... Вы и это знаете?

— Мы многое знаем, Марк Иванович, говорю это не для красного словца... А теперь второй вопрос: известно ли вам, что здесь у нас находится еще одна девушка?

— Да, я видел, как ее вели на допрос. В этом случае могу поклясться — я ее не знаю.

— В этом случае, — выделил первые слова полковник, — охотно вам верю. Вы еще не успели познакомиться с Ганной Божко — курьером закордонного провода, — она только шла на связь с вами...

Буй-Тур прикрыл глаза ладонью. Полковник не обманул, когда сказал, что они многое знают. Курьера он ждал три месяца назад. Ему сообщили, что это будет девушка. Она должна была предъявить голубую косынку с черной каймой и специальный пароль, который был дан только ей — в центральном проводе, и ему — эсбековцем Бесом. Дальше он поступал в полное распоряжение курьера. Так приказал Бес.

— Вы помните пароль, которым должны были обменяться с курьером?

— Да.

— Напишите. — Полковник протянул Буй-Туру листок бумаги и ручку.

— Учтите, гражданин полковник, — решительно сказал Буй-Тур, — я вам помогаю не потому, что хочу поторговаться со смертью...

— Учтем...

— Мне не нужны смягчающие обстоятельства, — почти крикнул сотник.

— Возьмите себя в руки, — резко сказал полковник. — И поймите, наконец, что помочь обезвредить бандитов — это не малодушие, не предательство и не трусость. Подойдите к окну, — внезапно приказал он.

Коломиец отодвинул тяжелую штору. Город спал предрассветным крепким сном. Большими многоярусными кораблями плыли в легкой дымке дома. Уже погасли фонари — посветлел небосвод, лазурь подкрасила густую синь неба.

— Город спит спокойно, — отметил Коломиец. И резко бросил: — Хотите, чтобы в эту тишину ворвал-

ся взрыв гранаты? Хотите, чтобы небо было не голубым, а красным от пожарниц и крови?

— Не хочу, — тихо сказал Буй-Тур.

— Тогда перестаньте играть в «лыцаря» и будьте мужчиной. Вы не однажды здесь у меня говорили, что любите наш народ... Хоть раз докажите это...

Сотник опустил голову.

— Никак не мог понять раньше, — сказал вдруг Коломиец, — почему у ваших боевиков, проводников, эсбековцев и прочих такие устрашающие клички.

— Какие?

— Бес, например. «Пошел к бесу!» — говорят, когда злятся. И другие не лучше: Звир, Вырвизуб, Волоцюга, Шайтан... Ну что за коллекция...

— Хотели, чтоб боялись, вот и напридумывали, — нашел простое объяснение Буй-Тур.

— Наверное, вы правы. От собственного страха эти «страшные» клички.

Коломиец медленно и устало прошел к письменному столу, показал Буй-Туру на кресло: «Садитесь». Окно он не зашторил, и сотник время от времени бросал на этот квадрат голубого неба тяжелый, недоумевающий взгляд. Вот оно все как обернулось...

— Вы пошлете грепс Бесу, — Коломиец говорил спокойно, будто не он только что почти кричал на Буй-Тура там, у окна. — Сообщите ему, что Ганна Божко благополучно прибыла к вам и пребывает в добром здравии, шлет ему поклон и благодарит за помощь. Объясните, почему сотня ушла в другой район. Подтвердите, что запасная база не обнаружена. Попросите указаний.

— Хорошо, — сказал Буй-Тур. — Я подумаю. Но в главном вы, конечно, правы: каждый человек должен сделать свой выбор...

— Мне не хотелось бы торопить вас с решением, — сказал полковник, — но учтите, что времени и у вас и у нас не так уж много.

— Я понимаю...

ГЛАВА XVIII

Бес никого не ждал в этот день. Методист областной библиотеки и любитель украинской старины Юлий Макарович Шморгун решил посвятить свободное время

работе над рукописью своей книги о старинном украинском оружии. Юлий Макарович был истинным знатоком вооружения украинского казачества, за консультацией к нему обращались видные историки и театральные деятели. У него была подобрана интересная библиотека исторических трудов на эту тему, и он даже подумывал о том, чтобы получить в милиции разрешение на сбор коллекции холодного оружия. Конечно, он пообещает передать ее в краеведческий музей — пусть это будет его скромным вкладом в науку о старине. Но не слишком ли опасно такое прошение?

Юлий Макарович придвинул было лист бумаги, чтобы записать свои мысли о воинстве Запорожской Сечи, как раздался звонок. Пришлось встать из-за стола, отодвинуть массивный засов на двери. Цепочки он пока оставил.

— Кто там?

— Племянница ваша, Юлий Макарович, Ганна.

Бес запахнул стеганный халат — такими пользовались в добрые времена процветающие нотариусы и адвокаты, пощупал рубчатую рукоять «вальтера» и снял засов с двери. Он не выказал удивления, не проявил и поспешности — племянники обычно люди молодые, подождают.

Грюкнула последняя цепочка, массивная дверь, кованная изнутри кровельным железом, туго скрипнула на петлях.

По ту сторону порога стояла девушка в скромненьком, подбитом ветрами пальто, в надвинутой на самые брови косынке. Стояла несмело, будто ждала — прогонят ее или пригласят войти.

— Прошу, — посторонился Юлий Макарович.

Беглый, искоса, осмотр гостя ничего ему не сказал.

— Входите, — повторил он, — в такую погоду лучше быть под крышей.

На улице лил дождь. Крупные капли барабанили в стекла широкого, во всю стену, окна. Ботинки девушки были забрызганы грязью, пальто промокло насквозь.

Девушка сняла, морщась то ли от усталости, то ли по каким другим причинам, грязную обувь, оставила в передней чехол, прошла в комнату. Без приглашения, как у себя дома. Прежде всего подошла к

окну и задернула тяжелые бархатные шторы. Огляделась.

Она попала в рабочий кабинет хозяина. Юлий Макарович, кроме старинного оружия, любил еще и уют. Мягко излучала свет настольная лампа старинной работы, изготовил ее народный мастер в виде фарфоровой птицы, прикрывшей широкими крыльями лампочки. На стене — ковер, время не сказалось на алых розах, они пламенели так же ярко, как и в тот день, когда бухарский ремесленник продал ковер случайно забредшему в мастерскую досужему чиновнику из европейцев. Купил этот ковер дед Юлия, передал по наследству сыну, а от того досталась восточная редкость внуку.

Ковер был и на полу — украинский, домотканый, переплелись в причудливых узорах черная и алая нити. Черный цвет — не траурный, это цвет земли, рождающей человека и все ему дающей, алый — цвет любви и радости. На ковер были небрежно брошены мягкие, сероватые шкуры косуль.

Старинная, с отделкой золотом мебель вросла в предназначенные ей еще отцом Юлия Макаровича углы.

Юлий Макарович понимал толк в живописи. На стенах висело несколько небольших полотен кисти известных украинских живописцев — хозяин квартиры приобрел их в тот год оккупации, когда оккупанты бежали, бросая по пути награбленное. Надо было тогда не лениться — нагибаться и подбирать. Юлий Макарович не ленился, оттого и квартира его словно полная чаша, а в чаше той не безделушки, а вещи ценные во все времена и при всех властях.

Квартира была большой — за чуть приоткрытыми дверями угадывались еще комнаты.

— Ничего берлога, — раздраженно процедила поздняя гостья, бесцеремонно устраиваясь в мягком кресле.

— Кто вы и что вам нужно в моем доме? — спокойно поинтересовался Юлий Макарович. Руку из кармана халата он не вынул.

— Ваша племянница, дорогой дядюшка, — неопределенно протянула девушка, кутаясь в накинутый на плечи платок. Неожиданно спросила:

— У вас не найдется, чем согреться? Промокла и продрогла до костей.

— Сейчас вскипачу чай. Но прежде всего...

— Прежде всего дайте чай, — раздраженно перебила девушка. — Только хворобы мне и не хватало. Хорошо бы с липовым медом...

Юлий Макарович пожал плечами и ушел на кухню. Когда он возвратился, девушка дремала в кресле. Лампа бросала слабый свет на ее лицо, и даже в этой полутьме было видно, насколько она измучена.

Юлий Макарович осторожно тронул ее за плечо. Девушка вдруг резко вырвалась, сунула руку в карман пиджака. Она несколько секунд широко раскрытыми глазами смотрела, не узнавая, на Юлия Макаровича. Наконец что-то вспомнила, пришла в себя. Взгляд у нее снова стал ясным и цепким.

— Вот был бы номер, — заулыбалась она, — если бы я вас, дорогой вуйко *, случайно подстрелила...

От этой шутки Юлию Макаровичу стало немного не по себе. Но он сдержался.

— Вот чай, пейте.

Пока гостья торопливо, обжигаясь, пила густой, на совесть заваренный чай, Юлий Макарович, прикрыв глаза ладонью, незаметно изучал ее.

Девушке было лет двадцать пять — двадцать семь. Ввалилась она в квартиру, видно, прямо с дороги: одежда помята, прическа сбита, движения неуверенные — усталость сковывает тело. Одета в широкую сельскую юбку, под простеньким с прямыми плечами и накладными карманами пиджачком — цветная блузка. Брови вразлет, смуглянка, это видно даже при неверном свете лампы. Держится уверенно, даже нахально; по этому сразу отличишь, что хоть и одета в сельскую одежку, но скорее всего горожанка. По выговору трудно судить, откуда она, — говорит на том среднем украинском языке, который стал входить в обиход в последние годы.

Чемоданчик ее Юлий Макарович успел осмотреть, пока чай готовил. Ничего интересного: колбаса, кус масла, завернутого в чистую полотняную тряпку, другие продукты. Это мог быть гостинец из села родственнику-горожанину.

Девушка наконец отодвинула чашку с чаем, с любопытством посмотрела на Юлия Макаровича.

— Так вот вы какой... — протянула не без интереса.

* Вуйко — дядя.

— Какой? — машинально переспросил хозяин квартиры. Он уже давно догадался, что за гостя к нему пожаловала, однако считал нужным пока всем своим видом демонстрировать недоумение и легкое возмущение бесцеремонностью девушки.

— Я вас почему-то представляла более молодым...

— Хватит, — не повышая голоса, приказал Юлий Макарович. — Вы, кажется, ошиблись адресом. Отогрелись и уходите. У меня нет племянниц...

— Зачем же так, дорогой дядюшка? — не смутилась девушка. Она даже улыбнулась в ответ на несдержанность Юлия Макаровича, но улыбка эта была холодной, злой. — Я к вам, можно сказать, на крыльях летела...

— Кто вы? Отвечайте, живо! — Юлий Макарович умел приказывать, не повышая голоса: слова катились однообразно и ровно, но редко кто ослушивался Беса, когда он приказывал.

— Мама предупреждала, что вы строгий, — девушку не смутила резкость. — Еще она говорила, что у вас короткая память. Покажи, советовала, брату, вот эту косынку, я ее в детстве любила. По ней он тебя и узнает...

Девушка извлекла из кармана пиджачка голубую шелковую косынку. Края ее обрамляла черная смужка.

Черно-голубой пароль немного смягчил Юлия Макаровича. Но годы конспирации научили его не верить даже собственным глазам. Бывает и так, что тебе покажут саблю — редкую, дорогую, и докажут, что именно ее поднимал на турок Иеремия Вишневецкий, а окажется, что это просто искусная подделка. Из-за кордона на «земли» путь длинный, мало ли какие превращения могут произойти на этих немереных километрах с курьерами.

— Помнится, у моей сестры действительно была такая косынка, — сказал Юлий Макарович, — но она никогда не говорила, что у нее есть взрослая дочь.

— Видно, вы запомнили. А мама вас так хорошо помнит, даже стихи, которые вы любили. Вот эти...

...Украина — раздолье степное!
Там, как брат, обнимет ветер
В степи на просторе;
Там в широком поле воля...

Юлий Макарович продолжил:

Там синее море
Шумит, плещет, славит бога...

— Странно, — сказал, подумав, Юлий Макарович, — я готов признать, что действительно по старости мог забыть что-то. С сестрой давно не встречались... Но адрес ведь у нее не изменился?

— Можете написать, — сжавшись под недоверчивым взглядом Юлия Макаровича, ответила девушка, — мама все подтвердит. И даже то, что я приехала хоть и с деньгами, но без знакомых, без добрых покровителей, и что негде даже на первых порах остановиться.

Она, судя по всему, растерялась: пароль не произвел впечатления. Может, в чем-то ошиблась?

— Если вы считаете, что я навязываюсь, то могу и уйти, — тихо сказала гостя.

По лицу Юлия Макаровича нельзя было прочесть, о чем он думает. Лицо его — рано состарившегося человека — ничего не выражало; пожелтевшая, почти пергаментная кожа обтягивала скулы, широкий лоб, остренький подбородок. Изрезано оно морщинами — такими изображают пенсионеров, немало хлебнувших в жизни, прежде чем устроиться с газетой в руках в мягком кресле заработанной праведными трудами собственной квартирки.

Юлий Макарович действительно походил на скученького провинциального служащего, дотягивавшего до каких-то, одному ему известных рубежей последние годы. Был он невысокого роста, худощавым и чуть сгорбленным. А глаза были неожиданно живыми, яркими.

Но пароли совпали, и надо что-то решать. Девица не свалилась как снег на голову — ее ждали. Но ожидание это, во-первых, затянулось; во-вторых, она не имела права явиться сюда, к нему на квартиру, адрес которой знают только два человека: Мудрый за кордоном, а здесь — проводник одной из сотен. Если пришла действительно Ганна Божко, с нею шутки плохи. Полученные из-за кордона инструкции требовали не просто помочь ей — Юлий Макарович поступал в ее распоряжение.

— Что вы решили? — строго спросила Ганна. — Я устала, путь был длинным и трудным.

— Может, вы хотите с дороги немного привести себя в порядок? Дверь направо в передней — там ванная.

Ганна кивнула, взяла свой пиджачок («Почищу немного», — объяснила) и ушла в переднюю. Пока она гремела задвижками, открывала воду, мылась, Юлий Макарович напряженно размышлял. Все контрольные пункты на курьерской тропе Ганна прошла благополучно, об этом своевременно сообщили информаторы. Последнее сообщение о Ганне поступило три месяца назад. Где она была эти девяносто дней? Что делала? Не принесла ли, как сорока на хвосте, провал? Та ли, за кого выдает себя? Интуитивно чувствовал Бес, что здесь что-то не так. Требовалась проверка. Из закордонного центра уже несколько раз приказывали сообщить, куда делся курьер. Бес мог ответить пока только одно: выясняем. Сигнал тревоги не поступал, что обнадеживало. И все-таки...

Ганна вошла в комнату посвежевшая, горячий душ смыл усталость.

Дождаясь ее, Юлий Макарович включил почти на полную мощность приемник — добротный немецкий «Телефункен». Киев транслировал из республиканской филармонии концерт украинских народных песен.

— Где я буду спать? — спросила Ганна, с интересом вслушиваясь в музыку.

— Прежде вы ответите на несколько вопросов, — спокойно сказал Бес. И заорал, зная, что музыка забьет в квартире все звуки, не даст им переплестнуться к соседям: — Твоя подлинная фамилия?!

— Ишь чего захотел, дорогой дядя! — не испугалась крика девушка. — Для вас я Ганна Божко, и никто другой.

Бес резко вырвал из кармана халата пистолет.

— Молись богу, стерва, — прошипел он. — Отсюда живой не уйдешь... Говори, кто подослал?

— У вас нервы не в порядке. — Девушка как вошла в комнату, так и не успела ни сесть, ни повесить куда-нибудь пиджак — он у нее был перекинут через руку, пола чуть свесилась, прикрыла руку.

— Стань под лампу, чтобы я видел лицо, — приказал Бес.

— Прекратите истерику! — перешла на крик Ган-

на. — А то ненароком пристрелите, как тогда покажетесь на очи Мудрому?

— Под лампу! Считаю, раз...

— Ну, стала. Тьфу, сумасшедший!..

Бес сел в кресло напротив, положил на стол перед собой пистолет. Решил он вести допрос основательно, с пристрастием. Если девица «оттуда», нельзя терять время на проверку, чекисты, выискивая берлогу, уже обложили ее со всех сторон. Только решительность поможет в таком случае вырваться из кольца. Ну а ошибся — извинится, своей головой ведь приходится рисковать, не чужой. Примерно так рассуждал Бес, решившийся на самые крутые меры.

Хлопнет выстрел — никто его не услышит, и тогда Бес уйдет немедленно в сотню Буй-Тура, уйдет черным ходом, о котором вряд ли кто догадывается.

— Кто заслал? — Бес потянулся к сигаретам, чиркнул спичкой. Чтобы прикурить, ему пришлось чуть отвести взгляд от девушки.

Когда он снова взглянул на нее, побледнел и потянулся к краю стола — там лежал его «вальтер».

— Сидеть! — приказала девушка. В руке у нее был пистолет, который до этого она прятала под пиджаком. — Я считать не буду — сперва выстрелю... Так не верите, что я ваша племянница? Проверяйте, но без этих фокусов! Не люблю...

Раздался стук в дверь — трижды, с паузами.

— Кто? — спросила Ганна, не сводя глаз с Беса.

— Стук условный: может, кто-то из своих.

— Ждали кого-нибудь?

— Вроде бы нет.

Ганна недолго колебалась.

— Открывайте, — приказала. — И имейте в виду: первая пуля — ваша!

Бес, пятясь спиной, добрался до двери, звякнул цепочкой.

— В кошки-мышки играете, — почти добродушно сказал неожиданный гость. — Советую спрятать пистолеты, друзья.

— Слава богу, что вы пришли, Буй-Тур, — облегченно сказала Ганна, — а то бы я этого полоумного спровадила-таки на тот свет. Видно, память у него старость припудрила.

Бес медленно, только после того, как Ганна спря-

тала пистолет, обернулся. Почти закрывая проем двери квадратными плечами, стоял Буй-Тур, хорошо знакомый ему проводник сотни. За спиной у него торчал какой-то тип в шляпе с перышком, такие носят гуцулы.

— Шупак, мой телохранитель, — назвал спутника Буй-Тур, вваливаясь в комнату. — Кажется, у вас был серьезный разговор?

— Да вот дядя никак не может поверить, что у него племянница имеется...

— Ваша она родственница, Юлий Макарович, — добродушно пробасил Буй-Тур. — Не сомневайтесь.

— Где бродила три месяца? — выкарабкиваясь из густой пелены злости, спросил Бес.

— У меня в сотне отсиживалась. Облавы были. Я, спасая курьера, почти всю сотню положил, а вы...

ГЛАВА XIX

Ничего хорошего от своих националистических «друзей» майор Стронг не ждал. Конечно, операцию они провалят — не этим тупорылым тягаться с советскими чекистами. Стронг не выбирал выражений, когда речь заходила о вновь испеченных «помощниках».

Будь воля Стронга — он бы вообще дал им пинком под зад, пусть катятся на самое дно ямы, из которой, как облитые помоями щенки, пытаются выкарабкаться. Но приказано пока держаться обходительно. Там, наверху, имеют на них какие-то свои виды.

Майор ждал Боркуна — тот позвонил и, десять раз извинившись за турботу, попросил аудиенцию на десять минут.

— И ни секундой больше, — резко ответил майор.

— Понимаю, — бормотал Боркун. — У меня неплохие известия...

— Хорошо. Приезжайте.

Майор привык говорить резко, отрывисто — так он командовал подчиненными в отрядах специального назначения.

Боркун явился в точно назначенное время, широко, жизнерадостно улыбнулся, ожидая, когда майор протянет ему руку. Майору делать этого не хотелось, но он пересилил себя: требовалось поддерживать хотя бы видимость добрых отношений.

— Докладываю, друже майор, — начал торжественно Боркун.

— Господин майор... — оборвал Стронг. — Я служу в нашей армии, а не в вашей банде, слава богу.

— Извините, господин майор, — охотно поправился Боркун. — Рапортую: Злата Гуляйвигер благополучно прошла все барьеры и приступила к операции...

Это и в самом деле неплохое известие. Майор чуть подобрел, глаза перестали быть похожими на колючки, он заинтересованно спросил:

— Откуда вы знаете?

— По подпольной тропе пришел грепс. Злата отсиживалась в одной из наших сотен, а недавно установила связь с референтом службы безопасности краевого провода Бесом. Он обеспечил ее надежной квартирой.

— Бес сообщил о дальнейших планах?

— Да. Агент должен устроиться на работу, полностью легализоваться.

— Такие возможности есть?

— Так точно! — тянулся Боркун. — Сейчас у Советов тяжело с кадрами — война неплохо покосила их ряды, — не удержался он от злорадного комментария, — и устроиться на работу нетрудно.

— Что рекомендует Бес? Кажется, это милое имя вы называли?

Майор Стронг любил иногда показать свою неосведомленность — на самом деле он хорошо знал, кто такой Бес, чем он занимается, на что способен.

— Бес советует «перекрестить» агента. У него есть для этого необходимые документы.

— «Легенда»?

— Отработана тщательно. Бес предупрежден, что в случае провала операции самое меньшее, что ему грозит, — это смертный приговор.

— Круто... — Майор в раздумье пожевал губами. — Не хотел бы я служить в вашей УПА.

— У нас есть два могучих фактора: верность национальным идеям и... страх, — чуть торжественно сказал Боркун.

И майор, наверное, впервые подумал, что не так уж простоваты эти борцы за «неньку Украину», есть у них и школа и выучка. Что из того, что выучка гитлеровская... У фашистов можно поучиться умению наладить тотальную систему обезвреживания инакомыслящих.

Пожалуй, эти типы со своей одержимостью способны оказать кое-какие услуги в борьбе с коммунистами.

— Кем же станет теперь эта ваша Злата Гуляй... вигер?

— Бес ее определит в солидное учреждение — областное управление культуры. Она будет работать методистом Дома народного творчества.

— А что это такое? — спросил Стронг. У него на родине, где существовало множество самых непонятных и неизвестно для чего созданных учреждений и контор, такого не было.

— Ну, это такое учреждение, — принялся объяснять Боркун, — цель которого — собирать народные песни, записывать танцы, поддерживать начинающих поэтов, всевозможные творческие коллективы...

— Ага, ясно. Это дает какую-то прибыль?

— Наоборот, все эти меры финансирует государство.

— Странно... — иронически протянул Стронг. — А вы мне рассказывали, что большевики уничтожают любые ростки национального самосознания украинцев.

Боркун чертыхнулся про себя. Стронг поймал его на мелком вранье, и это было обидно.

— Ладно, — вдруг улыбнулся Стронг, — я и без вас знаю, что такое Дом народного творчества в России. Наша информация о жизни этой страны поставлена неплохо. Это вам просто предупреждение — никогда не пытайтесь мне врать или подсунуть ложные сведения.

— Хорошо, — кисло улыбнулся и Боркун. — Я учту.

Майор неторопливо встал из-за стола, подошел к стене, нажал на какую-то кнопку. Бесшумно отошла дверца, за которой был вместительный бар.

— Виски, коньяк, джин? — Майор теперь говорил любезно, тоном гостеприимного хозяина.

— Коньяк.

Они выпили за успешное начало операции: майор маленькими глоточками, смакуя, Боркун — залпом.

— Еще вот что, — возвратился к делам Стронг. — Обеспечьте максимальную секретность операции. Малейшая утечка информации будет стоить этой Гуляй... вигер головы.

— Понимаю.

— Обо всем новом докладывайте немедленно.

— Так точно!

— Да не тянитесь вы так, мы более демократичны, нежели ваши прежние... союзники. — Напрашивалось слово «хозяева», но майор вовремя заменил его другим, не обидным для самолюбия собеседника. — Как с «Зорей»? — поинтересовался он.

— Вышло уже несколько номеров. Есть известные трудности с информацией. Макивчук старается, пишет и передовые, и редакционные статьи, но в них, кроме выкриков и проклятий, ничего нет. — Боркун после щелчка майора решил быть впредь в меру откровенным. Тем более что он не сомневался: майор читает номера «Зори» до того, как они увидят свет.

— Продумайте тот вариант, о котором мы говорили, — посоветовал майор.

— Кое-что уже делается. — Боркун, уловив доверительные нотки в тоне майора, чувствовал себя не так скованно, говорил смелее.

— Я не буду очень удивлен, если поступит сообщение о налете на «Зорю», — сказал майор. — Но предварительно знать подробности мне ни к чему.

«Не хочет, чтобы к нему прилипла грязь от фальшивки», — подумал Боркун. Что же, в этом тоже есть смысл...

Налет на «Зорю» состоялся через несколько дней. К уютному особнячку подкатили с двух сторон несколько потрепанных авто. Из них выскочили пять молодцов, громко выкрикивавших на ужасном немецком языке с русским акцентом ругательства. Они вышибли булыжниками окна, ворвались в помещение. Девушки из редакции визжали, когда с грохотом полетели на пол пишущие машинки, посыпались папки.

Один из парней пытался затолкать Стефу в угол; его еле отодрали от не очень упирающейся редакционной дивы другие участники налета.

— Погром так погром, — косноязычно бормотал здоровенный детина, вымещая злость на стульях. Ломал он их умело, с треском, со вкусом, вспоминая, наверное, «настоящие» погромы, в которых участвовал на Ровенщине, где был полицейским.

Редакционный фотокорреспондент с «риском для жизни» торопливо щелкал затвором своего аппарата. Завтра эти кадры украсят экстренный выпуск «Зори» —

разгромленное помещение, разбитая мебель, кипы гранок и рукописей.

На второй этаж, где билась в истерике тетка Евгения — ей было жаль мебели, жаль разгромленного уютного холла, хоть и говорил Левко Степанович, что все будет возмещено, — налетчики не поднялись.

По углам улицы, боясь подойти поближе, торчали встревоженные обыватели.

Кто-то сообщил в полицию. Когда, истощно завывая, подоспела полицейская машина, налетчики уже скрылись.

— Перестарались, сукины дети, — бормотал Левко Степанович, уныло разглядывая груды обломков, разбитые окна.

Полицейские чины составили протокол и укатили, пообещав, что примут самые решительные меры для розыска «опасных элементов».

Стефа, хихикая, рассказывала подружке, какие здоровенные лапы у того парня, который пытался загнать ее в угол. Подоспевший репортер из какой-то газетенки тут же взял у нее интервью: «Скажите, пожалуйста, что вы при этом чувствовали?» Вместе с интервью Стефа дала репортеру номер своего домашнего телефона.

На следующий день «Зоря» вышла с аншлагом через всю первую полосу: «Коммунистическое покушение на свободное слово!» — и снимками разгромленного помещения.

Как и предсказывал Стронг, акции «Зори» несколько повысились.

ГЛАВА XX

Через некоторое время в областном Доме народного творчества все забыли, что Галя Шеремет — новенькая. В первые послевоенные годы люди не засиживались подолгу на одном месте — работников, особенно опытных, не хватало, их часто переводили с места на место, из учреждения в учреждение. Возвращались демобилизованные из армии; они с жадностью брались за любой мирный труд, потом, чуть поостыв от горячих военных ветров, пообвыкнув в новой жизни, искали такую работу, которая была им больше по душе. Шло

великое передвижение кадров, как говаривал директор Дома творчества Степан Сыч.

Галя выполняла свои обязанности добросовестно, охотно ездила в командировки «за песнями» и всегда привозила что-нибудь новенькое.

Сыч, как и положено руководителю солидного учреждения, принимая ее на работу, познакомился с анкетой и автобиографией. Год рождения 1923-й, место рождения — село Кагарлык Киевской области, украинка, член ВЛКСМ, образование среднее специальное, окончила техникум культпросветработы. Из анкеты и автобиографии явствовало, что Галя Шеремет — круглая сирота, родителей ее расстреляли гитлеровцы, что в этот город она попала в поисках брата, который жил здесь до войны, а потом затерялся. Брата не нашла, деньги кончились, пришлось думать, как жить дальше.

Она пришла в областное управление культуры, показала свой диплом, попросилась на работу. Ей обрадовались, так как специалистов действительно не хватало, направили к Сычу. Сыч, не будучи формалистом, ограничился беседой по душам, порасспросил, чем увлекается, и подписал приказ о назначении Галины Шеремет методистом.

— А что случилось с той... Шеремет? — спросила Ганна, когда познакомилась с документами, врученными ей Юлием Макаровичем.

Бес набожно поднял глаза к потолку.

— Кто ее?

— Можно сказать, что сама себя. Кто заставлял ее ехать с Киевщины к нам? Жила бы там, ничего и не случилось бы...

— Значит, все-таки отправилась она на тот свет не по доброй воле? — нахмурилась Ганна.

— А чего же вас турбуе? — насторожился Юлий Макарович. Он уловил в тоне Ганны раздраженные нотки.

— Потому это меня беспокоит, — спокойно сказала Ганна, — что я должна знать, не ищут ли эту девушку, не подведет ли меня ее биография. Чужая жизнь — потемки, не заблудиться бы в ней.

— Это от вас зависит. А с Шеремет все чисто: она после окончания техникума получила назначение в одно

из сел, специально сюда просилась, чтобы брата поискать. Направление на работу вы видели, оно сохранилось. Приехала поездом, потом автобусом добиралась до райцентра, там — пешком шла километров пять. В лесочке ее хлопцы и взяли. Не дошла девица...

— Ну и?.. — строго спросила Ганна.

— Что «ну»? Пожила в бункере дней пять, все про себя рассказала. Действительно сирота, нет у нее никого. Мой помощник ее допрашивал, вывернул, можно сказать, всю ее жизнь наизнанку. Жизнь эта показалась нам подходящей. Всегда здесь, у нас, имели большую ценность надежные документы, позволяющие кому-то перейти на легальное. Чтoб не запутаться, помощник записал весь ее рассказ. Вот он, — Бес протянул Ганне несколько листов бумаги. — Хранил я эти документы для важной окации, — он подчеркнул этим свою дальновидность, — и вот теперь пригодились.

Ганна вглядывалась в исписанные химическим карандашом мятые листочки. Ей вдруг показалось, что она слышит голос этой девушки, схваченной на дороге в лесной глуши:

«Родилась я в селе Кагарлык Киевской области. В 1923 году. Отец работал в колхозе, мама тоже. В 1941 году окончила среднюю школу. Потом в наше село пришли немцы. Отца и маму они расстреляли у колхозной конторы за то, что они помогали партизанам. Хотели и меня расстрелять, но я спряталась — помогли соседи. В 1944 году, когда пришла Красная Армия, меня послали учиться в техникум. А еще у меня был брат Василий, он до войны уже женился и работал в этих местах после тридцати девятого года учителем. Где он сейчас, не знаю, наверное, погиб...»

Дотошный помощник Беса, видно, часами допрашивал девушку о том, как они жили до войны, как назывался колхоз, с кем училась вместе в школе, у кого пряталась от оккупантов. Были записаны даже фамилии соседей по улице, председателя колхоза, учителей, у которых Галя училась.

— Старательная работа, — признала Ганна. — Расстреляли ее?

— Зачем лишний шум? — Юлий Макарович смотрел на Ганну своими выцветшими глазками безразлично, «будто речь шла о вещах, не имеющих отношения ни к жизни, ни к смерти. — Удалили...

Ганна еще раз перебрала тоненькую стопочку документов, все, что осталось от неизвестной девушки, в жизнь которой ей предстояло войти: свидетельство о рождении, свидетельства об окончании школы и техникума, комсомольский билет, фотографии отца, матери, брата, фотографии самой Гали в пору ее студенческой жизни.

— Подойдут эти документы, — решительно сказала она. — Отныне я — Галя Шеремет...

Документы и в самом деле были подходящими. Чистая, светлая жизнь... Нелегкая — узнала дивчина и горе тяжкое, и беду лихую. Враги уничтожили ее семью — видно, настоящих украинских патриотов: не примирились с оккупацией. Галя Шеремет — дочь войны... Отвернулась доля от дивчины...

И была в ее биографии одна деталь, которая показалась Бесу особенно уместной: поиски брата. Сестра брата ищет, брат разыскивает сестру...

Юлий Макарович пользовался в управлении культуры репутацией добросовестного и очень исполнительного работника. Его ценили. К слову его прислушивались. И его рекомендации было бы вполне достаточно, чтобы Галю Шеремет быстро оформили в штат. Но Юлий Макарович был не так прост, чтобы самому хлопотать за курьера центрального провода. Вдруг провал? Тогда придут и спросят Юлия Макаровича: «А на каком основании вы рекомендовали в советское учреждение агента националистического центра?» Что тогда он ответит?

О том, что есть вакантное место в Доме народного творчества, Юлий Макарович узнал совершенно случайно — при нем инспектор отдела кадров жаловалась коллеге, что вот уже полгода эта должность остается вакантной и финансовые органы могут вообще ее ликвидировать.

— Идите к директору Дома творчества, покажите документы, поплачьтесь на судьбу, и вас примут, — посоветовал он Ганне.

И еще сказал:

— Держитесь робко, крупные руководители любят симпатичных девушек, которые сразу же признают их превосходство.

То ли действительно была нужда в таком специалисте, то ли Ганна держалась так, как нужно, но она и сама удивилась той легкости, с которой стала творческим работником солидного областного учреждения.

Она теперь спешила к девяти на работу. Сыч любил порядок, хотя сам появлялся в Доме творчества только к обеду. По устоявшейся среди служащих моде Ганна носила скромненькую юбку, вышитую белую блузку, хромовые сапожки. Даже прическу она изменила, чтобы быть больше похожей на ту, настоящую Галю Шеремет, так неожиданно ушедшую из жизни.

Ганна явилась в райком, встала на комсомольский учет.

Труднее было решить проблему с жильем.

Бес прикидывал:

— Вам нужна такая квартира, где бы никто не смог контролировать, когда вы приходите и уходите, кто у вас бывает и по какому случаю. Всякие там углы у хозяек, комнатухи, которые сдают внаем, ни к чему.

— Неужели это так сложно? — наивно спросила Ганна. — Достаточно обратиться к маклеру, и он подыщет то, что требуется.

— Чему вас только учат в ваших закордонных разведшколах? — криво улыбнулся Бес. — Какие здесь, у Советов, маклеры?

Ганна поняла, что опять попала впросак, и не стала раздражать старика ненужными расспросами. Она, к сожалению, нередко делала такие мелкие ошибки, в основе которых было неполное представление о жизни, в которую она вошла с черного хода. А Юлий Макарович не упускал случая, чтобы не отметить ехидно тупость инструкторов, готовивших курьера к рейсу.

Он нашел идеальное решение квартирной проблемы. Город война пощадила, он остался почти нетронутым. Был город из тех областных центров, где только главная улица застроена двух- и трехэтажными каменными зданиями. Они казались островом среди многочисленных частных домов, выстроившихся в прямые, тихие улицы с тополями, с вишневыми и яблоневыми садами. По складу своей жизни обитатели этих домов как бы остановились на полпути между селом и городом. Мно-

гие из них работали на мелких предприятиях, имели рабочие профессии, но у себя дома, на своей усадьбе ревнито сохраняли сельский уклад.

На окраине города, на одной из таких улиц стоял небольшой домик, утонувший в саду. Дом этот принадлежал вдове врача, исчезнувшего в годы оккупации: то ли гитлеровцы его расстреляли, то ли он с ними сбежал. Во всяком случае, после возвращения Советской власти вдова, шустрая старушка лет шестидесяти, твердо придерживалась версии, что ее дорогой Гнат Трофимович Твердохлеб положил жизнь за правое дело в борьбе с ненавистными оккупантами. Близкие соседи, правда, кое-что знали, но вся истина была известна, пожалуй, только Юлию Макаровичу. А в то, что знал Бес, редко посвящался еще кто-нибудь.

У вдовы был сын, он работал в одной из центральных областей, и старушка давно собиралась к нему в гости, только вот не на кого было хату бросить. Это знали все соседи.

Но опять-таки им не было известно, что вдова эта в годы оккупации вместе с мужем своим, Гнатом Трофимовичем Твердохлебом, выдали гестапо двух советских десантников. Десантники были ранены в перестрелке с патрулем и ночью приползли к домику врача. В гестапо, после пыток, их расстреляли.

Но если этот факт не был известен соседям, то это не значит, что о нем не знал Юлий Макарович.

И когда однажды вечером к хозяйке дома пришел солидный, ранее незнакомый ей мужчина и доброжелательно посоветовал поскорее собираться в гости к сыну, а хату свою сдать в аренду, она без особой радости, но и без сопротивления приняла этот совет.

Тем более что доброжелатель подкрепил его пачкой ассигнаций и воспоминаниями о тех днях, когда расстреливали советских десантников, фамилий которых вдова не помнила, а он вот не забыл.

Мужчина сидел в густой тени — вдова сэкономила на электричестве, — и рассмотреть его лицо было трудно.

— А как же хозяйство, птица, садок? — заволновалась вдова.

— Здесь, — гость указал на деньги, — больше, чем стоит вся ваша рухлядь. Но кое-что продайте, и это бу-

дет нормально — нельзя ехать к сыну с пустыми руками, нужны деньги на билет, на гостинцы. А это, — он опять указал на ассигнации, — спрячьте и никому не звука. Соседям скажете, что оставляете дом на племянницу: мол, приехала она с учебы на работу, уничтожили фашисты всю ее родню, кроме вас, разумеется. Надо же где-то сиротинке прислонить голову...

— А у нее и в самом деле...

— Ага. Только если вы такая любопытная, то я еще могу вспомнить, как приходил Гнат Трофимович в гестапо со списком активистов, евреев и коммунистов...

— Ох, не надо! — побледнела вдова. — Я с радостью поеду к сыну, давно не видела, хочется внучат понянчить...

— Так-то лучше, — тяжело усмехнулся гость. Улыбался он странно: раздвигались губы, а лицо оставалось неподвижным, каменным.

Нет, это был не Юлий Макарович. Он бы никогда не сделал такой шаг — «показать» себя в работе. К вдове наведалься один из его людей, которого отличал Бес за ум и хватку в сложных ситуациях, Мовчун.

— Дивчина к вам придет завтра, — сказал он.

— Неужто мне так быстро ехать? — всполошилась вдова.

— Зачем же? Поживите какое-то время вместе, познакомьте свою племянницу с соседями, соберите гостинцы — и в дорогу.

— Добре, все зробию, як кажете, — торопливо завила хозяйка.

— И вот еще, — сказал он уже с порога. — Если хоть кто-нибудь пронюхает...

— Я себе не враг.

— Нет, дослушайте. Если хоть кто-нибудь пронюхает, мы вас будем резать на тоненькие-тоненькие шматочки; и даже если оживет Гнат Трофимович, склеить эти шматочки он не сможет...

От этих слов у женщины потемнело в глазах, и она уже почти не видела, как осторожно, оглядываясь, покинул пришелец ее хату.

...Так Галя Шеремет неожиданно обрела родственницу и стала почти полновластной владелицей уютного домика на окраине города.

Мудрый имел все основания быть довольным ходом разворачивающейся операции. По грепсам, теперь достаточно часто поступавшим с «земель», он ясно представлял ее картину.

Злата Гуляйвигер, используя документы Ганны Божко, успешно перешла кордон.

Она разыскала сотню Буй-Тура и пересидела там время облав и активного розыска Ганны Божко: глупо надеяться, что чекисты не возьмут под наблюдение репатриантку из западной зоны оккупации.

Буй-Тур, как и было предусмотрено, связал агента с референтом службы безопасности Бесом.

Бес обеспечил превращение Златы из Ганны Божко в специалистку по культурно-просветительной работе Галину Шеремет.

У Галины Шеремет сейчас надежное «прикрытие», хорошая, открывающая определенные возможности работа, благополучно с жильем.

Связь с ней поддерживается через Беса. Существует еще один канал связи, но он надежно законсервирован, им разрешено воспользоваться только в аварийной ситуации.

Прошло уже много времени с начала операции. Нет, действительно нечего на бога обижаться, все пока шло хорошо.

Первый, подготовительный, этап можно считать завершенным.

Мудрый твердо придерживался правила, что как у хлебороба урожай зависит от того, как вспахано поле, так и в разведке успех операции обеспечивается работой на самой первой ее стадии. Если именно здесь все продумано и взвешено, то и дальше можно надеяться на хорошие результаты.

Мудрый имел обыкновение задерживаться по ночам в своем кабинете, чтобы в тишине, без суеты снова и снова все продумать, взвесить, попытаться предусмотреть развитие событий.

Сегодня поступило новое сообщение от Златы. Она была готова к активным действиям и даже поторапливала центральный провод. Из ее донесения явствовало, что удалось сколотить небольшую (шесть человек) группу из людей, частью рекомендованных Бесом, частью

завербованных самой Златой. Группа энергичная, все проверены, готовы к работе. И помощницу Злата себе подобрала — некую Лесю Чайку, псевдо «Подольянка». Агент сообщала сведения о Подольянке, и Мудрый проверил их, они совпали с тем, что было известно.

Злата просила рассматривать Подольянку в качестве своего заместителя и доверять ей полностью.

Но полностью Мудрый не доверял даже себе. Он любил подчеркивать, что человек сам себе не хозяин, он завтра может вдруг выкинуть такой фокус, о котором вчера и не подумал бы.

Мудрый полностью доверял только мертвым — эти будут молчать, как бы их ни шевелили.

У Подольянки прошлое не вызывало сомнений, ее работа и собачья преданность Рену были известны. В свое время Рен даже просил дозволу уходить за кордон вместе с курьером, которого он обозначал псевдо «Подольянка» и «Мавка». Но не мешало выяснить, как жила Подольянка после гибели проводника. Известно, что девчата, лишенные своих кумиров, к жизни относятся бай-дуже и способны из-за этого равнодушия на любую пакость.

В свое время у него тоже была подруга, от которой он вынужден был избавиться: решила дивчина, что сотник Мудрый ее разлюбил, и собралась наведаться в связи с этим к чекистам.

Мудрый попытался восстановить в памяти лицо Ксени, но это не удалось — почти семь лет прошло, много.

Итак, Злата готова действовать... Ей нужна техника, без нее она как бы без рук. Технику — мощный радиопередатчик — она ждет из-за кордона. Нужен ей и помощник, специалист.

Референт службы безпеки представил, как в один из дней на всю Европу заговорит подпольная радиостанция. Неважно, сколько она проговорит, — десять минут или год. Политическое значение будет иметь самый факт — поборники «самостийной Украинської державы» не сложили оружия, они сильны, они могут говорить «оттуда» (а технически установить, откуда работает передатчик, легко) со всем «свободным миром».

Но Мудрый, задумывая эту операцию, даже от Боркуна и Стронга скрыл некоторые ее возможности. Был эсбековец человеком суеверным и не хотел прокаркать раньше времени. Нет ему необходимости связываться

с рискованной операцией по доставке техники на «земли». Вспомнилась ночь...

...Гауптман Кюне вызвал к себе срочно сотника Мудрого.

— Мы уходим, — сказал гауптман.

Что гитлеровцы драпают, это было видно и без напоминаний Кюне.

— Очень жаль, — вполне искренне сказал Мудрый.

— Мы с вами неплохо работали вместе, — гауптман, обычно сухой и сдержанный, пребывал в несколько возбужденном состоянии. — У меня есть инструкция командования передать вам из наших запасов снаряжения то, что пригодится для длительной борьбы. Бункера готовы?

Два бункера, построенные подразделениями Тодта в глухом лесу, вдаль от населенных пунктов, предназначались именно для этих целей — служить тайными арсеналами.

— Да.

— Тогда поднимайте свою сотню по тревоге. Мы с вами отберем все необходимое на армейских складах, а остальное — на воздух...

Гауптман надел фуражку с высокой тульей, намереваясь немедленно приступить к делу. У него были основания торопиться — вдаль, как мощный водопад, неумолчно били орудия.

— Одну минуту, — остановил гауптмана Мудрый.

— Что там еще у вас? — проворчал тот.

— Хочу просить, чтобы закладку снаряжения и вооружения в бункера произвели ваши солдаты. Я не смогу потом перестрелять всю свою сотню, — сказал Мудрый с сожалением. — Это слишком много.

Он подумал и добавил:

— Даже для меня.

Гауптман с интересом посмотрел на Мудрого.

— Жаль, что нам не придется больше работать вместе, — сказал он. — Я всегда ценил в вас решительность.

— Наступают такие времена, когда решительность должна подкрепляться дальновидностью...

Вместе с Кюне Мудрый тщательно подобрал все, что могло понадобиться в длительной тайной войне. Гитлеровцы щедро выделили автоматы, ручные пулеметы, легкие минометы, боеприпасы к ним. Несколько

грузовиков увезли обмундирование и продовольствие. Внимание Мудрого привлекла радиоаппаратура, добротной законсервированная в непромокаемой упаковке.

— Радиостанция?

— Да, — равнодушно подтвердил Кюне. — Наши пропагандистские подразделения собирались организовать передачи на местном языке. Не понимаю, кому это было нужно?

Временами Кюне забывал, что Мудрый тоже украинец, во всяком случае, это слово значилось у него в графе «национальность». Гауптман нетерпеливо постукивал плетью по полированному голенищу. Гул артиллерийской канонады за несколько последних часов стал значительно громче.

— Можно ее тоже забрать? — спросил Мудрый.

— Если вам нужен этот хлам — пожалуйста.

Так новенькая радиостанция перекочевала из арсенала оккупантов в тайный бункер, подготовленный в Черном яру. Строили бункер военнопленные, которых гитлеровцы расстреляли. Заполняли его снаряжением немецкие солдаты: вряд ли те из них, кто остался в живых, помнили об этом маленьком эпизоде. Да и кто из них остался в живых...

...Мудрый пока молчал о бункерах — это была его козырная карта. Пришло время бросить ее на стол. Но карта была слишком крупной, чтобы швырять ее как попало. В грелсах Беса Мудрый уловил странные нотки: референт службы безопасности, ничего не предлагая, настойчиво твердил о необходимости строжайшей конспирации и дважды сообщал точные приметы прибывшего к нему агента. Бес не будет зря тратить слова донесений на то, что для него ясно и так.

Мудрый принял решение разрешить Бесу самую строгую проверку Златы Гуляйвитер или человека, подменившего ее на длинной курьерской тропе.

Галя Шеремет, ибо именно такие имя и фамилию носила с некоторых пор Ганна Божко, став обладательницей уютного домика на окраине, принялась рьяно наводить в нем порядок. Она под одобрительные пересуды соседей побелила комнаты, наняла плотников, которые починили штакетник, отремонтировали двери и окна. Так же, как это делали в селах, веселыми

красками — красной, зеленой и синей — расписала ставни. Соседям это тоже понравилось — сельская дивчина, хозяйственных родителей дочка. И никто из них не заметил, что мастера по просьбе хозяйки сделали незаметную для посторонних дверцу в стене сарая-пристройки — теперь легко можно было из дома выбраться в сад. Были сделаны и некоторые другие «усовершенствования» в планировке дома. «Мастеров» к ней пригласил Бес. Галя понимала толк в таких вещах, и «мастера», тоже люди не без опыта, только удивленно переглядывались, когда выслушивали просьбу хозяйки об очередной «реконструкции».

Мебель, доставшуюся от вдовы врача, она менять не стала: хозяйка, как думали соседи, уехала пусть и надолго, но не навсегда, и было бы странно, если бы племянница что-то меняла помимо ее воли.

Бес в домик на окраине не заглядывал, но обо всех заботах Гали знал в деталях. Или от Гали, или от тех, кого просил присмотреть за нею.

Интересовался тем, как ей живется, и директор Дома народного творчества Степан Сыч. Галя ценила эту заботу и часто обращалась к нему с мелкими просьбами: то отгул просила (мастера придут), то аванс (заплатить за ремонт нечем).

Сыч широко разводил руками: какой может быть, мол, разговор, и охотно удовлетворял все просьбы симпатичной сотрудницы. Говорил:

— Вы так много пережили, Галочка, что было бы грех вам отказать.

Сотрудники Дома творчества в своем кругу называли Сыча Баринком. Это прозвище к нему шло. Может быть, оттого, что носил Степан шубу, не расставался с тяжелой тростью с серебряной инкрустацией, говорил властно и раскатисто, любил, чтобы на вечеринках по случаю дня рождения или по другим поводам за него произносились красивые, изящно-подобострастные то-сты. Но, может, кличка эта прилипла к Сычу и по другой причине: втихомолку поговаривали, что дед Степана до революции был крупным помещиком в Таврии.

Сыч не обошел вниманием симпатичную девушку. Он по поводу и без повода приглашал ее в кабинет, вел долгие разговоры о жизни, вспоминал прошлое, делился наблюдениями над современной «жизненной рекой», как он говаривал.

«Река» катила свои воды плавно, и это Сычу не очень нравилось:

— Наши предки — а кровь у них была — огонь — любили быстрину, и быстрина, как колыбель витязей, воспитывала из них народных вождей, атаманов и героев.

Намекал Сыч на походы запорожских козаков.

Галя больше молчала, слушала, иногда восхищенно вскидывала глаза на Степана, знала, что ради этого восхищения тот и разглагольствует, сыплет красивым словом.

Сыч однажды вечером пригласил Галю вместе поужинать.

— Что люди скажут? — засмущалась девушка, да же румянец разлился по щекам.

— Скажут, что вы мне нравитесь, — легкомысленно ответил Сыч, поигрывая тростью. — Решено: заказываем столик в «Днепре».

Он потянулся к телефону, поболтал несколько минут с какой-то Ниной Сергеевной и объявил, что все сделано, отступать некуда, он заходит за Галей около семи.

Галя отказаться не смогла. Сыч отличался в полном соответствии со своей кличкой характером мелким и мстительным, а Гале совсем не хотелось осложнений на работе. У нее были свои причины избегать конфликтов.

Галя постаралась, чтобы глаза ее излучали немой восторг, когда заняла вместе с Сычом уютный столик в «Днепре», заранее со вкусом сервированный и украшенный табличкой «Зарезервировано».

Сыч разлил вино в тонкие хрустальные рюмки. Он не спросил, что будет Галя пить, — такие церемонии с сельской девицей были, по его мнению, ни к чему. Достаточно, что ей и так оказана высокая честь.

— Кажется, ваша тетка уже уехала? — спросил он после третьей рюмки.

— Да, к сыну в гости, — подтвердила Галя.

— Тогда после ужина мы поедем к вам пить кофе.

— Я не умею варить кофе, — теряясь под оценивающим взглядом Сыча, сказала смущенно Галя.

Она вообще в этот вечер вела себя робко, и Сычу это нравилось — девица немного ошалела от неожиданного счастья.

Вечер развивался в нарастающем темпе: Сыч не скупился на коньяк и комплименты, у столика постоянно вертелись какие-то неопределенные личности.

Галя почувствовала, что пьянеет, и сказала об этом Сычу. Тот засуетился: пора уезжать из ресторана, и в самом деле засиделись. И снова твердо, неожиданно трезвым голосом сказал:

— Едем к вам.

— Так я же не умею варить кофе, — заплетающимся языком напомнила Галя.

Как и все очень пьяные люди, она держалась неестественно прямо, говорила вызывающе резко. Она почти безразлично смотрела, как Сыч расплачивается, прощается с приятелями, ловит такси. У нее наступило такое состояние, когда события кажутся отдаленными во времени, происходящими с кем-то другим.

Сыч не поверил бы, если бы ему удалось хоть раз поймать взгляд Гали — трезвый, острый, оценивающий. Но этот свой взгляд Галя тщательно прятала, а смотрела покорно и как-то по-детски растерянн. Ибо, конечно же, Сыч ожидал, что ресторанное застолье, коньяк, музыка, комплименты произведут на Галю ошеломляющее впечатление.

Немного пришла в себя Галя в домике на окраине. Услужливая официантка из ресторана спроворила Сычу пакет с выпивкой и закуской, и он заставил Галю быстро собрать на стол.

Теперь он уже пил, не считая, коньяк наливал в стакан — рюмок у Гали не нашлось.

Галя, постепенно трезвея, с тоской думала, что вот скоро Сыч уgomонится с выпивкой и даст волю рукам, потащит ее в постель.

Она налила Сычу стакан до венца, себе — чуть.

— За ваше здоровье, Степан. За то, что вы не оставили сироту в беде.

Сыч выпил охотно, уже не закусывая, а только облизнув мокрые полные губы.

— А теперь к делу, — неожиданно сказал он.

Приподнялся с кресла, прошагал к оконцу, стукнул в стекло.

В хату вошел парень лет двадцати пяти, Галин ровесник. Он нагловато ухмыльнулся — дернулись уголки губ в гримасе, посмотрел выжидающе на Сыча.

— Мой помощник, — серьезно представил его Сыч. — Поможет нам завершить наш приятный вечер.

Галя никак не могла сообразить, почему дверь оказалась не на запоре, — вроде, входя в хату, сама набросила крючок.

— Ничего не понимаю, — растерянн сказала она и даже руками всплеснула, — врывается ночью в дом незнакомый человек какой-то... Объяснили бы хотя, Степан...

— Сейчас, сейчас... — охотно ответил Сыч. — Вы затеяли игру с ряжеными, вот мы тоже хотим принять в ней участие...

— Боже мой, да скажите же яснее, — чуть не плача, взмолилась Галя.

Ее был нервный озноб, и девушка набросила на плечи пиджачок, сняв его со спинки стула.

— Хватит прикидываться! — рявкнул Сыч. — Я сейчас уйду — так, чтобы все соседи слышали — убрался ваш поздний гость. Помилловался с дивчиной — и побрел домой. По улице буду идти — песню запою... Я уйду, — опять заорал он, — а хлопец мой останется, чтобы придушить тебя...

— Да за что? — побледнела как полотно Галя. — Что я вам такого сделала?

— Принимайся за дело! — приказал Сыч боевику. — А мы пока объяснимся с дамочкой.

«Помощник» начал методично уничтожать следы пребывания чужих в хате. Парень он был широкоплечий, но передвигался по комнате ловко, стараясь ни к чему не прикоснуться, все предметы оставить на предназначенных им местах.

Несколько наиболее ценных вещей завязал в узелок, рассовал по карманам найденные в ящике письменного стола деньги, золотое колечко, часики.

Грабеж он имитировал сноровисто и умело. Галя искоса глянула на него — равнодушное лицо, человек выполняет привычную работу. Над правой бровью парня синел тонкий шрам — такой остается от мгновенного замаха острым ножом.

— Вы обвиняетесь в том, — торжественно начал Сыч, — что, будучи агентом НКВД, обманом пытались проникнуть в организацию украинских националистов, чтобы выдать чекистам борцов за свободную Украину.

— Какая чепуха! — прошептала Галя. — Я никог-

да не слышала об организации украинских националистов.

— З востока она? — равнодушно спросил парень. Это были первые им произнесенные за все время слова.

— По «легенде», — тонко улыбнулся Сыч, — а так — с Львовщины...

— Ага...

Шестым чувством Галя понимала — перед нею разыгрывают комедию. Только кто ее автор? Сыч просто актер, которого выпустили в нужный момент на сцену...

А вдруг нет? Ведь были же случаи параллельного существования подпольных группок ОУН, а условия конспирации требовали, чтобы они ничего не знали друг о друге? И одна из них, вдруг заподозрив в предательстве кого-либо из членов второй, выносила безжалостный приговор. И приводила его в исполнение...

Но так могла оценить ситуацию неопытная Галя Шеремет. По-другому должна была отнестись к ней Ганна Божко — прошедший сквозь огонь курьер закордонного провода.

Итак:

Галю Шеремет подозревают в предательстве...

Сыч — функционер какого-то подпольного звена ОУН...

Этому «звену» что-то известно о реальной Гале Шеремет или о том, по каким причинам Галя Шеремет «воскресла»...

Сыч раскрывает себя, так как убежден, что тайна умрет вместе с Галей?

Неизвестно:

Связан или нет Сыч с Бесом — может, он выполняет поручение референта, проверяет «лояльность»?

Насколько категорично демонстрировать свое непонимание происходящего или бросить на стол крупную карту?

Эти и десятки других вопросов возникли внезапно, и с той же быстротой, с которой они возникли, Шеремет должна была отыскать на них ответы. Они могут быть только верными, потому что ошибка даже в одном из них приведет к искаженной оценке всей цепи событий и может повлечь за собой самые тяжелые последствия.

Смущало еще одно: неужели опытный подпольщик Бес мог сунуть ее в одно гнездо с Сычом? Это противоречило инструкциям. Но в то же время, если Бесу тре-

бовалось, чтобы Ганна Божко была под присмотром... Рыбак, поймав плотвичку, сажает ее на длинный кукан, чтобы не подохла преждевременно. А рыбка, описывая круги, думает, что она на свободе...

Ситуации, подобные той, в которую попала Шеремет, требуют мгновенных решений. И Галя по-своему уже ответила на неожиданный ход Сыча — она осталась растерянной, ошеломленной. В ее глазах ясно читался ужас. Именно так должна была бы вести себя любая сельская дивчина, особенно если она не может понять смысла внезапно происшедших событий.

Парень методично обшаривал комнату. Он добрался до красного угла — там, убранные цветастыми рушниками, красовались иконы богомольной вдовы. Он почти ласково притронулся к иконе Георгия Победоносца — небесный рыцарь пользовался особым почетом у тех, кто сам брался за оружие. Слегка приподнял икону Иисуса Христа и решил заглянуть за оклад. Там было пыльно и пусто, от стены к иконе потянулись ниточки паутины. Но икона показалась, видно, парню слишком тяжелой, он даже взвесил ее на вытянутых руках, а потом повернул к себе тыльной стороной.

Галя хранила за окладом иконы пистолет, несколько обойм к нему, комплект запасных документов, которые позволили бы в случае опасности выбраться из западни.

Она уже несколько минут с тревогой наблюдала за манипуляциями «помощника». Парень попался дотошный в отличие от своего шефа — Сыч по-барски развалился на стуле и с видимым удовлетворением наблюдал за тем, как Галя, будто затравленный зверек, пытается вырваться из капкана.

Но не все капканы срабатывают.

Иногда осторожный зверь обходит западню. Особенно если она поставлена не очень искусно.

Приговоры не исполняются с таким шумом. Чтобы незаметно убрать «предателя», нет необходимости предварительно приглашать его в ресторан. Зато в характере провинциальных актеров мелодрамы с угрозами и нервными всхлипами.

Бандит тряс икону, поворачивал ее так и эдак, пытаясь по звукам определить, что там такое тяжелое спрячено за окладом. Пистолет и документы в равной степени могли принадлежать и националистке, и со-

труднице органов государственной безопасности. И если бы Сыч вдруг всерьез поверил, что перед ним чекистка, то Гале вряд ли уйти из этой хаты живой.

Но парень увлекся иконой, Сыч же лениво ворочался на стуле, ожидая результатов обыска. Был он вялый, одурманенный выпивкой, хотя и старался изо всех сил держаться «в норме».

Выстрел негромкий, будто стекло лопнуло, сбросил Сыча со стула. С треском хлопнулась о пол икона, хлопец схватился за руку — на пиджаке расплывалось, ржавело бурое пятно.

Галя стреляла из браунинга — почти игрушечного пистолета, легко и плотно лежавшего в руке. Она выстрелила навскидку, точно зная, что пуля войдет в предназначенную ей точку — в руку парня. Ей не надо было его убивать, требовалось лишь вывести его из игры, показать, что она шутить не намерена — терять нечего.

Сыч завороченно следил за стволом пистолета, черный зрачок которого уставился ему точно в лоб.

— Не двигаться, — приказала Галя. От ее «растерянности» не осталось и следа. — Стреляю без предупреждения!

Она приказала Сычу связать цветастым полотенцем, сдернутым с иконы, руки своему помощнику, а самому опять сесть на стул.

Предложила насмешливо:

— Поговорим?

Сыч дурным взглядом уставился на пистолет, у него мелко и часто дергалось веко.

— Обойдемся без предисловий, — сказала Галя. — Я задаю вопрос и считаю до пяти. Если за это время не дождусь ответа — стреляю... Итак: кто вас послал? Раз... два...

— Юлий Макарович, — торопливо залопотал Сыч.

— Зачем? Раз... два... три...

— Чтобы проверить, не подослана ли ты чекистами.

— Вы оба состоите в организации?

— Да.

— Кто об этом знает, кроме Беса?

Сыч услышал псевдо Юлия Макаровича и невольно вздрогнул — девица оказалась осведомленной, очень осведомленной, а он-то думал, что ему поручили провести обычную проверку перед вербовкой.

— Только Бес.

— Кто подчиняется непосредственно вам, Степан?

Система подпольных связей требовала такой отработки контактов, при которой в лицо знают друг друга только двое-трое, не больше.

— Кто?

— Я не могу ответить на этот вопрос. — Сыч проявил твердость.

— Кто? Раз... два... три... — Галя повела стволом пистолета.

Сыч видел, что на спусковой крючок она нажмет не колеблясь.

— Осталась только одна связная.

— Ее псевдо?

— Эра.

— Ваше псевдо?

— Не скажу.

— Не упрямытесь — бесполезно. Раз...

«Игра» в считалочку шла в стремительном темпе. Сам Мудрый наверняка одобрил бы ее действия.

— Весляр*.

— Кто тебе, сукин сын, дал право выбирать такое же псевдо, как у вождя?! — крикнула возмущенно Галя. В неожиданном крике она выплеснула и пережитое напряжение, и гнев, и унижение бессилия, испытанное на мгновение, когда в хату вошел «помощник».

— Я этого не знал... — растерянно пролепетал Сыч.

— Балбес, — ругалась Галя. — Пройдусь, шаркач...

Она высыпала на Сыча набор ругательств привычно и как-то беззлобно — так обычно лается сотник УПА, подтягивая своих хлопцев.

— Твое псевдо? — повернулась девушка к «помощнику».

— Не скажу, — глухо пробормотал тот от стены.

— Скажешь, — мстительно протянула Галя. — Когда начну считать — заговоришь...

— А иди ты... — В тоне хлопца прозвучали нотки, по которым Галя поняла — этот ничего не скажет, лесной закалки, смертью его не испугаешь. Она уже встре-

* Весляр — одна из кличек Бандеры.

чалась с такими хлопцами — упрямые, они становились кремнем, если кто-то пытался их запугать.

— Его псевдо? — спросила Галя у Сыча, решив подступиться с другого конца.

— Рыбалка, — покорно ответил Сыч.

— Прекрасно, — неожиданно повеселела Галя, — неплохая собралась у нас компания: Весляр... Рыбалка *... То, может, хлопцы, по рюмке?

Она сама налила всем в стаканы и, предупредив, чтобы без фокусов, позвала к столу.

— Да не тряситесь вы от страха, — прикрикнула на Сыча, — лучше перевяжите руку коллеге.

Но от Степана было толку мало, он все еще не мог оправиться от страха.

И Галя уже без опаски сунула браунинг в карман пиджачка, отыскивала на полке пузырек с йодом, залила парню рану, потом туго перебинтовала ее.

— Была в сотне? — морщась, процедил тот сквозь редкие зубы.

— Много будешь знать, рано состаришься.

— Была, вижу. Только в лесах и муштруют таких скаженных...

— Ладно, ладно: пуля лишь мякоть прошила. Не захотела тебя калечить. А мясо заживет, не успеешь и оглянуться.

Сели за стол и молча выпили. Друг на друга не смотрели, все происшедшее только что поставило их в новые отношения. Сыч-Весляр лихорадочно думал о том, что не будет ему теперь веры у Беса: чуть привиделась костлявая старуха с косой — все выболтал. Кто она такая, эта Шеремет? Бес приказывал прощупать и, если хоть что-нибудь привидится, убрать...

Хлопец думал о том, что сопливая девка обвела его вокруг пальца. Его, который ушел даже от чекистов, когда брали провод Рена...

У Гали Шеремет были свои мысли. Эти двое вышли на нее, как это ни странно, очень своевременно. Пусть не деликатным получилось знакомство, но это ничего — крепче «дружба» будет.

— Поступаете в мое распоряжение, — сказала твердо. — Имею на то полномочия. Зовите меня Мавкой.

* Весляр, рыбалка — гребец, рыбак.

— Послушно выполняю ваши указы, друже Мавка! — почти тотчас откликнулся Рыбалка. Видно, он проникся к девушке уважением.

Сыч промолчал.

— Ну? — повернулась к нему Галя.

— Как прикажете, — опустил голову Степан.

ГЛАВА XXII

На запад уходили грепсы. Пожалуй, только два-три человека могли точно назвать «тропу», по которой шифровки передавались от одного пункта к другому, чтобы попасть в руки Мудрому, Боркуну и Стронгу.

Грепсы подшивались в папки, на которых ровным писарским почерком было выписано название операции — «Голубая волна». Папки хранились в специальном сейфе, и, чтобы открыть любую из них, перелистать ее страницы, требовалось разрешение Мудрого. Но Мудрый разрешения никому не давал. «Береженого бог бережет», — говорил он.

Грепсы скупой рассказывали о том, что Злата Гуляй-витер действует хотя и энергично, но осмотрительно, не торопясь, как и подобает опытному конспиратору. Злата не только легализовалась и устроилась на работу — она практически завершила первый этап операции. У нее есть люди — двоих ей передал Бес (знает их лично), одного она отобрала из спасшихся от ареста боевиков. У нее есть помощница — бывший курьер Рена Леся Чайка — Подолянка. Она, наконец, ожидает из-за кордона агента, который доставит инструкции по работе радиостанции, деньги и документы. Агента примет сотня Буй-Тура. Сотня эта прекратила активные действия, затаилась. Буй-Тур убрал из нее всех, не внушающих особого доверия, оставил только самых надежных. Сотня, подвижная и неуловимая в лесах, станет базой для подпольной радиостанции и ее охраной. Впрочем, не сотня, это по привычке употребляется такое слово. У Буй-Тура после чекистских облав и собственных чисток осталось человек семь. Вполне достаточно.

В Буй-Туре сомневаться не приходится — он точно выполняет все инструкции, в его прошлом не удалось найти ничего, что вызывало бы подозрения.

Мудрый почти с нежностью думал о Злате. Молодчина девочка! Пройшла через столько препятствий, как нитка сквозь игольное ушко. Даже такой мастер, как он, Мудрый, может гордиться ученицей.

Злата подтвердила получение шифровки с координатами тайных бункеров. Она уйдет туда в паре с одним из своих людей, чтобы проверить, не вскрыты ли бункеры за эти годы. Потом Буй-Тур по ее команде подбросит нужное на базу. И прозвучат в эфире слова, которые, надеялся Мудрый, громом откликнутся в мировой прессе.

Это будет день его, Мудрого, славы. Злате Гуляйви-тер сплетут венок героини и мученицы — только идиоты могут надеяться, что ей удастся выбраться с «земель». Чекисты прочешут все щели, выкурят притаившихся, вывернут наизнанку схроны. Они умеют это делать, и, как это ни печально, им помогает и население.

Мудрый мямл сигарету, неторопливо листая папки с грепсами, с приказами Злате. Мысли текли спокойно, размеренно. Черт возьми, как трудно стало проводить в общем-то простые операции! То ли дело было в сорок первом — сорок втором годах...

Мудрый вспомнил июль сорок первого... Над Львовом стояли тихие, мягкие ночи — такие бывают только в середине лета. Фронт отодвинулся на восток, затихла канонада. «Наконец-то мы на Украине!» — ликовал Мудрый в кругу друзей. Был он молодым, полным сил и веры в будущее. Именно тогда и была проведена операция, которую он считал образцом быстроты, решительности и аккуратности. Все подготовили заранее: черные списки, машины с командами, овраг неподалеку от Бурсы Абрагамовичей, наводчиков для особых групп. Удалось точно установить, кто из львовских ученых симпатизирует большевикам, кто является врагом ОУН. Включили в черные списки и ученых-поляков: от них тоже, считали шефы ОУН, следовало избавиться. И в ночь с 3 на 4 июля всех этих интеллигентов переселили в мир иной.

Мудрый был в составе одной из групп захвата.

...Врывались в особняки на тихих улицах, поднимали этих интеллектуалов с постелей.

— Встать! Три минуты — одеться! Быстро!

— Боже мой, что стряслось?

— Молчать! Зачем вы суете ему теплые носки? — Это к жене очередной жертвы. — Не понадобятся!

— Куда вы меня уводите?

— Мы вас отправим к друзьям самой короткой дорогой. Ха-ха-ха!..

Профессора пытались сохранять достоинство. Эти вонючие интеллигенты не могли поверить, что их можно так просто отправить на тот свет... Они даже не кричали, когда увидели, как исправно, в хорошем, спокойном темпе заработали автоматы...

Ушли в прошлое удачливые деньки. Остались только в памяти...

Бес тревожится, его грессы начинены какими-то туманными намеками. Видно, не очень ладит со Златой. И не удивительно — у девочки характер заварен на горьком перце. Хочет еще раз ее проверить? Пусть... Ничто не должно помешать осуществлению операции...

ГЛАВА XXIII

Внезапная проверка на несколько дней выбила Галя из нормальной колеи. Она не могла считать инцидент исчерпанным: даже победа, одержанная над Сычом и его приспешником, не радовала. Велика ли честь пригнать к земле остолопа, возомнившего себя «борцом»?

Но факт оставался фактом: Сычу теперь доподлинно известно, что она, Галя Шеремет, связана с подпольем и играет в нем не второстепенную роль.

Галя вспомнила, как мертвенно побледнел Сыч под дулом пистолета. И слова из него посыпались, как горох из дырявого мешка. Такой продаст кого угодно и кому угодно. А предатели одинаково ненавистны и тем, кого они предают, и тем, кто их покупает.

Пришлось потратить несколько дней, чтобы выяснить, по чьей инициативе проводил Сыч проверку. Галя собирала сведения средствами, предусмотренными для аварийных ситуаций. А необходимость в такой спешке была потому, что нависла над операцией угроза провала. Угрозу эту олицетворял собой Сыч — импозантный местный «дияч культуры» и поэт, сволочная личность, упакованная в добротные сшитые костюмы.

Бес клялся, что он не подсылал Сыча; мол, даже и не подозревал о его связях с подпольем. Знал, конечно, о настроениях, но считал директора областного Дома народного творчества никчемной, болтливой личностью, с которой всерьез дело иметь опасно. Галя делала вид, что верит.

— Пройдывит, — плюнул со злостью Бес, когда Галя рассказала ему в деталях о недавней бурной ночи. — Почему вы называли себя Мавкой?

— А что оставалось делать? Эти злодii меня бы удавили... Мое псевдо они не знают, а это — курьера Рена — им точно известно.

— Может, только поугаать хотели? — тянул неопределенно Юлий Макарович.

— Зачем я им? Вы знаете не хуже меня, какие методы вербовки рекомендовано применять в каких случаях...

Юлий Макарович вроде бы равнодушно моргал короткими белесыми ресницами и хмыкал про себя — размышлял. Они гуляли по городскому парку — вдали от людных аллей, пустынными дорожками, усыпанными золотым кленовым листом. Солнце только-только пришло к горизонту, городок плыл в легкой вечерней дымке.

— Хороший день, — сказал Юлий Макарович. Палкой с серебряной инкрустацией он разгребал кленовое золото. Среди листвы блестели шоколадными боками каштаны, вывалившиеся из колючих, треснувших по швам одежек.

Галя любила эти аллеи — клен и каштан, голубые узоры неба сквозь резную листву.

— В лесу сейчас красиво, — ответила девушка.

— Вон вас куда потянуло, — догадался Юлий Макарович. — Лес не для нас. Пусть там Буй-Тур гуляет со своими орлами-лицарями... А добре вы с пистолем управляетесь, — перевел он разговор. — Если бы не решительность да сноровка, может, и удавил бы вас Сыч со своим боевиком, — неожиданно подвел он итог.

Бес с силой ударил концом палки по каштану-кругляшу, и тот отлетел в дальний край аллеи.

— Неплохо знаю эту науку, — невозмутимо подтвердила Галя. Она с интересом — девчоночьим, напруганным — следила, как прыгает по гравию коричневый шарик. Загадала: долетит ли до толстого клена,

в стволе которого темнел круг дупла? Добавила так же невозмутимо:

— До клена с дуплом, видите, метров тридцать. За ним кто-то из ваших людей прячется, следит ли, охраняет ли, черт его маму знает! Так я отсюда из «вальтера» могу просверлить дырочку в его медном лбу. Не промахнусь — точно в середину пулю положу.

— Ох, молодежь, — сокрушенно вздохнул Бес, — одни горячие, как степные кони, другие — глупые, как лини в озере, простенького задания выполнить толком не могут...

— Да бог с вами, — улыбаясь одними глазами, сказала Галя, — не обижаюсь я, просто привыкла видеть все вокруг, вот и его засекла, когда к клену прижался. У клена кора темная, а ваш дурень вырядился в светлый плащик.

— Ничего никому нельзя доверять, — вслух горевал Бес. — Где же хлопцы, что могли бы землю поджечь и пойти по ней, как по панскому паркету?

— В землю легли хлопцы, — в тон ему ответила Галя. — Кстати, я убеждена, что Сыч — из мельниковцев, потому, возможно, вы не знаете о его группе...

— А чтоб их в аду прожарили до костей, тех мельниковцев! — вскипел Бес. — Они же могли всех нас чекистам на блюдечке преподнести... Может, ты знаешь и чего он за тебя взялся?

— А как же... Решил Сыч, что меня к нему кто-то приставил: то ли чекисты, то ли друзья по общему делу. Конечно. Хотел поугаать, поизмываться, посмотреть, как я себя поведу, а уж потом на месте решить, как дальше поступать.

Галя видела — Бес никогда не сознается, что Степан Сыч действовал по его приказу. Он будет открещиваться от него как черт от ладана. И решила помочь референту, зачислив директора Дома народного творчества в мельниковцы.

— Нет ничего хуже междоусобицы...

И она и Бес хорошо знали о том, что лютая распря раздирает их и без того ослабевший лагерь.

Началась она много лет назад, после гибели Евгения Коновальца. В 1938 году «вождь» получил на съезде украинских националистов в Роттердаме «подарунок» от доброжелателей — роскошную сюрпризную ко-

робку. Подарок помог ему мгновенно и безболезненно стать «мучеником» — бомба разнесла полковника в клочья.

Началась борьба за престол ОУН. По устному завещанию Коновальца его место занял Андрей Мельник. Но разве мог согласиться с такой «несправедливостью» молодой попович, энергичный бандит Бандера — Серый? Серый кинулся к своим друзьям в гестапо. Вцепились в чубы друг другу, плевали в лицо, торговали титулами, наплодили десятки книжонок, в которых обливали соперников помоями. Иногда прибегали и к пистолету, как наиболее удобному средству политической борьбы. Шли чистки, проводились конгрессы.

Не обошла эта борьба и низовые звенья ОУН. Но там не очень-то разбирались в высокой политике, а действовали по-простому — уничтожали конкурентов всеми доступными способами.

Были в этой борьбе периоды временного затишья, примирения, видимости сотрудничества. Были и вспышки взаимной ненависти, когда нож оказывался главным судьей.

Паны дрались, а у холопов чубы трещали. Злое слово, брошенное Бандерой на очередном сборище националистов «Консулу-первому» — такая кличка была у Мельника, — отдавалось автоматными очередями и чистками в рядах ОУН.

Бес был ярым бандеровцем. Конечно, размышлял вслух Бес, он и сам мог бы догадаться, что в «его» зоне сохранились остатки мельниковцев. Не надо было ждать, пока они по свойственной этим вырождакам тупости накинута на особо доверенного курьера. В то же время ведь сидели в своей норе, молчали.

Бес решил сделать вид, что принимает версию Гали.

— Надо его убрать, — спокойно сказал Бес.

— Представляете, какой переполох начнется, когда найдут Сыча придушенным? — засомневалась Галя. — Не думайте, я сама с радостью помогла бы ему навеки укрыться землею, но...

— Никаких «но»! Этот тип может причинить нам крупные неприятности.

Галя недолго размышляла. Да, действительно, требуется хирургическое вмешательство.

— А как вы намерены поступить с Рыбалкой и Эрой?

— И их туда же. — Бес ткнул пальцем себе под ноги.

— У вас что, полным-полно людей? — ехидно спросила Галя.

— Лучше одному, чем с подонками...

Галя усмехнулась. Странно, что даже Бес может кого-то зачислить в подонки.

— Рыбалку и Эру я включу в свою группу, — решительно сказала она. — Конечно, когда ближе познакомлюсь с ними...

— Смотрите не ошибитесь, — предупредил Юлий Макарович.

— Конечно. Да и кто они? Рядовые нашего движения. Служили Сычу, поскольку другого проводника рядом не оказалось, теперь послужат нам. Тем более что Рыбалка не в пример своему начальнику молчал.

— Так-то оно так...

— И Сыча пока не трогайте.

— Это еще почему? Ждать, пока к чекистам побежит? Или со страху в вас пулю всадит в темном углу?

— Со мной ему не справиться. Он трус, такие могут убивать только чужими руками. И потом... — Галя зло блеснула глазами, — мне доставит удовольствие, если я лично распоряжусь судьбой этого злодея.

...Вскоре Сыч выехал в командировку по распоряжению областного управления культуры. В срок не возвратился. Его искали несколько дней, опрашивали население.

Удалось установить, что Сыч поздно вечером из маленькой райцентровской гостиницы — готеля — отправился в гости к кому-то из знакомых. Больше его никто не видел. В райцентре с тревогой поговаривали, что это дело рук националистов.

А Бес через недели три получил грепс от Буй-Тура. Сотник лаконично «голосыв» — рапортовал, — что по приказу Гуцулки ликвидировал директора областного Дома народного творчества Сыча.

Документы Сыча: служебное удостоверение, профсоюзный билет и командировочное удостоверение — прилагались к донесению.

Галя сказала Чайке, что намерена представить ее Бесу.

— Зачем? — запротестовала было Леся.

— Бес уже знает, что ты ходишь у меня в помощниках.

— И пусть...

— А вдруг случится что-нибудь непредвиденное? Кто меня заменит?

— Не я, во всяком случае.

— Почему?

— Потому что веры мне ни от кого не будет: для одних я — курьер Рена, для других — подозрительная особа, находившаяся под следствием у чекистов.

— Бес ничего не знает о твоём аресте. А я тебе доверяю полностью.

— Смотри не ошибись.

Леся вспомнила, как, выйдя на свободу, отыскала методиста областного Дома народного творчества Галину Шеремет. Был тогда у них длинный разговор — за полночь. Предупредила ее Галя:

— Все мои приказы для тебя закон. Иначе и свою голову потеряешь, и меня погубишь.

И еще спросила Лесю:

— Надеюсь, не только желание отомстить за жениха привело тебя к нам... — поправила бистренько: — ...ко мне?

— Есть и другие причины, — сказала Леся.

Галя отметила, что эта девушка из тех, кто шел к своим целям через любые препятствия.

— Очевидно, знаешь уже, что с сегодняшнего дня ты моя помощница?

— Высокая честь! — чуть приметно улыбнулась Леся. — Была курьером у Рена, теперь у тебя...

— Большое доверие, — строго поправила Галя. — Воевала против Украины, теперь будешь ее защищать...

Юлий Макарович тоже без особого энтузиазма встретил предложение Гали познакомиться с Чайкой.

— Как вы вышли на Мавку? — дотошно уточнял он.

— Просто. Мне назвал ее Мудрый в числе людей, помощью которых я могу воспользоваться.

— Мавка — курьер Рена, — качал головой Юлий

Макарович. — Не мелкая птица — я должен был бы ее знать.

— А разве вам было известно все окружение куренного Рена?

— Нет.

— То-то и оно, — рассудительно сказала Галя. — Если бы все мы, кто встал на путь борьбы, знали друг друга, как бы долго продержалось наше подполье в таких условиях?

В том, что она говорила, был смысл. Бес не мог с этим не согласиться.

— И она точно была курьером у Рена? — все-таки не успокаивался Бес. — А не выполняла ли она какие-либо другие функции при куренном?

— Вы хотите спросить, не была ли она его коханой? — тонко улыбнулась Галя. — Не могу удовлетворить ваше любопытство. Но если у куренного был неплохой вкус, то он, наверное, выделял ее из своего окружения — дивчина видная.

— Может, у нее было другое псевдо?

— До чего же вы въедливый, Юлий Макарович, — не сдержалась Галя. — Ну, было. И мы даже условились, что изредка будем меняться ими: я похожу под ее именем, она — под моим.

— Зачем это?

— Ну как вы не понимаете! — чуть капризно поджала Галя губки. — Люди, с нами связанные, не должны знать, кто из нас кто. А представляете, как запутаются энкаведисты, если выйдут на след?

— Резонно, — согласился Юлий Макарович. — Так какое у нее второе псевдо?

— Подолянка. Красиво, не правда ли?

— Гарно, — равнодушно кивнул Бес. И опять взялся за свое: — Кто-нибудь подтвердил вам, что эта девица и есть Мавка?

— Судя по тону, вам это псевдо знакомо, — чутко поймала новые нотки Галя.

— Да, — признался Бес. — Такой курьер у Рена, насколько я помню, был. Куренной Мавкой очень дорожил. Настолько, что держал подальше от всех своих дел.

— Он ей не доверял? — спросила Галя.

— Мавка была любовницей Рена, — сказал Бес. Референт службы безопасности вел разговор с тем со-

средоточенным вниманием, с каким охотник берет на мушку дичь.

— Ну и что? — Галя не понимала, почему такие интимные подробности должны их интересовать. — Кстати, я в этом и не сомневалась.

— Значит, человек она особо проверенный.

— Ничего это не значит, — неожиданно заупрямилась Галя, — когда девушку в постель тащат, редко спрашивают, какие взгляды она разделяет.

— Знаете по собственному опыту?

Было это сказано грубо, будто пощечину Бес влепил.

— Ой, советую вам со мной не ссориться, — нараспев проговорила Галя. — Я обид не забываю...

— Выбачайте. У меня просто плохое настроение.

— Совсем не обязательно переносить его на других.

Легкая перепалка несколько отвлекла их от основной темы.

— Все-таки настаиваю: вам следует познакомиться с Мавкой. Если со мной что-нибудь случится — она меня заменит.

— Згода, — наконец согласился Юлий Макарович. — Но не у меня дома. Пусть приходит завтра, скажем, в шесть вечера, к драматическому театру. Ее спросят: «Нет ли лишнего билетка?»

— Не пойдет, — отвергла пароль Галя. — У всех будут спрашивать, нет ли лишнего билета... Так легко нарваться на случайность. Пусть тот, кто придет на встречу, будет с томиком Леси Украинки в правой руке.

— Хорошо.

— Спросить он должен следующее: «Извините, спектакль начнется вовремя?» Лесья ответит: «Наверное, для опозданий нет причин». Ясно?

Обмен пароллями состоялся, и Лесья ждала распоряжений. Несомненно, пришел тот, кто был ей нужен: томик Леси Украинки в руке, в условных фразах какое слово на месте.

Связник Беса был солидным, среднего возраста мужчиной, по виду — служащий какого-нибудь нешумного, но уважаемого учреждения. Он неспешно расспрашивал Лесью о жите-бытье, и со стороны могло показаться, что встретились давние знакомые.

Лесья, одним взглядом окинув посланца Беса, проявляла теперь к нему тот интерес, который диктовался обстоятельствами встречи у театра: слегка кокетничала, отвечая на вопросы, улыбалась доверительно и чуть обещающе.

— На спектакль мы, наверное, не попадем? — спросил связник. Себя он попросил называть Павлом Романовичем.

— Сложно с билетами, — безмятежно улыбаясь, ответила Лесья.

Она без труда узнала в Павле Романовиче помощника Беса, который приходил «снаряжать» хозяйку хаты Гали Шеремет к сыну, — Галя подробно описала ей внешность этого хозяйственного, неторопливого агента.

— Мы не будем очень огорчаться? — Павел Романович тоже приятно улыбался.

— Невелика беда — вечер сегодня чудесный.

— То, может, погуляем?

— Охотно, время у меня есть.

Он повел ее в тихий переулочек, подальше от людной площади. В переулке было пустынно. Лесья почувствовала себя неуютно. Потом сообразила, что здесь они не особенно заметны со стороны: над тротуаром нависли ветви сирени, вишен и яблонь, разросшихся в палисадниках у домов, кустарники и деревья образовали густую тень, укрывающую прохожих.

Шли от дома к дому, из одной тихой улочки в следующую. Павел Романович сосредоточенно молчал; казалось, он забыл о своей спутнице. Лесья вскоре заметила, что вот так, переулками, они приближаются к дому, в котором она жила. Заметила это и забеспокоилась.

— Куда вы меня ведете?

— Все узнаете в свое время, — невозмутимо бросил Павел Романович.

Спрашивать таких, как он, о чем-либо было бесполезно — Лесья хорошо это знала.

— Скоро?

— Почти пришли.

Они стояли у Лесиного дома — приземистого, казенного типа четырехквартирного здания. Дом был унылым — облупившиеся стены, четыре крылечка — по числу хозяев — прилепились к «парадной» стене. Казарменный вид дома немного скрашивали палисадники,

часто засаженные кустами сирени. Но сейчас листья уже облетели, и тоненькие ветви сиротливо тянулись к маленьким окнам. Стемнело, и только над одним крылечком горела лампа под металлической тарелкой. Дом чуть виднелся в сумерках, казался пустынным.

Так оно и было: жили здесь преимущественно люди рабочие, а они рано ложились спать: с утра — за труд.

Леся получила здесь маленькую квартирку некоторое время назад. Многодетную семью железнодорожного мастера, которая раньше ее занимала, переселили в новый дом. Леся почти ничего не знала о соседях по дому, в первые дни после новоселья познакомилась, но дальше этого дело не пошло. По утрам ей случалось с одним из них, офицером гарнизона города, вместе ожидать автобус на остановке. Семья офицера занимала ближнюю к Лесиной квартиру. Офицер приветливо здоровался с Лесей волжским окающим баском. Леся чинно отвечала: «Добрый день, товарищ капитан».

Ей нравились военные, независимо от того, какую форму они носили. Так она сказала Гале, и та долго смеялась.

Павел Романович остановился, сказал:

— Пришли.

— Так это ж мой дом, — удивилась Леся. Она с недоумением смотрела на провожатого.

— Ага, — согласился тот, — запрошуйте в хату.

Леся поднялась по скрипучим ступенькам крылечка, щелкнула замком сумочки — искала ключ.

— Открыто, — уже откровенно иронизируя, сказал Павел Романович. И предложил: — Да вы проходите, не бойтесь, ничего плохого, если вы наш человек, с вами не случится.

Нелегко дался Лесе шаг через невысокий порожек, и это было видно со стороны. Во всяком случае, Павел Романович отметил: испугалась птишка, не хочется ей в клетку...

В чистенькой комнатке их ожидал Бес. Юлий Макарович основательно устроился за столом и от скуки изучал старый номер «Огонька».

— Москальский журнал, — сказал он вместо приветствия. — Практикуетесь в русском языке?

— А что? — бойко поинтересовалась Леся. — Забронено?

— Да нет, почему же...

— Знаете ли вы, что такое БУП? — неожиданно спросила она.

— Что, что?

— БУП — это Боевой устав пехоты. У нас в курене он был в единственном экземпляре — на русском языке, конечно. Так куренной Рен заставил каждого из нас на память его выучить.

— Языката, — неодобрительно покачал головой Бес. — Ты и в других случаях такая же говорливая?

— Нет, только с вами.

— Почему?

— Галя сказала, чтобы я вам доверяла полностью.

— А откуда знаешь, что я — это я?

— Узнала вас.

Пришла очередь удивляться Бесу.

— Ты где-то меня видела?

— Конечно. В штабе у Рена.

Бес грузно повернулся к Павлу Романовичу, приказал:

— Прикрой-ка дверь поплотнее.

Что-то было в его словах такое, что тот насторожился, сбросил сонливое равнодушие и даже сунул руку в карман плаща.

— Ошиблась, дивчина, — спокойно сказал Бес. — Ты никак не могла видеть меня в штабе Рена. А раз так — то ты из энкаведе...

— Галя предупреждала, что вы скорый на выводы.

— И я тебя никогда не видел, — сказал Бес. После паузы, показавшейся всем длинной и тяжелой, добавил: — Хотя с той, настоящей, Мавкой я встречался...

— То выходит, я не Мавка, я присвоила себе чужую жизнь?

— Выходит так.

И опять Бес замолчал. Он по опыту знал, что молчание выдерживают только самые сильные. Слабые начинают в чем-то поспешно оправдываться, что-то объяснять, приводят доказательства невзвешенные и непродуманные. И потом запутываются в этом потоке слов, повторяются, сбиваются. И снова начинают объяснять... Если сопоставить все сказанное, найти противоречия, поставить четкие и ясные вопросы — то многое можно узнать. Сказанное слово — всегда след к ловушке. Если не сегодня, то завтра слово может обернуться против хозяина.

— Не собираюсь доказывать, кто я. Тем более что бесполезно это — доказывать правду... провокатору.

Леся зло блестела глазами, она не могла найти место рукам, они дрожали. Сжав зубы, она прошипела:

— Эх, прошло мое время! А так сказала б Рену, а он — хлопцам, и булькнули бы в озеро с камнем на шее...

— Она, случаем, не тронулась от страха? — поинтересовался от порога Павел Романович.

Леся резко повернулась к боевику и ударила его ребром ладони по шее. Воротник колушка смягчил удар, боевик не упал, он только пошатнулся и тут же схватился за пистолет. Бес едва успел заорать:

— Не стреляй, остолоп!

— Выкатывайтесь з хаты! — закричала и Леся. — Убирайтесь отсюда, пиявки вонючие! Привыкли измываться над затурканными хлопцами из сотен, так думаете, и сейчас вам пройдет этот номер? Дудки! Я — Мавка, а не сопливая члонкина, которую вы сперва изнасилюете, а потом сапоги лизать себе заставите. Я — Мавка, понятно это вам?

— Уймись, дурепя! — попробовал остановить поток ругани референт службы безпеки.

— От дурня чую! — огрызнулась Леся. — Вам еще придется ответить за оскорбления. Мы, курьеры, ничего не прощаем!

Мгновенная вспышка гнева и ругань взорвали тишину. Бес с тоской подумал, что одинарные рамы, наверное, не очень приглушают крики и они уже разнеслись по тихому переулку.

Так оно и произошло. В дверь вдруг резко постучали, раз и второй. Боевик и Бес схватились за пистолеты. Павел Романович стал сбоку от двери: если кто-то войдет — он окажется у того за спиной.

Бес стал прямо против входа, чтобы стрелять в упор. Все это заняло мгновение, и Леся отметила, что имеет дело с людьми опытыми: не испугались, не засуетились, быстро и решительно приготовились защищаться. И в то же время они действовали неправильно — это ей тоже было понятно. Ну, отобьют они вторжение в ее хату, уйдут благополучно тихими переулками, исчезнут в ночи, уже прочно накрывшей землю. И никто не узнает, что были здесь, в этом домике на окраине, Бес и его боевик, лично им это ничем не

грозит. Особенно если будут стрелять внезапно и на-верняка.

Но она, Леся, будет провалена навсегда — стрельба из ее дома... Потом, если она даже уйдет с этими двумя, ей недолго гулять на воле — известны приметы, документы у нее легальные: розыск по краю, и... небо в клеточку. А если стучат случайно, кто-то из соседей?

— Назад! — тихо приказала она. — Садитесь за стол — вы мои родственники. И никакой самодеятельности, а то — пулю в лоб и скажу, что бандеровца убила.

И громко откликнулась на стук:

— Иду, одну хвылыночку...

Бес и Павел Романович послушно уселись за стол и приняли позы утомленных бесполезным разговором людей. И Леся, идя к двери, все-таки не могла не отметить, как умеет преображаться и импровизировать референт службы безпеки: за столом теперь сидел благообразный старичок, которому не по душе тяжелый разговор со своенравной родственницей. Павел Романович избрал для себя манеру поведения лица, заинтересованного в исходе разговора, но не правомочного вмешиваться в его бурное течение. И в соответствии с этим было у него выражение простоватое и немного лукавое.

Леся отбросила крюк, и в комнату вошел офицер — на погонах четыре звездочки. Капитан быстро окинул всех взглядом, поздоровался с Лесей.

— Здравствуйте, Леся. Извините за вторжение, но у вас такой крик, что я заволновался: не случилось ли чего?

— Добрый вечер, Иван Федорович, — остывая от перепалки, поздоровалась и Леся. — Проходите в хату.

Капитан подошел к столу — держался он напряженно, — в оттопыренном кармане кителя у него явно вырисовывался пистолет.

— Время тревожное, — сказал он, — мало ли чего...

— Спасибо за турботу, — Леся почти пела — ласково, доверительно. — Мы тут с родственником моим, Мыколой Пантелеевичем, во взглядах не сошлись... Ой, выбачайте, я вас не познайомыла. Мыкола Пантелеевич — голова колгоспу з нашої области, мий вуйко.

Бес доброжелательно протянул капитану руку — взгляд у него был открытый и приветливый.

— А это — бригадир колхоза, дядько Павло, — представила Леся и второго, — тоже мой родственник...

Говорила она, мешая украинские и русские слова, и это свидетельствовало о ее уважении к позднему гостю: хотелось бы ей говорить на его родном языке, но еще не умеет.

— Да вы присаживайтесь к столу, — приглашала она капитана. — У нас на Украине сосед — человек не чужой, а тоже почти родственник. Говорят даже: какой у тебя сосед, такая и жизнь...

Несуетливо подошла она к шкафчику, достала бутылку водки, подала закуску — помидоры, сало, домашнюю колбасу.

— Выбачайте, самогонка. Дядя привез, — ехидно сказала она. — Знаете, хоть и заборонено, але голови колгоспу все можна.

— Ну и язычок у тебя, племянница, — покрутил головой Бес.

Капитан от чарки не отказался, выпил одним глотком, похвалил:

— Крепко.

— Заходите почаще, — гостеприимно приглашала Леся, — для хорошего человека у меня всегда найдется.

— Боюсь, жене не понравится, — откликнулся капитан. И опять начал объяснять: — В этом доме стены будто из фанеры — вот я и услышал, что вроде бы дерутся...

— Та ни, это мы важный вопрос обсуждали, — Леся была вся воплощение доброжелательности. — Предлагает мне дядя вернуться в село, где я выросла. Нет у них сейчас заведующего клубом, а при новой жизни без клуба никак нельзя...

Бес уже в первые мгновения понял, куда клонит «племянница», оценил ее неожиданный ход и теперь посчитал, что пришла и его минута включиться в игру.

— Колгосп у нас не из бедных, — солидно сказал он. — Но грамотных людей, специалистов мало. Вот мы и хотим, чтобы молодежь, наша надежда, вернулась в село, помогла поставить новую жизнь на крепкие ноги. Правильно я говорю, Павло? — обратился он к своему спутнику — «бригадиру».

— Угу, — мрачно пробормотал тот.

— А я не хочу, — вновь повысила голос Леся, — надоело мне шлепать в резиновых чоботах по грязи.

Она играла роль избалованной сельской девицы, добравшейся наконец до городской жизни.

— А хлеб кто растить будет? — не сдавался «дядько».

— Вы, — нимало не смущаясь, отрезала Леся.

Они опять заспорили громко, ожесточенно, и капитан смог убедиться, что действительно попал в разгар родственной баталии.

Сосед еще недолго посидел, попрощался и ушел, видно не желая вмешиваться в чужие семейные дела.

— Ну вот, — облегченно вздохнула Леся, когда остались они снова одни. — А вы — за зброю...

— Молодец, — должен был одобрить ее действия Бес. — Ловко выкрутилась.

Он налил себе самогонки, выпил, не закусывая, — нелегко дались Бесу двадцать минут мирного разговора с советским капитаном. Конечно, Юлий Макарович часто встречался на работе и в другой обстановке с представителями Советской власти, но там он знал, что их появление предопределено тем укладом жизни, против которого он боролся. Здесь же, в разгар проверки одного из своих людей, вмешательство советского офицера могло привести к неприятным последствиям.

Это он, Бес, виноват в случившемся. Дернуло же его встретиться с Чайкой у нее на квартире, не проверив, насколько здесь все «чисто». Сунулся в воду, не спросив броду. Видно, и правду люди говорят, что от спокойной жизни ум тупеет. За последние месяцы не было серьезных провалов в его, Беса, хозяйстве, вот и успокоился.

А задумано было неплохо: боевик приводит Чайку на ее же квартиру (а она ожидает, что поведут ее куда угодно, только не сюда), здесь их встречает Бес, два-три вопроса в упор — и... Бес всегда с охотой разрабатывал систему проверок агентуры и лично ее осуществлял — власть над людьми, возможность поиграть с ними в кошки-мышки приносили удовлетворение. Он и с Ксаной, той, что потом заняла такое важное место в его жизни, начал с проверки — жестокой и тонкой.

Павло Романович легче и проще других реагировал на происшедшее. Стрелять не пришлось — и то хорошо, стрелять с опасностью получить ответную пулю Павло Романович не любил. Выпили по чарке — и это

тоже хорошо, от дармовой выпивки ни один истинный боевик не откажется. Но они здесь по делу, а референт, кажется, скис. Задумался так, что забыл и про дивчину, которая, возможно, из НКВД. А там ничего не забывают, попадись им только...

— Так что с нею зробымо? — ткнул он пальцем в Лесю.

— Да, да, — оторвался от своих мыслей Бес. — Продолжим. Если вы связная Рена, мы должны были с вами встретиться. Но мы не знаем друг друга, следовательно, вы не входили в окружение проводника. Как видите, логика очень простая.

Референт говорил теперь тихо, в его тоне исчезли ржавые, скрипучие нотки.

— Давайте выясним, где и когда мы могли бы видеться, — предложила Леся. И добавила: — Только без гвалта, а то я на этот раз сама позову капитана.

Она тоже выпила немного, и Бес подумал, что Чайка и в самом деле красива. Поскольку встреча была назначена у театра, она, очевидно, решила, что ее пригласят на спектакль и будут беседовать в антрактах. И оделась специально для такого случая: длинное темное платье с кружевным воротничком, хорошо сшитое и пригнанное по стройной фигурке, было ей к лицу. Леся была похожа на Галю Шерemet. Бес подумал об этом, но чем они схожи друг с другом, решить не мог. Галя смуглая, с пшеничными косами, глаза у Гали голубые, почти как озерная лазурь. Леся же вся светленькая, нежную кожу лица чуть золотят остатки летнего загара. Но обе они тоненькие, гибкие, и манера двигаться, ходить по комнате у Леси и Гали одна — легкая, бесшумная.

— Я вас видела у проводника в том месяце, когда провожала в рейд сотню Стафийчука. Было это в сорок пятом. Вы пришли к Рену с двумя телохранителями, сидели и совещались с проводником часов до одиннадцати. А потом ушли на ночь глядя. Рен еще советовал по зорьке выйти, но вы сказали, что ночью чувствуете себя спокойнее. Ночь, мол, всем бурлакам друг, или что-то в этом роде вы тогда сказали...

— О чем шла речь у нас, если вы такая всезнающая?

— Уточнялись списки терактов. Вы хотели, чтобы сотня Стафийчука выжгла новый колхоз. А Рен возра-

жал, говорил, что надо повременить, пока Советы пришлют в колхоз технику, тракторы и машины разные, чтоб костер получился побольше.

Бес хорошо помнил: такой разговор с проводником действительно был. Рен решительно отказывался жертвовать людьми ради того, чтобы сжечь десяток сельских халуп.

— И так пожары по ночам в округе, — бубнил проводник, — на них слетятся москали да чекисты со всех сторон. Бросят на нас полк, что делать будем?

Проводник был тогда в плохом настроении. От его курения почти ничего не осталось — растрепали истребительные отряды, которых селяне да местные комсомольцы точно наводили на след бандеровских сотен. Проводник новыми налетами боялся обнаружить себя.

— Но почему же я вас не видел? — не унимался Бес.

— Эх, плохой из вас референт службы безопасности! — иронически протянула Леся. — Помните хлопца, который вам стол накрывал? Вы тоже пили тогда самогонку, не много, а так чарки две-три пропустили... И закусывали яичницей с салом. Проводник потребовал пампушек с чесноком, а хлопец сказал: «Нет, кончилось...» Помните?

— Ну, кажется, было это, — неуверенно сказал Бес.

— И курили вы какой-то пахучий тюютюн. Рен еще спросил, где добыли, а вы сказали, что хлопцы Джурьы какого-то комиссара переселили на небо, а это — трофей...

— Было... — признал Бес.

— Так какого ж черта вы мне голову морочите?! Или память вам Советы выбили? Или мозги по дороге к дому моему растеряли?

Леся, начав ругаться, зажигалась, сама себя подзадоривала злыми словами и уже не могла остановиться, погасить ярость.

Бес отметил, что это у нее от сотни, где пан тот, у кого глотка сильнее.

— А раз все это помните, то тот хлопец Рена — вот он, перед вами!

«Ведь и в самом деле могло быть так, — размышлял Бес. — Крутился тогда вокруг проводника какой-то юнак, стаканы ставил на стол, сковороду с яичницей». Одет был, как теперь припоминал референт, в галифе,

в куртку, на голове держалась мазепинка с трезубом. Проводник ласково на него поглядывал, это Бес заметил.

— Чтoб не сомневались, хотите, я все ваши псевдо скажу?..

— И это знаешь? Откуда?

— Мне Рен их назвал. Он дальновидный был, Рен. Заботился обо мне: «Если что случится, — говорил, — и тебе деться будет некуда — пойдешь к Бесу. Найти его можно так и так... Скажешь ему, кто такая. Передашь мой наказ: помочь тебе документами и деньгами».

— Даже так? — вроде бы удивился Бес. — Проводнику известно было — у меня не банк, а я не миллионер.

— Да нет, проводник как раз знал, что вы вроде миллионера, — многозначительно сказала Леся. — Так вот у вас были такие псевдо...

— Подожди, — остановил ее Бес и показал глазами на застывшего, как изваяние, Павла Романовича. — Такие вещи вслух не говорят. Напиши, если знаешь...

Леся написала на листке несколько слов, передвинула его по столу Бесу. Тот прочитал, достал зажигалку, сжег листок и пепел растер в пепельнице.

— Об остальном — потом, — сказал почти добродушно.

— Не будем откладывать, зачем же? — вкрадчиво сказала Галя. — Та шкатулка...

— Хватит! — хлопнул ладонью по столу Бес. — Вижу, ты курьер Рена. Почему раньше меня не искала? — Не было в том надобности.

— Отошла от борьбы?

— Нет, друже референт. По моим следам шли. Велика ли радость провалить и себя и вас?

— А как сейчас?

— Школа Рена, сумела оторваться... — К Лесе вернулось хорошее настроение. — Так что, по чарке в честь зустрічи?

— Наливай, — согласился Бес и поднял рюмку: — Хочу сказать... Рад такой встрече. Нет, не все мы еще потеряли, если в строю остались лучшие из лучших. За тебя, Мавка. За то, чтоб доля была к тебе милой.

Что хотел этим сказать Бес, Леся не поняла. Но ясно было, что не так уж и рад референт неожиданному

появлению Мавки, соратницы Рена, посвященной, как оказалось, в важные тайны. Правду говорят, что красуня из самого стойкого мужика такие сведения выспросит, которые тот другим и под пыткой не скажет. А Рен старел: седина в волос — бес в ребро. Сто чертей в печенку проводнику, хоть о покойниках, прости господи, плохо не говорят...

И про шкатулку не удержался, старый бабник!

О существовании шкатулки знали только трое. Впрочем, до последнего времени Бес считал, что знали всего лишь двое, и один из них погиб.

Появилась она несколько лет назад. Бес хорошо помнил, как это было.

Куренной Рен был мужичком хозяйственным. Он часто думал о будущем, о том будущем, когда сможет отложить автомат и стать «господарем» на манер тех, кого знал еще до войны в закарпатских селах: дом под железом полная чаша, и поля вокруг, сколько глаз охватит, — мои, а на усадьбе — батраки, кони. По воскресеньям завтрак в кругу семьи, а потом и в церковь пойти — в черном костюме-тройке, в шляпе...

Но куренной был и трезвым человеком — он не очень-то в последнее время верил в будущее. Горели хаты, падали под выстрелами хлопцев куренного бедняки-активисты, что выступали за колхозы да за Советы, но на место убитых вставляли новые, и было их больше, чем раньше. И даже страх переставал быть союзником Рена, потому что его больше не боялись, а просто ненавидели. Было время, на белом коне въезжал в села. Ушло то время... Посоздавали везде истребительные отряды — «ястребки» встречали куренного свинцом, указывали дорогу чекистам. И даже те, кого удавалось схватить, плевали ему в лицо, хоть и знали, что будут резать их живыми на шматки. Куренной чувствовал, что протянет недолго. От курения осталось одно воспоминание, горстка людей, которым терять уже было нечего, каждый мог в той крови, что пролил, выкупаться.

Потому и не любил Рен, чтобы величали его куренным. Звучало это насмешкой. Предпочитал другой титул — проводник. Что это за куренной без курения, генерал без армии?

А тут еще над лесами появились самолеты, сбрасывали листовки. Обещались в них амнистия и мирный труд.

Был у Рена старый приятель. Вместе еще при польских панах мечтали о временах, когда ОУН добудет победу. Вместе и хутора свои пожгли, когда пришли Советы... Теперь трудился старый приятель бухгалтером в колхозе «Червоный прапор».

Наведался к нему Рен ночью. Не обрадовался ему приятель, но поставил на стол самогонку, закуску. Пили неторопливо, больше беседовали, как и водится между людьми, которые давно не виделись.

— Як в колгоспи? — спросил добродушно Рен.

Думал, что будет приятель новую жизнь проклинать. А тот сказал неожиданное:

— А чего же? Крепнет колхоз. Все село сейчас в нем. Недавно три трактора получили да два грузовика. Семенами держава помогла. Лес и кирпич на строительство выделила.

— Ты мне скажи, выгодное это дело для селянина или нет?

— Как для кого. Для тебя, к примеру, — нет. А для бедняков-середнячков — очень. Про тех, у кого вообще ничего не было, кто в наймах и злыднях век вековал, я и не говорю... Колхоз для них спасение...

Рен цедил горилку, задумчиво смотрел на приятеля. Продолжал расспрашивать с тем терпением, когда хотят узнать что-то очень важное.

— Ты бухгалтер, значит, знаешь все цифры по колхозу. И хозяин был из тебя неплохой, тебя не проведешь на мякине. Сойдутся у колхозников концы с концами?

— Готовим сейчас отчет для района, — степенно ответил приятель, — скажу тебе, что все планы выполним. Будем с большой прибылью. Если же ее разумно в дело употребить, то в следующем году не только все дыры залатаем, но и на обновления хватит. А потом должен еще ты учесть, что не только в прибыли сила колхоза. Школу вон построили, под клуб фундамент заложили... Молодых хлопцев колхоз от сохи отрывает, на трактор садит.

Рену вспомнилось, как встречались они много лет назад, когда хутора их рядом стояли. Другие тогда были разговоры у них.

— Значит, и ты москалям продался? — спросил приятеля.

— Никому я не продавался... Жизнь стала другой, и надо искать в ней свое место.

— А помнишь, как стихи писал о любви к Украине?

— Помню.

— Сжег те вирши?

— Зачем же? Я Украину любить меньше не стал...

Говорили они на разных языках.

И спросил еще Рен:

— Так, выходит, нам на поддержку селянина нечего рассчитывать?..

Длинный и путанный жизненный путь прошел приятель. Учился в гимназии во Львове, был учеником в акционерном обществе «Мануфактура», членом «Просвиты», ходил на «украинские вечера», даже одно время занимал какую-то должность в районном проводе ОУН. Если Рен всегда предпочитал автомат, приятель больше знал с книжками, сам писал в «национальные» журналы. Изучил творы духовных паставников национализма и мог их цитировать по памяти. Рен в свое время ценил его за острый ум и безусловную, почти одержимую преданность идеям националистов. И вот — бухгалтером в колхозе работает...

— Выходит, так... — подтвердил приятель.

— И борьба моя напрасна?

— Знаешь, Рен, — приятель обратился к куренному не по имени, а назвал его псевдо, — советую тебе — подумай о будущем. Самое время автомат закопать. Устала земля от крови... Не мне тебя учить, как избавиться от прошлого.

Рен выпил еще чарку, сумрачно глянул на приятеля.

— Ты вот свое прошлое, как ящерка хвост, отбросил, потому что схватили тебя за шиворот. Да, видно, не все товарищам энкаведистам рассказал. Я с ними в переписке не состою, но лист пошлю, все твои заслуги перечислю.

— Не утруждай себя, Рен. Я им все рассказал.

— И простили?

— Как видишь...

Рен что-то прикинул, встал — был он большим, грузным и, казалось, усталым от невидимой ноши, которая гнула его к земле. Предложил:

— Давай выпьем. Хочу попрощаться с тобой.

Когда опорожнили чарки, сказал неторопливо слова, которые часто приходилось ему говорить:

— За зраду национальных интересов...

Выстрел хлопнул гулко, и эхо его ударило в окна, отскочило от них и еще раз покатило по хате.

Истошно закричала жена приятеля. Ее пристрелил телохранитель куренного.

Уже у себя в штабе Рен «оформил» убийство приказом. Любил он во всем порядок.

Но совет приятеля запомнил. И через несколько дней поздно вечером позвал к себе Мавку. Мавка, связанная, и раньше часто оставалась в бункере проводника на ночь. И никто тому в штабе не удивлялся. Как-то само собой считалось, что Мавка при куренном. Выполняет только его приказы. Служит только ему. Рен от нее ничего не скрывал. И когда приходили к нему курьеры с особыми полномочиями или наведывались для тайных встреч коллеги-сотники, прислуживала на дружеских вечеринках тоже Мавка. Одевалась она под хлопчика. Носила китель, перешитый по талии из немецкого, брюки заправляла в хромовые сапоги. На косах задорно сидела мазепинка, у пояса у нее был пистолет. На рукав кителя, у плеча, Мавка нашила желто-голубую ленточку.

Девушку все приближенные Рена звали Мавкой; нравилось это ей, потому что вроде бы роднило с легендами. Мавка — лесная девушка, дочь леса... И Рен звал ее Мавкой. Постепенно почти все забыли, что было у этой девушки собственное имя — Леся, что в восемнадцать лет одолела с грехом пополам учительскую семинарию, учительствовала недолго, вступила в женскую вспомогательную организацию ОУН, потом ее приметил Рен и позвал с собой.

Рен научил ее жестокости, а жизнь в сотне — умению постоять за себя, своевременно учуять опасность, полагаться только на собственные силы.

Только Рен знал, что в годы оккупации работала Мавка переводчицей у гитлеровцев, и был у нее жених, носивший эсэсовскую форму. Рену было известно также, что ездила Леся в Берлин к родным жениха, собирались они вскоре пожениться.

Вернулась Мавка из гостей, а над могилой нареченного уже и вороны каркать перестали. Вроде погиб в облаве.

Такой была Мавка, и Рен относился к ней почти с нежностью, если вообще был он способен на это чувство. Раньше он ее часто посылал в курьерские рейсы, но в последнее время берег — стало опасно ходить тайными тропами, да и кто знает, как ведет она себя там, с «коллегами»? Дивчина красивая, а ночи в бункерах ой какие длинные, скучные. Принесет еще в подол дытынку, скажет: «Твой сынок, друже Рен».

Мавка в тот вечер явилась перед очи куренного веселая, улыбчивая. Знала: любит Рен ее улыбки, оттаивает, когда они вдвоем. Поцеловала Рена, прижалась к нему, ласково упрекнула:

— Совсем меня забыл.

— Дела, — неопределенно отговорился Рен, хотя упрек был ему приятен.

Он посадил ее против себя за дубовый, крепко сколоченный стол. Положил на стол крепкие руки, чуть склонил голову. Поняла Мавка, позвал ее Рен советовать. Стерла улыбочку и тоже руки на стол положила: так сажались за стол отец ее и мать, когда решали важные дела. Сказала ласково, покорно:

— Слухаю, друже.

Рен тоже не любил, чтобы звали его по имени, считал, что и дисциплина будет не та, и конспирация нарушится.

— Хочу посоветоваться с тобой. Что услышишь сейчас — сразу забудь.

— Ты ж меня хорошо знаешь...

— Ага. Потому и верю.

Немногословен был Рен, а тут еще такой разговор... Это не приказ отдать, чтобы сожгли хлопцы пару халуп. Вот и выбирал слова с трудом, будто зерно просеивал.

— Думаю, недолго нам осталось держаться. К тому все идет.

Мавка молчала. Нельзя куренного перебивать — пусть выговорится. Была она из понятливых, сразу увидела, куда клонит Рен.

— Делила ты со мной честно и радость, и горе. Много дорог с тобой вместе прошли. Дай бог, чтобы выросли те дороги колючим терном и не припомнили их нам...

— Грустную песню поешь, козаче, — улыбаясь ска-

зала Мавка, а глаза у нее были строгие. Ждала, куда повернет Рен.

— Была у меня надежда вырваться отсюда за кордон. Давно жду курьера, который принес бы мне такой приказ. Задерживается где-то курьер...

— Придет...

— Ну а если придет, но в приказе будет совсем другое — остаться на «землях»?

Мавка промолчала. Не сказал еще Рен главного для нее — возьмет с собой или бросит здесь?

— Если доведется за кордон уходить, ты, конечно, со мной, — будто отвечая на невысказанный вопрос, сказал Рен. — Ну а вдруг придется оставаться?

Понимала Мавка, что Рен уже все продумал и принял решение, которое сейчас ей объявит. Так оно и было. Рен дальше сказал, что надо быть готовым ко всему — чекисты на пятки наступают. И если так случится, что придется сражаться до последнего, не намерен он голову зря терять. Уйдет отсюда, сменит все: фамилию, имя, биографию, внешность. И где-нибудь в глубине страны будет жить как все.

Странно было слышать это Мавке от непреклонного, сурового Рена. Говорили ведь, что он как из железа и вместо крови у него в венах струится ненависть.

— Не думай, идеям своим не изменю, — сказал Рен, — до последнего вредить коммунистам буду. Стану волком-одиночкой.

Рен переплел пальцы и сжал их так, что суставы побелели. Сказал как о давно решенном:

— Ты будешь со мной.

Мавка тихо ответила:

— Конечно, Рен.

Повязаны они давно одной веревочкой. Куда она без него?

— И слушай теперь самое главное. Завтра ты уйдешь из сотни. Не крути головой, лучше подумай: я дело говорю. Уйдешь из сотни, вернешься домой. Бедствовать не будешь — выделю тебе денег. Дома сиди тихо и смиренно...

— Не брошу я тебя, Рен, — Мавка отвернулась, чтобы не увидеть куренной слезы. Не любил он этого.

— Ты выслушай до конца... Так будешь жить, чтоб никто не подкопался. Ведь из твоих сельчан никто не знает, что ты в сотне?

— Тайно уходила в лес, — подтвердила Мавка. — Все думают: у родичей я, пережидая тяжелое время.

— Вот-вот. Самое паршивое, что тебе могут прицепить, — так только женишка да поездку в неметчину.

— Ты и это знаешь? — тихо спросила Мавка.

— Я все знаю. — Рен сердито шевелил бровями.

Никогда ни полсловом не дал он понять Мавке, что известны ему и те годы, когда была она еще Лесей Чайкой, крутила любовь с офицером из дивизии «Галиция».

— Но ты не волнуйся. Если даже и всплывет когда та история, — Рен выделил голосом последнее слово, — ничего тебе не грозит. Советы сильные, они мелкие грехи прощают... Ты будешь спокойно в своем селе сидеть и... ждать меня. Когда меня прижмут окончательно, приду к тебе, отсижусь, выжду.

Не сразу согласилась Мавка с предложением Рена. Она давно уже жила лесной жизнью и с трудом представляла, что может все у нее измениться. Будет она в доме, не в бункере, жить, сменит свою форму на платье, запрячет подальше пистолет, перестанет на каждом шагу оглядываться. И заботы у нее будут другие. Одним словом, станет мирной жительницей...

— Еще хочу тебе сказать. — Рен теперь говорил очень тихо, будто опасался, что их может кто-то услышать. — Давно уже откладываю я самое ценное в казну куреня. Боевики о ней не знают. Думают, что отправлял я те ценности, которые удавалось нам взять, в центральный провод.

Мавка, конечно, видела, как при удачном грабеже отбирал Рен золотые кольца, броши, другие ценные вещи и отправлял их куда-то. Случалось, что становилось известно Рену, у кого из «бывших» имеются припрятанные ценности, и тогда приказывал он своим боевикам хорошенько потрясти подпольного богача. Не имело в таком случае значения, за Советы тот или против них.

Рен никогда не зарился на какие-нибудь там хромовые чеботы или одежонку — отдавал все хлопцам. Брал для «казны» только то, чему, как он считал, при всех властях и во все времена цена одна.

— Начало своей казне я положил еще во Львове, в оккупацию. — Рен, видно, решил до конца быть от-

кровенным. — Если удавалось впереди немцев проскочить, добычу брали богатую...

В одном из особняков присмотрел Рен шкатулку из черного дерева. Она была тонкой работы: по восьми углам окована серебром, из серебра же был на крышке родовой герб какого-то польского вельможи. Внутри шкатулка выложена была алым сафьяном.

— Я передал ту шкатулку референту безопасности Бесу. В ней все, что удалось собрать, — закончил Рен. — Если с умом распорядиться тем богатством, то хватит не только до конца жизни, но и внукам останется.

Далее Рен сообщил, как разыскать Беса, назвал па-роли.

— Если со мной что-нибудь случится — пойдешь к Бесу, заведи у него то, что мне принадлежит. Скажешь — такой мой приказ. Он об этом будет знать. Шкатулку у него отберешь вроде бы для того, чтобы передать за кордон.

— Все сделаю, как надо, Рен.

— И еще учти: лапы у Беса цепкие. Он своего не уступит, да и чужого не отдаст. Потому иди к нему с оружием. И еще лучше, чтобы был с тобой кто-нибудь из наших людей. Бес одной рукой шкатулку протянет, а другой — нож в спину всадит.

Мавка сказала, что пока напрасны такие заботы, придет время — сам Рен заберет у Беса «казну».

— Будем надеяться, — ответил Рен, — но все, что я тебе рассказал, запомни.

Догорал огарок свечи, запрыгало пламя, пошел чад по бункеру. От неровного, мигающего света тени на стене шевелились, были огромными и расплывчатыми.

Мавка достала из шкафчика новую свечу, хотела зажечь от огарка.

— Не надо, — остановил Рен, — завтра тебе рано в дорогу, а я сказал уже все.

Мавка стелила на нарах домотканые рядна, готовила куренному постель. Рен придвинул автомат ближе к изголовью, положил под подушку пистолет.

— И смотри, — сказал, — не вздумай в селе шашки заводить. Приду — пристрелю...

Мавка знала: придет и пристрелит, если ему что покажется. Но она не обиделась на Рена: значит, любит, раз шевельнулось в нем что-то вроде ревности.

— Один ты у меня, Рен...

Рано утром Мавка покинула штаб куренного Рена. Было это за несколько месяцев до его гибели.

ГЛАВА XXV

В спутники Галя выбрала Рыбалку. Парень произвел на нее благоприятное впечатление твердостью, с которой отказался назвать свое псевдо. Были у него и физическая закалка, сноровка прошедшего много лесных стычек боевика. Правда, он не отличался особым умом, но это от него и не требовалось: все решения будет Галя принимать сама.

Состоялся у них короткий разговор.

— Так ты понял, кто я? — спросила Галя.

— Нет, — чистосердечно ответил Рыбалка. — Вижу, что из руководства, а кто — зачем мне то знать?

— Правильно.

— Эге ж. Меньше знаешь — дольше живешь.

— Говорят, Сыча прихлопнули. То ли свои, то ли чужие...

— Туда ему и дорога! Плюгавый был мужик, гнилой. Сказал равнодушно; видно, давно пришел к такому выводу.

...Рыбалка служил по части сбора утиля и вторичного сырья. Работа малообременительная, нехлопотная, дававшая возможность распоряжаться временем. На одной из глухих улиц стояла дощатая будка по приему утиля — такие заведения, известно, располагаются вдали от центра. В будке хозяйничал обычно дедок — дальний родственник Рыбалки, или, как значилось в официальных документах, Мыколы Онуфриевича Мацука.

Галя издала полюбовалась будочкой и дедком, с любопытством посмотрела, как ватага ребятишек в красных галстуках привезла на возке связки старых бумаг. Дедок поздоровался с ними как со старыми знакомыми.

Наблюдение за будкой в течение нескольких дней показало, что Мыкола появляется там крайне редко — все операции по приему и отправке вторичного сырья производит дедок, который числится кем-то вроде ночного сторожа.

Однажды к будке пришла разбитная молодлица. Она тоже что-то сдавала дедку. Потом недолго поговорила с ним, пересчитала полученные деньги и ушла.

Без особого труда удалось установить, что молодница проживает неподалеку в собственном домике, работает медсестрой в больнице и является возлюбленной Мыколы. Более близкое знакомство с жизненным путем Ванды Бреги подтвердило, что именно она носит звучное псевдо Эра.

Вся эта работа была проделана неторопливо и основательно. Была она абсолютно невидимой постороннему глазу, и ни Мыкола, ни тем более Эра и догадаться о ней не могли.

Галя к определенному моменту могла совершенно твердо сказать, что Мыкола фанатично ненавидит Советскую власть, лишившую его отца в тридцать девятом году крупной земельной усадьбы, что Эра предана лично Мыколе, а не «национальным идеям» — влюбилась дивчина в хлопца и присохла. На руках у Мыколы — кровь: служил полицейским у гитлеровцев, комплектовал эшелоны невольниц. Тогда-то и заприметил Ванду, помог избежать полона, и дивчина сперва видела в нем спасителя и героя, потом — парня, за которого хотела бы выйти замуж. Мыкола втянул ее в подполье, приручил, как приручают продрогшего, уставшего от побоев зверька, опутал поручениями, за выполнение которых — Ванда это понимала — Советская власть по головке не погладит.

«Аттенат» — «крестины» в новую веру — Ванда по приказу Сыча прошла в той же больнице, где работала. От нее потребовали, чтобы она дала смертельную дозу снотворного раненному в стычках с «черными хлопцами» советскому офицеру. Это было убийство, и Ванда его совершила. Теперь у нее не было пути назад, она это понимала и жила мечтой, внушенной Мыколой: «Победим, вырежем коммунистов, и тогда все будет наше».

Верой в это и жила Ванда Брега, медсестра больницы, которую больные ласково звали сестричкой.

Галя теперь примерно знала, на кого она может опираться в той сложной работе, которую предстояло ей совершить.

Где-то в лесах бродила сотня Буй-Тура.

Имел доброе легальное положение Юлий Макарович Шморгуна.

Под рукой у Шморгуна постоянно находился боевик Павло Романович.

Рыбалка и Эра составляли как бы отдельное звено.

Можно было догадаться, что у Шморгуна-Беса есть еще несколько глубоко законспирированных людей — агентов и курьеров (иначе как уходят донесения на Запад?), и, может быть, он бережет для крайних случаев вооруженную боевку, спрятанную в лесах или на хуторах.

Все равно это было очень немного. Если учесть тщательность и скрупулезность, с которой создавалась подпольная националистическая сеть перед уходом гитлеровцев, то можно было прийти к выводу, что от нее практически не осталось ничего. Ибо десяток ненавидевших новую жизнь людей не могли быть той силой, которая оказалась бы в состоянии что-либо затормозить.

Гале подумалось: «Идти с этими «лыцарями» против Советов — все равно что пытаться вырвать голыми руками могучий дуб, опорой которому служит земля».

Но не время предаваться праздным размышлениям. В сложных условиях надо быть особенно осмотрительной и... решительной, потому что только решительность помогает преодолеть сомнения, совершить невозможное.

Случилось ей видеть, как тонул молодой парень, односельчанин. Вздумал переплыть озеро, добрался до середины, а потом, видно, обессилел, засомневался, что доберется до противоположного берега, и повернул обратно. Но, наверное, ему показалось, что до того, другого, берега ближе, и он снова повернул, закрутился на месте, взмах рук стал судорожным, лихорадочным, он несколько раз ушел с головой под воду и вдруг закричал — тонко, отчаянно. Пока приплыли на лодке, парня уже гойдала на дне теплая озерная вода.

Нет, нельзя сомневаться: если выбрал берег — добирайся до него, чего бы ни стоило.

Галя вызвала на встречу Рыбалку. Сделала это просто. Принесла несколько потрепанных книжек сдать деду в будке, взяла медяки, сказала спокойно:

— Передайте Мыколе, что ищет его Мавка.

— Мавки в лесах живут, — хитровато улыбнулся дедок.

— Передайте Мыколе вот этот билет в кино. Пусть

приходит на семичасовой сеанс в «Верховину». Только не перепутайте, ради бога.

— Стар я, чтоб свидания вам устраивать, — неожиданно озлился дедок.

— Не настолько вы старый, чтобы на тот свет торопиться, — вскипела и Галя. — Прошу вас по-хорошему...

Такой тон разговора, видно, был для дедка привычным, потому что он с готовностью кивнул головой с остатками седых, сваливавшихся косм и заверил, что теперь ему все понятно.

Место Мыколы в кинотеатре оказалось рядом с Галиным.

Они успели перекинуться двумя-тремя фразами и условиться, что встретятся после сеанса.

— К себе я тебя не поведу, — предупредила Галя. — Хватит, и так наследили в моей хате. Где можно поговорить?

— Давай к Эре зайдем.

— К Ванде? — уточнила Галя.

— Ты уже знаешь?

— Сразу предупреждаю: и про тебя и про нее я все знаю.

Такое вступление Мыколе явно не понравилось. «Спрятна», — пробормотал про себя.

— Так у Ванды безопасно?

— Конечно.

— Ну что же, надо и с нею познакомиться.

— Пошли?

Галя кивнула, и Мыкола долго вел ее темными переулками, время от времени оглядываясь, проверяя, нет ли за ними слежки.

Гале вначале эта забота о конспирации показалась примитивной: что можно увидеть через плечо, когда темно, мгла хоть глаз выколи? Но вскоре она убедилась, что парень «проверяется» простыми, но весьма эффективными средствами: выходит на одно и то же место с разных точек, оставаясь в темноте, «выводит» возможных соглядатаев в светлые пятна от редких фонарей, резко свернув в короткие переулочки, тупички, оказывается на «хвосте» у собственного следа.

И Гале понравилась такая тщательность: видно — бывалый, опытный.

Ванда-Эра сразу же открыла дверь на условный стук в ставень.

Она тревожно метнулась было назад, в сени, и Галя не увидела, а почувствовала, что в руке у девушки pistol.

— Не волнуйся, своя, — успокоил ее Мыкола.

— Входите, — посторонилась Ванда.

Наверное, ждала она Мыколу: на столе стояли две стопки, тарелки с помидорами и огурцами, тонко нарезанное сало, колбаса, выпивка.

— Это Мавка, — коротко представил свою спутницу Мыкола.

— Послушно выполняю ваши указы, — заученно ответила Ванда.

В голосе ее слышались покорность и страх. Но это не был страх перед новым проводником. Гале сразу стало это понятно — по быстрым, оценивающим взглядам Ванды, по тому, как она торопливо начала прихорашиваться, исчезла в соседней комнате и вышла из нее в ярко вышитой блузке, с лентой в прическе.

Ванда оценила красоту этой будто с неба упавшей девицы и испугалась, что привяжет она к своей юбке Мыколу, с которым связаны все ее, Ванды, мечты и надежды.

Галя тоже успела одним взглядом схватить, навсегда врезать в память облик девушки. Селяночка, из всех сил стремящаяся казаться горожанкой. Невысокого роста, курносенькая, глаза тревожные. Ей бы косы — к простенькому лицу ее они бы хорошо шли, — так нет же, сожгла волосы перекисью, завila мелкими колечками. А руки белые, мягкие — профессиональные руки медицинской сестры. Есть и особая примета — точка-родинка над верхней пухлой губой.

Чего она опасается? Никто не собирается присягать на ее сокровище — неторопливого, со взглядом хмурым, исподлобья Мыколу...

— Будем друзьями, — приветливо, как могла, улыбнулась Галя; ей хотелось сразу развеять опасения девушки.

— Сидайте за стол, — пригласила Ванда, отвечая улыбкой на улыбку.

Галя не отказалась выпить, похвалила помидоры — хорошего засола.

— Свои, домашненькие, — расцвела от приветливых слов Ванда.

«И куда ты влезла, дивчина? — думала Галя. — Тебе бы доброй хозяйкой в своем доме быть, детей рожать и растить, а не с грепсами носиться, под чужим именем ходить...»

— Еще по одной, — предложил Мыкола.

Ванда легко опрокинула рюмку, и сразу стало видно, что ей это привычно, а под глазами у нее — густые тени, в глазах — тоска и неуспокоенность.

«Сломлена», — отметила Галя. Она осторожно расспрашивала Мыколу о событиях последних месяцев. Чем занимался, какие получал задания от Сыча.

Мыкола немногословно рассказал, что установка у Сыча была простая — отсидеться и выждать больших событий. Какие должны были произойти события, Мыкола не представлял, а Сыч в подробности не вдавался.

Ванда в разговор не вмешивалась, привыкла, что Мыкола говорит обычно за двоих.

— Сможешь ты уйти незаметно из города на несколько дней? — спросила Галя.

— Смогу, Мавка, — ответил Мыкола.

— И никто об этом не узнает?

— Конечно. Только Ванда и будет знать, от нее такие вещи нельзя скрывать, побежит меня везде искать.

— Пойдешь со мной в... — Галя назвала отдаленный район области. — Задание очень важное. Настолько важное, что и сказать трудно.

— А что же, схожу... — согласился Мыкола.

Перспектива выбраться в милые его сердцу леса и хоть на время избавиться от сурового контроля Ванды явно пришлась ему по душе.

— С оружием у тебя как?

— Нормально. Быть налегке или...

— Вот именно «или». Прихвати автомат и гранаты.

Ванда слушала разговор этот тревожно, понимая из него, что вот все-таки эта чернобровая красавица собирается увести ее Мыколу, и неизвестно, когда тот возвратится...

— Мы ненадолго уйдем, Эра, — обратилась к девушке Галя. Она назвала ее не Вандой, а Эрой, чтобы подчеркнуть: это приказ, а приказы в организации, к

которой они обе принадлежат, выполняются безоговорочно.

— Я понимаю, — завяла Ванда.

Мыкола хотел проводить Галю, но та запротестовала: зачем, чтобы даже ночью их кто-нибудь случайно увидел вдвоем? И так рисковала, назначая через деда встречу, посетив домик на окраине.

— Возьми пистолет, — предложил Мыкола, подбросив на ладони «вальтер».

— У меня свой, — хлопнула по карману пиджачка Галя.

Она попрощалась и ушла в ночь.

ГЛАВА XXVI

Жизнь хитро плетет свои дороги. Есть такая поговорка у народа: гром с ясного неба. Солнышко высвечивает небо, тучи убрались куда-то за горизонт, мир и тишина стоят над землей — и вдруг глухие раскаты, гром, предвещающий бурю, грозу...

Неожиданный выстрел едва не повернул ход операции в русло, которое Гале было ненужным и нежелательным.

Еще катилось эхо от выстрела по лесу, а Галя уже знала, что сделал он по приказу Беса — только его люди стреляют без предупреждения, и только Бес в этих лесах мог отдать приказ о выстреле.

А было так.

Следуя указаниям, полученным от Мудрого, Галя Шеремет и Мыкола легко отыскивали бункера.

Осталась позади тревожная дорога: пригородным поездом, автобусом, три десятка километров пешком. Можно было воспользоваться попутной машиной, но Галя не решилась — зачем оставлять лишние следы. Мудрый учил: леньность погубила даже Адама — не присмотрелся, не принялся к яблоку, вот и не заметил, что оно не простое, а с ловушкой.

Галя и Мыкола делали вид, что не знакомы. Мыкола упрятал короткий немецкий автомат в саквояж, а пистолет был у него под рукой — в кармане щегольской кожаной куртки, купленной по случаю у кого-то из демобилизованных. Галя в сердцах ругнула спутника —

приметная одежда, потом махнула рукой — знать бы, где упадешь...

Шеремет запаслась командировочным удостоверением — отправлялась она собирать партизанские песни, встречаться с участниками партизанского движения. Такое поручение дал ей областной Дом народного творчества.

Но все обошлось благополучно, без проверки документов и объяснений.

К нужному месту в лесу вышли поздним вечером.

— Завтра будем искать, — решила Галя. — Не ползай же в темноте.

Распорядилась:

— Готовь, Мыкола, ночлег.

Мыкола проворно срубил несколько гибких березок, две стойки с рогачиками, быстро выбрал место для шалаша. Он решил сделать его на берегу лесного ручья — и вода близко, и веселее от тихого журчания. Выкопал глубокую костровую яму, сделал на всякий случай навес над нею, чтоб огонь не привлек внимание случайных или неслучайных лесных скитальцев.

Наломал еловый лапник, устроил зеленую, душистую постель. И опять Галя отметила, что в лесу он свой человек, складно и быстро смог подготовиться к сырой осенней ночи.

Мыкола выбирал для костерка полешки потолще, чтоб жара было больше, а дыма — чуть.

Место, где они остановились, было угрюмое, неприветливое. От конца и до края, сколько можно было представить себе, стоял вековой лес. Сосны в два обхвата росли в упругую, многослойно застеленную хвоей землю. И потому шел от земли густой прелый дух, тянуло сыростью и гнилью. Меж соснами раскидисто располагился лещинник — лесной орешник. Неподалеку угадывался глубокий овраг, укрытый кустарником, цепким терновником.

Галя знала, что овраг упирается в скалистый холм с тремя соснами-сестрами на вершине. Сосны и сторожат бункера.

Изредка темень неслышно разрывали крыльями совы. Они давно не видели здесь людей и не пугались, облетая ночных гостей. Гулко ухал филин.

— Хорошее место, — одобрил Мыкола, — отсиживаться здесь после рейдов спокойно.

— Наверное, в таких оврагах лешаки живут, — откликнулась Галя.

— Насчет лешаков не знаю, а Мавки точно водятся, — намякнул на необычное псевдо Гали парень.

Галя засмеялась, и было странно слышать, как смех ее, ударившись о сосны, глухо покотился по лесу. Обжигаясь, они пили укроп, казавшийся здесь, в лесу, чудесным напитком.

— Спать, — приказала Галя. И объяснила: — Силы надо побережь. Чуть свет вставать, здесь все надо проверить. И обратный путь — не по асфальту.

Они легли, тесно прижавшись друг к другу — было холодно, а сквозь верхушки сосен видны были крупные мерцающие звезды, яркостью своей обещавшие к утру заморозки.

Мыкола обнял Галю за плечи, тихо спросил:

— Согреть?

— Не надо, хлопче, — чуть отодвинулась Галя. — Не до баловства сейчас: завтра, может, в землю ляжем...

Не могла предположить девушка, что почти угадала про завтрашний день.

К рассвету трава покрылась инеем, лесной воздух стал звонким и каким-то искристым, будто просеяла его ночь сквозь чистое сито.

Следы на инее оставались четкие, но это не беспокоило Галю. Пока кто-то еще доберется до этих мест, снега и дожди не раз прополошут землю.

Метров за двести до холма Галя пошла осторожно, сверяясь с маршрутом, указанным Мудрым.

Мыколу она заставила идти по своему следу. Вокруг холма были натканы мины, они стерегли бункера не хуже собак-цепняков.

Добрались до трех сосен на вершине. Галя увидела замшелый камень, почти выросший в землю. Было такое впечатление, что торчит он на верхушке холма испокон века и сдвинуть его невозможно.

— Твоя очередь, — сказала Галя своему спутнику.

В бытность свою в сотне имел Мыкола дело с минами.

Осторожно, почти не касаясь, ощупал он землю вокруг камня. Осматривал ее пядь за пядью, обозначая круг, под которым был скрыт люк. Галя все ждала, что вот сейчас вздыбится земля и разом все кончится — и рейс, и операция, на которую столько людей возлага-

ли разные надежды. И ее тревожная жизнь тоже кончится...

— Чисто, — сказал Мыкола и рывком сдвинул камень.

Камень легко пошел вокруг оси, открывая железный люк с массивной рукоятью. Из бункера пахло затхлым, спертым воздухом. Луч фонарика выхватил скобы, вбитые в бетонные стенки колодца, и, ослабев, уперся в цементный пол.

— Пошли, — сказала Галя и первой полезла в колодец.

Даже видавший виды Мыкола тихо охал, когда они, высвечивая дорогу фонариком, прошли по подземному хранилищу. Здесь было сложено с чисто немецкой аккуратностью и педантизмом вооружение и снаряжение по меньшей мере для двух сотен человек. Были винтовки и автоматы, в металлических коробках — патроны к ним. Мыкола насчитал семь пулеметов — три русских «дегтяря» и четыре немецких МГ. Несколько сот гранат и мин и даже три легких миномета. В добротной упаковке хранились консервы, соль, сахар, спички, мыло. В мягких тюках находилось обмундирование. Не были забыты даже такие мелочи, как ружейное масло, саперные лопатки, две пишущие машинки «Рейн-металл».

В далеком углу она нашла то, что искала, — комплект коротковолновой радиостанции. Мудрый, как всегда, загадывал намного вперед, когда направлял ее сюда, в тайный схрон.

— Серьезная штука, — произнес Мыкола, сообразив, что находится в ящиках, украшенных надписями «Осторожно», «Обращаться бережно», «Внимание».

— Увидел — и забудь! — строго предупредила Галя.

— Уже забыл, — кивнул Мыкола.

Да, о таких вещах лучше и в случайном сне не вспоминать...

Парень умело замаскировал вход в бункер, уничтожил все следы ночлега.

Солнце поднялось высоко, зацепилось уже за середину неба. Пора было двигаться в обратный путь. Галя рассчитала, что к большой дороге, оживленной и днем и ночью, они выберутся к вечеру, когда совсем стемнеет. Там их стежки разойдутся, дальше каждый будет про-

биваться самостоятельно. Мыкола было запротестовал: кто будет охранять Мавку в пути?

— Сама себя! — отрезала Галя.

Мыкола знал, что в таких случаях спорить с проводником любого ранга, а тем более с такой высокопоставленной особой, бесполезно. Законы тайной войны основаны и на том, что приказы дважды не повторяются, без особых оснований не отменяются.

Шли через леса — осторожно шли, обходя просеки, редкие дома лесников, уходя вглубь от любого голоса, стука топора, ржания лошади.

Леса стояли в желтом наряде, это были последние погожие дни. Осень уже выстелила палым золотым листом землю, ослабила еще недавно яркую синь неба. Деревья были удивительно нарядные, в желтое впились алые гроздья рябины, красные точки шиповника, чернота каких-то незнакомых Гале ягод.

Идти было легко и хорошо. И впервые за много дней Галя почувствовала себя в полной безопасности, настолько спокойным и мирным было все вокруг.

Миновали черно-белый березняк, прошли ельник, снова забрались в вековой бор. Осень, щедрая и добрая, разбросала свои дары. Было много грибов, попадались ягодники, груши-дички.

Мыкола шел шагов на десять впереди Гали — так, на всякий случай, хотя оба они думали, что в лесу им ничего не грозит. Опасность начнется тогда, когда выйдут к людям. Автомат у парня висел на плече под кожанкой. Случайный встречный не заметил бы оружия, и в то же время оно было готово к бою.

Прошли уже почти полпути, когда Гале показалось, что не одни они в этом лесу. Нет, она ничего не заметила, просто каким-то особым чутьем уловила присутствие еще кого-то. Но сколько ни слушала лес — ничего не уловила. И все-таки тревога росла.

— Мыкола, — тихо окликнула она боевика, — ты ничего не замечашь?

— Нет, — протянул парень, — тихо вокруг...

— А мне кажется, что-то не так...

— Пустое, — беспечно отмахнулся он и снова ушел вперед прокладывать дорогу.

И тогда раздался выстрел. Всего один, гулкий, будто гром с ясного неба. Падая, Галя успела увидеть, как Мыкола будто споткнулся, схватившись за грудь, попы-

тался вырвать автомат и вдруг, раскинув руки, повалился лицом вниз. Свалился так, что Галя сразу поняла — второй пули парню не надо.

Она уже выхватила пистолет и, сжав зубы, пыталась в секунды определить, кто и откуда стрелял. Недолго стояла тишина, такая неожиданная после выстрела.

— Не стреляй, Мавка, — сказал кто-то совсем рядом.

Галя не видела, кто ее окликнул, смогла только отметить, что враг находится чуть впереди и, очевидно, в Мыколу стрелял почти в упор.

— Кто вы? — стараясь говорить спокойно, спросила.

— Нас послал Бес.

— Выходите.

— Не вздумай стрелять, — предупредили ее. — Мы выполняли приказ Беса.

— Выходите! — повторила Галя, поднимаясь с земли — пистолет в руке.

Они встретились у лежащего ничком Мыколы. Парней было двое. Галя сразу отметила, что никогда их раньше не встречала, иначе ее цепкая память подсказала бы какую-то примету, жест. Одеты они были так, что не оставалось сомнения — живут в лесу, в каком-нибудь бункере. Несмотря на погожий день, оба в полушубках, в смушковых островерхих шапках. Сапоги порыжели и полопались от грязи. Лица обветренные, почти кирпичного цвета. У одного — винтовка, у второго — автомат. Парень с винтовкой передернул затвор, выбросил стреляную гильзу, загнал в ствол новый патрон из магазина.

— Ловко? — спросил он и ткнул сапогом в податливый бок Мыколы.

— За что вы его? — спросила Галя, понимая нелепость вопроса.

Разве они знают за что? Им приказали, а приказы выполняются...

— За что вы хлопца? — повторила Галя. Голос у нее был сухой и строгий.

— Бес приказал, — охотно объяснил парень с автоматом. — Потому что не положено, мол, этому... — ткнул он пальцем в труп, — знать то, что узнал.

— А что он узнал?

— Про бункер... Бес сказал, что это тайна всего нашего движения...

Галя вспомнила Ванду, ее чуть торопливое гостеприимство, уют домика на окраине. Вот и оборвались мечты и надежды Ванды-Эры.

— Так вы тоже бункер видели? — Галя не могла, не имела права забывать, что операция продолжается.

— А как же. Мы вас еще на холме на мушку взяли.

...Эти двое знают о подземном складе... И Мыколу пристрелили...

— Автомат хлопца я возьму. Пригодится, — сказала Галя.

— Бери. Зачем он нам?

Галя теперь понимала, что они из какой-то лесной боевки, выполняющей приказы только Беса и знающей только его. В таких боевках обычно всего три-четыре человека, не больше. Вот это и есть «особый резерв» Беса, люди для крайнего случая.

— Ну, мы тебя не видели, ты нас не встречала, — сказал парень с автоматом. — Бувай здорова!

— Закопайте хлопца, — сказала Галя.

— Время тратить... А документы заберем.

Они вывернули карманы у Мыколы.

— Возьмем и кожанку. Файный одяг...

Галя равнодушно смотрела, как обирают убитого. Наконец все было кончено, и двое, махнув на прощанье, потопали тяжело и неторопливо в глубь леса.

— Эй!.. — окликнула их Галя.

Были они от нее шагов за десять.

Двое обернулись, недоумевая, что еще нужно этой дивчине?

И тогда Галя нажала на спусковой крючок автомата и повела стволом, почти чувствуя, как длинная очередь режет бандеровцев, валит их на землю...

— Вот вам... — побелевшими от ярости губами шептала она, пока не смолк автомат — закончились патроны.

Галя отшвырнула автомат. Из кармана лесовика извлекла документы своего спутника — пусть останется он безымянным.

Вечерело. Лес уже не был таким красивым, стоял злой и враждебный. Вместе с угасающим днем ушла и его красота.

Завершив свое небезопасное путешествие в лес к бункерам, Галя получила некоторое время на передышку.

Она сделала все, что предусматривалось разработкой операции. Теперь можно было не торопиться, выждать, осмотреться, не нарушен ли нормальный ритм «работы».

Бес попытался было выяснить с нею «отношения».

— Это вы уничтожили моих людей? — Референт службы безпеки редко выходил из себя, а тут даже не пытался скрыть, до какой степени раздражен.

— Вы ведь правильно рассудили, что Мыколе ни к чему знать о бункерах, — одобрительно сказала Галя. — И этим двоим тоже такая тайна не по плечу.

— Этим людям я доверял, — рассвирепел Бес. — И если вы еще раз...

— Остыньте! — резко приказала Галя. — Напомню, что приказываю здесь я. И если вы еще раз... — повторила она последние слова референта, — начнете своевольничать — я пойду на более крутые меры.

Бес холодно поклонился и ушел...

В Доме народного творчества Галя была не на плохом счету. Она с интересом занималась обработкой фольклорных материалов, классификацией собранных народных песен, пословиц, поговорок. Подборку партизанских песен она опубликовала на страницах областной газеты — ее заметили. Это тоже соответствовало разработанному Мудрым плану — добросовестный труд, признание начальства.

— Вы идете в гору, — шутили коллеги.

Галя смущенно улыбалась. Ей очень шла эта улыбка — мягкая, добрая, застенчивая. Скромная труженица на ниве украинской национальной культуры брала усердием и готовностью выполнять любую работу, лишь бы она была полезной людям.

— Наша Галочка — золото! — Коллеги ценили ее за спокойный, приветливый характер.

Опыт и чутье подсказывали Гале, что пока все идет нормально.

Однажды ей позвонили на работу, и звонкий молодой голос передал привет от сестры.

— У меня нет сестры, вы ошиблись, — сказала Га-

ля. И не удержалась: улыбнулась одними глазами и тут же прогнала улыбку, оглянулась — не заметил ли кто? Но был обеденный перерыв, сослуживцы ушли в кафе перекусить, в кабинете Галя была одна.

— У меня нет сестры, — повторила Галя. — А кто говорит?

— Беспокоит вас корреспондент областного радио. Вы ведь обращались к нам с просьбой помочь разыскать родственников?

— Да, но я ищу не сестру, а брата.

— Одну минуту... Извините, я действительно ошибся... Вот, разыскал ваше заявление — тут и в самом деле речь идет о брате. До войны он работал на территории нашей области учителем. Точно?

— Да.

— Еще раз извините за ошибку. И не огорчайтесь: фамилия ваша очень распространенная, потому мы немного и поднапутали.

— Не буду: пока ничего страшного не произошло.

— Рады, что вы не унываете.

— Наоборот, не сомневаюсь, что все будет в порядке.

— Вот и мы почему-то уверены, — сказал корреспондент областного радио, — что брат ваш найдется в самом скором времени.

— Еще раз спасибо за заботу.

— До свидания.

— До свидания.

Галя положила трубку и отошла к окну. Она не хотела, чтобы кто-нибудь случайно увидел ее лицо. Такие доброжелатели обычно сразу участливо спрашивают:

— У вас, Галочка, что-нибудь стряслось?

У Гали Шеремет пока ничего не случилось, но ближайшие дни могли принести много новостей...

Свободное время Галя отдавала театру и библиотекам. Она слыха завзятой театралкой, посещала все премьеры, не пропускала гастролей столичных артистов.

В кругу близких коллег любила порассуждать о неисчерпаемых глубинах украинской культуры, о великих традициях гуманизма, у истоков которых стоят такие гиганты, как Тарас Шевченко, Иван Франко, Леся Украинка.

Все видели, что живет Галя очень скромно, на рубли зарплаты. И костюмчик у нее хоть и аккуратно отгла-

женный, но один-единственный, старенький. Дивчине не до нарядов, спасибо, хоть нашлась родственница, приютила, не надо платить за угол.

На нередких в учреждении собраниях Галя скромненько устраивалась в уголке, никогда не выступала, ораторов слушала внимательчо. Иногда только забывалась, и тогда взгляд у нее становился отсутствующим, и видно было, что мыслями она далеко отсюда и заботы коллег ей кажутся не очень значительными.

Досужие учрежденческие кумушки нашли этому свое объяснение:

— Замуж ей пора, — шептались, — девка в самом соку, завянет...

И намекали, что в соседнем учреждении есть неплохой хлопец, с высшим образованием, самостоятельный. Чем не пара? Галя отшучивалась:

— Не тороплюсь замуж...

Такую осторожность одобряли. У девушки-сироты одно богатство — доброе имя.

И никто бы не подумал, что в другой обстановке, среди других людей Галя Шеремет вдруг становится резкой, властной, что она привыкла командовать, решать судьбы людей.

И даже Бес, который видел изредка, как скромно держится Галя в Доме народного творчества, куда приводили его дела, как застенчиво опускает она ресницы под оценивающими взглядами самодеятельных поэтов и артистов, только головой крутил:

— Ну и штучка!..

Стиль поведения, избранный Галей, он одобрял полностью.

Изредка Галя консультировалась с Юлием Макаровичем по вопросам, которые были ей непонятны.

— Мне предлагают заочно учиться в институте культуры. Что значит «заочно»?

— Это хорошо, что вам предлагают такие вещи, — солидно говорил Юлий Макарович. И начинал растолковывать: — Система заочного обучения строится следующим образом...

А про себя думал: «Видно, не все удалось инструкторам втолковать Злате Гуляйвитер, если такие простенькие проблемы ставят ее в тупик».

— Что вы ответили на предложение? — спрашивал обеспокоенно.

— Сказала, что подумаю.

— Правильно, — одобрял Бес. — Соглашайтесь, у Советов студенты, особенно такие, что работают и учатся, пользуются уважением. И кроме того, это даст вам удобный повод для поездок в Киев; кажется, там этот институт находится.

— Нет, институт московский.

— Ого! Еще лучше...

— Юлий Макарович, объясните, пожалуйста, систему начисления налогов, а то принесли напоминание, что у моей хозяйки не все за земельный участок уплачено, а я в этом не очень разбираюсь...

Такие вопросы для Юлия Макаровича служили своеобразным свидетельством того, что дивчина не очень знает действительность; там, за кордоном, ведь всему не научат, каждый шаг не предусмотрят.

Галя Шеремет нравилась Бесу. У него были на нее свои виды.

Однажды он попросил Галю прийти для дружеского разговора.

И когда девушка вошла в уже хорошо знакомую квартиру, она удивилась и богато сервированному столу, и необычному радушию хозяина.

Был Бес в добротном костюме, при модном цветном галстуке, хотя только что пришел с работы. В квартире у него ничего не изменилось с тех пор, как побывала Галя здесь поздним вечером. Все те же ковры, уют достатка.

— Садитесь, панна Галю, — приветствовал гостью Бес. — Вы, как всегда, очаровательны.

Галя неопределенно улыбалась, и улыбка могла означать что угодно: и то, что комплимент ей по вкусу, и то, что она находит его банальным.

— Не будем терять время, — сказала она. — Ведь вы позвали меня не для того, чтобы сделать предложение?

Юлий Макарович неожиданно поперхнулся горячим чаем, отодвинул стакан.

— А вы знаете, ведь именно для этого. — Он показывал руками, будто взвешивая свои слова. — Вы и я... Я и вы...

— Мы и они... — опять улыбнулась Галя.

— Вот именно... Зачем нам встречаться тайно, если мы можем устроить все совсем иначе?

— Ерунду вы говорите, — стерла улыбку с губ Галя. — Ваш вариант имел бы смысл, если бы я была связником при вас... А так... Мне надо держаться подальше, чтоб, не дай бог, кто-нибудь вообще не пронюхал о нашем знакомстве.

Перспектива стать «невестой» стареющего референта ее не радовала. Конечно, у Юлия Макаровича могут быть свои расчеты: может, Злата и привяжется к нему, оценит и тогда, уходя за кордон, позовет с собой?

— А вы не торопитесь, — рассудительно сказал Юлий Макарович, — за годы скитаний я научился думать о будущем. Жизнь за кордоном не застала бы нас врасплох. Я знаю, земля там злая, и своих нищих достаточно...

— Да, это так, — согласилась Галя.

— И если вы поможете... — Юлий Макарович умолк на полуслове, будто не решался продолжать. Исподлобья, мгновенным взглядом окинул он фигурку девушки. Красавица... Даже в простеньком рабочем костюмчике из недорогой шерсти красавица... А если нарядить ее в шелка, оттенить смуглый румянец, голубизну глаз драгоценными камнями? В шкатулке, вдали от нескромных взоров, хранит Юлий Макарович бриллиантовый гарнитур — взял его на квартире одного интеллигента в сорок третьем. К лицу эти камешки были бы Гале, ой как к лицу!..

— Уж не собрались ли вы в бега? — встревожилась Галя не на шутку. От старого черта ведь всего можно ожидать — соберет награбленное, и нищи ветра в поле!

— Нет, — твердо ответил Юлий Макарович. — У меня остался только один путь — после выполнения операции — на Запад, к своим. Я хочу, чтобы мы его сделали вместе.

— Это серьезное предложение? — прогнула то ли насмешливо, то ли вопросительно тонкую бровь Галя.

— Считайте, что да.

— Тогда вернемся к нему после операции.

Девушке, узнавшей голод и холод чужой земли, обреченной на скитания по чужим углам, следовало быть расчетливой и не отказываться от шансов на обеспеченную жизнь. Юлий Макарович не первой молодости? Ну и что же, курьерша с чрезвычайными полномочиями тоже не белая голубица — во время рейсов всякое слу-

чается. Если, зная это, Юлий Макарович предлагает ей, как писали в старинных романах, руку и сердце, то зачем сразу говорить «нет»? С пустыми руками такой человек, как референт службы безопасности, за кордон не уйдет... Особенно если помочь ему и здесь, на «землях» и там, в Европе.

Все это Галя прикинула, взвесила, выверила по каким-то одной ей известным меркам и приветливо улыбнулась Юлию Макаровичу, доброжелательностью своей подчеркивая, что оценила по достоинству неожиданное предложение Беса.

— Будем откровенны, — сказала, — если вы уйдете за кордон так, как надеетесь, то купите там невесту и получите меня. Кто я? Курьер, дивчина с пистолетом, леса да рейсы оставили в моей жизни зарубки, которые ничем не стереть — ни временем, ни лаской...

Юлий Макарович пожевал губами, подбирая ответ. Сейчас, при неярком электрическом свете, морщины на восковом лице казались особенно глубокими:

— Слышали ли вы что-нибудь о формуле «кровь и земля»?

— Естественно.

— В ваших жилах течет кровь старинного украинского рода. Если я не ошибаюсь, ваши предки служили еще гетману Мазепе?

— От деда к внуку передаются в нашем роду сказания о тех славных днях. — Галя сказала это чуть торжественно и даже выпрямилась в кресле — наследница козацких старшин, кони которых пили воду из Днепра и Дуная, проносили смелых всадников к Черному морю.

— Не честь ли породниться с таким родом? И еще: вы вся от земли. Вы живете не легендами, хотя и воспитаны на них. У вас, Галочка, здравый разум, и вы поможете мне стать на ноги в новой для меня жизни. Думаете, я не понимаю, что в пятьдесят поздновато подаваться в бега на чужбину? Умные люди на ночь глядя в дорогу не пускаются. Но большевики не оставили мне иного выхода. Сидеть здесь и ждать, пока всплывет на поверхность мое прошлое?

— Ну, вы его основательно утопили — никто не докопается, — попробовала пошутить Галя.

— Не говорите, — безнадежно махнул рукой Юлий Макарович. — Пока не докопались, пока... Война, по-

слевоенное время... А сейчас все у них идет на лад, и начнут выковыривать они своих врагов из всех щелей. Поверьте мне, у них хватит сил и опыта пройтись по самым скрытым тайникам.

— Невесело...

— Да куда уж там... Наши песни спеты, а впереди... Что там впереди — один бог знает.

Галя не сомневалась — референт говорит откровенно. Выглядел он сейчас намного старше своих лет, был усталым и каким-то необычно притихшим. И заботило его не будущее «национальной борьбы», а собственная судьба, последние листки своего календаря.

— Зачем вы мне все это говорите? — растягивая от необычности разговора слова, спросила Галя. — Я курьер закордонного центра, мое дело, узнав о неверии, нестойкости, возможности измены, немедленно принять для их искоренения самые энергичные меры. Организация, в которой мы оба состоим, облекла для этого меня своим доверием и наделила чрезвычайными полномочиями.

— Не прикидывайтесь прямолинейной до идиотизма фанатичкой, — Юлий Макарович сказал это невозмутимо, не повысив голоса.

Наверное, таким же тоном он попросил бы в том неопределенном будущем приготовить ему крепкий чай. И наверное, точно таким же голосом — без интонаций — в недалеком прошлом он отдавал приказы о расстрелах.

Галя не могла не отдать должное умению референта владеть собой.

— Вы уже несколько месяцев «гостите» на «землях», — продолжал Юлий Макарович, — скажите, только откровенно, какое впечатление произвела на вас здешняя жизнь? Вы до сих пор знали о ней по рассказам да пропагандистским лозунгам... А сейчас что вы о ней думаете?

Если бы Гале сказали, что такой разговор возможен, она бы не поверила. Первая заповедь истинного борца-оуновца: никогда, ни при каких обстоятельствах не будь откровенным, не доверяй никому, ибо самый добрый друг завтра может стать твоим врагом. Тайна, о которой знают двое, перестает быть тайной. Волк не идет по своему следу, сотня не повторяет маршруты рейдов, курьер не пользуется дважды одними и теми же доку-

ментами... Не доверяй никому, ибо завтра твоя откровенность может обернуться обвинением против тебя. Если молчать не вмоготу — уходи в ночь, но и с ветром не шепчись — ветер может разнести твои слова, и собрать их будет уже невозможно. Молчи: только те, кто умеет молчать, получают шанс на жизнь...

— Вы знаете первую заповедь, Юлий Макарович?

— Конечно, я всегда ее выполнял...

— Зачем же требуете, чтобы я ее нарушила?

— Я ничего не требую... Впервые за много лет я хочу, чтобы меня понимали. Наш разговор не носит такой характер, чтобы сообщать о нем в рапортах. Мне показалось, что вам это ясно...

— Поверьте, дорогой Юлий Макарович, я ценю ваше отношение ко мне. Должна предупредить, что мою откровенность будет трудно использовать против меня — я направила за кордон подробный анализ ситуации здесь, на «землях». Я старалась быть по возможности реалисткой, не строить воздушные замки и не преувеличивать наши возможности. Впрочем, я думаю, вы внимательно проштудировали мой рапорт — он шел по вашей линии связи.

— Да, — не смутившись, кивнул Бес.

— Могу повторить некоторые его положения... Борьба с каждым годом будет приобретать все более неопределенный характер. Надеяться на то, что идеи ОУН найдут поддержку хотя бы у какой-то части населения, нереально. Крестьяне поумнели, избавились от страха. Вооруженного подполья не существует. Вполне вероятно, что в различных городах сохранились одиночки, настроенные в нужном нам духе. Но они не представляют для Советов какой-либо опасности. На Украине последовательно проводится восстановление разрушенного войной хозяйства. Созданы хорошие условия для процветания культуры. Автомату они противопоставляют книгу, извечной темноте сел — клубы. Нет и намека на политику репрессий, национального угнетения и подавления.

— Вывод?

— Только один: социальной почвы для нашей борьбы здесь нет...

Бес задумчиво, выцветшими глазками изучал черно-красный узор на ковре.

— Украинцы уже имеют свою державу, — про-

должала Галя, — они не променяют ее ни на какую другую.

— Вам бы лекции читать в клубе, добрый агитатор из вас получился бы...

— Сила любой организации — в трезвом анализе ситуации.

Бес поднялся, сделал вид, что набрасывает на плечи пиджак.

— Идемте...

— Куда? — растерялась девушка.

— К чекистам. В таких условиях остается только одно — сложить оружие.

— Сколько лет вы получите по большевистским законам? — ехидно спросила Галя.

— Суд будет щедрым — москали не поскупятся... Высшая мера...

— Расстрел?

— Не меньше. Впрочем, смертная казнь у них отменена, они отсчитают сполна годочками. Мне хватит до самой смерти...

— Тогда стоит ли торопиться?

— Вот и я думаю, — Бес опять сел в кресло, — может, попытаться выжить?

— Жить без надежды?

— Вы, Галя, трезвы до жестокости. Но в своем анализе вы допустили существенные просчеты: у большевиков ясная программа, но им не дадут спокойно ее осуществлять.

— Наши зарубежные друзья?

— Они, но не только они. Существование и укрепление Советов — это угроза не какой-то отдельно взятой капиталистической стране, это угроза целому строю, пока еще господствующему во многих странах. Против революции в семнадцатом году бросила свою объединенную армию Антанта. Я убежден, что скоро мы услышим о создании нового антибольшевистского блока, который объединит знамена разных цветов. И тогда...

— Далеко вперед заглядываете, Юлий Макарович.

— Я очень хочу жить, — тихо сказал Юлий Макарович, — а жить без надежды нельзя.

— Значит, мы понимаем ситуацию одинаково?

— Смею надеяться, — церемонно склонил голову референт краевого провода. — Потому и обратился к вам с таким смелым предложением...

— Хорошо. Я подумаю. Но вы знаете, как карают отступников...

— Мы доведем эту операцию до конца и получим право на тишину...

— Кстати, «кровь и земля» — это ведь эсэсовская формула, не так ли?

— Да.

— Вы толкуете ее весьма своеобразно.

— Применительно к нашим условиям.

— И знаете, прославление древнего рода приятно для самолюбия истинной украинки, но я, кроме того, просто женщина, которая хочет, чтобы ее ценили и за другие качества.

— Я не успел вам сказать, что вы очаровательны. Как вы находите этот бриллиантовый гарнитур?

ГЛАВА XXVIII

Мудрый в гресях торопил: выходите на прямую линию, начинайте завершающий этап операции.

Ничто не предвещало грозу. А она разразилась внезапно, неожиданно и, может, потому была особенно жестокой.

С некоторых пор Левко Степанович Макивчук, редактор «Зори», не испытывал недостатка в информации с «земель». Щусь буквально творил чудеса. Не выходя из небольшого кабинета, отведенного ему на первом этаже редакции, Щусь добывал информацию на любую тему из подшивок украинских газет.

Методика применялась крайне простая. Но именно в этой простоте и крылась ее сила. Допустим, сообщалось в газете, полученной «оттуда», что на Львовщине в таком-то колхозе, несмотря на засушливое лето, добились высокого урожая сахарной свеклы и звеньевая Ганна Швыдченко премирована за успехи путевкой в санаторий «Украина». Заметка как заметка. Щусь заимствовал из нее название колхоза, фамилии колхозников. И получалось у него, что во львовском колхозе (название подлинное!) дела идут худо, поля стоят иссушенные солнцем, и звеньевая Ганна Швыдченко заявила своим подругам, что трудиться на «колхоз» больше не желает, лучше выехать из села куда глаза глядят... И выехала...

Левко Степанович стал публиковать такие обширные подборки «вистей», что даже Стронг вынужден был предупредить: «Смотрите не завритесь!..»

Щусь еще полюбил писать «письма». Это были обычно «лсты з батьківщини». Они считались образцом публицистики — строки были наполнены такой ненавистью ко всему живому, что даже издававший виды редактор иногда брался за стило, чтобы вымарать наиболее забористые эпитеты.

Вечерами Щусь пропадал по кабакам. У него были стабильные привязанности, и Макивчук знал, куда в случае острой необходимости ему надо посылать курьера на розыски ценного помощника.

— Пане Щусь, вы б меньше... того... — иногда говорил по-отечески доброжелательный редактор.

— А вы бы, наоборот, больше... того... — хмуро бормотал Щусь.

— Чего... того?

— Платили бы больше, — уточнял Щусь.

Веки у него опухли, глаза заплетены красными прожилками, под ними — коричнево. Весь вид Щуся свидетельствовал, что ему глубоко наплевать на благолепие редакционного особняка, которое всеми силами создавала и поддерживала пани редакторова.

— За последнюю подборку сколько дали? Десяток жалких марок...

— Мы борцы за идею... — по привычке вздыхая при высоких словах, начинал объяснять Макивчук.

— Знаем! — бесцеремонно обрывал Щусь. — И мы тоже борцы... Но обдирать себя не позволим!

Макивчук сопел, наливался кровью, но пустой спор прекращал: помощник был ценным.

Иногда из своих походов по кабакам Щусь приносил любопытную информацию, которую обрабатывал в нужном духе и тискал в номер. Поставляя ему сведения личности с неопределенными занятиями — из тех, кто бежал с гитлеровцами, а теперь болтался по послевоенной Европе в поисках новых хозяев.

Однажды Щусь пришел на работу необычно рано и сразу же ввалился в кабинет к редактору. По неписаным правилам сотрудники в эти часы не беспокоили Левка Степановича — он работал над мемуарами, которые назвал, пока условно, «Наша борьба».

— Где шеф? — спрашивали у Оксаны, секретаря редактора.

— Занят «Борьбой», — многозначительно отвечала она.

Даже пани Евгения в это время старалась не шуметь — Левко писал...

И когда Щусь, громко хлопнув дверью, прошел прямо к столу, за которым Левко Степанович трудолюбиво выводил строку за строкой, редактор осадил его злым взглядом.

— Это уже слишком! — наливаясь праведным гневом, сказал он. — Разве вам не известно?..

— Э-э-э, известно! — махнул рукой Щусь и удобно расположился в кресле. — Готовьте полсотни... Нет, меньше чем за сотню не отдам, — на ходу передумал он.

Эта его манера говорить обрывисто, будто приказывая, не объясняя, что скрывается за теми или иными фразами, доводила медлительного Макивчука до белого каления.

— Я подготовлю приказ о вашем увольнении! — сказал редактор и сам удивился своей решительности.

— Есть материал. Сенсация! — Щусь достал дешевые сигареты и нахально выпустил струю дыма в лицо Левку Степановичу.

Редактор слегка поморщился, отодвинулся подальше от помощника.

— О чем? — все же поинтересовался он.

Сигареты Щусь курил самого низкого сорта, и дым от них ел глаза.

— О героической борьбе с большевиками.

— Было, — равнодушно сказал Левко Степанович. — И оставьте меня в покое, я начинаю принимать с двенадцати.

— Это реальные факты. — Щусь, несмотря на протестующий жест редактора, поглубже опустился в кресло. — У вас были фантазии, а я вам предлагаю товар из первых рук. На Украине некоторое время успешно действовала подпольная организация, возглавляемая молодой девушкой, всем сердцем преданной нашим национальным идеям. Девушка эта, смелая, красивая, не покорилась большевикам и сражалась до последней минуты, пока случайность не выбила оружие из ее таких нежных и таких мужественных рук...

Чувствовалось, что Щусь заговорил абзацами будущего очерка.

— И она что, существует? — вяло осведомился Левко Степанович.

— Вроде бы теперь уже нет. Говорят, взяли ее чекисты не так давно. Так что публикация ей не помешает.

— Упокой господи ее душу, — набожно перекрестился Левко Степанович.

— Мне эту историю рассказал один хлопец, который ходил на ту сторону. Он у этой дивчины отсиживался на пути туда и обратно. В Московию и на Запад, — объяснил для чего-то Щусь.

— Мученица за свободу, — что-то прикидывая в уме, пробормотал Левко Степанович.

— И еще какая! — подхватил Щусь. — С подлинным именем, с указанием города, с рассказом о детстве и юности, о том, как впитывала она вместе с молоком матери любовь к голубому украинскому небу и верность неумирающим традициям борьбы... Сто, и половину немедленно, авансом...

— Шестьдесят, — заупрямился Левко Степанович. — Нельзя наживаться на чужом мужестве.

— Можно, — раздраженно сказал Щусь. — Мужество в наших условиях редкий товар и стоит дорого...

— Семьдесят...

— Не торгуйтесь, не пристало нам, борцам за идею, торговаться из-за каких-то паршивых марок. Выкладывайте аванс.

— Ладно, — сказал Левко Степанович. — Пишите в номер.

— Я продиктую Оксане. Все факты у меня собраны. А пока схожу хлопну пивка — душа горит...

Щусь небрежно скомкал пачку марок, выплаченных в счет будущего гонорара, и ушел не попрощавшись.

На следующий день «Зоря» вышла с аншлагом на первой полосе: «Поклонитесь ей, украинцы!» Чуть мельче был набран подзаголовок: «Рассказываем о мужестве верной дочери украинского народа, зверски замученной большевиками».

Щусь был мастером своего дела. Сдержанно-нежными красками нарисовал он светлое, безоблачное детство Гали Самчук, дочери директора гимназии. Семья «подлинных украинских интеллигентов», в которой превыше всего ценились народные традиции, верность националь-

ному духу. Добрая бабуся, передавшая любознательной внучке свое уважение к простым людям... Мечты о служении добру...

Чуть суровее стал тон очерка, когда речь шла о военных днях. Отец вынужден был отбывать трудовую повинность в оккупационных учреждениях... Естественно, он этого не хотел, но считал, что может и здесь принести пользу родной земле. Он пользовался уважением земляков, и они с удовлетворением увидели его на посту бургомистра... Шли к нему за защитой, и он, как мог, отстаивал их интересы. Дочь училась у отца мудрости...

Большевики угнали отца Гали в Сибирь, в лагеря, откуда не возвращаются...

Здесь Щусь щедро использовал все традиционные эпитеты «Зори». Короткие, обрывистые фразы будили у читателей «Зори» горькие мысли о том, что было бы с ними — тоже «служившими» родной земле в качестве полицейских, старост, бургомистров, переводчиков, если бы не удалось им своевременно сменить паспорта, уйти за кордон.

Галя выбрала путь борьбы, писал Щусь. Такая нежная и хрупкая — далее следовал тщательно выписанный портрет героини, — она не согнулась, не сломилась. «Я буду мстить!» — сказала она и перед фотографией отца дала клятву верности национальным идеям.

Тон очерка стал обличающим, из восклицательных знаков можно было бы выстроить плетень.

— Это место у вас особенно хорошо получилось, — сказал Макивчук Щусю, когда засылал его очерк в набор. Он поправил очки и с пафосом прочел: — «И сказала Галя, что никогда не изменит великому делу! Не изменит никогда! Пока жива! Пока бьется ее сердце! Пока стоит она на земле!»

Он затеял было разговор о том, чего не хватает современной публицистике, но Щусь перебил, как всегда, бесцеремонно:

— Давайте остаток гонорара! А то бросьте свою Евгению — и гайда со мной! Такие девицы есть — куда там этой Гале!..

— Что за цинизм! — крикнул возмущенно Левко Степанович и даже прихлопнул ладошкой по полированной крышке стола.

Щусь ухмыльнулся, притронулся к полям вытертой

до блеска шляпы. «Бувайте, пане редактор», — и оставил Левка Степановича в одиночестве горестно размышлять о том, что даже самые великие идеи могут пахнуть спиртным перегаром, если к ним прикасаются такие люди, как этот Щусь.

— Идиоты! — тихо сказал Мудрый, прочитав «Зору». Он, казалось, ослеп от неожиданного удара — пытался открыть ящик стола, где лежали таблетки «от сердца», и не мог попасть ключом в замочную скважину. — Идиоты, — повторил он и не сел, мешком опустился в кресло, тупо размышляя, что же теперь будет.

Галя Самчук существовала и в жизни. Это были ее подлинные имя и фамилия, ее биография, и портрет ее был выписан с почти фотографической точностью. Чекистам оставалось только пойти по указанному адресу — Самчук (псевдо «Лелека») была хозяйкой явочной квартиры. Курьерская линия от Мудрого к Злате Гуляйвире и Бесу без Лелеки не существовала.

«Зоря» выболтала святая святых. Она оказалась не точной (случайно или умышленно?) лишь в одном: Лелеку не арестовали, ей, насколько было известно Мудрому, ничто не угрожало.

А теперь ее возмут — это точно...

Мудрый вызвал одного из своих подручных, приказал немедленно, срочно, не откладывая ни на минуту, разыскать Щуся и через него добраться до источника информации. В том, что Макивчук, этот идиот-редактор «Зори», действовал не по злому умыслу, референт СБ не сомневался. Скорее всего редактор влип в эту историю из-за чрезмерного усердия. Известно, что услужливый дурак опаснее самого лютого врага. А Щусь... Сейчас главное выяснить, как докопался он до подробностей, являющихся строго охраняемой тайной.

В любом случае он должен понести примерное наказание. Гибель в случайной автомобильной катастрофе? Смерть в пьяной ресторанной драке? Нет, это все слишком мягко. Щусь погибнет так, что все, кто сотрудничает с центром, будут знать, по чьему приказу погналась за ним смерть. Мудрый представил, как затягивается петля на тонкой шее Щуся, трещат позвонки, и голова этого писаки, как тряпичная, валится набок... Да, именно так: удавка. И ножом пришить к стене

записку: «За зраду национальных интересов». И не скрывать, что приговор вынесен службой безпеки.

Мудрый позвонил к нему домой, спросил:

— Где взял сведения о Самчук? Кто тебе позволил?

Щусь заплетающимся языком пробормотал какое-то ругательство.

— Сейчас приеду к тебе, разберусь, сукин ты сын! — Мудрому хотелось лично допросить этого писаку. Он не боялся, что тот может скрыться. Некуда ему бежать — без денег, без надежных документов.

Но Щусь преподнес Мудрому последний «подарок» — не стал ждать, пока его начнет пытать СБ, — застрелился. Оставил записку: «Плывать я хотел на вашу борьбу! Синица тоже хотела море зажечь, а толку? Перед путешествием на тот свет оставляю вам свой скромный подарок. Надеюсь, вы им подавитесь, чтоб вы все провалились сквозь землю и не поганили ее, вонючки!..»

Отдельно было приписано для Боркуна:

«Не ищи свою записную книжку — она переслана по назначению. Дерьмовый из тебя эсбековец. Трус и шмаркач».

О какой записной книжке писал Щусь, Мудрый не знал. Это предстояло выяснить. Но ясно было, что ближайшее будущее ничего хорошего не сулит.

ГЛАВА XXIX

Связь со Златой Гуляйвистер прервалась, и Мудрый не смог ее восстановить. Видать, чекисты воспользовались болтовней «Зори» и приняли меры.

Мудрый провел следствие. Оказалось, что Щусь уже давно выражал опасные мысли по поводу бесперспективности борьбы.

Жил журналист в маленькой каморке, которую снимал за гроши. Референту она напомнила могильный склеп. Сходство усиливалось тем, что стены каморки были из ноздреватого цемента. Много лет назад их побелили известкой, теперь она вытерлась, слиняла, посерела от многослойной пыли. Комната была узкой и длинной, в ней стояли железная солдатская кровать, грубо сколоченный из неоструганных досок стол и такой же стул. В углу громоздились пустые бутылки из-под расхожих сортов шнапса.

Мудрый недолго посидел на табурете, ощупывая взглядом комнату. Ему было ясно, что тайников здесь нет, ибо комната стояла голая, как одинокое дерево поздней осенью. Но он для порядка простучал и ощупал ее пядь за пядью. К удивлению своему, тайничок он все-таки обнаружил — в толстой крышке стола легко отодвигалась одна из планок. В углублении лежало простенькое обручальное колечко — когда-то давно, до войны, Щусь был женат на скромной дивчине из Тернополья. Хранил, наверное, он это кольцо как единственное напоминание о прежней жизни, казавшейся ему отсюда, из чужой земли, далеким и нереальным сном. У каждого человека есть свое право на память.

Нет, Щусь не мог быть агентом, засланным в стан ОУН, — в этом Мудрый был уверен. Потом он «беседовал» с Макивчуком. Этот шелудивый пес грохнулся на колени и, размазывая ладонями слезы на пухлых, дряблых щеках, клялся, что не хотел нанести ОУН никакого зла.

— Вы ж, друже референт, знаете мою жизнь лучше меня самого, — всхлипнул Макивчук.

— Знаю, — кивал Мудрый.

— Я посвятил ее великому делу борьбы...

— Не преувеличивайте, Левко Степанович, — равнодушно поправлял референт, — в своей жизни вы многим занимались...

— Все было, — угодливо соглашался Левко Степанович, — я говорю о самом главном.

— Наверное, мы вас пристрелим, — как о чем-то твердо решенном сообщил Мудрый.

Макивчук замер, не в силах оторвать голову от пола. Его бил мелкая дрожь, и он напоминал жирного паука, которого пришили иглой.

— Пожалейте, — белыми губами прошептал он.

— Хорошо, — опять кивал Мудрый. — Мы вас пожалеем, а вы расскажете, при каких обстоятельствах и когда вас завербовали чекисты, и бумажку про то напишете...

— Нет! — закричал Макивчук. — Клянусь всем святым для меня!..

— Не надо, — поморщился Мудрый, — цену вашим клятвам мы знаем!

Как обычно, допрос он вел безликим, без интонаций голосом, который наводил смертельную тоску. Задавая

вопросы, Мудрый смотрел мимо Макивчука, будто того не существовало. Сидел он сгорбившись, нахохлившись — усталый пожилой человек, которому скучно и жаль терять попусту время.

И это равнодушие нагоняло на Левка Степановича холодный ужас — он-то хорошо знал, в какие минуты и почему переставала интересовать чинов СБ судьба таких, как он.

— Пишите, — подвинул Мудрый Левку Степановичу лист бумаги. — Пишите, шановный...

Он, не повышая и не понижая голос, продиктовал Макивчуку текст «признания»: я, такой-то и такой-то, признаю, что был завербован врагами в 1944 году и с тех пор стал их агентом... Передавал сведения о подпольных звеньях, выдал линию связи Мюнхен — «земли»... В чем собственноручно и расписываюсь...

— Почему в сорок четвертом? — только и хватило духу у Макивчука спросить.

— А когда вы последний раз видели тех большевиков? Конечно же, перед тем как кинуться на Запад, — вполне резонно объяснил референт СБ. Он аккуратно сложил листок бумаги, сунул его в папку. И предупредил: — Чтоб без фокусов.

Макивчук понял, что его не собираются убивать — зачем тогда расписка? — просто службе безопасности понадобился документ, при существовании которого за его жизнь теперь никто не даст и ломаного гроша.

Мудрый несколько недель пытался установить хоть какую-то связь с Гуляйвитер и ее группой. Он решил на крайнее средство — на свой страх и риск отправил одного из самых надежных своих курьеров. Курьер выбрал маршрут через Польшу, точнее, через Жешувское воеводство, которое неплохо знал — «гулял» по нему в сорок третьем в сотне Шпонтака. Курьер, хорошо проинструктированный и снаряженный, прошел сквозь польскую границу и... попал в засаду у Новой Гуты.

Мудрый вытер холодный пот только тогда, когда убедился, что курьер погиб в перестрелке: он считал, что мертвый связник всегда лучше схваченного.

Майор Стронг, которому доложили о неожиданном провале линии связи, отреагировал так, как от него и ждали: обозвал Мудрого, Боркуна и всех остальных вонючими ниггерами, приказал немедленно любыми спо-

собами возобновить контакты с Гуляй-витер. А пока, сказал он, субсидии на операцию будут временно прекращены. Судьба Макивчука Стронга не интересовала. «Своих ублюдков сами приводите в чувство», — сказал он.

Мудрый не мог знать, что Стронг тоже попал в неприятное положение: он успел доложить «наверх», что операция развивается успешно. Стронг снова и снова требовал к себе Мудрого и Боркуна и, багровея от гнева, давась проклятиями, «советовал» немедленно, не теряя часа, найти выход.

Так шел день за днем. Мудрый ничего не мог придумать.

ГЛАВА XXX

Бес узнал об аресте Гали Самчук очень быстро. Сработала двойная подстраховка: хозяйка контактного пункта не пришла в условленное время на исповедь в церковь. Священник, который всегда проявлял о своих прихожанах достойную похвалу заботу, навел справки. Соседи видели, как под вечер к дому Самчук подъехала крытая машина и из нее вышли трое. Они недолго пробыли в доме, а к машине возвратились с хозяйкой...

Бес не мог знать, почему провалилась Самчук, — он, естественно, «Зорю» не читал. И сделал только то, что должен был сделать: дал сигнал тревоги по всей линии связи. Тоненькая ниточка, связывавшая его с центральным проводом, порвалась. Требовалось очень быстро связать ее — для этого существовали запасные явки. Он приказал одному из своих ближайших помощников, тому, кто «наведывался» к Лесе Чайке, срочно провести «ревизию» — проверить, можно ли пользоваться запасными пунктами. Через несколько дней Бесу доложили, что их больше не существует — очевидно, Самчук «запела», то есть разговорила и, пытаясь спасти себя, назвала всех, кого знала.

Бес был убежден, что лично ему пока провал не грозит: от Самчук его отделяла система паролей, промежуточных контрольных проверок. Провалившаяся связная, конечно, могла предполагать, что кто-то воз-

главляет всю сеть, но этот «кто-то» был для нее скорее личностью мифической, нежели реальной.

С Бесом она никогда не встречалась.

Итак, за свое ближайшее будущее Юлий Макарович Шморгун мог не волноваться.

Однако он не мог и остаться без связи. Никто не простил бы ему провал крупной операции. Будущее в таком случае все равно не сулило ему ничего хорошего. Рушилась мечта уйти на Запад.

Он вызвал на срочную встречу Шеремет. И поскольку в нынешних обстоятельствах он никому больше не доверял, то встречу решил провести у себя на квартире — почему-то надеялся, что чекисты все еще ее не засекли. Впрочем, для надежды у него были веские основания: часами Бес вел наблюдение за своим домом, а слезки не замечал.

Галя пришла в точно назначенное время. Так учил ее Мудрый. Опоздание или неявка на условленную встречу в определенной ситуации могут быть расценены как сигнал тревоги.

— Мы в западне, — без предисловий сказал Бес. — Нарушена связь, замели хозяйку явки. Что она сейчас рассказывает в НКВД — один бог знает.

— Без паники, друже референт, — нахмурилась Галя — резче выписались скулы, потемнели глаза. — Прежде всего, что она может рассказать?

Бес кратко сообщил об обстановке. Каким-то образом чекисты нащупали Самчук-Лелеку. Она арестована. Лелека связана с одним из курьеров референта — тому удалось ускользнуть: курьер заметил, что на окне хаты Самчук не стоит герань, и обошел хату стороной. Сейчас он в безопасности. Самчук передавала гребсы на следующую явку — в небольшое приграничное село. Но по сигналу тревоги эта явка ликвидирована и ее хозяин исчез, да так, что теперь не только чекисты, но и сам Бес не может отыскать его следы.

Связь нарушена, и восстановить ее пока невозможно.

— Невозможно? — переспросила Галя.

— Во всяком случае, непросто.

— Но все-таки какие-то шансы есть?

— Мне понадобится полгода, чтобы протянуть нить.

— Вы с ума сошли, Бес!

— Поймите, Галя...

— Не Галя, а Гуцулка! Не забывайтесь! — резко прикрикнула девушка. — Имейте в виду, без связи мы не можем начать решающий этап операции. Вы знаете, чем это грозит?

— Да уж представляю...

Референт службы безпеки, казалось, согнулся от неожиданного удара. Даже лицо потускнело.

— Я вас поставлю перед судом организации! — яростным шепотом сказала Галя. Она всеми силами сдерживалась, чтобы не заорать на этого благообразного эсбековца, не сберегшего связь.

Без связи все усилия бессмысленны. Они не смогут получить шифры, останутся без инструкций, без денег, наконец. К ним не доберется обещанный специалист по монтажу радиостанции — без него радиостанция всего лишь металлический хлам, упакованный в аккумуляторные ящики.

— Вы не кричите, а посоветуйте, что делать, — чуть повысил голос и Бес. — Судом не угрожайте — я не из пугливых.

— Ладно, — чуть успокоилась Галя. — Договоримся так. Выжидаем какое-то время. На этот период все встречи, любые связи прекратить. Посмотрим, что предпримут чекисты. И уже в зависимости от этого разрабатываем план действий...

Ждать долго не пришлось.

Лелека сказала все, что знала, и чекисты прошли от явки к явке до самого кордона. Но сигнал тревоги своевременно сработал, и они шли всего лишь по горячим следам.

Непосредственная опасность Бесу и его «предприятию» действительно не грозила. У него еще была возможность, как он полагал, срочно исчезнуть, комплект документов и деньги на этот крайний случай лежали в надежном месте. А в одной из центральных областей Украины жила старая приятельница Юлия Макаровича, под крышей ее домика было бы ему спокойно и почти безопасно.

Хорошо бы исчезнуть...

Найдут завтра в городе, где-нибудь в тихом месте, труп пожилого мужчины, обезображенный до неузнаваемости, и только документы подтвердят заинтересо-

ванным лицам и организациям, что уважаемый дич культуры Юлий Макарович Шморгун подвергся незапланированному ограблению и был убит злоумышленниками-грабителями — куда только милиция смотрит?

Очень нужно иногда вовремя исчезнуть...

Юлию Макаровичу понадобилось сделать над собой немалое усилие, чтобы отогнать искусы. Нет, такие, как он, не уходят «на пенсию». И если есть шансы выжить, значит, есть возможность и бороться. «Посмотрим, что будут делать чекисты», — сказала Шеремет. Разумно, но только наполовину. А как с операцией? Там, за кордоном, ждать не будут...

— Вы не можете приступить к действиям без помощи закордонного центра? — спросил Бес Галю.

— Да.

— Без связи все наши усилия — к чертовой бабушке?

Галя чуть презрительно поморщилась:

— Если вам нравится это определение, то опять-таки — да.

— Могут восстановить связь оттуда, из закордонного провода?

— Думаю, что могут... Но на это уйдет много месяцев — они должны разобраться, что у нас произошло, проложить новую «тропу», а это не через поле перейти. Есть ли у Мудрого запасные точки для такого маршрута? Может быть — да, а может — и нет...

— Значит, надо тянуть стежку отсюда?

Галя не спешила с ответом. Такого вывода она ждала давно и не сомневалась, что Бес придет к нему, последовательно отметая вариант за вариантом, перебирая, как четки, возможные решения. Она не могла ему подсказывать, поскольку Бес мог бы посчитать, что курьер закордонного провода хочет убраться во-свояси, возложив всю ответственность за операцию на него.

— Слишком велик риск, — сказал Бес. Был он по-прежнему хмурым, и в голосе звучала растерянность. — Мне еще не приходилось принимать такого ответственного решения.

— Ладно! — Галя резко оборвала Беса. — Что вы предлагаете?

— Кто-то должен уйти за кордон.

— Кто?

— Выбор небольшой, — сказал Юлий Макарович. — Вы или я.

— Тогда — вы... — почти решила Галя.

Она шла к своей цели от противного.

— Не лучший вариант, — тихо сказал Бес. — Я должен остаться здесь.

— Почему?

— Вы — «оттуда», вас там знают, это значительно облегчит дело.

Речь шла о другом, хотя Бес этого и не сказал. Он не получил от службы безопасности центрального провода приказа покинуть «земли», и его уход за кордон рассматривался бы как дезертирство. И если бы его спросили — а спросили бы обязательно, что случилось с курьером, — ответу его никто бы не поверил.

— Я не имею права вам приказать, — повторил Бес, — но свою думку могу высказать. Уходить на связь надо вам.

— А если я погибну в пути?

— Тогда что-нибудь придумаем другое. — Бесу не приходило в голову, что Галя может просто испугаться опасности.

— Шансов ведь раз-два — и все?

— Мало шансов, — подтвердил Бес.

Разговор шел у них вполголоса, спокойно и буднично. Со стороны и в самом деле могло показаться, что обсуждают дядя и племянница какие-то свои родственные дела. Стиль истерик и нервных скорых решений Бес, умудренный жизнью и годами «тихой» войны, не принимал.

— Так что, если не возражаете, собирайтесь...

— А кто возглавит мою группу?

— Наверное, я, — подсказал Бес.

Галя обдумала предложение и отклонила его.

— Плохо. Вдруг вас возьмут? — отплатила она за равнодушие референта к возможной ее гибели. — Группа тогда рассыплется — если вы ее, конечно, не выдадите.

И такая возможность не исключалась.

— Наверное, я выдержу, — невозмутимо ответил Бес.

Галя ему определенно нравилась трезвым взглядом на события,

— Я отдам приказ, — решила Галя, — группе прекратить всякую работу, затаиться и ждать.

— Ждать чего?

— Моего же решения возобновить действия. Ибо даже если я или кто-то другой придет из-за кордона, без группы сделать что-либо будет невозможно.

— Почему вы называете своих людей «группой»? Это не наше слово, — неожиданно заинтересовался Бес. Инстинктивное недоверие ко всему на свете и тут дало себя знать.

— Потому что боевки создаются для других целей. Не ловите, дружка референт, на слове, — предупредила Галя. И напонила: — Пока заминка в операции наступила не по моей вине. Еще надо разобраться, почему прервалась связь и как могло случиться, что в руки энкаведистов попала Лелека.

— Не будем сварыться, — примирительно пробормотал Бес.

— Не будем, — согласилась Галя. — Не час...

Она ушла не попрощавшись: очень спокойная, настолько спокойная, что лучше было никому из подручных в такие минуты не попадаться курьеру на глаза...

ГЛАВА XXXI

Галя собиралась за кордон тщательно, продумывая все до мельчайших деталей.

Решили они с Бесом, что путь будет лежать через Польшу и Словакию. Идти этим маршрутом трудно и долго, но другого выхода не было. Между Украиной и западными зонами оккупации Германии лежали новые государства Восточной Европы.

Вариант рейса через Прибалтику отпал сразу — Галя понимала, что без помощников из местных жителей границу ей не одолеть, незнакомую границу — она там ничего и никого не знает. А было заманчиво одним смелым броском очутиться в Стокгольме.

— Невозможно, — сказал Бес.

— Нет даже единого шанса, — согласилась Галя.

Можно было попытаться пройти прямо через Словакию. Галя обдумывала этот вариант долго, так долго, что Бес подумал было — решилась на словацкий вариант. Он был наиболее удобным — Словакия грани-

чила с западными странами, от Братиславы до Вены рукой подать.

— Есть хоть какая-нибудь возможность перебраться от нас в Словакию? — спросила Галя.

— У меня такой возможности нет, — сказал Бес.

— Неужели вас связывала с закордонным проводом одна-единственная ниточка?

Бес вынужден был подтвердить: да, других линий связи не существует.

Галя не знала, верить ему или не верить. Трудно предположить, чтобы у такого опытного конспиратора вся система связи основывалась только на цепи контактных пунктов. Наверняка есть у него где-то там, за рубежом, «почтовые ящики» — пришла обычная открытка, допустим, поздравления с днем рождения, а кому требуется — знают, что поступил сигнал тревоги. Но из-за рубежа такие «безобидные» письма Бес получать не мог — рисковал бы привлечь к себе внимание: далеко не каждый украинский гражданин переписывается с закордонными родственниками.

Если почтовая связь действует, то она односторонняя, пассивная.

— Кто мне поможет перебраться через кордон? Я не птаха — перелететь его не смогу. Въехать в страну легально еще так-сяк можно, но выбраться отсюда...

Бес разводил руками, ничего не мог посоветовать.

Он был в отчаянии — снова замаячил провал всей операции.

— Вас могли бы тоже снабдить явками, — зло бормотал он Гале, — не на прогулку собирались...

— Я шла сюда надолго, вы же знаете...

Но оба понимали, что от взаимных упреков ничего не изменится, и старались не взвинчивать друг друга. И без того у каждого нервы натянуты, как струна.

Выход нашелся неожиданно.

— Так вы говорите, в Словакии были у вас люди?

— Если бы удалось перейти кордон — там, уверен, вас проведут.

— Тогда рискну, пойду в Словакию через Польшу.

— Матка боска, три кордона! — изумился Бес.

— А что делать? Есть человек, который поможет перейти польский кордон,

— Откуда взялся? — Бес не мог скрыть тревоги, не любил он таких неожиданных подарков судьбы.

Нюх подсказывал, что нельзя брать то, что лежит на видном месте. Голодная лиса увидит обессиленного зайца, кинется к нему, и, смотришь, — щелкнул капкан, стала лисонька шкуркой для чужой забавы.

Нет, обходил всегда Бес приманки, потому и жив до сих пор.

— В моей группе есть хлопчина, у того хлопчины брат почти на кордоне в хуторе сидит. И есть у этой семейки тайное богатство — тропа за кордон. Контрабандисты они, — объяснила Галя.

— Странно, что это мне неизвестно, — тянул неопределенно Бес, — такие люди для нас на вес золота.

— Звать его Чиж, и ходил он в наших сотнях. Теперь — мирный хуторянин. Контрабанду бросил — нахапал достаточно. Думаю, если припугнуть его прошлым, напомнить, что СБ и вы, друже референт, про него не забыли, а потом сунуть гроши — поползет через кордон, никуда не денется.

— На деньги все купить можно, — согласился референт.

— Не все...

— Так уж... Была бы сумма подходящая. А если еще и в твердой валюте, в долларах, например...

— Меня, например, нельзя купить, — сурово проговорила Галя. Слова упали весомо, тяжело.

— Так я ж не про нас с вами, — спохватился Бес и ругнулся в душе последними словами за то, что размяк.

— Вот вам мой вариант. Будем решать вместе. Несколькими днями подумаем, вдруг еще что-нибудь появится.

Вариант Гали пришлось принимать, так как дни летели быстро, а других путей за кордон нащупать они не могли.

И тут случилось такое, чего Гуцулка и Бес меньше всего ожидали. Неожиданно объявился потерянный в годы войны брат Гали Шеремет.

Об этом Бес узнал из передачи областного радио.

Юлий Макарович готов был запустить в радиоприемник любым предметом, который подвернулся бы под руку. Лишь бы он был потяжелее...

Уже давно вошло в привычку у Беса слушать передачу областного радио «В последний час». И не потому, что он хотел быть в курсе последних достижений области, рекордов звеньевых, ударных вахт рабочих бригад. Его мало интересовали и московские новости, тоже напоминавшие сводки с трудового фронта. Страна завершала восстановление разрушенного войной хозяйства, и слова «труд», «рекорд», «достижение» были наиболее популярными в сводках радионовостей.

Нет, трудовой ритм страны вызывал у Юлия Макаровича лишь тупую, безнадежную злость. Но Бес считал для себя необходимым знать обо всем, что происходит вокруг, и пользовался для этого любимыми источниками информации, в том числе и официальными.

Диктор областного радио только что в самом конце выпуска новостей сообщил, что корреспондент Семен Адабаш помог радиослушательнице Галине Шеремет, методисту областного Дома народного творчества, разыскать брата, потерянного в годы войны. «Подробности об этом интересном поиске, принесшем счастье двум хорошим людям, вы узнаете из радиочерка «Крылья встречи», который мы будем передавать в 21.00 сегодня».

Это был очень жестокий удар — пожалуй, наиболее сильный после провала Лелеки. Юлий Макарович его не ожидал и потому оказался почти незащищенным. «Все рухнуло», — размышлял равнодушно Бес. И винить было некого — это он сам посоветовал Гале обратиться в газету и на радио с заявлениями о пропавшем брате. Казалось, это будет ниточка, вплетающаяся достаточно хорошо в легенду Ганны — Гали, укрепляющая легальное положение Шеремет.

Помнится, Галя тогда сомневалась: а стоит ли? Не зачем, мол, еще раз привлекать к себе внимание. И оказалась права.

Нелепость: только один из сотен тысяч, потерявших родных и близких в войну, находит их через несколько лет. И таким «счастливым» одиночкой — надо же! — оказалась Шеремет...

Бес с тоской думал, что его жизнь вступила в полосу неудач. Была у него на этот счет своя теория, осно-

ванная на народной пословице: «Пришла беда — открывай ворота».

Выход был только один: немедленное исчезновение Гали Шеремет, переход ее на нелегальное положение.

Бес представил: журналисты, народ энергичный и деятельный, организуют встречу «сестры» и «брата». В нынешнее время, когда сотни тысяч людей, разбросанные по белу свету войной, ищут друг друга, каждая такая встреча вызывает интерес у многих. И надежды рождает: «А может, отыщется и мой брат... отец... сестра?..»

Нет, журналисты своего не упустят, они выжмут из удачи все, что смогут. Приведут «брата» к Гале Шеремет, нацелятся фотоаппаратами на «радостную встречу».

А «брат» ляпнет:

— Знать не знаю эту девицу...

Что будет дальше — понятно: те, кому положено, немедленно заинтересуются мнимой Шеремет...

Бес трижды подходил к телефону и все не решался позвонить, набрать нужный номер.

Наконец, когда ему стало совершенно ясно, что ничего придумать невозможно и выход из неожиданного провала только один, Бес все-таки позвонил Шеремет и, не называя себя, спросил:

— Слышала?

— Что?

— Ах нет? Тогда с тебя магарыч — брат твой нашелся...

— Не может быть! — В ее голосе слышался страх.

— Это такое счастье... — бормотал Бес поздравления на тот случай, если разговор прослушивается, — такое счастье...

— Я так рада, что и сказать трудно, — пришла наконец к себе и Галя.

— Надо готовиться к встрече. Ведь она может состояться очень скоро...

— Да, да...

— Купи букет красных роз, — посоветовал Бес.

На условном языке это означало: тревога № 1, переходи на нелегальное положение.

— Не рано ли? — спросила Галя. — Розы могут завянуть...

— Такая радость, а ты медлишь, — настаивал Бес, — я на твоём месте побежал бы на базар...

— Розы можно купить и у Панаса Сидоровича...

Панас Сидорович — это Буй-Тур. Галя советовалась с Бесом, не стоит ли ей уйти в сотню.

— Правильно, — одобрил Бес.

— И все-таки я сейчас позвоню в редакцию радио: когда можно брата ждать. Они, очевидно, это знают...

Она связалась с корреспондентом, которому относилась когда-то свое письмо о том, как потеряла брата, и, назвавшись, спросила:

— Неужели и в самом деле нашли моего брата?

— Нашли, не сомневайтесь, — подтвердил корреспондент, — все совпадает. Ваш это брат, ошибки быть не может.

— Где же он сейчас? Куда мне бежать, чтобы обнять, приглубить Ивася?

— Не торопитесь, — рассмеялся корреспондент, — ваш брат работает учителем далеко отсюда. Он сможет добраться к нам только через два-три дня. Так что потерпите....

Галя горячо поблагодарила корреспондента за помощь и заботу.

Потом позвонила Бесу.

— Брат приедет через два-три дня, — сообщила. — Так что я успею подготовиться к встрече. Розы у Панаса Сидоровича куплю завтра. На встречу обязательно позову свою подружку.

Она сообщила о своем решении: уходить в сотню Буй-Тура, а вместо себя оставить Лесю Чайку.

— Боюсь, что я не смогу совершить то небольшое путешествие, о котором мы говорили...

— Я тоже так думаю, — согласился Бес.

— Подружка меня не сможет заменить?

— Подумаем.

Все основные вопросы были решены. Бес вздохнул облегченно — не все еще потеряно.

Чайка сама отыскала Беса.

— Гуцулка сказала, чтоб я собиралась за кордон.

— С ума сошла! Это же безумие!

— Гуцулка сказала, что если вы что-то другое придумаете, то пожалуйста.

Судя по тону, перспективы длительного и тяжелого путешествия не радовали Чайку.

Бес пожевал губами: нет, что-либо иное придумать трудно. Провалившаяся Ганна Божко должна сидеть в сотне и оттуда руководить продолжением операции. Счастье еще, что многое успели сделать...

— А Гуцулка уверена, что ты справишься?

— Спросите лучше меня...

— А я тебя почти не знаю.

— Гуцулка так решила: я с ней встречаюсь у Буй-Тура, и за несколько дней она подготовит меня к рейсу.

В эти дни Юлий Макарович отправил письмо в Вену. В письме среди многочисленных приветов он сообщал, что живет неплохо, семья его, разбросанная войной, наконец собралась вместе, нет пока только младшей дочери, но и та скоро приедет; живет он надеждой на эту встречу...

...А через пять дней Буй-Тур сообщил Бесу, что связанная ушла в рейс за кордон.

ГЛАВА XXXII

И вот уже все осталось позади. Длинная дорога, к счастью, не привела Лесю в никуда. Минувшие дни не стали последними в ее жизни.

— Расскажите еще раз о вашем необычном путешествии, — предлагает Мудрый. — Может, удастся припомнить новые подробности, детали. Пусть ничто не кажется вам второстепенным, недостойным нашего внимания. Итак, начнем сначала...

— А что считать началом?

— Тот день, когда вы сели в поезд, идущий к западной границе.

...Пятый день продолжают допросы. Пятый день Мудрый выпытывает, выспрашивает, выворачивает так и этак рассказанное Лесей. И вновь и вновь должна она переживать жестокий страх, охвативший всю ее, когда наткнулась на засаду, безнадежность, которую почувствовала во время мгновенной стычки с польским пограничным патрулем, отчаяние попавшего в ловушку зверька в те минуты, когда показалось, что границу не перейти.

Надоело...

Понимает ли Мудрый, как трудно и больно ей погружаться в мрак страха? Наверное, понимает — в глазах сочувствие. А заставляет рассказывать и, очевидно, каждое слово записывает на магнитофон. Уже скопилось, наверное, сотни метров ленты.

Кабинет у Мудрого точно такой, как Злата описывала. И даже горсть земли в холщовом мешочке на видном месте красуется. И портрет Степана Бандеры — Серый выглядит молодо, почти хлопчина, чубик напыл на глаза, сорочка такая, как носили в тридцатые годы. Ну да, портрет этот сделан с газетного снимка, много их мелькало в довоенных львовских газетах, когда пристрелили боевики Бандеры польского министра Перацкого.

Вождь всегда должен иметь вид молодой и энергичный...

А землю в мешочек нетрудно и в близком газоне набрать. Потому что с Украины Мудрый бежал так быстро, что было ему не до символики.

Но про политико-административную карту Украины Злата ничего не говорила. Появилась недавно. По выходным данным в правом нижнем углу можно судить, что отпечатали ее там, на Советской Украине. Новенькая карта — какими путями попала она в этот кабинет?

Вот та дверь, слегка прикрытая тяжелыми портьерами, ведет в комнатку, где в сейфах хранится святая святых Мудрого — картотека агентуры, досье на видных деятелей националистического движения. В папках тех и слава и позор не одного «дияча». В нужный момент стряхивает с папки пыль Мудрый и предоставляет слово документам, воспоминаниям, фактам.

Несколько полок стеллажа занято книгами. «Идеологи» и классика. Томик Тараса Шевченка странно смотрится рядом с «творами» Донцова. Не место им рядом. А «Кобзарь» в чудесном издании — золотая вязь названия вытиснена на отделанной под старинный пергамент коже. И рядом с книгами — как напоминание о песенной Украине — вышитый красным и веселым голубым цветом рушник. Знала ли мастерица, как далеко унесет судьба ее рушничок?

Мудрый видит, что Леся бегло, рассеяннo оглядывает его кабинет, спрашивает:

— Уютно у меня, правда?

— А Злата ничего не говорила про карту, — откли-

кается девушка. — Наверное, ее у вас тогда не было.

— Так начнем нашу беседу, — предлагает Мудрый, будто и не услышав неожиданной фразы Леси.

— Ничего не говорила Злата про карту, — упрямо твердит Леся. — А она бы сказала — знаете, какая наблюдательная Злата!

— Успокойтесь, не было тогда, когда уходила Злата в рейс, этой карты, — вынужден сказать Мудрый. И подтверждает этим не только наблюдательность Златы, но и многое другое, то, что Леся действительно знакома с курьером Гуляйвитер, что память у нее хорошая.

— А «Кобзарь» у вас стоит все тот же, что и при Злате.

Такая странная манера у этой девицы — думает вслух. И если зацепится за какую думку, то будет ее словами шлифовать, обкатывать, как ручеек водой камень-гальку. Зачем ей это? Устала или сбивает беседу с быстрого, энергичного ритма, который предпочитает Мудрый?

Мудрый допросы свалившегося из неизвестности курьера даже в мыслях называет беседами, чтоб не насторожить, не испугать раньше времени дивчину.

— Вы сели в поезд, заняли свое место, указанное в билете, а дальше?

— Я вам уже пять раз говорила, что ехала я в общем вагоне, значит, место у меня указано не было, села там, где свободно было. Простой сельской дивчине ни к чему на семь часов езды покупать купейный билет. Я должна скупой быть, экономить карбованцы. И еще выносливой — мы, селянки, не балованные комфортом, мы как-нибудь и так доберемся до своего хутора. Злата посоветовала одеться как девчата в селах: чобитки хромовые, выходные — все-таки в городе побывала, юбка длинная, жакетка, пальто не модное, а крепкое, из плюша черного, хустка цветная. Так я была одета, и в руках у меня была маленькая вализа — с нею в нашей семье многие в город ездят, и у соседей наших такая же...

— Так, так, — кивал Мудрый. — Очень интересно вы рассказываете. Будто вижу — едет из города до дому, на свой хутор, застенчивая, не привыкшая к многолюдью дивчина. И с соседями вежливая такая, все опасается им неудобства причинить. А с кем свела дорога вас?

— Рассказывала уже... Сидела у окна, рядом со мной хлопчина пристроился — он ехал из института домой на несколько дней.

— Вроде бы не время студентам кататься, вакации не наступили...

— Я же не говорю, что он на каникулы ехал. У студенталенька захворала, вызвали его телеграммой. Сидел рядом со мной, книжку читал. На скамейке нашей третьей была пожилая такая женщина, из Ужгорода, библиотечкой там работает. Много про Киев рассказывала — ездила туда на какие-то курсы по переподготовке. Напротив нас был офицер-пограничник, молодой еще, две звездочки у него на погонах, и ни одного ордена — значит, не воевал, уже после войны в армию пришел.

— Откуда знаете, что пограничник?

— Боже ж ты мой, какой вы непонятливый! По фуражке — зеленая она у хлопца, такие у пограничников.

Так у них и текла беседа — от вопроса к вопросу, и внимательный, тихий голос Мудрого завораживал, усыплял. Стронг так советовал Мудрому: не пугать курьера, не возбуждать у Чайки и мысли, что ей могут не верить. Пусть думает, будто приняли ее всей душой, как национальную героиню, совершившую славный и трудный подвиг. Вчера сам Крук торжественно поздравил Лесю с высокой наградой — «Золотым крестом». Многие удостоились такого отличия, а вот Леся за прошлые и нынешние заслуги отмечена высшим отличием УПА. Дивчина держалась неплохо, демонстрировала Круку слезы радости, выступившие на ее прекрасных голубых глазах. Крук тоже расчувствовался: не каждый день ведь вручает награды красоткам-героиням.

— Нам бы побольше таких отважных и мужественных борцов, и Украина давно была бы свободной, — голосисто изрек Крук, крутнувшись вправо-влево — все ли слышат?

Девка чуть всю обедню не испортила. Брякнула вдруг:

— А она и так давно свободна.

Мудрому кажется, что он й сейчас слышит, как упала тогда тишина.

— То есть как? — побагровел Крук.

— Украинский народ, друже проводник, никто и никогда не может поработить! — гаркнула, как стре-

лец в строю, курьерша. Почему она назвала Крука проводником, Мудрому непонятно, ведь втолковывал ей, что вручать награду будет член центрального провода. Впрочем, это мелочи, наверное, титул проводника просто кажется ей самым высоким — Рен ведь был проводником. В целом же держалась неплохо, и Крук был доволен — поцеловал ее, поздравляя, в лоб, по-отечески.

— Не так, друже проводник, — засмеялась клятая дивчина. И сама смачно поцеловала Крука в губы. Огонь-девка!

Стронг предупредил: «Вы должны вытянуть из курьера все, что она знает. Только при стопроцентной уверенности, что она свой человек, Чайка сможет возвратиться обратно. Слишком велик риск...»

— О чем вы говорили со своими попутчиками? Расспрашивали они, кто вы?

— Я сама им сказала. Звеньевая я, из колхоза. Наша ланка высокий урожай буряка взяла. Хорошо я работала и ездила к брату, он в городе на заводе работает...

— Поверили?

— А чего б им не верить? Дело обыкновенное, сейчас, когда перестали бояться стрельбы да облав, многие люди стали ездить в гости.

— Значит, ехали без приключений?

— Можно и так считать. Останавливались на станциях, входили и выходили люди — всех не упомнить. Вот только студент ехал со мною почти до самого конца.

— Так, так...

— Ага. Я и сама забеспокоилась, но он сошел за две остановки до моей. Попрощался, пожелал счастливого пути.

— Странный студент...

— Больше его я не видела.

— Сошли вы с поезда и...

— Пошла по адресу, который дала мне Гуцулка. У нее в боевке есть один хлопец, который, как я понимаю, в первый повоенный год контрабандой занимался. Это у них вроде бы семейная профессия, еще отец его ходил за кордон, торговал с поляками. Хлопец дал Гуцулке адрес своего брата и предупредил его, чтоб не сомневался, если к нему я явлюсь.

— Каким образом?

— Письмо послал условное. Брат нашего боевика все стежки через кордон знает.

— Связалась с уголовниками...

— А может, у вас другие, чистенькие, есть? — огрызнулась Леся. — У нас — нет, все наши линии связи чекисты порезали — не связать. Гуцулка сказала, что не по нашей вине провалилась «тропа».

— Об этом мы еще поговорим, — сказал Мудрый. — А пока продолжайте свой рассказ.

Голос у Мудрого скрипучий и вкрадчивый. Говорит он со странным акцентом, почти неуловимым, но Леся его ясно чувствует, и акцент раздражает. Украинские слова, такие родные Лесе, Мудрый произносит не по-украински жестко, и концовки фраз у него получаются отрывистые, чуть лающие.

«Слишком долго и часто говорил на немецком», — строит догадки Леся.

Впрочем, сейчас не до фонетики, сейчас идет вопрос, как бы ни назывался — беседой ли, дружеской ли встречей. И надо продолжать рассказывать и следить, чтобы все детали точно совпали с тем, что уже говорилось раньше, четыре раза подряд. «Специалисты» будут изучать записи бесед и немедленно выловят любое несоответствие. Будет трудно объяснить, откуда взялось расхождение в подробностях, и это осложнит и без того непростое положение Леси. Мудрый прикидывается доверчивым простачком, добреньким дядюшкой. Ну и пусть себе прикидывается, раз ему так хочется...

— Я легко нашла хутор — примерно в трех километрах от станции. Хутор как хутор: две хаты, несколько клунь, всякие хозяйственные постройки. Хаты добрые, крытые шифером. Но сразу туда не пошла, а до вечера лежала в кустарнике на пригорке — оттуда был весь хуторок виден как на ладони. Несколько часов вела наблюдение, продрогла вся, но Рен меня учил, что в нашем деле из нетерпеливых покойников делают.

— Правильно учил вас куренной Рен, царство ему небесное, — почтительно отозвался Мудрый. — Рассказывайте, пожалуйста, дальше...

Это «рассказывайте», то ли просьбу, то ли приказ, Леся уже воспринимала как удар кнутом, — подгоняет эсбековец загнанную лошадку. Разве можно передать на словах тот озноб, тревогу, злобу, которое вызвало у нее многочасовое лежание на пригорке?

...Хутор был совсем рядом, там неторопливо текла своя жизнь. Молодица выбила половики и повесила их на тын, весело моталась по хозяйству. Старуха выползла на завалинку присмотреть за внучонком — маленький в огромных сапогах и солдатской пилотке бродил по двору, играл в какую-то одному ему понятную игру. Запомнилось Лесе, что был он в отцовском ватнике — полами подметал подворье.

Лежать на пригорке было тоскливо. Поздней осенью земля сырая, неприветливая, отдает она прижавшемуся к ней не тепло свое, а холод. Земля дышит сыростью. И кустарник, в котором укрылась Леся, уже сбросил лист, сиротливо и жалостно протянул ветви к небу. Небо почти прильнуло к земле — такое оно было низкое. Хутор окружали лоскуты грязно-желтой стерни — хлеба убрали, и поля лежали будто раздетые. По ним бродили низкие тучи, казалось, хотели укрыться в унылых перелесках.

Выполз из хаты дедок, сгреб в кучу палый лист, стебли картошки, прочий огородный мусор — зажег. Потянуло дымком — приятным, чуть угарным. Леся подумала, что хорошо было бы полежать у костра, отогреться.

К вечеру приехал на мотоцикле хозяин. Леся отсюда, со своего пригорка, не могла его рассмотреть, но не сомневалась — это он, знала, что есть у контрабандиста мотоцикл.

Молодица встретила мужа у порога, он швырнул ей ватник, потопал в хату. На хуторе стало малоллюдно, все забились по своим углам, даже бабка слезла с завалинки: видно, правил хозяин на подворье твердой рукой.

Леся еще долго лежала на пригорке, сквозь зубы проклинала злую судьбину, бросившую ее на эту жесткую землю. Потянулся к югу журавлиный клин. Птицы летели низко, будто их прижимало к земле тяжелое серое небо, нехотя, нечасто взмахивали тяжелыми крыльями. Курлыканье было у них как плач.

Серая земля, серое небо...

А хутор был надежный, ничто не вызывало подозрений. Опасность здесь не грозила, разве только случится что-нибудь неожиданное.

Поздно вечером Леся подошла к хате, осторожно стукнула в окно...

...Разве все это расскажешь Мудрому словами? Слово не может передать абсолютно все, что чувствует человек, оно рисует только примерную картину. Береза на полотне художника — это еще не березка живая, ласковая на лесной поляне.

— Сколько дней вы провели на хуторе? — спросил Мудрый.

— Почти неделю. Хозяин, его кличка Чиж, готовился.

— Он вас сразу признал?

— Да. Как я уже докладывала вам, о моем приходе он был оповещен заранее.

— Что заставило Чижа решиться на столь рискованное предприятие, как переход кордона?

— Две вещи: деньги и страх.

— Много вы ему заплатили?

— Десять тысяч.

— Вы упомянули о страхе...

— Брат предупредил Чижа, что за мной стоит Бес. Чиж был в одной из наших сотен в годы войны. Что такая наша служба безопасности, знает хорошо.

— Он сразу согласился быть вашим проводником?

— Нет, колебался долго, говорил, что уже бросил свое опасное занятие. Мне даже показалось, что он может меня втихомолку пристукнуть: меня ведь милиция разыскивать не будет. Труп можно упрятать на дно озера, рядом с хутором небольшое озеро — с собаками не нашли бы...

— Что же его остановило?

— Напомнила ему — Бес знает мой маршрут, и если со мной что-нибудь случится — хуторок дымом поднимется к небу, а женушка его потешит боевиков.

— Подействовало?

— Еще как.

Да, страх великая сила. Мудрому были понятны люди, которые боятся. В них нет загадок, они не могут устоять перед силой. И поговорку «служить не за страх, а за совесть» Мудрый не признавал, уточнял ее: не за совесть, а за страх. И Леся тоже боится, видно это. И хорошо, что боится — не в гостях у неньки находится, а в службе безопасности ОУН. Когда удастся отвоевать у коммунистов державу, в ней будет такая тайная служба, что Гиммлер от зависти в гробу перевернется.

Мудрый отогнал приятные мысли — не время для мечтаний.

— Когда и как вы перешли советско-польский кордон?

— В ночь под воскресенье...

...К переходу Чиж подготовился тщательно. Границу он знал как свои пять пальцев. Известно было ему и место, где можно проскользнуть мимо застав: огромное болото, почти непроходимое. Одни его берега принадлежали Украине, другие — Польше. Участок границы у болота охранялся не особенно тщательно.

Неспокойно было в эти месяцы на огромной территории, покрытой лесами. В лесах этих, стоящих от века, редкой цепочкой были разбросаны хутора, небольшие села, опасно встречающие новую жизнь. А там, где леса переходили в веселые плодородные долины, где лежали щедрые поля, в деревнях бастионами старого мира высились добротные кулацкие дома, крытые черепицей или железом, — власть их над безземельными хлопками десятилетиями казалась нерушимой.

По этой земле шла Леся Чайка — это была ее земля, и она ее хорошо знала. И психология таких, как Чиж-контрабандист, ей тоже была хорошо известна. Грабеж — способ обеспечить сытую жизнь в будущем; разве его интересовала «великая соборная держава»? Черта с два, возможность пограбить «законно-идейно» — вот что его привлекало!

Чиж-контрабандист охотно бы передал чекистам Чайку, неожиданно вынырнувшую из времени, на котором он, как считал, поставил крест. А ну как разговорится в НКВД? Прощай тогда хуторок, здравствуй лагерь?

В озере бы похоронил курьера, но Бес свое слово сдержит, придет с хлопцами, тогда — жизнь прощай...

Не верила Леся Чижу и заставила его идти впереди себя, зорко стерегла каждое движение, все время ждала удара ножом. Трудно это — ждать подлого взмаха руки. Не минуту или две, а часами быть в том состоянии, когда треск сухой ветки под сапогом кажется выстрелом.

Шли они через болото много часов. Местами по еле отличимой, зыбкой, выскальзывающей из-под ног тропке, иногда — по пояс в густой стоялой воде. Камыши и

лозняк встали на болоте в два человеческих роста, закрыли их от всего мира.

Двое в первобытном, первозданном мире...

Осень выкрасила болото в бурый цвет. Опустились на дно кувшинки в редких окнах чистой воды, и сама вода стала ломкой и стеклянной. Прилегли к торфяникам никогда не кошенные травы. Осока поникла, будто и не выставляла совсем недавно свои листья-ножи. Бурные метелки тростника печально гнулись под ветром, беззащитно тянулись к людям, неожиданно-негаданно обьявившимся в забытых богом местах.

Чижи и Леся отыскивали провалившуюся под болотную жижу тропу длинными тонкими тычками-шестами. Если тычка упиралась в кусок твердой почвы, можно было сделать следующий шаг.

Чиж шел первым, и когда тропа внезапно исчезла — он провалился по грудь.

— Тычку подай! — крикнул он Лесе.

— Не ори, — сказала Леся. — Хотел, чтоб я вот так навсегда в трясину ушла? Погибай, пес...

— Дура, сама отсюда не выберешься, — шелкал от страха зубами Чиж. — Выручай!

Леся нагнула тоненькую березку, и вершина деревца накрыла Чижа. Тот схватился за ветки, добрался до ствола, полез из трясины, отчаянно напрягая все силы.

Потом они вышли на маленький твердый островок, и Леся разрешила развести костерок — без дыма, укрытый со всех сторон стеной камыша. Надо было обсушиться и обогреться. Не хватало еще свалиться в лихманке.

Чиж выкручивал одежду, и, когда отвернулся, Леся сноровисто извлекла из кармана его ватника пистолет, отобрала у контрабандиста нож.

— Когда пойдешь обратно, верну, — пообещала.

— Все не веришь? — ощерился контрабандист. — Да я б тебя, сучку, давно придушил, если б мог. — И жалобно признался: — Хутор жалко. И сына... Ведь убьют его твои каты...

— Ишь запел, — неприязненно процедила Леся, — когда с сотней на села налетал, наверное, чужих детей не жалел...

Пистолет она ему не вернула. Не верила Леся таким вот домовитым бандитам.

Они падали, поднимались и все-таки шли вперед, шаг за шагом одолевая болото.

— Последний раз ходил здесь года четыре назад, — сказал Чиж. — Теперь тропа совсем ушла в болото. Если останусь живым, больше ни за какие деньги не пойду.

— И за миллион?

— За миллион пойду, — пробубнил Чиж. — Ноги сами понесут, бо то — капитал...

Но разговаривали они мало и редко — берегли силы. Да и о чем им было говорить?

— ...Знаете, это была дорога через ад, — сказала Леся Мудрому. — Говорят, в аду грешников варят в смоле... Разве то пытка? Заставили бы их поздней осенью брести через вымершее болото. И чтобы они каждую секунду умирали, потому что каждый шаг может стоить жизни...

— Понимаю, понимаю, — Мудрый слушал Лесю с неизменной внимательностью доброго, сочувствующего друга. — Теперь все это осталось позади, вы — у своих. Мы ценим ваш подвиг, придет время — о нем узнают миллионы, и имя ваше золотом будет выбито в великой книге нашей борьбы и побед.

— Не надо мне этого, — тихо сказала Леся. — Велите лучше подать рюмку коньяка.

— Сейчас, — засуетился Мудрый. — Это можно...

«Спивается девка, — подумал он. — Или очень хорошо играет. Так хорошо, что можно позавидовать мастерству тех, кто ее готовил».

Помощник Мудрого внес на подносе две крохотные рюмочки, наполненные прозрачным янтарным напитком. «Не выпьет, — решил Мудрый, — для вида попросила, чтоб получить передышку».

Леся выпила коньяк одним глотком, небрежно поставила рюмку на поднос.

— Немецкие порции, — отметила пренебрежительно. — И коньяк похуже советского. Там знаете какой коньяк? Особенно из Армении...

«Спивается, — вернулся к первоначальному выводу Мудрый. — Толковый разведчик не станет во время допроса по собственной инициативе дурманить мозги алкоголем».

Свою рюмку он чуть пригубил.

— Этот Чиж кажется ли вам надежным?

— Ха-а, — рассмеялась Леся. — Вы, опытный человек, ищите в наше время надежных людей? Разве не видите, что мир перевернулся?

Леся чуть опьянела, глаза у нее заблестели, жесты стали свободными и размашистыми.

— Еще коньяка, если можно, — попросила.

«Алкоголичка, — пришел он к окончателюму выводу. — Одной-двух рюмок достаточно...»

— Вы, наверное, устали, — сказал Лесе, — отдохните, а потом продолжим.

— Давай лучше напьемся, друже, — неожиданно предложила Леся. — Вы и я, вдвоем...

— Отдохните, — отвернулся от нее Мудрый. — Вы никак не придете в себя от страшной дороги.

У себя в комнате Леся долго сидела неподвижно, не шевелясь, наслаждаясь одиночеством. Мудрому же сообщили, что курьер Мавка как вошла в комнату, так и повалилась в кресло, дремала сидя, а когда горничная спросила, не требуется ли чего-нибудь, грубо и пьяно послала горничную поискать черта под припечкой.

ГЛАВА XXXIII

— Так, значит, вы считаете, что Чижу верить нельзя? — снова спросил Мудрый.

Он держал себя так, словно и не было перерыва в «беседе».

— Я не советую вам надеяться на эту «тропу», — угадала, куда клонит эсбековец, Чайка. — Курьеры могут в ней утонуть. Чиж может предать, если действительно придется ему выбирать между жизнью и смертью, польские или советские прикордонники могут схватить. Слишком много всяких препятствий для нормальной «тропы».

— Вы шли через польские земли, — продолжал допрос Мудрый. — Знаю, это непросто...

— Чиж привел меня к своему приятелю, с которым когда-то занимался контрабандой. Тот согласился быть

моим проводником ко второй границе. Это стоило еще пять тысяч.

— Кто этот человек?

— Чиж назвал его Янеком. Судя по всему, Янек не так давно состоял в «Вольности и неподлеглости»*.

— Занятно, — пробормотал Мудрый, — виновцы в наших союзниках?

— Не так уж и необычно. УПА нередко вместе с виновцами боролась с коммунистами. Вы это знаете не хуже меня.

«Да, это так», — отметил Мудрый. Сотни УПА выступали часто вместе с группами ВИН, обменивались информацией, предупреждали об облавах и вешали коммунистов, независимо от того, поляки они, украинцы или русские.

— Свой свояка видит издалека, — будто угадала мысли Мудрого Леся.

— Чиж сказал Янеку, что вы курьер и идете на связь с нами?

— Как он мог это сказать, если и сам не знал? Неужели вы думаете, что я так-таки и выложила Чижу, кто я и что?

В нее словно бес вселился сегодня: на каждую фразу Мудрого Чайка откликалась колючими словами. В общем-то ее можно понять, устала, да и надоели бессмысленные, с ее точки зрения, разговоры. Уже не раз говорила: «Там меня ждут не дождутся, а вы все тянете в «беседах» жилы». Много дней потеряно, кордон перейти — не к родственникам съездить. Гуцулка, может, уже и крест на ней поставила — восточку-то подать невозможно. И мечется в ловушке, бьется, как пташка о решетку клетки, в поисках выхода.

— Решайте, — требует Мавка, — решайте побыстрее, потому что погубите людей и дело.

— Об этом поговорим через два-три дня, — обещает Мудрый, — а пока вернемся к тому, на чем остановились. Янек не вызвал у вас опасений?

— Новую Польшу он ненавидит люто. Даже глаза у него темнеют, когда говорит о коммунистах, пришед-

* «Во́льность и неподле́глость» (ВИН) — польская реакционная националистическая организация, возникшая в годы войны. В первые послевоенные годы занималась террором против народной Польши.

ших к власти, и голос становится ломкий от бешенства.

— Дорогу к кордону он знает хорошо?

— Отлично. И сохранил многие старые связи.

— Пожалуйста, об этом подробнее...

Леся дала Янеку деньги на одежду — тот съездил в соседний город и там купил все, что требовалось. Юбку, жакетку, блузку, хустку — все это Леся сожгла, чтоб и следов не осталось. Теперь она стала уроженкой Жешувского воеводства — там много было украинцев, их называли лемками. Этим и объяснялся тот легкий акцент, с которым она говорила на польском.

Документы Янек тоже купил, оговорив, что эти расходы не входят в причитающиеся ему пять тысяч.

— Конечно, — согласилась Леся. Ее удивила легкость, с которой Янек добыл документы.

— Друзья помогли, — не стал уточнять Янек как и что.

Часть пути они проделали легально. Янек выбрал нужные рейсы автобусов, и они медленно пересекали страну по точкам, намеченным Янеком. Ночевали у людей, знавших парня по каким-то давним делам.

Они остановились один раз у приятеля Янека, щеголеватого владельца небольшой парикмахерской. Франт выражал явное желание переспать с Лесей, он сыпал приподжатыми комплиментами, усиленно угощал «житней».

Леся «житню» пила, потом сказала что ей жарко, сняла пиджачок; франт крутился рядом, чтобы помочь, «Сама могу», — сказала Леся, но пиджачок все-таки отдала франту, достав из кармана маленький «вальтер». «Пусть будет под рукой», — объяснила в пространство. Леся смогла эту ночь спокойно отдохнуть.

Еще они останавливались в каком-то монастыре.

Это было уже почти перед границей. Монастырь стоял в стороне от небольшого городка — высились над лесом шпили его костела. Янек оставил ее среди богомолков, а сам ушел искать нужного человека. Леся с любопытством бродила по монастырскому подворью. Ей часто попадались монахини, одетые в черное с белым, в капюшонах, надвинутых низко на глаза.

Ночевала она в узкой и холодной келье, которая показалась ей гробом. Тихо оплывала свеча, в монастыре скоро наступила невероятная, первозданная тишина.

Леся осталась наедине со всеми своими думами и тревогами — Янек предупредил, что появится только утром.

Странно, в лесу она спала спокойно, а здесь, под защитой толстых монастырских стен, долго не могла заснуть и встретила рассвет у узкого окошка. С первыми лучами солнца стало легче, отступили ночные страхи.

Дальше они шли пешком, обходя села, сторонясь дорог. Янек говорил, что скоро выйдут к границе. И тут первый раз за все время им не повезло. Они наткнулись на солдат: трое — очевидно, патруль — шли по лесу. Солдаты окликнули их, а они ринулись в овраг, покатились по склону на его дно. Счастье, что случилось это в густом лещиннике, где видимость даже осенью — полсотни шагов.

Ударил автоматная очередь, и пули срезали ветки кустов.

Бежать было плохо — шелестел опавший лист под ногами, выдавал след беглецов. Солдаты стреляли по звуку, по шороху ветвей.

— Скорее, пся крив! — зло ругался Янек.

Перевели дыхание только тогда, когда убедились, что погоня отстала. И все-таки осторожный Янек заставил ее долго брести лесным ручьем — боялся овчарок.

— Пронесло на этот раз. — Янек впервые за все время перекрестился.

— Могли влипнуть, — сказала Леся.

Недолго посидели на пригорке и вновь пошли по лесу — двое, для которых лучше встретиться с волками, нежели с людьми. Границу Леся перешла в Бескидах. Она не знала, когда ее перешла, каких-то пограничных знаков не заметила.

Впереди лежала Словакия. На счастье, здесь действительно уцелели явки, лежавшие на старой курьерской тропе.

Проводником Леси стал словацкий украинец Мирослав...

— ...Мирослав еще цел? — спросил Мудрый.

— Да. Он показался мне опытным и надежным человеком.

— Мирослав помогал нам организовывать школу в Братиславе еще в тридцать девятом.

— Долго же он держится.

— Старый лис умеет путать следы.
— Он вел меня к границе, я бы сказала, с нахальной уверенностью.
— Его почерк... Что запомнилось вам на этом отрезке?
— Неожиданное. Однажды мы наткнулись на поляну...
...Поляна спряталась среди гор, как смарагд в оправе. Была она сравнительно небольшой, закрытой со всех сторон. Здесь, после злых ветров на горных тропах, было уютно — солнце повисло прямо в зените.
— Машина впереди. — Леся первой увидела контуры грузовика, загнанного в густой ельник.
Грузовик стоял странно: казалось, какая-то сила вздыбила его и бросила на толстую сосну.
— От войны остался, — сказал Мирослав.
Грузовик был немецкий, его швырнула на деревья мина.
Чуть дальше они заметили еще одну автомашину, потом еще одну. Изувеченные взрывами, они черными пятнами врезались в посветлевшую под осенним солнцем зелень елок, ветерок тихо поскрипывал в ржавых клочьях железа.
Горная поляна когда-то стала полем жестокого боя.
На каждом шагу — стреляные гильзы, противогазы, солдатские котелки, остатки бинтов, на которых кровь по цвету сравнялась с землей. Леся вдруг тихо охнула и припала к пригорку: ей в лоб смотрел ствол автомата.
— То убитый, — успокоил ее Мирослав.
Это было жутко — скелет продолжал сжимать автомат, будто стрелял в живых.
Девять окопчиков, девять истлевших под солнцем и ветром их защитников. Их никто не похоронил — далеко от населенных мест находилась поляна, — никто не укрыл навсегда в землю. Воронье и ветер обглодали кости...
— Русские, — сказал Мирослав. — Из тех, что были сброшены на парашютах в помощь повстанцам в сорок четвертом.
— Все легли здесь. — Леся заставила себя пройти всю поляну, побывать у каждого окопчика. Подняла искореженный автомат, с трудом выбила магазин — в нем не было ни одного патрона.
Поляна была солнечная, светлая, плыли в горном

воздухе елки, небо над нею было высоким и чистым. Пахла поляна смертью и тленом.

— Положили они тут немцев, — сказал Мирослав. — Три грузовика, не меньше сотни солдат.

— Так надо воевать, — повернулась к нему Леся.

— С русскими никому не совладать. — Глубокое убеждение звучало в голосе старого бандита.

Леся показала странной веселая зелень елок, елки должны были бы быть черными, мраморными, как памятники.

— Уходим, — торопил Мирослав, — до ночи нам еще топать и топать...

— Что ж вам так запала в душу эта поляна? — спросил Мудрый.

— Мужество надо уважать, — тихо сказала Леся.

— Ну, ну...

— Не нукайте! — взорвалась девушка. — Я за свои убеждения жизнь отдам — не задумаюсь! И, если хотите знать, то была не поляна смерти, а поле славы!

— Полководцы древности отдавали ратные почести погибшим со славой врагам, — примирительно сказал Мудрый.

— Станный вы, — неопределенно покачала головой Леся.

— Что? — удивился Мудрый.

— Все взвешиваете, прикидываете, прицениваетесь. Сколько, например, по-вашему, я стою?

— Вы — очень дорого, — серьезно сказал Мудрый. — И не надо волноваться — все будет хорошо. Расскажите, как прошли Австрию.

— Там все шло просто. Это уже был не курьерский рейс, а туристское путешествие.

...В Австрии у нее действительно все прошло очень просто. Деньги у нее были, документами никто не интересовался. Злата подробно разделила на этапы весь ее маршрут. В Австрии ей предстояло прежде всего добраться до Зальцбурга.

— Да, Злате было известно, что в этом городе есть наши люди, — кивнул Мудрый.

— Вот-вот. Она дала мне нужный адрес...

В Зальцбурге был перевалочный пункт, созданный службой Мудрого для тех, кому удавалось проскользнуть через польские земли на Запад. Им пользовались также и его люди, пытавшиеся пробиться на восток.

Леся нашла нужный дом без труда, поднялась на второй этаж, позвонила. Долго не открывали, и Леся терпеливо ждала: в квартире обязательно должны были быть люди. Она не нервничала, не жала вновь на пуговку звонка, просто ожидала: может быть, ее в это время изучают в какую-нибудь щель.

Дверь открыл ей хлопец в поношенном костюме, русский чуб упал на глаза. Леся подхватила свой чемоданчик и, не спрашивая разрешения, переступила порог.

Парню пришлось посторониться. Он сделал это неохотно, руку из кармана не вынул. Леся чутьем угадала, что не он здесь главный.

— Где хозяин? — спросила, с удовольствием заговорив после многих дней путешествия на украинском.

— Проходи, — кивнул парень на одну из дверей. «Хозяин» оказался более приветливым. Он галантно указал на стул, предложил снять плащ.

Леся назвала пароль, и «хозяин» одобрительно покивал: да, конечно, он рад оказать помощь землячке.

— Мне надо в Мюнхен.

— Об этом — завтра. И зовите меня Степаном Ивановичем. Ваше имя?

Леся назвалась.

— Добре. — Степан Иванович позвал хлопца, и тот вырос на пороге. Приказал ему: — Возьми у паньки зброю.

Леся выдернула пистолет, прицелилась «хозяину» в лоб.

— Э-э-э, облыште, — пренебрежительно махнул рукой Степан Иванович. И повторил: — Сдайте зброю. Она вам только помешает в случае чего. Если найдут — уже, считайте, задержат... Мы вас снабдим документами, при которых пистолет не понадобится.

Утром «хозяин» снабдил ее какими-то удостоверениями, продуктами на дорогу, инструкциями. Провожал Лесю на вокзал хлопец с русым чубом.

Мудрый, очевидно, уже знал по донесениям того же Степана Ивановича, как все было. Сказал:

— Рад, что хоть в Австрии у вас не было трудностей.

— А я благодарю вас за турботу. Ваши люди в Зальцбурге знают свое дело. Ни лишних слов, ни суеты.

— То — наш обов'язок, — солидно ответил Мудрый.

И завершил беседу: — На сегодня все. Отдыхайте.

— Постараюсь, — сказала Леся, — хотя это и трудно. Опять весь путь перед глазами — будто снова по нему прошла...

Через десяток дней Мудрый дал понять, что у Леси дела обстоят нормально. Он перестал дотошно докапываться до каждой подробности, ловить девушку на неосторожном слове.

Сыграло свою роль и то, что майор Стронг лично прослушал все записи допросов. Майор остался доволен.

— Эта девица не врет, — сказал, будто печать поставил на особо важном документе, майор Стронг.

— Там, где это было возможно, мы проверили ее показания, — докладывал Мудрый. — Все сходится.

— Что вы думаете делать дальше?

— Чайке надо возвращаться. Ее ждут на «землях».

— Как идет подготовка ее напарника? — поинтересовался Стронг.

— Успешно. Подобранный нами человек заслуживает полного доверия. За эти дни он присмотрится к Чайке, приноровится к ее характеру...

— А она знает, кто будет ее спутником?

— Нет.

— Почему?

Стронг, как обычно, задавал вопросы вроде бы нехотя, равнодушным тоном, никак не выказывая заинтересованности в делах Мудрого.

— Чайке предстоят еще проверки.

— О да, мне рассказывали о вашей системе всеобщей подозрительности, — кивнул Стронг. И не удержался, добавил: — Правда, это не спасло вас от провалов.

— Мы располагали самой совершенной в наш век подпольной организацией, — осмелился возразить Мудрый. — И не наша вина, а наша беда, что она не выдержала жестокого урагана второй мировой войны.

— И приказала долго жить, — закончил за него Стронг. — Впрочем, не будем спорить: это к тому делу, которым мы с вами сегодня занимаемся, имеет косвенное отношение. Насколько я понимаю, с Чайкой уйдет агент с особыми навыками: он должен быть отличным

радиостом и хоть что-то смыслить в пропаганде. Так?

— Да.

— Думали о том, как они переберутся через границу?

— Да.

Мудрый после длинной тирады во славу ОУН теперь предпочитал лаконичные ответы — зачем раздражать майора?

— Ну и как? — заинтересовался Стронг.

— Самый верный путь — по воздуху. Сотня Буй-Тура примет парашютистов.

— Что же, отработаем этот вариант, — после длинной паузы ответил Стронг.

Мудрый облегченно вздохнул. Заброску по воздуху можно было осуществить только с помощью Стронга.

— Кстати, вы дали знать друзьям Чайки, что она добралась благополучно?

— У нас нет для этого возможности, — нехотя сознался Мудрый.

— При такой организации дела ваша фирма прогорит. — Майор легко раздражался и в гневе не скупился на упреки.

Мудрый благоразумно промолчал.

— Создайте этой курьерше максимум удобств, честуйте ее, как героиню, — несколько успокоился Стронг. — Пусть она не сомневается, что ее ждет солидное материальное вознаграждение. Откройте счет в банке, положите какую-то сумму в долларах. Слуг надо кормить!

«Скотина, — меланхолично подумал Мудрый. — Впрочем, чего я хочу — кто с нами будет церемониться?»

— Вот еще, — распорядился Стронг. — Прикрепите к ней кого-нибудь из своих дармоедов — пусть позаботятся, чтобы эта Чайка по вечерам не скучала.

— Надо решить главное, — осмелился напомнить Мудрый. — Стоит ли ее выводить из одиночества? Вдруг попадется кому на глаза?..

— Такая опасность есть?

— Практически нет. Чайка будет встречаться с наиболее доверенными людьми, но...

— Нет, с такими идиотами мне еще работать не приходилось! Представьте, вы шли через сто смертей к своим, пришли, а вас схватили за шиворот и затолкали

в кутузку! Окрепнет у вас желание служить и дальше? Вряд ли. Конечно, не вздумайте демонстрировать каждому проходимцу своего курьера. Но с наиболее высокопоставленными руководителями сведите. И всеми силами внушайте девице, что дело ваше на подъеме.

— Вы правы, друже майор.

— Сколько раз говорить — господин майор!

— Извиняюсь, господин майор.

— Не забывайте!

— Еще раз извините. Хочу сказать, что вчера вечером Чайка самовольно ушла в город.

— Что значит «самовольно»? Ведь особняк охраняется?

Леся поселили в небольшом коттедже на окраине города. Двухэтажный домик был закрыт высоким бетонным забором, прятался за деревьями и с улицы почти не просматривался. На участке было много деревьев, вяли поздние осенние цветы на газонах, аккуратные узенькие дорожки вели к самым дальним уголкам. Участок был вылизан и вычищен с удручающей старательностью. Не хватало только табличек на деревьях, которые обозначали бы, что сосна — это сосна, а дуб — это дуб. По территории день-деньской бродил садовник, готовил газоны к зиме. В кармане брезентовой куртки у него торчал рифленой рукоятью кверху кольт. Садовник говорил на том же очень правильном украинском языке, что и Мудрый.

Лесе отвели комнату на втором этаже: кровать, столик, аляповатый букет роз на квадратном холсте. По ее просьбе принесли несколько книг — уснуть сразу после «бесед» с Мудрым девушка не могла: нервы напряжены до предела. Она не скрывала этого, наоборот, при удобном случае сказала, что легче с сотней пройти рейдом тысячу километров, нежели один раз поговорить «по душам» с эсбековцем. Мудрому это польстило. Любил Мудрый, чтобы его боялись.

Обедала Леся внизу, в гостиной, прислуживала ей тихая, спокойная девушка по имени Марта. Марта молча ставила тарелки, желала приятного аппетита и уходила в боковушку. Леся лениво ворочала ложкой — протертый супчик вызывал тоску.

Марта в один из первых дней приволокла в комнату

Леси большой чемодан с одеждой: платья, кофточки, принадлежности женского туалета. Леся выбрала все необходимое, повертелась перед зеркалом. В чужой одежде она стала другой: стройная, длинноногая — несколько лет назад ее могли бы рекламировать как арийский образчик.

— Ничего, — одобрила себя Леся. — А пальто? Не вижу пальто.

— Вам оно не понадобится, — несколько слов Марта произнесла с трудом, привыкла молчать часами.

— Принесите пальто, — раздраженно потребовала Леся. — Нет, лучше куртку, хорошо бы кожаную.

— Я спрошу.

Марта куда-то позвонила, потом еще раз, и через час Леся смогла выбрать из вороха вещей добротную кожаную куртку.

Марта неожиданно одобрила:

— Вам к лицу. Вы в этой куртке похожи на девушку из СС.

— Спасибо за комплимент, — расхохоталась Леся. — Надеюсь, это все-таки куртка не из эсэсовских складов?

Копание в тряпках расшевелило Марту, и она старательно, как и все, что делала, ощупала куртку.

— Кажется, нет. Хотя кожа такого же качества. Но у тех был другой фасон: прямые и высокие плечи, накладные карманы. У вас они, видите, вшитые.

— Дякую, я помню, как выглядели эсэсовцы, — сказала Леся. Она накинула куртку на плечи, направилась к выходу.

— Куда? — встревожилась Марта.

— В парикмахерскую, — будто и не заметила ее беспокойства Леся. — Подскажи, где могут сделать хорошую прическу?

— Вам нельзя выходить за территорию.

— Мне этого никто не говорил.

— Это знает охрана.

— Значит, я в тюрьме?

— Ну зачем же так?

Леся не сомневалась, что весь этот разговор будет дословно передан Мудрому. У «горничных» уютных котеджей, спрятанных от нескромного взгляда, обычно память профессиональных разведчиков.

— Но не могу же я ходить с такими патлами, — тряхнула Леся копной золотых волос.

— Одну минутку, панна Мавка, — впервые Марта назвала Лесю подпольной кличкой.

Леся не поняла, вырвалось ли это у нее случайно или так задумал по какому-то своему сценарию Мудрый.

Марта снова куда-то позвонила.

— Парикмахер придет сюда. Вам не стоит беспокоиться.

Пришел парикмахер, немец. С Лесей он обращался почтительно, как с капризной наследницей миллионера или гестаповской агенткой. Второе было вероятнее, так как в прошлом парикмахер обслуживал дам из гестапо, что приучило его к молчанию.

Мастера удивили косы Леси, он не знал, что с ними делать.

— Позволю себе заметить, — сказал он тихо, — мадам будет очень выделяться в толпе.

— Да, — подтвердила Марта.

— Каждый определит, что вы славянка. Мадам не требуется, чтобы так легко узнавалось ее происхождение?

— Поступайте так, как вам приказали, — решилась на маленькую хитрость Леся.

— Яволь!

Бывшему парикмахеру из гестапо было наплевать на внешний вид этой славянской дамы, но господин, направивший его в особняк, приказал привести девушку в «современный вид». С мнением господ, разговаривающих тихо и внушительно, мастер привык считаться. Тем более когда заказчик хорошо платил за работу и молчание.

Парикмахер был первоклассным мастером; и когда Леся подошла к зеркалу, она не узнала себя. На нее холодно и отчужденно глянула надменная девица с аккуратнейшей прической, которая сделала бы честь витрине салона-люкс.

«Надо будет перед уходом превратить все это чудо красоты в нормальную шестимесячную завивку, — подумала Леся. — Прическа явно не для скромной советской девушки».

— Вы красавица, — одобрила Марта.

— Я это знаю.

— Желаю мадам успехов, — вежливо прощался парикмахер, отказавшись от денег — с ним уже рассчитались.

— Каких? — спросила Леся.

— Разных. — Мастер не любил уточнять.

— Оставьте меня одну, — попросила «горничную» Леся.

Обстановка комфортабельной тюрьмы раздражала ее. Хотя и можно было предположить, что люди, к которым она пробралась через сотню опасностей, постараются запереть ее от нескромных глаз, но бесцеремонность настораживала.

Курьер пришла из неизвестности, и из этого коттеджа ее легко отправить в неизвестность. Никто не встретится, никто не будет ее искать. Был ли курьер?..

Из окна комнаты Лесе был виден охранник у входа. Парень вертелся у проходной будки, скучающе и равнодушно оглядывая пустынную улицу. Ближе к вечеру привезли продукты — охранник вошел в будку, и ворота открылись — очевидно, пульт управления находился где-то там, в комнатенке будки. На улицу можно было выбраться и через будку. Леся помнит, что там установлен турникет.

Ограда у особняка высокая, двухметровая. Можно, конечно, и через нее перебраться. Леся заметила место, где к массивной решетке прижалась раскидистая липа. Липа перекинула ветви через решетку — чем не мостик? И все же «тихое» исчезновение Лесе не было нужно.

Садовник укутывал на зиму кусты роз. Ему было жарко от непривычной работы, и парень снял брезентовую куртку, бросил на скамейку.

По крутой лесенке Леся спустилась в холл.

— Пойду погуляю, — сказала Марте.

Она кружила по аллейке вокруг садовника, даже подошла к нему и заговорила: о погоде, о том, что в этом году теплая, ласковая осень. Парень с удовольствием поговорил на украинском: нечасто, видно, выпадала ему такая возможность.

Леся ушла по аллее в глубь сада и возвратилась опять к центру — уходить далеко не стоило.

Она терпеливо стерегла садовника, выжидая, когда тот совершит промах. Ей ли, боевому курьеру, не провести этого онемеченного юнака?

Садовник устал, он закурил, потом пошел к дому — напиться.

Леся по боковой аллее подошла ближе к скамейке, на которой лежала брезентовая куртка. Ей хватило тех двух минут, пока парень в доме глотал воду и любезничал с Мартой. Когда садовник возвратился, куртка по-прежнему лежала на скамье, а Леся гуляла в дальнем конце сада.

С кольцом садовника она чувствовала себя увереннее.

Теперь надо было убедиться, что вход на территорию особняка не просматривается с того места, где возился с розами садовник. С двумя охранниками справиться было бы трудно...

Леся вновь подошла к садовнику, поулыбалась ему, пошутила: добрая хозяйка хорошего работника не водой поит, а чем-нибудь покрепче.

— После работы наверстаю, — правильно понял ее парень. Опухшие веки, синяки под глазами, пепельный цвет лица подтверждали — этот наверстает...

Леся вышла к проходной будке сбоку, по тропинке, тянувшейся вдоль забора. Она уже увлеклась тем, что задумала, действовала расчетливо, терпеливо выжидая нужные минуты. И сейчас дождалась, когда охранник зачем-то вошел в будку, рванула дверь и очутилась лицом к лицу с оторопевшим хлопцем.

— Молчать! Стреляю!

Охранник увидел в руке у дамочки, только что гулявшей спокойно в глубине сада, пистолет и растерянно потянул руки вверх. Лицо у него было почему-то обиженное, даже не испуганное, а именно обиженное, как у мальчишки, которому наобещали интересное приключение, а взамен сунули кулаком под ребра.

— Садись! — ткнула стволом пистолета на стул Леся.

Охранник покорно шлепнулся на стул. Леся отобрала у него оружие, связала руки за спинкой стула, протянула шнур под сиденьем — теперь он мог встать только со стулом.

— Не убивайте, — тихо молил охранник.

Дамочка в кожанке вызывала у него панический страх.

«Из молодых, — отметила Леся. — Вывезли мальчишкой с Украины, когда драпали, а теперь приучают

к делу. Пороху и не нюхал, из пистолёта только в тире стрелял. Ишь как трясется...»

— Будешь сидеть смирно — не убью, — пообещала Леся. Рот пареньку она завязала косынкой. — Сиди и пятнадцать минут не издавай ни звука. Понятно?

Охранник закивал: понятно.

Она вышла на улицу неторопливо, рука в кармане. Пошла к автобусной остановке, которую приметила из окна своей комнаты. По ее расчетам, автобус должен вот-вот быть. А если повезет, как везло до сих пор, то удастся поймать такси.

Ей повезло: завопив тормозами, у тротуара остановился американский «джип». За рулем сидел солдат-негр, рядом с ним развалился сержант, еще двое солдат пили прямо из горлышка на задних сиденьях.

— Давай с нами, красotka! — крикнул на ломаном немецком языке сержант.

Леся протянула руку, и загулявшие солдаты втащили ее в машину.

— Как звать? — Сержант немедленно приступил к делу.

— Марта, — кокетливо представилась Леся.

— Марта — гут! — одобрил сержант.

Солдат протянул бутылку, и она хлебнула какой-то обжигающей дряни. Это было кстати — все-таки проделанная операция потребовала выдержки и сил.

— Куда? — спросила Марта сержанта.

— В центр. Погуляем!

Сержант был не просто навеселе, он напился до того сумеречного состояния, когда все люди вокруг кажутся братьями и сестрами, а мир — дрянным подобием родного Техаса.

— Давай с нами, — предложил он Лесе, пытаясь перетащить ее к себе на колени.

— Айда! — согласилась Леся.

...Возвратилась она к особняку на том же «джипе» под утро. «Джип» завизжал тормозами, и вся компания вывалилась на тротуар. Сержант, которого катание по ночным кабакам окончательно убедило, что нет ничего лучше Техаса, предложил ей выйти за него замуж. Особняк ярко светился всеми окнами — там не спали. К «джипу» сунулся было из проходной будки незнакомый Лесе парень, но, увидев американцев, поспешно ретировался.

— Наш сторож, — объяснила Леся новым друзьям. Солдаты выбили пробку из бутылки, и они еще выпили — на прощанье.

Леся вошла в проходную, пошатываясь: прическа сбита, куртка небрежно брошена на плечо. Охранник рванул руку из кармана. Леся крикнула:

— Облыш! Хочу сдать оружие!

Теперь, когда «джип» умчался, она стояла на ногах твердо, будто и не было этой безумной ночи.

Положила на стол два пистолета, процедила сквозь зубы:

— Шмаркачи...

— Перестаньте!

В дверном проеме вырисовывалась фигура Мудрого.

— Ха! Служба безпеки! — пьяно расхохоталась Леся. — Витаем вас — здоровеньки булы!

Ее снова шатало, она двинулась навстречу Мудрому, пытаясь по-приятельски поздороваться с ним, но не дошла, рухнула на стул, подставленный охранником.

— Что вы делаете в таких случаях? — не повышая голоса, поинтересовался Мудрый.

— В каких?

— Когда вам... не по себе, — деликатно обошел острые углы вопроса Мудрый.

— Стреляю! — бросила резко Леся.

Она потянулась к пистолетам, но охранник успел швырнуть их в ящик стола.

— У нас нет таких условий, какие были в сотне, — серьезно объяснил Мудрый. — Поэтому пусть Марта напоит вас крепким кофе. И не мешало бы поспать — завтра у нас с вами рабочий день.

— Хорошо, — неожиданно покорно согласилась Леся и побрела, опекаемая Мудрым, в коттедж.

— ...Вот так и получилось, господин майор, что Чайка ушла в город, — закончил свой рассказ Мудрый.

Стронг долго хохотал, переспрашивал:

— Значит, стащила пистолет у одного охранника, связала второго и двинула в кабаки с солдатами?

— Так точно, — страдая от переполнившей его злобы, подтвердил Мудрый.

— Обязательно расскажу шефу, — басовито гудел Стронг. — Ну а когда проспалась?

— Извинялась, говорила, что надоело ей сидеть взаперти, не привыкла. И еще что-то плела про восточную кровь, которая не дает ей спокойно жить.

— Хоть помнит, где была?

— Все помнит. Перечислила все бары и кабаки, которые успела обойти с солдатами.

— Отличное качество для агента... — одобрил Стронг.

— Мы проверили ее маршрут, — сказал Мудрый, — все совпало. Ее запомнили по кожаной куртке, которую не хотела снимать. Обращали на себя внимание и шумные спутники.

— Пистолеты... — догадался Стронг.

— Да.

— Наши парни тоже не промах...

Мудрый позволил себе улыбнуться вместе со Стронгом.

— Хорошо, — перешел на деловой тон майор. — Выходка этой вашей Чайки только подтверждает, что она не подкидыш, а ваш человек. Нормальный агент не станет так безумно рисковать. А этой на все наплевать, ее не волнует, верите вы ей или нет. Как плевать ей и на карьеру под вашими знаменами. Она знает, что возвратится обратно и рано или поздно погибнет. Так?

— У нее психология типичного лесовика из сотни, — подтвердил Мудрый.

— Она ведь была любовницей Рена? Какая же, по-вашему, должна быть психология у подруги атамана?

Мудрый кивнул. Он знал немало примеров тому, как жизнь в лесу, участие в рейдах и набегах превращали экзальтированных девиц в яростных фурий, с явным удовольствием смотревших на истязания и казни.

— Я не случайно посоветовал вам целый ряд мер, которые приручили бы эту дикарку, — сказал Стронг. — Дайте ей возможность отвести душу, сами организуйте развлечения, и вы сможете контролировать их, лучше узнать девицу...

— Все сделаем, как вы посоветовали...

— И начинайте готовить ее в обратный путь. Это ведь займет не один день?

— Конечно.

— Вы еще успеете десять раз ее проверить. А время терять нельзя... Все, — закончил Стронг. — И по-

мните: от этой девицы теперь зависит вся операция и... ваше жалование.

Стронг встал и повернулся к окну — спиной к Мудрому. Майор не любил прощаться за руку со слугами.

ГЛАВА XXXIV

Леся почувствовала, что отношение к ней резко изменилось. Ей доверяли или делали вид, что доверяют. Девушка могла теперь по вечерам более или менее свободно уезжать в город, ходила в кино, ей выдали карманные деньги, и она с удовольствием купила несколько симпатичных пуловеров, элегантное платье, плащ. Вещи были неплохими, но с налетом той излишней экстравагантности, которой грешат провинциальные модницы.

Покупать было приятно — приятнее, нежели выбирать подходящее из кучи тряпок, принесенных Мартой, как это было раньше.

Об инциденте с самовольной вылазкой в город никто не вспоминал. Будто ее и не было.

Мудрый торжественно сообщил Лесе, что на ее имя открыт счет в солидном банке, она теперь человек состоятельный, даст бог, сможет со временем кое-что и добавить к вкладу.

Однако Леся эту новость восприняла довольно равнодушно. Молодые девушки редко задумываются о будущем.

День за днем проходил в напряженной работе. Мудрый вел свои «беседы» методично, настойчиво, последовательно. Казалось, он доволен той информацией, которую сообщала курьер.

Он познакомил Лесю с одним из своих помощников — Петром Шпаком. Шпаку было где-то около тридцати — плечи тяжеловеса, отвислая челюсть, рыжий чуб на глаза — парень того спортивного склада, который обычно нравится скучающим девицам.

— Поступаю в ваше распоряжение, — щелкнул он каблуками, чуть склонил чубатую голову. — Послушно выполняю ваши наказы...

— Все? — улыбнулась одними глазами Леся.

— Все, — твердо ответил Шпак.

Он был, видно, всегда доволен собой, служил, не

особенно задумываясь над тем, кому служит и во имя чего. Платят гроши — и ладно.

— Тогда сгинь до вечера, — отдала первый «приказ» Чайка. — Часам к семи объявись — поедem в город.

— У меня есть авто...

— Чудесно!

Вот уже много месяцев, отданных подполью, Леся привыкла анализировать, взвешивать каждую новую встречу, случайное знакомство, мимолетный разговор — словом, все то, мимо чего в обычной жизни проходят, не придавая значения.

Откуда, из какой клетки выпорхнул этот «Шпак», хлопчина с плечами тяжеловеса и «типично украинской» внешностью?

Впрочем, из какой клетки — ясно. Вот только зачем его выпустили?

Общеизвестно правило: курьер не та особа, с которой знакомят даже трижды проверенных, просеянных через самое густое сито службы безпеки.

Может быть, Мудрый просто приставил к ней охранника и осведомителя? Леся вспомнила взгляд Шпака: тяжелый, изучающий взгляд человека, знающего только одно ремесло — разбой.

...Леся едва успела привести себя в порядок, когда раздался деликатный стук и на пороге вырос Шпак.

Девушка окинула парня откровенно оценивающим взглядом. Был он в добротном сером костюме, тугой воротничок белоснежной сорочки хорошо оттенял смуглую кожу. Яркий галстук, лаковые туфли, плащ через руку, запах крепкого мужского одеколона — мелкий гендляр** довоенного Львова собрался в Стрыйский парк на вечерний променаd.

Он долго ездил по большому западному городу — Леся хотела увидеть его в огнях, с разных точек.

Шпак подсказывал, откуда вид может быть панорамнее, «как на крупномасштабной карте».

В двадцать три года Петро уже был сотником на Ровенщине, потом бежал вслед за фашистами, справедливо рассудив, что сражаться с Советской Армией — дело безнадежное. Естественно, об этом он молчал. Просто очень ко времени его сотню выбили партизаны,

* Шпак — скворец.

** Гендляр — делец.

и Шпак пристроился к последним эшелонам гитлеровцев. Мудрый подобрал его в Западной Германии. Петро служил ему истово. И когда Мудрый приказал охранять, сопровождать, выполнять все пожелания девушки по имени Леся, по псевдо «Мавка», он за это поручение взялся со рвением, с той старательностью, с которой в иных случаях «убирал» лишних людей, «учил умников», «школил» молодых.

С Лесей он больше молчал, изредка осведомляясь, нет ли каких пожеланий.

Пожалуй, это был первый вечер, который Леся провела спокойно, — она всегда любила незнакомые города, которые казались ей островами в огромном море.

Петро называл площади, главные магистрали — имена были чужие, не запоминались.

Они оставили машину и пошли в парк — аккуратный, прилизанный садовниками и осенними дождями.

Здесь не гуляли парочки, было тихо и пустынно, шаги впечатывались в тишину.

— Почему так пусто?

— Боятся. Здесь разденут — и спасибо не скажут.

— А мы вот идем и ничего?

— Нас не тронут, потому что нормальный человек в такое время сюда не пойдет, а с ненормальными никто связываться не станет.

— Хорошо объяснил...

— Как умею...

Возвратились поздно, Марта приготовила кофе и, поймав гляннув на Петра, пожелала спокойной ночи.

— Ты где ночуешь? — спросила Леся.

— Вообще-то я живу в городе. Но приказано мне быть с вами. Могу и в вашей комнате заночевать, — равнодушно сказал Шпак.

Он не навязывался, не заигрывал, просто давал понять, что и на этот счет у него есть точные инструкции.

— А если нет?

— Мне в коттедже выделена комнатенка...

— Тогда все в порядке.

— Значит...

— Ты правильно понял, — не дала Леся ему возможность уточнить детали.

Шпак не стал возражать: нет так нет...

Они часто уезжали в город, и Леся не сомневалась, что Шпак докладывает Мудрому о каждой такой поезд-

ке с мельчайшими подробностями. Обижаться на парня не приходилось — такая у него «работа».

Однажды они зашли поужинать в ресторан. Шпак, сделав заказ, извинился: он должен на несколько минут отлучиться — позвонить.

— Мудрому?

— Ему, — подтвердил Шпак.

Леся осталась одна. В ресторане было в меру шумно, но шум был неяркий — солидный, чопорный. В дальнем углу компания пожилых женщин отмечала юбилей какой-то благотворительной организации. Дамы были почему-то сплошь в очках, они натужно веселились вполголоса. Пожилая чета пила кофе, он — солидный, оплывший жиром — уткнулся в газету. Две-три девицы с надеждой поглядывали на вход — работы у них пока не было. Неопределенная личность хлестала шнапс — рюмку за рюмкой, — и официант почтительно гнулся перед этим столиком: шнапс стоил недешево.

Чуть в стороне устроился мужчина средних лет — на его столике стояла только чашка кофе. Леся сразу обратила на него внимание потому, что он явно нервничал: озираясь, слишком резко повернулся, когда его о чем-то спросил официант.

Он пришел почти вместе с Лесей и Шпаком; во всяком случае, когда Леся садилась за столик, его еще не было.

Как только Шпак ушел, странный господин встал и, все так же обеспокоенно озираясь, подошел к столику Леси.

— Извините, — торопливо сказал он по-русски. — Меня просили передать вам это, — и протянул девушке небольшой пакет.

— Вы, очевидно, ошиблись, — сказала Леся.

— Нет, нет, — незнакомец умоляюще смотрел на Лесю. — У меня нет времени, сейчас возвратится ваш охранник. Возьмите и передайте по назначению — это крайне важно.

— Ерунда какая-то, — начала раздражаться Леся.

— Да поймите же: только крайние обстоятельства заставили меня обратиться к вам. Вы скоро будете на родине — доставьте документы в центр...

— Официант! — постучала ложечкой по фужеру Леся.

Незнакомец отступил на шаг, в глазах у него явно читались смятение и испуг.

Появился официант — строгий и величественный, в расцветенной шнурами куртке.

— В вашем ресторане всегда пристают к неизвестным девушкам? — строго спросила Леся.

— Извините, это недоразумение, дама шутит, — попытался выкрутиться незнакомец.

— Оградите меня от приставаний этого нахала, — ледяным голосом сказала Леся.

«Нахал» на глазах стал как бы меньше ростом, смахнул платочком пот со лба.

— Дама неудачно шутит, — сказал он официанту по-немецки, — мы давние знакомые, и я прошу вас не вмешиваться...

— Если вы не уйдете, я разобью вам голову бутылкой, — с ненавистью сказала Леся.

Официант стеклянno ворочал глазами, силясь понять, что хотят от него клиенты. Беда с этими эмигрантами — то напиваются до бесчувствия, обнимаются и плачут, то бросаются друг на друга с ножами. В старые добрые времена такую публику и на порог ресторана не пускали. В старые времена их в лагерях держали и воспитывали трудом на заводах рейха. В добрые времена...

— Что вы застыли? — перебила методичный ход мыслей официанта Леся.

— Господин...

— Я вам объяснил...

— Курт, — позвал официант кого-то из раздевалки, — требуется твоя помощь.

— Яволь! — откликнулся по-солдатски Курт.

— Вы пожалеете об этом, — отчаянным голосом сказал Лесе неизвестный.

— Катись... — почти весело напутствовала его Леся.

— Извините нас за инцидент, — склонил прилизанную голову официант. — Сейчас, после войны, стало так мало порядочных людей...

Господин бросил на стол пару марок и поспешно направился к выходу под разочарованным взглядом Курта, уже приготовившегося немного потренироваться на этом мешке с костями. Курт был чемпионом по боксу в эсэсовских частях, а теперь выжидал лучших времен в передней ресторана.

— Принесите два шнапса, — попросила Леся официанта.

В стеклянной двери замаячил Шпак. Леся поманила его пальчиком.

— А меня тут вербовали, — сообщила она спутнику.

— Геленовцы? — встревожился тот.

— Нет, чекисты.

— Вы... не очень много выпили? — Шпак кивнул на рюмки. — Может, нам пора возвращаться?

— Передайте Мудрому: во время посещения ресторана «Рейн» к опекаемой вами девушке подошел неизвестный господин и пытался передать ей какие-то материалы для Москвы. Девушка позвала официанта и выставила господина вон...

— Если это так, надо было взять материалы...

— Из вас, Шпак, никогда не получится первоклассный разведчик.

— Почему?

— Потому что должны понимать: что-то действительно стоящее через случайных людей не передают. Давать же повод для шантажа я не желаю.

Разговор становился опасным для Шпака. Сейчас Леся спросит, как объяснить его отсутствие. Потом задаст вопрос: а каким образом кому-то стало известно, что она, Леся Чайка, пришла с Украины? И на эти вопросы Шпаку ответить будет очень трудно....

ГЛАВА XXXV

— Надоело, — решительно сказала Леся Мудрому во время очередной «беседы»-допроса.

— Что, что? — удивился Мудрый, обдумывавший очередной вопрос, который собирался задать.

— Говорю, обрыдла мне вся эта балаканина...

Леся была раздражена, взгляд у нее колющий; она, чтобы не дать накопиться раздражению, широкими шагами мерила комнату.

— Да вы сядьте, успокойтесь, — сказал Мудрый.

Он обращался к Лесе то на «ты», то на «вы» — в зависимости от обстановки. Обращение на «ты» подчеркивало общность интересов в борьбе, принадлежность к одному «руху». «Вы» Мудрый говорил всем тогда, когда хотел внести в разговор официальные нотки, под-

черкнуть дистанцию, разделяющую референта СБ центрального провода и рядового курьера.

— День идет за днем, — с болью сказала девушка, — а вы все языком треплете, простите за резкость, друже референт. Что? Как? Почему? Будто это главное...

— А что, на ваш взгляд, является главным? — тоном учителя, воспитывающего своенравную школьницу, поинтересовался Мудрый.

— Операция, которой отдала столько сил Гуцулка! Ради нее многие люди жизнью рискуют, каждый день, каждую хвылечку ждут злой пули, жестокого удара... Вам здесь, конечно, ничего не грозит, — устало махнула рукой Леся. — Вы в безопасности...

— У каждого свое поле борьбы.

— Правильно, — зло подтвердила Леся. — Одни сражаются в первых рядах — это по ним ведут огонь, другие за тридевять земель от схватки мнят себя страстиками...

Получилось грубо, вызываясь, и Леся тут же взяла себя в руки.

— Прощайте, друже Мудрый, — пробормотала она, кутаясь в наброшенный на плечи платок, — я не хотела никого обидеть.

Мудрый, вроде бы и не тронул его грубый намек этой взбалмошной курьерши, снисходительно кивнул.

— Вы даже не замечаете, как много работаете, — сказал он. — Ибо сведения, которые кажутся вам ничтожными, второстепенными, на самом деле представляют большую ценность.

Мудрый подумал, что Мавка, очевидно, прекрасный исполнитель, но ей никогда не подняться выше ретивого исполнения приказов. Не для нее работа, требующая анализа, глубоких и многосторонних оценок.

Мысли эти были приятны, ибо именно себя Мудрый причислял к тем немногим, кто мог создать канву интересной операции, проложить таким вот, как Мавка, исполнителям тропу в лабиринте ловушек и опасностей.

— Можно задать и вам вопрос, друже референт? — пользуясь благодушным настроением Мудрого, спросила Леся.

— Пожалуйста.

— Кто пойдет со мной на «земли»?

— Опять торопитесь, — одернул Мудрый. — Пока мы только решаем это.

— Тогда и вы поторопливайтесь. Потому что не на базар пришла я сюда к вам, и времени для того, чтобы ворон ловить, чужестранные диковинки рассматривать, у меня нет.

Леся опять начинала раздражаться, и ее раздражение передалось Мудрому.

— Хватит нас поучать, — веско бросил он. — Мы познакомим вас со спутником тогда, когда придет время. Всякому овощу — своя пора.

— Смотрите, чтобы ваши «овощи» гниль не подпортила, — не отступала Леся. — Добрый хозяин знает: прозевал на жатве день — потерял весь год...

— Подберем вам надежного спутника, положитесь на нас, — сказал Мудрый. — Это будет и хороший специалист, и верный соратник. Работа уже ведется, кандидаты отобраны. Но вы сами понимаете, — референт СБ перешел на доверительный тон, — кого угодно не пошлешь, в таком деле ошибаться невозможно.

— Конечно. А то попадется дурень или трус — пропало дело, — согласилась Леся. И добавила: — Достаточно с нас и одного Беса...

— Невысоко же вы цените таланты Юлия Макарыча. — Мудрый с удивлением глянул на Лесю. Видно, сегодня в дивчину черт вселился: набрасывается на всех.

— По делам и честь.

— А если яснее?

— Судите сами, — серьезно сказала Леся, — подруга моя провалилась из-за документов, подсунутых ей Бесом. Разве не уверял он, что паперы эти абсолютно надежны? Разве не клялся, что у Гали Шеремет ни одной родной души на всем белом свете? И на тебе — свалился как снег на голову родной брат.

— Это случайность...

— Сами говорили: случайности в нашем деле должны исключаться. А тут... Я уходила за кордон, когда Галю уже искали. Представьте себе: девушка много лет разыскивает брата... Нашла наконец с помощью журналистов. И накануне радостной встречи вдруг исчезла сама... Куда пропала? Там всю милицию на ноги подняли, чтобы ее отыскать. Вы давно были на Украине? — неожиданно спросила она Мудрого.

— Давненко, — от неожиданности Мудрый сказал почти правду.

— Все равно должны знать, что у Советов каждый человек на счету. Они ведь твердо придерживаются мысли, что люди являются главным богатством страны...

— Юлий Макарыч ошибся, — признал Мудрый, — и за это он в свое время понесет ответственность. Как человек опытный и разумный, — польстил он Лесе, — вы должны понимать, что мы не можем сейчас отдать его под наш суд. Ну, вынесем приговор. И даже приведем его в исполнение — при желании это можно сделать. А дальше? Кем его заменим? Помощником Мовчуном, который только и умеет, что ножом махать?

Мудрый косвенно признал, что в зоне деятельности Златы и Мавки у него больше нет надежных людей.

— Жаль, — сказала Леся.

— Что?

— То, что такие у нас скромные возможности.

— Не буду скрывать — сейчас положение не из лучших. И надежда только на то, что именно вам — тебе и Злате — удастся его поправить. А Бес...

— Бес получит свое и без вас, — резко сказала Леся. — Думаете, Злата простит ему Сыча? Да надо из ума выжить, чтобы такую проверку затеять...

— Крупный счет вы ему предъявляете...

— Бес нанес большой ущерб национальным интересам и за это расплатится сполна, — почти торжественно сказала Леся.

— Я надеюсь... — неопределенно поддакнул Мудрый.

Не нравился ему этот разговор. Курьер взялась судить-рядить о делах, которые ее не касаются. Не ей решать судьбу Беса. Впрочем, вряд ли это мысли самой Леси. Поет с чужого голоса. Злата, видно, крепко обозлилась на Беса, это в ее характере — ничего не прощать и ничего не забывать.

— Давайте еще раз вернемся к тем дням, когда объявился брат этой Шеремет, — предложил Мудрый. — Вы о них почти ничего не рассказывали... Что сделала Злата, когда узнала о появлении родственника?

— Первым делом выяснила, когда «брат» сможет приехать. Ей сказали: дня через три. Тогда она попросила адрес и послала телеграмму о том, что счастлива, ждет родного братика и так далее. Копию телеграммы

отнесла тому журналисту из областного радио, который помогал в поисках.

— Молодец, — одобрил Мудрый, — наверное, каждый на ее месте поступил бы так же.

— Потом Злата рассказала о своем счастье сослуживцам. И все ее поздравляли. Когда эти хлопоты остались позади, Злата вызвала на встречу меня. Сообщила через Эру, что жлет вечером в городском парке.

«Перехожу на нелегальное, — сказала и спросила: — Есть у тебя возможность незаметно исчезнуть примерно на месяц?»

Такая возможность у меня была: в любой момент могла сказать, что уезжаю к родственникам в Коломью, там у меня действительно живет мамина родня. А как быть со Златой? Убийство? Самоубийство? Но кому надо убивать скромную служащую из областного Дома народного творчества? И с какой стати она будет сводить счеты с жизнью, особенно накануне встречи с горячо любимым братом?

А Леся все это рассказывала неторопливо, основательно, тем доверительным тоном, которым обычно делаются своими невзгодами с уважаемым старшим другом. Она как бы приглашала Мудрого принять участие в ее размышлениях, одобрить действия ее и Златы.

Мудрый представил: две девушки мечутся в поисках выхода из ловушки, пытаются обойти капкан, который, сам того не желая, поставил им Бес. Нет, с Бесом придется еще разбираться. Что с того, что действовал он из лучших побуждений? На легальное положение Златы возлагались большие надежды. Может быть, и удастся ее снова легализовать: в другом городе через какое-то время. Но сколько сил ушло впустую...

Леся рассказывала, как они имитировали гибель Златы. Случилось это в последние погожие дни осени, Злата решила провести воскресный день на озере, что под городом. Озеро было большим, изрезано протоками, усеяно островками, на которых склонились к самой воде плакучие ивы. Ивы пока стояли зеленые, они последними сбрасывали легкий лист. На том берегу, что ближе к городу, находились пляж и лодочная станция. Если заплатить несколько рублей и оставить в залог какой-нибудь документ, то можно взять напрокат лодку.

Отдыхающие устраивались на пляже, подставляли бока солнцу. Те, кто брал лодки, крутились тоже неподалеку. Изредка самые смелые влезали в холодную осеннюю воду и, побарахтавшись минуту, выскакивали на берег, рысью трусили к ларьку — там продавали вино в розлив.

Если бы глянуть на озеро с высоты, то можно было бы увидеть, что напоминает оно гигантскую подкову: в центре полукружья находился пляж, а края «подковы» терялись в мелкоколесье, обступившем берега. Там было глухо, стеной стоял камыш, чистая вода ленточкой вилась среди островков. И туда часто плавали на лодках, чтобы летом нарвать водяных лилий, а осенью — коричнево лоснящихся камышинных початков.

Галя оставила в залог свой паспорт, покрутилась на лодке недолго возле пляжа, чтоб ее получше запомнили, и погребла в дальний край озера. Она не вернулась ни через час, ни к вечеру. Уже ушли последние пляжники, стемнело, поднялся сильный ветер, волна ударила в пристань.

Часов около девяти вечера лодочник, терпеливо ждавший задержавшуюся клиентку, поднял тревогу. В розысках пропавшей участвовала милиция. Нашли перевернутую лодку — волна прибила ее к противоположному берегу. На следующий день в камышах выловили кое-что из Галиной одежки: зацепилась за куст ивняка голубая косынка.

Пытались сетями прочесать то место, где, по предположениям, могла перевернуться лодка. Но там дно неровное, коряги, густо переплелись водоросли.

По паспорту определили, что утонула методист Дома народного творчества Галина Шерemet.

А Галя в это время пробиралась в сотню Буй-Тура. Ей нельзя было ехать рейсовым автобусом — вдруг знакомый в пути встретится или еще какой-нибудь случай? Она все предусмотрела, Гуцулка: дома оставила все свои вещи так, будто вышла ненадолго погулять. После того как перевернула лодку и, проплыв сотню метров по извилистой полоске чистой воды, выбралась на берег, спросила Лесю:

— Одежду принесла?

— Все купила, как ты велела...

Леся ждала ее, как условились, на берегу у приметного дуба.

Еще Леся принесла вещевой мешок с продуктами и оружие — Галя, уходя, уничтожила свой тайник. Впрочем, в хате у нее обыск не делали. Не вызвала никаких подозрений методист Дома народного творчества.

Галя недолго постояла с Лесей на берегу, попрощалась. Наказала держать боевку в руках и с Беса теперь глаз не спускать, потому что в такой ситуации старый идиот может все бросить и удариться в бега, забиться куда-нибудь в глубь страны.

— Она так и сказала: старый идиот? — переспросил Мудрый.

— Ага, — подтвердила охотно Леся.

— Очень похоже на Гуцулку.

— И еще она велела передать вам, что хранит Бес шкатулку с драгоценностями, составлявшими казну куренного Рена...

— На большую сумму? — чуть прищурился Мудрый.

— Гуцулка говорила, что хватит до конца жизни...

— Ясно...

Мудрому теперь стала понятной неприязнь Гуцулки к Юлию Макаровичу: зная о драгоценностях, не доверяла она эсбековцу — мог тот в любую минуту исчезнуть. И у Мудрого тоже росло недоверие к Бесу: вместо борьбы зарылся тот в свою нору, нахалпал двумя руками в удачливые времена и затиш, как крот.

— Откуда Гуцулка узнала о драгоценностях?

— Я ей сказала. Рен предвидел, что может Бес хвостом завилать, и незадолго до гибели предупредил меня: у Беса спрятана казна куреня, она принадлежит не ему, а тем, кто оружия не сложил. «Почувствуешь, что хочет от тебя избавиться или не очень верит тебе, — сказал Рен, — напхни ему про казну — там и твоя доля есть».

— Злата дала понять Бесу, что знает о драгоценностях? — Мудрый всерьез заинтересовался историей с казной и задавал теперь вопросы торопливо, будто опасался, что может потерять след, на который вышел.

— Дала понять! — насмешливо повторила его слова Леся. — Да она ему прямо предъявила обвинение в том, что он скрыл ценности от руководства.

— И что Бес?

— Вначале перепугался до синевы, а потом предложил Злате выйти за него замуж.

— Что, что?..

— Ага ж, сказал, что за кордон с пустыми руками только дурень уйдет. А он, Бес, не дурак, хоть остаток жизни проживет по-своему.

— Так, так... — Мудрый задумчиво поглядывал на Лесю, прикидывая, какую часть правды она ему выложила. Но и того, что он узнал, было вполне достаточно для определенных выводов.

— Злата, естественно, отказала ему?

— Естественно, — Леся выделила это слово, — нет. — И объяснила: — Зачем настораживать? Злата не сказала ни да, ни нет. А мне велела сообщить вам. «Мудрый, — сказала она, — сам разберется, что к чему и как дальше поступать с Бесом».

Злата, как старательная ученица, оставляла последнее слово за своим учителем.

Это Мудрому понравилось.

— Значит, Галя Шерemet погибла дважды? — возвратился он к началу разговора.

— Да. А если бы не Бес, жить бы ей после воскрешения очень долго.

В голосе у Леси ясно звучало сожаление по поводу преждевременной смерти глубоко симпатичной ей Гали Шерemet.

— А уход Златы в сотню вы прикрыли примитивно. — Мудрый анализировал акцию, предпринятую Златой и Лесей, с позиций умудренного человека.

— Сами понимали. Но ничего другого придумать не смогли, — согласилась Леся. — Торопило время. Простенькая жизнь подлинной Шерemet оказалась ловушкой. Бес...

— Очень вы его ненавидите, — перебил девушку Мудрый. Он не спрашивал на этот раз — констатировал.

И Леся согласилась:

— Я вернусь на «земли» хотя бы для того, чтобы выкорчевать этот трухлявый пенек.

— Ого! — Мудрого, казалось, забавляла горячность курьера.

— Только так!

— Ну вот что, — Мудрому надоела эта игра, и он отбросил благодушие. — Судьбу Беса не вам решать. У него немало и заслуг. Высшее руководство бросит на

чаши весов его многолетнюю борьбу и нынешние ошибки. Что перевесит — посмотрим.

Референт СБ ставил точку на затянувшемся разговоре. Пусть не думает эта дивчина, что он так прост.

Но ясно и другое: Мавке можно доверять. В разговоре она выложила немало подробностей, которые ясно свидетельствуют, что была курьером у Рена и пользуется полным доверием Гуцулки.

Пожалуй, предварительную проверку можно заканчивать.

Мудрый неторопливо поднялся с кресла, сонно глянул на Лесю:

— От тебя зависит, когда уйдешь на «земли». Подготовить тебя к рейсу надо как следует. А науки, сама знаешь, у нас не очень простые.

Он снова перешел на «ты». На проявление такой доброжелательности Леся ответила улыбкой.

— Буду стараться.

— Так-то лучше. И в напарники тебе подберем файного хлопчика. С ним не заскучаешь...

— Я не про то... — залилась девушка румянцем.

— И про это надо думать, — по-стариковски рассудительно сказал Мудрый.

Когда он ушел, Леся подвела итоги разговору. Пошатнула веру в безгрешность Беса — уже хорошо. Пусть шлет предупреждения в провод — отношение к ним будет иное. А кого же все-таки подберут в спутники? Уж очень энергично крутится вокруг нее Шпак, хлопчина с плечами тяжеловеса.

ГЛАВА XXXVI

Осень стояла необычно теплая и ласковая. Она пришла на смену душному, жаркому лету, когда уже в августе посыпались листья тополей, а березы зарумянились, надели желтые косынки. Леса полыхали багрянцем, и все ждали, что солнце, отдавшее лету все свое тепло, потускнеет, прикроется после трудной летней работы пеленой холодных осенних облаков.

Отшумели первые осенние дожди, и снова наступила полоса ровных, спокойных дней.

В октябре еще цвела сальвия, тянула к чистому не-

бу цветы-граммофончики петуния, источала пряный аромат медуница.

Юлий Макарович радовался последним золотым денькам. С годами стало пошаливать сердце, а о здоровье своем Бес заботился. В доме у него в одном из шкафчиков собралась настоящая аптека. Бес ее пополнял дефицитными лекарствами, которые удавалось достать через знакомых или на черном рынке. Были там и такие пилюли и флакончики, которые вряд ли когда-нибудь понадобились бы Бесу. И все-таки он их собирал, твердо помня поговорку, что хороший хозяин и ржавый гвоздь подберет.

Боялся Бес пуще всего на свете трех вещей: измены, ареста и инфаркта.

В измене подозревал всех, кто приобщался к тайнам организации, в которой он состоял.

Ареста он ждал вот уже много лет каждую ночь.

Инфаркт подкрадывался неслышно. Бес почти физически чувствовал, как сдает сердце, и он относился к нему с неприязнью, будто обманули когда-то, всучив вместо точного хронометра изношенные ходики.

Еще Бес не любил дожди. Это была застарелая неприязнь от времен, когда скрывался он со своей боевой в лесах. Дожди молотили леса, и тягучими мокрыми ночами весь мир казался сырым, плывущим в косых струях. Вода просачивалась в бункер, капли набухали на дощатом потолке и стенах, хлюпал пол под ногами, и сырость пронизывала насквозь тонкими невидимыми иголками.

«В такую погоду и собаку на подворье не выгоняют», — ворчали боевики, когда снаряжал их Бес в очередной рейд.

С той поры и чувствовал Юлий Макарович приближение дождливой поры за несколько дней. И сегодня еще с утра он точно знал, что солнце укатится не за горизонт, а скользнет за тучи и ночь будет дождливой.

Так оно и случилось. Ближе к вечеру стаей, солидно и неторопливо, поползли по небу рваные темные облака. Потянул резкий, порывистый ветер. Город прикрывался от ночи множеством огней, но и они светили тускло, желто. Палые листья закружились под ударами ветра, цеплялись за булыжники мостовой.

Дождь забарабанил в окна, и Юлий Макарович вздрогнул: ему почудились в звонком перестуке чьи-то

шаги. Он тяжело поднялся с кресла и подошел к окну. Дождь падал стеной, по стеклам текли ручейки, и видно ничего не было. Юлий Макарович вспомнил, как врач, простукивая и прослушивая его, приговаривал: «Покой, полный покой... Сердце устало, надо ему помогать...» — «Вот дотяну до пенсии...» — неопределенно бормотал Юлий Макарович. Он и в самом деле чувствовал себя неважно: годы давали себя знать.

И росла, становилась очень осязаемой тревога. Она поселилась в квартире Беса, и он ее пытался прогнать, вышвырнуть под дождь, но ничего не получалось.

Ганна сообщила, что благополучно добралась до сотни Буй-Тура, просила подумать о новом комплекте документов, о новых вариантах легализации. Она не собиралась совой сидеть в лесу, напоминала, что есть задание, которое надо выполнять.

Проходили дни и недели — не было вестей от Чайки. Девушка будто растворилась в огромном мире, она вышла из-под контроля Беса, и это его волновало больше всего. Где она и что с нею?

А вчера показалось Бесу, что встретил он Лесю Чайку на центральной улице города. Был вечер, на улицелюдно, и вдруг мелькнула в толпе знакомая фигурка. Бес остановился, пораженный, — точно она или почудилось? Девушка шла торопливо: тот же рост, такая же походка — властная, решительная. Бес кинулся вдогонку, но толпа закрыла девушку, и он ее потерял из виду.

Он проклинал себя за то, что упустил секунды и упустил девицу: можно было бы сразу убедиться, что ошибся, и тогда было бы спокойнее и не лежал бы камень на сердце.

А если это была Чайка?

Тогда, значит, стал он пешкой в чужой игре, волочит, старый осел, упряжку, седоки в которой кто — известно.

Дождь все стучался в окна, ветер швырял его горстями, зло и сильно. Вспомнился Бесу такой же дождливый вечер, когда постучалась к нему «племянница». Она пришла уверенно, вела себя напористо, только чуть растерялась, когда заметила подозрительность Юлия Макаровича. Да, он до конца тогда не поверил паролу. Что-то насторожило его. Что?..

Бес вспоминал тот вечер минута за минутой, он будто прокручивал в памяти старую ленту.

Кадр: Входит Ганна. Среднего роста, в затрепанном ветрами плащике, озябшая: «Племянница я ваша, Юлий Макарович, Ганна».

Пометка на полях: «Появилась, когда и ждать перестал. Слишком долго была в сотне Буй-Тура... В сотне? А почему, собственно, она шла к нему через сотню? У нее было два пути: прямо к нему, Юлию Макаровичу, и — в лес, к Буй-Туру. К нему было проще, а она пошла в лес... С чего бы?»

Задать бы ей этот вопрос, но теперь жди, когда будет возможность.

Снова кадр: чемоданчик гостыи, ничего интересного: шмат сала, домашняя колбаса, желтая грудка масла.

Для маскировки удобно — подарок родственнику-горожанину.

И опять зарубка в памяти: «Неужто Буй-Тур так хорошо в лесу живет, что и сало есть, и масло сливочное, и колбасы не переводятся?»

В следующем кадре опять Злата-Ганна. Цепкий у нее взгляд, уверенные движения... По комнате ходит сторожко, как человек, привыкший к опасности. Вот Юлий Макарович потянулся к зажигалке на столе, а она резко повернулась, готовая встретить удар, если он последует...

У Юлия Макаровича вертятся в голове какие-то обрывки смутных воспоминаний, более давних по времени. В лесах Зеленого Гая в сотне Стафийчука появилась курьер с особыми полномочиями. Решительная девица, обвинившая Стафийчука в измене, в предательстве интересов Украины. Пытались они осуществить тогда операцию «Кровь и пепел», собрали все наличные силы и... угодили в западню. Среди мертвых и живых курьера Горлинки не оказалось.

До прихода в сотню Стафийчука она работала учительницей в начальной школе Зеленого Гая, и, если память не изменяет, фамилия у нее была Шевчук... Точно: Мария Григорьевна Шевчук... Среднего роста, синеглазая красавица...

И снова перед глазами тот вечер: «Молись, — говорит Бес, — молись богу, стерва, живой отсюда не уйдешь, кто тебя сюда послал?» Потянулся к сигаре-

там, а вдруг — пистолет в руках у Златы-Ганны: «Проверяйте, но без этих фокусов. Не люблю...»

Знакомый почерк, сделал зарубку Юлий Макарович: так же решительно «проходила» проверки и курьер, прибывшая к куренному Рену. О ней рассказывали легенды, о той курьерше, прибывшей из-за кордона. Она прошла по всем явкам, и именно тогда погиб референт Сорока, у которого Юлий Макарович пребывал в помощниках. На этот случай был разработан запасной вариант восстановления подполья, и после провала Сороки в дело вступил Юлий Макарович.

Но самым тяжелым провалом было уничтожение штаба Рена. Установлено, что Рена предал его адъютант Чупрына. Но куда делась курьерша? Погибла ли, ушла ли за кордон? Тогда еще действовала линия связи с закордонным центром, и он, Юлий Макарович, запросил о судьбе курьера. Мудрый ответил, что курьер не возвратился...

И здесь тоже курьером была дивчина...

И кадр последний: «Спрячьте ваши пистолеты, друзья», — сказал Буй-Тур, появившийся словно из-под земли. Буй-Тур, безусловно, знал эту курьершу; он подробно рассказал, как и когда «принял» ее. Но мог же к нему прийти и ненастоящий курьер? Буй-Тур подтвердил, что к нему в сотню пришла и правильно назвала паролем именно эта девушка. Ну и что? Как это Юлий Макарович не сообразил, что все могло случиться и раньше, времени было достаточно для подмены...

Юлий Макарович прервал свой мысленный просмотр кадров-воспоминаний. Достаточно. В двух случаях — провалы, к которым как-то причастны курьеры, приметы которых совпадают. Не полностью, но много общего в почерке, в стиле действий. В третьем случае пока еще провала нет. Хотя...

Исчез Сыч — точнее, его ликвидировал Буй-Тур по приказу курьера. Неожиданно взяли Лелеку. Но о Лелеке курьер не знала ничего. Тем не менее связь прервалась. Значит, не курьер виновата в этом. И все-таки слишком много совпадений.

Не любил Юлий Макарович совпадения...

Он представил себя на месте чекиста Коломийца. Много слышал Бес об этом человеке. В кругу пособников и соратников Юлия Макаровича имя полковника называли со страхом. Первая заповедь тайной войны:

знай того, с кем ведешь поединок. Бес пытался вести свой бой против Советской власти. Защищал эту власть от Беса и ему подобных чекист Коломиец. Бес с наслаждением порой вспоминал, как в 1942 году в лагерях для военнопленных переводил приказы гестаповцев: «Коммунисты, комиссары и энкаведисты — шаг вперед!» Но он не любил вспоминать, как в том же 42-м из строя вышел молоденький лейтенант:

— Ну, я чекист...

Бес обрадованно — крупный улов! — задал следующий вопрос:

— Фамилия?

— Дзержинский...

— Сын? — Бес боялся поверить удаче.

— Все мы сыновья Дзержинского... — Лейтенант говорил свысока, презрительно. У него было очень юное лицо, только пробилась черная смужечка усов, и губы были по-детски припухлые. А на голове пропитался кровью бинт, и глаза глубоко запали, казалось, провалились.

— Издеваешься? — сообразил Бес. И приказал, стараясь, чтобы приказ прозвучал властно и отрывисто, как у господ гестаповских офицеров: — Подойди ближе! — Он хотел рассмотреть его — впервые видел чекиста вот так близко, рядом с собой, и тешил себя мыслью, что может сделать с ним все, что угодно.

Лейтенант подошел к Бесу и коротким, почти молниеносным ударом сбил его с ног. Бес упал в пыль плаца, дернулся, попытался встать на четвереньки и снова упал в пыль.

— Добить бы гада... — тоскливо протянул кто-то из пленных.

— Наши добьют, придет время, — сказал лейтенант.

Он встретил смерть спокойно, с пренебрежением, которое поразило даже гестаповцев: они долго оживленно лопотали, обсуждая этот инцидент...

И теперь Бесу казалось, что Коломиец похож на того лейтенанта, только постарше возрастом, званиями и мудрее.

Когда-то, удачно уходя от облав, замечая следы, меняя фамилии и внешность, Бес как бы отвечал в сотый раз лейтенанту, срезанному автоматной очередью, но так и не ушедшему из злой памяти: «Врешь, не добьете...»

Он ненавидел лейтенанта и через много лет после смерти и был не в силах забыть его, хотя и очень старался это сделать.

И сейчас, в дождливую осеннюю ночь, ему вдруг почудилось, что лейтенант не ошибся: время пришло, и его добыют.

Но Бес не хотел сдаваться, он цеплялся за жизнь и не собирался погибнуть просто так, без попытки еще раз перехитрить судьбу. А вырваться из западни можно было, только одолев Коломийца, направив его по ложному следу.

Провалы и неудачи начались с приходом Златы. Теперь Бес в этом не сомневался.

А складывалось ведь все очень и очень неплохо. С приходом Златы перед ним замаячили новые надежды: за кордоном о нем не забыли, помощь возможна, как возможны и самые неожиданные перемены в международном климате. Бес от строки до строки прочитывал все международные сообщения в газетах, выискивая хотя бы слабые намеки на возможные конфликты.

Злата принесла надежду...

Юлий Макарович вспоминал, как, еще не поверив ей, он отчаянно обрадовался: значит, борьба продолжается, не все погибло, если издалека, из-за кордона, приходят курьеры.

Раз идут оттуда, значит, можно уйти и туда...

Только однажды он позволил выплеснуться этой радости: предложил Злате выйти за него замуж. Он хотел, чтобы Злата стала его помощником в уходе за кордон. Конечно, сам по себе в мужья он ей не годился, это было ясно, но вместе с казной Рена... Не дурочка ведь курьер, должна была понимать, что такие кошты на дороге не валяются. Тем более что и Юлий Макарович не собирался зачислять себя кандидатом в небожители, он мечтал, что именно за кордоном наступят его лучшие дни, без постоянного страха, вдали от полковника Коломийца.

Бес вспомнил и ту встречу, когда в ответ на его предложение Злата-Ганна обещала подумать. Это было естественно: шаг серьезный, должна была она трезво оценить последствия. Вспомнил Юлий Макарович и другие контакты с курьером. Трудно было в них обнаружить что-то подозрительное. И все-таки... Он, старый

стреляный волк, видевший смерть и врагов, и друзей, и просто людей, которых его хлопцы убивали неизвестно за что, он, прошедший сквозь многие опасности, чувствовал, что вместе со Златой-Ганной пришло ощущение конца.

И, вспомнив все, он теперь не сомневался, что увидел вчера в толпе Лесю Чайку. Нет, он не мог ошибиться, глаз у него наметанный. Очевидно, не она ушла за кордон, кто-то другой. Странно, курьером к Стафийчуку приходила девушка, у Рена бывала тоже девушка...

Референт Сорока подробно описывал приметы того курьера. Они не совсем совпадали с приметами Чайки. Ну и что? Схожести добиться труднее, чем отличия.

Чайка появилась вскоре после Ганны. Значит, Ганне и принадлежит главная роль, это она бродит по курьерским тропам, умудренная опытом предыдущих схваток, опасная и своим знанием законов борьбы, и мужеством — не ему, Бесу, в том сомневаться. У самого задрожали колени, когда внезапно увидел в ее руках пистолет.

...А дождь все лил и лил... И Бес подумал, как тяжело уходить в такую погоду из дома, в котором годами создавал достаток, где каждая вещь ласкала взгляд...

Чайка мелькнула в толпе и растворилась в ней. Значит, и люди Коломийца могут совершать ошибки: Чайка или та, кто укрылся за этим псевдо, должна была бы исчезнуть из города. Как ни мала была вероятность такой встречи, но и ее следовало «тем» ликвидировать.

Бес принялся поспешно собираться в дорогу. Он не скрывал следов бегства: пусть думают, что ушел за кордон, и перекрывают этот путь. А он уйдет в глубь страны, к старой знакомой, под кровом которой переждет грозу.

Бес надел новый костюм, в котором его никто еще не видел. Проверил карманы: не попало ли случайно туда что-либо напоминающее о Юлии Макаровиче. Положил в них новые документы: теперь он будет Степаном Сидоровичем Карпюком, учителем истории на пенсии.

В саквояж собрал самое необходимое.

Тайник у Беса находился в полу, под ковром. Паркетные дощечки легко вышли из гнезд, и Юрий Макарович извлек шкатулку. Она была тяжелой. Бес береж-

но очистил ее от комочков земли, от пыли и положил на дно саквояжа. Пачки денег рассовал по карманам, отдельно положив несколько бумажек для расчетов в дороге. Все у него было предусмотрено на этот случай, и даже купюры были крупного достоинства, чтобы не занимали деньги много места.

Дождевик, тоже новый, Юрий Макарович перекинул через спинку стула. Предстояло сделать еще два дела. Он не торопился, так как знал, что вряд ли за ним придут этой дождливой ночью. Очевидно, за квартирой установлено наблюдение, и чекистам нет смысла торопиться с арестом — Юлию Макаровичу, думают они, не ускользнуть.

В квартире не было ничего, что свидетельствовало бы о второй, тайной жизни Юрия Макаровича, но он еще раз тщательно осмотрел ее: не осталось ли какой зацепки для чекистов.

И здесь опять закралось сомнение: не торопится ли — может, напридумывал в одиночестве напрасных страхов? Жизнь вывела его на перекресток: требовалось самому себе ответить решительно «да» или «нет».

Во-первых, он мог остаться и выжидать, оттягивая развязку.

Во-вторых, можно уходить на Запад, пытаться пробиться через заставы и кордоны. Но он там, на Западе, после провала операции никому не нужен. Мудрый заварит следствие, затаскает по допросам и, конечно, обвинит в провале «Голубой волны». Хорошо, если просто выбросят на помойку, а то ведь и удавят свои же соратники. Да и не получал он приказа уходить за кордон.

Наконец, третий путь — перебраться в другой город, обосноваться на новом месте, скрыться и от Мудрого, и от чекиста Коломийца. Это был наиболее безопасный вариант, но Бес не мог представить себя в роли пенсионера. Он был весь пропитан ненавистью, и пенсия — жизнь с ее тихими радостями была не для него.

Хотелось верить, что события последних недель ничего не изменили в его, Юрия Макаровича, положении: он ошибся вчера — Леся Чайка не могла быть в городе, она за кордоном, у Мудрого, скоро возвратится обратно, и вместе с нею придут помощь, инструкции. Злата — у Буй-Тура, и есть еще хлопцы сотника, можно будет больно кусать эту власть, поставившую Беса вне закона.

Юлий Макарович снова перебрал день за днем, как четки на связке, с того времени, когда появилась Злата. И снова пришел к выводу: он не ошибается, чекисты обложили со всех сторон. Очень умело обложили, так, что везде сходились концы с концами, не было только одного — ощущения безопасности.

Значит, решено: надо уходить.

Бес проверил пистолет, вогнал патрон в ствол, вскинул руку и прицелился в портрет Тараса Шевченко. Кобзарь смотрел на Беса мудро и отрешенно. Рука у Беса не дрожала, он это отметил, а еще подумал, что все-таки постарел: лет пятнадцать назад он бы так не колебался, сменил бы шкуру и опять кинулся бы на тех, кто отнял у него мечту.

Рука не дрожала, и захотелось нажать на спусковой крючок. Давно не стрелял Бес, поручал это другим.

В карманы рассовал запасные обоймы. Жаль, что в этом бегстве Буй-Тур плохой ему, Бесу, помощник: сотня наверняка обложена, и Коломиец каждого пропустит внутрь кольца, но не выпустит никого.

Юлий Макарович снял чехол с пишущей машинки, переложил тонкую папиросную бумагу копиркой. Предстояло отдать последний приказ, ибо никто не освобождал его от обязанностей референта. И даже там, под крышей своей давней подруги, он все равно останется референтом службы безпеки краевого провода — такие, как он, на пенсию не уходят.

Откликнулась звонким треском машинка — Юлий Макарович печатал сноровисто. Легли на бумагу первые строчки: «Надлежит разыскать особо опасного для нашего движения агента НКВД, известного под псевдо «Зоряна», «Горлинка», «Подoliaнка», «Мавка» и другими...»

Теперь следовало перечислить все, что знал Бес об этой девушке. Фамилия? Бес отстучал: «Подлинная фамилия не установлена». Подумал и добавил: «Пользовалась документами на имя Марии Григорьевны Шевчук, Олеси Николаевны Чайки и другими...»

Юлий Макарович скрупулезно перечислял приметы девушки, которой он сам в свое время дал имя Гали Шеремет.

Он теперь был уверен, что на Запад все-таки кто-то ушел. И этим «кем-то» могла быть только Галя: для такого пути требовался ее опыт. Ведь Леся Чайка хо-

дила у нее всего лишь в помощницах. Они обменялись на ходу своими «легендами» и именами — хороший дуэт получился у этих девчат.

Бес размышлял обо всем трезво, как и подобает сильным людям, одинаково спокойно встречающим и удары судьбы, и ее подарки.

Он допускал, что в своих расчетах может ошибиться. Но это в данном случае имело бы серьезные последствия только для него лично. Ибо если и допустил ошибку в анализе ситуации, все равно Леся вернется в сотню Буй-Тура, подвергнется новой проверке, выдержит ее, и операция «Голубая волна» будет продолжаться.

А еще одна проверка никогда не бывает лишней.

Если же он прав, то измену следовало вырывать с корнем. Бес представил, как где-то там, за кордоном, именно в это время, возможно, беседует с Мудрым агент полковника Коломийца, высматривает все, добирается до строжайше охраняемых тайн, — и ему стало плохо, очень плохо. Плыла перед глазами комната, и шум дождя за окном перерастал в грохот горной лавины.

Он взял себя в руки и дописал приказ. Приметы Ганны, дополняя друг друга, выписали ее портрет. Твердо впечатались заключительные строчки: «...каждый член организации, который опознает эту чекистку, должен, не ожидая особых на то приказов, любым путем, даже ценою собственной жизни, ее уничтожить».

Бес прикинул, что следовало бы предупредить тех, кому, возможно, встретится Ганна, и дописал: «При акции соблюдать осторожность: вооружена, отличается личным мужеством, выдержкой и хладнокровием». Он убедился в этом на собственном опыте.

Теперь надо было поставить подпись, последние фразы, предписывающие каждому члену УПА или ОУН, в руки которого попадет экземпляр приказа, переписать его в трех экземплярах и передать верным людям. Свой экземпляр надлежало заучить на память и уничтожить, дабы случайно не послужил уликой.

А если все-таки Ганна и Леся — надежные курьеры? Бес заколебался в последний раз и вновь пришел к выводу: пусть лучше нарвутся на пулю. Это принесет меньше вреда, нежели измена.

Первое дело было сделано. Оставалось второе. Бес принялся методично и последовательно резать ковры,

давить, обмотав их полотенцем, сервизы, ломать мебель. Он старался делать это по возможности без шума, но так, чтобы восстановить уже ничего было нельзя. Не мог он оставить в целостности и сохранности все, что натаскал за годы в квартиру, неизвестно кому.

Нож мягко входил в полотна картин, полотно трещало, сопротивляясь тонкому лезвию. Пол был усеян осколками фарфора и хрустала. Бес изрезал все костюмы, в клочья разорвал скатерти. И только тяжелые портьеры не тронул — они заслоняли его от внешнего мира.

Это было бессмысленное разрушение, но Бес производил его почти с удовольствием: он не хотел в последние минуты изменять себе.

Когда все было кончено, Бес плотнее закутался в дождевик, взял саквояж.

Пусть люди Коломыйца думают, что он, разрушив все, ушел на Запад. А он пока отправится к помощнику, Серому: тот обеспечит передачу приказа.

Бес выбрался из квартиры потайным ходом, о котором никто не знал. Если его ждут — то внизу, у подъезда. Он поднялся на чердак, оттуда перебрался через слуховое окно на крышу соседнего дома.

Дождь все лил, и Бес был теперь ему рад: смоем все следы. Он надеялся, что сможет добраться незаметно до Серого, передать приказ и ускользнуть из города.

Предстояла ему длинная дорога...

ГЛАВА XXXVII

Леся стала своим человеком в узком мире людей, населяющих или обслуживающих коттедж, спрятавшийся за высоким забором. Служба Мудрого не могла иметь несколько таких конспиративных особняков — их содержание обходилось дорого, а субсидий, выделяемых «дружественными» разведками, едва хватало, чтобы сводить концы с концами. Потому, хотел этого Мудрый или нет, но Леся иногда становилась свидетелем событий, которые видеть ей было совсем не обязательно.

В коттедже изредка появлялись люди, которые готовились к дальней дороге. Их здесь экипировали, Мудрый или кто-то из его приближенных давал последние

инструкции. Это были курьеры или агенты, нанятые из лагерей перемещенных лиц. Леся удивляло, что готовили их к рейсам небрежно, поверхностно, и сами они имели вид робкий, испуганный. По отдельным словам, которые ей удавалось уловить, по отрывкам разговоров она пыталась выяснить цели этой поспешной, почти дилетантской работы.

Леся установила, что Мудрый и его шефы решили сделать ставку на «массовость». Майор Стронг должен видеть, что уходит в рейсы много людей, — следовательно, есть база для работы: организация, опирающаяся на разветвленную агентуру, представляет собой определенную ценность.

Агентам давались несложные задания. Они уходили с приказом установить, уцелел ли такой-то, или не провалена ли явка там-то. Это были «портные», которые по «выкройкам» Мудрого пытались заштопать, подлатать разрушенную конспиративную сеть.

Один из таких курьеров отправлялся в Польшу. Его задача была сформулирована очень четко: отыскать Яна Шпонтака.

Когда Леся услышала эту фамилию, лицо у нее стало каменным. Если бы кто-нибудь был с нею в эти минуты рядом, то наверняка спросил бы: «Что с вами?» Но она одна находилась в комнате на втором этаже — по расписанию, составленному Мудрым, эти предвечерние часы отводились ей для отдыха.

Инструктаж агента проводил лично Мудрый, это свидетельствовало о важности предстоящего рейса.

— Наши сведения о Шпонтате заканчиваются осенью 1947 года. В июле этого года Шпонтат получил приказ свернуть свои подразделения, обеспечить переход наиболее стойких борцов в СССР, Щецин и Вроцлав, где бы их вряд ли стали искать. Шпонтату было предоставлено право самому избрать район своей будущей деятельности. Мы знаем, что в октябре сорок седьмого он еще был на территории Польши...

Значит, Мудрый считает, что Шпонтату не удалось, как и некоторым другим, уйти за кордон...

У агента был тихий голос, и Лесе пришлось напрягать слух, чтобы расслышать его вопросы.

— Но ведь этого мало, чтобы отыскать человека, который прячется от всех, — сказал агент.

— Конечно, поэтому вы должны познакомиться

с жизнью Шпонтака. Возможно, он сейчас скрывается у людей, с которыми был связан в прошлом.

И Мудрый в нескольких словах пересказал то, что было зафиксировано о Шпонтате в картотеке СБ.

Лесе был по целому ряду причин крайне интересен этот разговор, и она под села ближе к окну — велся он на первом этаже, в комнате, окно которой выходило в сад, и поэтому его не посчитали нужным закрыть. Вечер стоял на редкость тихий, и было бы тяжело беседовать в закупоренной комнате.

— Шпонтат в 1939 году, — повествовал Мудрый, — на территории Западной Украины вступил в молодежную организацию «Сич». В том же году он вместе с группой молодых перебрался в Братиславу, навстречу гитлеровскому валу. Гитлеровцы переправили его в Ганновер и спрятали в лагерь для беженцев. Из лагеря Шпонтат бежал.

«Фашисты в это время всюду готовились к нападению на СССР, — отметила Леся, — им требовались люди для создания «пятой колонны», и в лагерях они подбирали всех, кто был пригоден. Побег был инсценирован...»

— Шпонтат объявился в Берлине. Один из наших людей, — рассказывал Мудрый, — рекомендовал Шпонтата в УНО*. Он стал одним из помощников Сушко, который возглавлял эту организацию в Берлине.

В июле 1941 года Шпонтат получил приказ уйти на территорию УССР...

— У Яна тогда были документы на имя Козака: Ян Козак. Он добрался до Львова, вошел в контакт с немцами и был принят на работу в оккупационную администрацию. Сначала работал в магазине Добровольского, потом под собственной фамилией служил в IV комиссариате украинской полиции Львова.

«Гестапо посадило его в магазин, — прокомментировала Леся, — слушать, запоминать, выявлять оставшихся в живых сторонников Советов. Когда надобность в маскировке отпала, Шпонтату вернули прежнюю фамилию. Думали — победили окончательно, и пусть теперь, мол, другие прикрываются «легендами».

Мысли Леси «наслаивались» на тихие голоса Мудрого и агента. Она давно заметила за собой эту при-

* УНО — Украинская национальная организация — крайне реакционная организация украинских буржуазных националистов.

вычку «видеть» то, о чем думала, и сейчас она зримо увидела Шпонтата в мундире полицейского, с повязкой на руке, в пилотке; грохочут кованые сапоги, немецкая винтовка в руках — властелин тихого, утонувшего в руинах Львова.

— В полиции по службе отличился и был направлен немцами на учебу в школу украинской полиции в Новом Сонче. Это было летом сорок третьего...

«Лето 43-го — страшные облавы на львовских евреев. Их уничтожали сотнями и тысячами — детей, женщин, стариков. Рвы заполнялись трупами, и земля долго шевелилась и стонала, потому что бросали землю на живых».

— После окончания школы был назначен заместителем коменданта управления полиции в Раве-Русской. Служил здесь до сорок четвертого года...

«В Раве-Русской было гетто. Гитлеровцы знали, кого туда послать в полицию. Гетто было уничтожено, чудом спаслись единицы. Нет, не стоит искать Шпонтата в Раве-Русской — его там запомнили кровавой памятью...»

— Но вы не будете искать Шпонтата в Раве-Русской, — втолковывал Мудрый агенту. — Только идиот полезет в костер, который сам разжигает. А Шпонтат идиотом не был, он всегда заботился о путях отхода. И уход гитлеровцев не застал его врасплох. Вместе со своим полицейским отрядом Шпонтат ушел в леса.

— Ищите следы Шпонтата в Селявских лесах, в Соснице, в Верхратах...

...Леся долго в тот вечер не зажигала огонь, сумерничала в темноте. Она сидела, будто растворившись в полумраке комнаты, — за окном было чужое небо и смотревшиеся чужими из этого коттеджа звезды. Отырвисто, не по-украински говорили на украинском языке люди, населявшие коттедж. Леся куталась в платок — от этой своей привычки она не могла избавиться и здесь. Кто бы мог предположить, что вдруг, вот так внезапно ее окунут в дни, когда горячим пожаром пылали и леса, и села, и небо...

Пусть поищет курьер Мудрого Шпонтата, пусть!..

— Иди отдыхай! — услышала Леся голос Мудрого, отпустившего наконец курьера. Тяжело скрипнули ступени лестницы, Мудрый поднимался на второй этаж, в Лесину комнатушку.

— Не спишь? — спросил он с порога.

— Хорошо сидеть в темноте, — откликнулась Леся.
— Люблю я, когда солнце зашло, а еще не ночь. Мудрый подошел к раскрытому окну, глянул вниз.
— Слышно сюда все?
— Я не прислушивалась.
— Шпонтака знала?
— Посылал как-то к нему Рен...
— Как думаешь, уцелел?
— Когда катится пожар волной, мало что после него остается...

— Грустные у тебя мысли.
— Как и судьба моя.
— Выше голову, дивчина.

Леся ужинала с Мудрым. Она последовала его совету, была улыбчивой, веселой и почти беззаботной.

ГЛАВА XXXVIII

Спустя несколько дней на территорию коттеджа вкатил грузовик с американскими военными номерами. Встретили его Марта и Шпак. Были они в этот день необычно оживленными. И вообще у всех обитателей коттеджа было приподнятое настроение, причину которого Леся поначалу никак не могла определить. Телефонные звонки сыпались один за другим. Звонили Мудрый, Крук, Макивчук, еще какие-то люди, которые в силу своего положения, видно, знали номер телефона коттеджа.

— Да, сегодня, — отвечала Марта на вопросы. — Обязательно позвоню... Нет, мы пока не знаем, что именно... Но, конечно, это дефицит... Позвоню вам первому... — Ей нравилось быть в центре событий.

— Ожидается чей-то приезд? — попыталась выяснить Леся.

— Нет, нет, — ответила Марта. — Вы не обращайтесь внимания, занимайтесь своими делами...

Слишком много слов в связи с одним вопросом ясно показывали, что Марта взволнована.

И когда прибыл грузовик, Леся поняла, что, наверное, он и есть причина суматохи.

«Дружественные» разведки подбросили «борцам» продукты и одежду. Это были консервы, мука в бумажных мешках, искусственные жиры и сыр в жестяных

банках, кофе, тушенка. В бумажных пакетах — пальто, пестрые костюмы, туфли, брюки, платья.

Солдаты сдали все это добро под расписку Марте. Грузовик фыркнул презрительно дымком и укатил мимо вытянувшегося в струнку охранника. Садовник, охранник, Шпак и Марта перетащили имущество и продукты в вестибюль виллы. Марта составила полный список полученного.

— Да, привезли, — ответила она на звонок Мудрого, — сейчас распределяем. Ах так? Конечно, этот тип ничего не получит. Не беспокойтесь, все выполним в точности.

Леся видела, как тщательно Марта и Шпак распределяли продукты и вещи. У них был список претендентов на «вспомоществование».

— В среднем приходится на душу по десять килограммов муки, — деловито сообщила Марта Шпаку после сложных расчетов.

— А сыра?

— Грамм по пятьсот.

— Но банки-то все двухкилограммовые...

— Будем резать на четыре доли.

— А как с одеждой?

— У меня есть заявки, кому что требуется в первую очередь.

— Вот этот костюмчик ничего... Отложу его себе?

— Хорошо, только другим пока не показывай, скандал будет.

Странно и необычно было смотреть Лесе на этот декеж. Она догадалась, что, очевидно, «друзья» ОУН, прикрывшись вывеской какой-нибудь благотворительной организации, подбросили очередную подачку. Они не всегда могли и хотели открыто поддерживать националистов и предпочитали действовать через филиалы, носившие туманные названия вроде «Друзей Украины», «Украинского фонда» и т. п. Леся не знала, как они точно называются, но догадаться об их существовании было несложно.

— Что для Макивчука выделим?

— Мудрый сказал, чтоб его не учитывали.

— Пан публицист проштрафился?

— Ты же знаешь ту историю с провалом на «землях».

Леся насторожилась: в «хозяйственной» болтовне

Марта и Шпака проскользнули важные сведения. Мудрый в свое время ушел от разговора о причинах ликвидации надежной курьерской тропы. Только сказал, что в каком-то звене была допущена неосторожность. Теперь Марта неожиданно подтвердила догадки Юлия Макаровича: причины провала следует искать за кордоном. И очевидно, к нему как-то был причастен редактор «Зори» Макивчук.

К вечеру к коттеджу потянулись странные люди. Они приходили поодиночке или парами после звонка Марты, робко улыбались охраннику у ворот, кланялись Марте:

— Добрый вечер...

— Наше шанування...

— Шыро вдячни за турботу...

С иными посетителями Шпак и Марта держались предельно почтительно, разрешили заменить то, что не понравилось.

Вот пришли муж и жена, он худой, длинный, в расшитой крестиком сорочке и добротном костюме, она полная, упакованная в плюшевое вечернее платье того фасона, который когда-то был модным в маленьких украинских местечках.

— Шыро витаю, друже референт, — встретил гостей у порога Шпак.

— Здравствуй, Петро, — благосклонно кивнул «референт». — Як тут у вас?

— Нормально. Хай пани Галя глянуть, що видкладено...

Мужчины степенно разговаривали, а Марта и «пани Галя» копались в тряпках, перебрасывались замечаниями по поводу качества той или иной вещи.

Лесе был хорошо виден «референт», но она могла почти твердо сказать, что этот длинный — не из службы безпеки. Может, он из референтуры пропаганды?

Марта попросила ее в этот день по возможности не показываться посетителям: им не стоит видеть Лесю. Леся сочла такую меру благоразумной и смирно сидела в своей комнатке. В окно ей было видно всех, кто шел к коттеджу, да и дверь забыли плотно прикрыть — все слышно, все разговоры.

От вещей пахло нафталином, и этот запах проникал в самые дальние уголки коттеджа.

Попрощавшись с «референтом», Шпак встретил нового гостя. Этот приехал на стареньком велосипеде, ржавом и скрипучем. Был очередной посетитель в рваном плаще, в шляпе с обвислыми, затрепанными полями. Вид у него унылый и робкий.

— Бери свое и уходи, — вместо приветствия бросил ему Шпак.

Человек в старой шляпе сгреб все, что ему выделила Марта, и нажал на педали велосипеда. Полы плаща развевались у него, как крылья старой линиялой вороны.

— Дармоед, — процедил Шпак ему вслед.

— Да, от него никакого толку, — согласилась Марта.

В ее списке появился еще один крестик.

Лесю вдруг заинтересовал этот список. Очевидно, в нем были названы те, кого руководство закордонного центра, в который она попала, считало нужным поддерживать, подкормить.

В обычных условиях список людей хранится у Мудрого за семью печатями: строго секретно, отпечатано в трех экземплярах.

Леся прикидывала: конечно же, подачки достаются только наиболее ценным, нужным кадрам. Список, в котором Марта крестиками отмечала очередного посетителя, по сути, являлся реестром актива всей организации...

...На следующий день, когда несколько улеглись страсти с дележом имущества и продуктов, Леся спросила Мудрого:

— Как вы думаете, сложно было бы добыть список тех людей, которых вы считаете здесь, за кордоном, наиболее ценными?

— Надеюсь, это невозможно. Такого списка нет даже у наших руководителей.

Мудрый снисходительно усмехнулся: если уж он занимается службой безпеки, то — будьте уверены — ворогу нечем поживиться.

— Так уж? — вроде бы и не поверила Леся.

— Не сомневайся, мы умеем хранить свои тайны.

— Сколько можно заработать на таком списке?

— Ты всерьез интересуешься?

— Конечно.

Леся вела разговор в том полуироническом тоне,

который позволяет в любую минуту обратить все сказанное в шутку, отречься от любых слов.

— Чекисты ничего за него не дадут, у них такие методы работы не в чести. Но не сомневаюсь — «подарку» они были бы очень рады.

— А кто заплатит?

— Знаешь, Леся, давай лучше займемся делом.

Девушка не отступала:

— Мы и занимаемся делом, очень важным. Так кто мог бы добре заплатить за список функционеров?

Теперь она говорила серьезно, и Мудрый это понял. Референт начал о чем-то догадываться и помрачнел.

— Мельниковцы, черт бы их побрал!

— Ясно. Во сколько вы оцениваете этот документ?

— Если бы мне принесли список мельниковского центра, я бы не поскупился тысяч на десять... — Мудрый заинтересовался наконец словами Леси. Он понял, что неспроста затеяла девушка этот рискованный разговор.

— Давайте половину — пять тысяч, и через пять минут я дам вам список!

Предложение прозвучало для Мудрого настолько нереально, что он, отбросив шутливый тон, резко спросил:

— Вы действительно можете добыть список?

— Конечно.

— Мистификация какая-то.

— Ничего подобного. Пять тысяч на стол — и список ваш.

— Леся, если вы укажете источник утечки информации, вы получите более высокую награду — Бронзовый крест...

Мудрый пожевал губами, на его дынеобразном лице резко обозначились морщины.

— Мне кажется, скажу вам откровенно, что частная информации уходит на сторону...

— Это и не удивительно. При такой постановке дела у вас здесь для ловцов секретов рай...

— Вы обещали список...

— А вы — Бронзовый крест.

— Несите...

— Через пять минут. А вы останьтесь пока здесь.

Леся спустилась вниз, в комнату Марты. Хозяйка коттеджа находилась в городе, и Леся, не таясь, рас-

сматривала ее жилье. Простенький столик, кровать с пышными подушками. На стене коврик — аист вышагивает по берегу голубого озера, желто пламенеют лилии. Коврик домашней работы, такие вышивают в селах на Украине. Марта, или как там зовут на самом деле эту девушку, прихватила его с собой, когда уходила на чужую сторону. У окна — бюро. Список может быть там... Леся выдвинула ящик и сразу его увидела — несколько листов бумаги, фамилии отпечатаны на машинке: аккуратно, с инициалами. Против каждой — домашний адрес, номер телефона, крестики и другие пометки Марты.

— Этого вам достаточно? — принесла Леся листочки Мудрому.

Эсбековец побледнел. Казалось, в руки ему сунули змею.

— Пусть наш спор останется тайной, — выдавил наконец из себя Мудрый.

Девушка преподнесла наглядный урок того, к чему может привести ротозейство.

— Пусть, — согласилась Леся, — не забудьте только про Бронзовый крест...

— Я свое слово держу...

Марта исчезла из коттеджа. Леся ее больше не видела, а Шпак на вопрос, что случилось с его приятельницей, хмуро пробормотал что-то про тех, кто служит и вашим, и нашим.

Леся не жалела Марту. В каждой игре свои правила. Она вела игру, в которой сойти с дистанции равносильно было уходу из жизни. Пока выигрывала она, шаг за шагом приближаясь к той цели, которую считала для себя самой главной.

Но, выигрывая, важно было и не переиграть.

Мудрый спустя день сам вручил девушке Бронзовый крест — награда УПА досталась ей не так уж и сложно. Но когда вручал Мудрый крест, заметила Леся в глазах у своего наставника тихую ярость. Поняла — не простит ей, что поймала на примитивной ошибке. Бойтись Мудрый, как бы не похвалилась перед кем-нибудь Леся своей победой над асом службы безпеки. Крышка тогда Мудрому, загрызут «приятели».

Что бы сделала она, Леся, на месте эсбековца? Конечно, постаралась бы избавиться от слишком сообразительной курьерши. Убрать? Нет, на такое она не по-

дет: нелегко будет объяснить «заинтересованным лицам», куда девалась девушка с той стороны. Значит, проще всего отправить ее обратно, туда, откуда пришла. Уйдет в неизвестность и никогда не возвратится из нее...

ГЛАВА XXXIX

— Приготовиться! — услышала Леся команду, и тогда глухо заревела сирена. И смолкла — только рев двигателей самолета резал тишину. Она встала с железной скамеечки и сделала два шага к проему. Выпускающий уже открыл дверь и закрепил ее цепочкой. В проеме голубело небо; оно было холодным и бескрайним, и за его голубиной ничего не угадывалось.

Самолет шел на заданную точку, выписывал гигантский полукруг, Леся чувствовала это по чуть заметно крену на левое крыло. Она была в пятнистом комбинезоне, в шлеме, тесемки которого стянула под подбородком. Обута в тяжелые ботинки на толстой подошве. Парашют плотно лежал на спине, гнул к металлическому, решетчатому — чтобы не скользили подошвы — полу самолета.

В проем двери врывался воздушный поток, он был упругим и сильным. Лесе пришлось чуть наклониться вперед, чтобы держаться на ногах. Ее неудержимо влекло к скамейке, и она, даже не думая об этом, яростно сражалась с желанием уступить, шлепнуться на скамейку и приклеиться к ней.

Еще у нее был рюкзак, автомат в чехле. На поясе, стянувшем талию, висел нож. Нож ей посоветовали привязать на веревочке, во время прыжка его можно потерять.

В проеме двери неслись облака. Странно было видеть их рядом — рукой подать. Они были совсем не такие, как с земли: не казались ватными, весомыми. Здесь облака были у себя дома — легкие, причудливые комочки, мчащиеся по небу, как перекасти-поле в степи.

Облака показались Лесе холодными — захотелось поймать какое-нибудь и потрогать.

Выпускающий жестами показывал, что скоро. Очевидно, сигнал «приготовиться» дали чуть раньше нужного времени. Выпускающий тоже был в комбинезоне, но без шлема, на поясе у него болталась кобура с пи-

столетом, а его парашют лежал на скамейке — под рукой. Выпускающий был немец, он не разговаривал с Лесей ни до полета, ни тогда, когда самолет оторвался от маленького аэродрома и ушел в небо.

Леся стала почти у двери. Внизу странно и плоско лежала земля. Все на ней казалось маленьким, нереальным: дома, машины-букашки, игрушечный паровоз тянул вагоны-коробочки и деловито пытел дымом.

Небо было вокруг, и это казалось непривычным, пришедшим из снов.

Выпускающий опять жестом показал Лесе: нельзя, вернись на место. Она послушно отступила: инструкция требовала: для прыжка сделать шаг — на порожек двери, резко оттолкнуться и уже за бортом самолета «упасть на воздух».

Леся тронула кольцо на груди, оно было на месте. Высотомер показывал высоту 1200 метров. Рядом с ним были укреплены сигнальные лампочки. Красные — для нее... «Хотя бы скорей», — подумала Леся. Ожидание было томительным. И вдруг, будто в ответ на ее мысли, взвизгнула коротко сирена и замигала красная лампочка.

— Vorwärts! — гаркнул выпускающий.

Шаг вперед, второй — на порожек, резкий толчок... Воздушный поток за бортом оказался жестким и тугим, он больно хлестнул по лицу, крутнул Лесю в воздухе. Она показалась сама себе очень маленькой и беспомощной, свалившейся в пропасть. Потребовалось огромное усилие, чтобы выполнить то, что требовала инструкция: считать:

Раз... Два... Три...

Досчитав до десяти, Леся резко рванула кольцо вправо. Падение ее внезапно приостановилось, будто кто-то очень сильный схватил за шиворот. Потом что-то хлопнуло — над головой раскрылся огромный купол.

Было необычно тихо. И небо казалось теперь ласковым, воздух — теплым.

Леся поправила лямки, поудобнее устроилась в подвесной системе. Надо было готовиться к приземлению, и она расчехлила автомат, повесила его на грудь. Почти машинально потрогала замок подвесной системы — на то, чтобы освободиться от парашюта, отводились секунды.

Спуск вдруг убыстрился, земля надвигалась откуда-

то сбоку, по косой линии. Лесе захотелось поймать ее ногами, но она удержалась, плотно сжала ступни и чуть подогнула колени.

Удар о землю получился несильный. Леся мягко свалилась на бок и, еще падая, нажала на замок. Ветерок потащил парашют в сторону, а она сорвала автомат с груди, щелкнула предохранителем.

Было тихо. Приземлилась Леся в каком-то кустарнике. Купол парашюта зацепился за куст и прикрыл его белой простыней. Парашют требовалось собрать и спрятать. Она это сделала быстро. Рекомендовалось закопать парашют в землю, но Леся не стала этого делать, свежевскопанная земля выдала бы ее. Она унесла парашют в лес, пошла от дерева к дереву. Наконец нашла то, что искала. В стволе толстого дуба чернело дупло. Она забралась на дуб и затолкала в дупло податливый шелк.

Леся знала, что ее уже ищут. В кустарнике, откуда ушла, раздались голоса: «Где-то здесь», «Чуть дальше», «Наверняка подалась в лес...»

Леся сделала круг и вернулась к точке приземления. Прошли полчаса и час, а тех, кто ее искал, все не было. И голоса утихли, растворились в лесу.

Было очень хорошо лежать на траве, смотреть в небо, где только что побывала.

Она пошла по следам преследовавших ее людей. Примятая трава, пригнутые ветки кустарника выдавали их. Леся шла бесшумно, чуть пригнувшись, бережно отодвигая ветви. На полянке увидела тех, кого искала. Их было двое.

— Не могла она далеко уйти...

— Как сквозь землю провалилась!..

Леся нажала на спусковой крючок — очередь была короткой, из пяти патронов. Стреляла она холостыми.

Те двое шлепнулись на землю.

— Вставайте, — сказала Леся, — я вас убила.

Одним из двоих был Шпак. Он чертыхнулся:

— Целый час тебя ищем.

— И больше бы искали, да мне надоело.

— Молодец, — сказал второй.

Его Леся не знала.

Она показала, где спрятала парашют, и он снова одобрил. В шутку сказал:

— Переходи на службу к нам,

— А к кому? — тоже в шутку поинтересовалась Леся.

Она могла лишь догадываться, что о тренировочных прыжках Мудрый договорился с какой-то из «родственных» служб. У СБ таких возможностей не было. Выручали «союзники».

— согласишься — скажу...

Шпак слушал все это неодобрительно. И даже уточнил:

— Коллега шутит.

— Конечно, — согласился его спутник и подмигнул Лесе. Симпатичная парашютистка ему явно нравилась.

У дороги их ждали две машины. Незнакомый «коллега», махнув на прощанье рукой, резко рванул «джип» с места. Шпак вел свой юркий автомобильчик неторопливо, время в запасе было.

— Ну как прыжок? — спросил он.

— Здорово, — искренне восхитилась Леся. — Такое чувство, будто можно с небом поздороваться и землю обнять. А ты прыгал?

Шпак промолчал.

После прыжка ей разрешили отдохнуть, и она долго гуляла по парку у коттеджа. Шелестела палая листва, аллеи были притихшие и пустые. На минуту Лесе показалось, что она идет городским парком родного города. Правда, там аллеи не такие ровные, а деревья — такие же.

Но это только показалось всего лишь на минуту — от коттеджа шел Мудрый, а уж он-то не мог гулять в парке родного города Леси...

ГЛАВА XL

— У вас отличная подготовка, — вынужден был признать Мудрый.

— Меня учил Рен.

— Все равно ваши специальные знания заслуживают самой высокой оценки.

— Десяток лет борьбы бесследно не проходят. Мои-ми университетами были леса.

— Немного высокопарно...

— Нет. В лесах мы вроде бы проходили естественный отбор: выживали сильные, слабые погибали.

Мудрый это знал. Хилому, колеблющемуся, неумелому не место в лесу. Погибнет в первой же облаве. А не погибнет от пули, то свои затравят. Трудно лесовику, но в сто раз труднее курьеру. Идет курьер всякий раз новыми тропами, стерегут его опасности, предугадать каждую невозможно. Еще вчера, к примеру, работала «тропа» бесперебойно, а сегодня на ней — засада... Курьер должен уметь все: идти в лесу по звездам, спать на голой земле, часами лежать не дыша, стрелять навскидку, с точностью до миллиметра всаживая пулю в цель; курьер должен проходить там, где никто не пройдет. И еще он не имеет права верить кому бы то ни было: отцу, родному брату, давнему другу, спутнику, с которым вышел на «тропу».

Курьер — это волк-одиночка, на которого всегда идет охота.

Мудрый готовил Чайку в обратную дорогу. Для начала устроил что-то вроде экзамена. Пригласил ее в подвал коттеджа — он был оборудован под тир — пятьдесят метров бетонного коридора, лампочки в сетках, у дальней стены — мишени. Мишени подсвечивались неярким светом, в подвале было почти темно.

— Какое оружие любишь?

— Стреляла из всякого.

— «Вальтер»?

— В лесах я ходила с «парабеллумом». Он хоть и неудобный для кармана, зато в руке хорошо лежит.

— Верно. Держи «парабель».

Мудрый достал из несгораемого ящика пистолет, подал не глядя Лесе. Девушка почти лениво протянула руку, и «парабеллум» лег рубчатой рукояткой в ладонь.

— Можно?

— Давай.

Обойму она расстреляла почти мгновенно. Стреляла Леся с тем азартом, по которому сразу можно отметить опытного стрелка.

— В белый свет как в копеечку, — пробормотал Мудрый.

Но когда подошли к мишени, он тихо присвистнул — пули вышибли ее центр.

— А из автомата?

— Рен хвалил, когда стреляла.

— Попробуешь?

— С радостью, соскучилась по оружию.

Она взяла немецкий «шмайссер» и с явным удовольствием потянула затвор. С оружием в руках она сразу преобразилась — в маленькой ее фигурке проступила решительность, и походка у нее стала иной — осторожной, мягкой, бесшумной.

Мудрый оставил свет только у мишеней.

— Хорошо в темноте, — удовлетворенно сказала Леся.

Мудрый наблюдал за каждым ее движением, он достаточно хорошо знал требования боевых уставов Советской Армии, диктовавших четкие и ясные приемы обращения с оружием. Он смотрел, как Леся взяла автомат и как приготовилась к стрельбе. Если человека когда-то обучали стрельбе по определенной системе, то он будет придерживаться ее всю жизнь, потому что старшины и сержанты добиваются полного автоматизма в движениях.

Леся обращалась с автоматом так, как лесовики, не служившие в регулярных частях. Идя к огневому рубежу, она перебросила ремень через плечо, автомат зажала под рукой.

— Короткий ремень, — деловито пожаловалась Мудрому.

Да, автомат должен лежать почти у бедра, так удобно быстро изготавиться к стрельбе, на ходу, не срывая оружия с плеча, — в коротких внезапных стычках несколько секунд стоят жизни.

— Хороша, чертовка, — вынужден был признать Мудрый, — наших, лесных кровей.

Он ни на минуту не прекращал проверку Леси — последовательно, методично, шаг за шагом. Говорят, американцы изобрели «детектор лжи». Нет, ему такая техника не нужна, у него есть глаза и уши, и они регистрируют не хуже хитроумной машины любой лживый жест, любой отголосок страха и неуверенности в голосе. Проваливаются обычно на мелочах, на том, что в той, настоящей жизни человека было очень незначительным и обычным.

Наставники из гестапо в свое время учили Мудрого:

— Смотрите на человека долго и с разных точек, и рано или поздно вы увидите в нем то, что он от вас хотел бы скрыть.

Кадровые военные, стреляя из пистолета, левую ру-

ку убирают за спину, делают полуоборот корпусом, правая рука чуть согнута. Так требуют наставления. Чайка, выйдя к рубежу, просто вскинула пистолет и нажала на спусковой крючок, не очень заботясь о стойке для стрельбы. Значит, обучали ее обращению с оружием не по наставлениям.

Автоматная очередь прозвучала резко, отрывисто. За нею вторая. С шумом посыпались гильзы, остро запахло порохом.

Пули впивались в мишень, и даже отсюда Мудрому было видно, что они ложатся точно — мишень, как живой человек, пошатнулась под очередью.

— Молодчина! — перекричал он эхо выстрелов и сам потянулся к автомату. Так же, как Леся, он нажал на спусковой крючок привычно и чуть небрежно.

— Тоже ничего, — одобрила Леся.

Несколько дней они работали с картой. Мудрый определял маршрут, и Леся «шла» по нему километр за километром, преодолевая препятствия, вводимые в условный рейс эсбековцем.

— А как у тебя с рацией? — спросил Мудрый.

— Работаю на немецкой, — сказала Леся, — у Рена в штабе была такая. Но знаю только практическую часть, теории меня никто не обучал.

Иногда Мудрый приводил к ней инструкторов, и те ускоренно натаскивали ее по другим специальным предметам.

— Талантливая девочка, — хвалили инструкторы Лесю.

Один из них, коротышка Гай, преподносил Лесе приемы установления контактов с помощниками и связниками.

— Чтобы сообщить кому-то о своем прибытии, не обязательно встречаться с этим человеком. Достаточно, например, воткнуть в условленном месте обыкновенную канцелярскую кнопку. Кнопка может появиться на афише кинотеатра или на доске объявлений где-нибудь в центре.

— Плохо, — сказала Леся.

— Почему?

— Афиши часто меняются, а где гарантия, что нужный человек увидит сигнал в тот же день? Лучше уж в таких случаях пользоваться более стабильным «экра-

ном», стеной какого-нибудь дома или приметным деревом.

— Отлично, — восхитился Гай. В годы войны он служил в гестапо, может быть, поэтому считался в окружении Мудрого мастером своего дела.

После нескольких встреч с Лесей Гай сказал Мудрому:

— Друже референт, эта девушка подает большие надежды.

— Она опытный курьер, — согласился Мудрый.

— Нет, Чайка — талантливый агент, у нее природный дар. Ее талант не отшлифован, но попади она мне в руки несколько лет назад, когда наши возможности еще не были так скудны, из нее могла бы получиться «звезда» первой величины.

— Однако Чайке многого не хватает. — Мудрый стремился быть предельно объективным. — Характер у нее неуравновешенный, к жесткой дисциплине, к ограничениям не привыкла.

— Леса...

— И они. Но не только они. Все предыдущие годы она была курьером — смелым, находчивым, но всего лишь курьером. Разведкой Чайка не занималась, у нее нет в этом опыта.

— Дело наживное...

— И сейчас нужны именно курьеры, которые умели бы пробраться к нам и возвратиться обратно на «земли».

— Понимаю, понимаю...

Коротышка Гай моргал белесыми ресницами, вяло тянул слова. Его манера вести разговор — ленивое безразличие — могла ввести в заблуждение кого угодно, но только не Мудрого. Гаю явно приглянулась курьер-девица, и он прощупывал возможности ее вербовки для той разведки, на которую работал. Мудрый предполагал, что Гай сотрудничает с людьми Гелена.

— Пανε Гай, я вам не советую... — сказал он.

— О чем вы?

— Не советую переманивать людей, нужных ОУН, вам же дороже обойдется.

— Угрожаете? — Когда Гай улыбался, он походил на карпа, хватающего разинутым ртом воздух.

— Предупреждаю. Ну зарабатываете вы сотни марок, а доверие у нас окончательно потеряете.

— Почему «окончательно»? Разве у вас есть основания в чем-то упрекнуть меня?

— Конечно, иначе я не стал бы разговаривать на эту тему.

— Я запомню ваше дружеское предупреждение.

— От и добре. Возвратимся к Чайке. Вы — человек опытный, как думаете, можно ее отправлять обратно?

— А у вас есть сомнения?

— У меня нет.

— Чайка — прекрасно подготовленный курьер.

— Признаться, это меня и смущает.

— Почему?

— Не готовил ли ее еще кто-нибудь, помимо нас?

— Ах вот оно что? Скажу вам, друже Мудрый, что «почерк» Чайки в области специальной подготовки совпадает с нашим, а не с чекистским.

— Да, я тоже внимательно к ней присматривался все это время.

— А такие вещи не вырабатываются по приказу. Они формируются долгое время, шаг за шагом, почти незаметно для агента. И еще обратили вы внимание на ее речь? Она говорит как человек, не привыкший к дисциплине. Словом, есть тысячи деталей, которые мне говорят: она училась не в школах НКВД, а в сотнях УПА.

— Прекрасно, — думая о чем-то своем, откликнулся Мудрый.

Он так же дотошно беседовал и с другими инструкторами, «работавшими» с Чайкой. Спрашивал, проверял, перепроверял. Требовал подтверждений тому, что Чайка готова к рейсу. В сотый раз перечитывал записи «бесед» с нею.

Он должен был отдать приказ о возвращении Чайки на «земли» и не решался это сделать. Торопили сроки — операцию надо было завершать. Время идет, его не остановить, не притормозить. Лютую злобу вызвали сообщения из Советского Союза: страна настойчиво ликвидировала военные разрушения, уверенно перестраивала экономику на мирный лад.

Референт СБ считал, что операция, задуманная его службой, бросит тень на Советскую Украину. Хоть небольшую, но тень.

Мудрый колебался, придумывал все новые и новые проверки для Чайки. Надо было принимать какое-то

решение, а референт все откладывал его со дня на день. Завтра... Наступало «завтра», и Мудрый вдруг пришел к мысли, что надо еще посоветоваться с Круком, с Боркуном. Завтра...

Референт с тоской думал, что вот он и постарел, сдал, нет в нем былой решительности, стал бояться риска.

Неожиданно сама Леся помогла прийти к определенному решению.

— Вы очень устали, друже Мудрый, — как-то заметила она. Слова прозвучали с сочувствием: девушка ясно давала понять, что видит большой объем работы, которую выполняет референт СБ.

— В последнее время приходится нелегко, — чуть откровеннее, чем полагалось бы, ответил Мудрый.

— Не скрою, — сказала Леся, — там, на Украине, думают, что за кордоном собрались предатели и трусы.

— Осторожнее в словах! — помрачнел Мудрый.

— А чего? — наивничала Леся. — Многие считают, что за кордон сбежали те, кто боится борьбы, дрожит за свою шкуру. Представьте себе сотника, которого гоняют облавами по лесам, как волка. Он по-человечески жить давно перестал, одичал, озверел. Давно бы сдался — самолеты над лесами разбрасывают листовки об амнистии. Повторяю, он сдался бы, но боится — слишком много крови пролил, все прошлое у него обожжено пожарами. И знает ведь, имейте это в виду, что прихлопнут его не сегодня, так завтра. А где-то там, за кордоном, в безопасности, в сытости, находятся люди, которые считают, что они борцы и вожди...

— Психология обывателя...

— Может быть, может быть... Я говорю только то, что знаю. Теперь, наверное, нетрудно представить, что думает сотник о вас и таких, как вы?

— Недальновидных, примитивно мыслящих — единицы, — сказал Мудрый.

Мелькнула мысль, что не следовало бы ему вообще ввязываться в этот спор, ни к чему он. Курьер не должен рассуждать, курьер должен безоговорочно исполнять приказы.

— Их действительно единицы, — охотно подтвердила Леся. — Потому что в лесах Украины нет больше

сотен и сотников. Сложили они оружие. Или погибли, как Рен.

— Не слишком ли далеко вы зашли? — спросил Мудрый. Помимо его желания в тоне прозвучала угроза.

— Нет.

— Как же вы будете идти в обратный рейс с такими настроениями?

— Хочу обратиться к вам и к вашему руководству с просьбой, — очевидно, подчеркивая важность того, что собиралась сказать, Леся сделала длинную паузу. — Хочу просить вас, — повторила она, — разрешить мне остаться здесь, за кордоном. Не сомневаюсь, что опыт и преданность идеям борьбы помогут мне стать для закордонного центра полезным человеком.

Мудрый ожидал всего — только не этого. Пока он раздумывал, стоит ли выпускать Чайку, у той созревало намерение остаться здесь, под крылышком у закордонного провода. У Леси семьи нет, по лесам она намыкалась.

— Я не буду в тягость, — рассуждала вслух Леся. — Многие знаю, и эти знания вам пригодятся. На первый случай деньги, спасибо вам, у меня есть.

Мудрый чертыхнулся — послушался, старый дурень, майора Стронга, открыл счет на имя Чайки. Действительно, какое-то время проживет безбедно — сумма небольшая.

Стронг рекомендовал деньгами покрепче привязать девушку к ОУН.

Привязали — к Западу.

— Ты хорошо все обдумала? — осторожно спросил референт СБ. Он понимал, что сейчас важно не озлобить Лесю, не оттолкнуть.

— В последнее время много на эту тему размышляла, — призналась Леся. — Перебирала разные варианты. Этот для меня — лучший.

— А как же Злата? Если ты не вернешься, что с нею станется?

— Я всю жизнь о других заботилась — пора и о себе.

— Злата и ваша боевка, все, кто верит тебе, ждут твоего возвращения, погибнут.

— Пошлите другого курьера, — настаивала Леся. — Безвыходных положений не бывает.

Мудрый, вроде бы соглашаясь, покивал головой: так-то оно так, можно и другого курьера послать... Только надо ли на ходу менять канву операции?

— Новый курьер не знает ваших условий, ему понадобится время, чтобы разыскать Злату, сработаться с нею. Кто знает, не провалит ли твоих товарищей — по неумению?

— Все может быть, — соглашалась Леся. — Только вы и меня поймите: идут год за годом — в тревоге, в постоянной опасности, в ожидании ареста или смерти. Не день, не два живу я так — долгие годы. И время уже гнет меня к земле, вчера глянула в зеркало — морщины. Жизнь уже ушла, а я еще и не жила, — только мыкалась по лесам, бродила рейсами. Все чего-то дожидалась, надеялась. Рен обещал: «Еще немного повоюем, уйдем за кордон». Где сейчас Рен? Ждать, ждать, ждать... Сколько можно?

— Не будем сейчас решать, — сказал Мудрый. — Хочу только сказать следующее. Останешься здесь — ждет тебя унылая, бесцветная, убогая жизнь. Денег, которые у тебя есть, хватит на несколько месяцев. А дальше? В глазах руководства закордонного провода ты будешь выглядеть почти дезертиром: мы, конечно, пошлем на «земли» другого курьера, операция состоится, она не может не состояться, но это потребует от нас колоссального напряжения сил. Ты давала присягу? А раз так, то давно уже не вправе распоряжаться собой. Твоя жизнь тебе не принадлежит — знаешь это. Напоминаю, чтобы ты могла прийти к единственно правильному решению...

ГЛАВА ХLI

— Сегодня прощальный вечер, — напомнил Мудрый. — Соберется несколько человек, чтобы пожелать тебе не очень трудной дороги.

— Не надо, — попросила Леся. — Уж если требуется возвращаться, то лучше, чтобы об этом знало как можно меньше людей.

— Те, кто придет, знают о тебе все, даже то, что ты хотела бы скрыть.

Мудрый, когда Леся сказала, что вернется на Украину, явно обрадовался, но постарался радость скрыть.

Только суховато кивнул: другого решения, мол, и не ожидал. Он резко ускорил подготовку к рейсу. Вновь встретился со Стронгом, доложил, что курьер может отправиться в обратный путь. Майор резко выговорил Мудрому за затягивание операции.

— Хотелось лучше прощупать Чайку, господин майор. Чтобы не случилось осечки.

— Но сейчас-то вы убеждены, что она не «подкидьш»?

— Мы уверены, что это преданный нашим идеям человек.

— Тогда не тяните. В любом деле потеря времени — это утрата инициативы, лишние расходы, черт возьми!

— Так точно!

С некоторых пор Мудрый предпочитал абсолютно во всем соглашаться с майором Стронгом.

Уже был выработан маршрут рейса, подготовлены документы, экипировка. Мудрый придирчиво, в сто первый раз, инструктировал Леся, снова и снова отработывая каждый предстоящий шаг. Он был суровым экзаменатором, Мудрый, но на все его вопросы Леся отвечала четко, ясно. Чувствовалось, что она хорошо подготовлена и сумеет действовать в самых сложных ситуациях. Леся, со своей стороны, относилась к наставлениям Мудрого подчеркнуто серьезно. Это Мудрому нравилось — значит, понимает, что предстоит.

Идея организовать прощальный вечер принадлежала Круку. Он любил в нужные моменты подчеркнуть, что лично вникает во все детали работы подчиненных ему служб, и свою значимость — одного из руководителей провода. Крук хотел быть популярным.

Мудрый, наоборот, не терпел парадных мероприятий. По его мнению, агенты должны были уходить на ту сторону в полной тишине, так, чтобы об этом никто и не догадывался. Но переубедить Крука не удалось.

— Пора отказываться от устаревших методов работы, — небрежно, свысока сказал Крук. — К вашему сведению, нам сейчас реклама просто необходима. Пусть знают, кому положено, что мы не сидим сложа руки, действуем.

Какой-то смысл в этом был, и Мудрый скрепя сердце согласился.

— И вот еще что: подготовьте Чайке парадный

мундир сотника, — приказал Крук. — Ей это будет приятно.

— У нас нет женского офицерского мундира, — засомневался Мудрый. — Мужской — пожалуйста...

— Так пошейте. — Крука удивляла неповоротливость всегда исполнительного референта.

— Будет сделано.

И хотя Мудрому показалось все это выдумкой, но приказ требовалось выполнить. Он прислал к Лесе портного снять мерку.

— Зачем? — удивилась девушка. — Под венец не собираюсь, на бал никто не приглашал.

— Так надо. — Мудрый играл в таинственность.

— А, понимаю, — насмешливо протянула Леся, — чтоб было легче гроб заказать? Так?

Мудрый только головой качал: до чего ж острый язычок у дивчины, ты ей слово — она тебе десять.

Наконец наступил день прощания. В назначенное время Леся спустилась со своего «чердака», как она шутила, в холл. Ее ожидал Шпак, выглядевший весьма торжественно в полученном при распределении заокеанских подарков почти новом двубортном костюме, в накрахмаленной до синевы сорочке. Пестрый галстук, завязанный микроскопическим узлом, был не в тон костюму, но это уже мелочи.

— Вы выглядите как новенький доллар, — сказала Леся.

Шпак хотел было поблагодарить, но передумал: слова Леси можно было принять за комплимент, но в тоне чуть заметно слышалась ирония.

— Не опоздаем?

— Нет, успеем.

Они долго петляли по городу — узкие улочки были набиты автомашинами, велосипедистами, пешеходами. Бледно врезалась в небо неоновая реклама. Жались к стенам домов какие-то люди-тени.

Может быть, потому, что жить в этом городе осталось недолго, Леся с особой остротой всматривалась в мир, который ей предстояло покинуть. Он кинематографичной лентой надвигался на маленький, юркий автомобиль Шпака. Лента была пестрой, яркой, составленной из тысяч красок вечернего города. Город, в ко-

тором вряд ли суждено ей побывать когда-нибудь вторично.

Они ехали очень долго. Леся заметила, что некоторые улицы пересекли дважды.

— Кончайте эту волынку, — раздраженно попросила Леся Шпака, — что вы крутитесь по этим вонючим закоулкам, как вошь на овчине?

— Фу, как грубо! — удивился Шпак.

— А с вами иначе нельзя, — раздражаясь, Леся не особенно старалась подбирать выражения.

— Не сердитесь, Леся. Я человек маленький. Мудрый велел ехать этим маршрутом — вот и кручу баранку.

— Куда хоть мы едем?

— Я знаю только адрес. А что там такое — не моего ума дело.

— Бараны, — сквозь зубы процедила Леся.

— Что вы сказали?

— Говорю: если послать вас к чертовой матери, но так, чтоб это звучало как приказ, так вы, пожалуй, и пойдете...

Шпак рассмеялся.

— Ага. Наше дело — приказы выполнять.

Леся чувствовала себя беспокойно, ей не нравилась эта путаная езда, единственная цель которой — оторваться от наблюдения, если оно было, и замести следы. Леси не опасались — от нее не «прятали» путь, которым они добирались до указанного адреса. Это могло означать либо что ее окончательно признали своей, не остерегались, либо то, что у нее не будет возможности кому бы то ни было рассказать об этой поездке.

Машина нырнула в длинный тоннель — мелькнули тусклым пунктиром лампочки под сводом.

— Мы от кого-то прячемся?

— С чего вы взяли? — смех Шпака был искусственным.

— Я не гимназистка. Отрываться от наблюдения училась много лет назад.

— В последнее время вы стали очень подозрительной.

— А я всю жизнь такая — никому не верю.

Шпак разговаривал неохотно, с паузами, делая вид, что ему сложно и машину вести, и говорить. И в конце концов Леся оставила попытки что-либо у него выве-

дать — не станет Шпак рисковать головой и карьерой. Для таких, как он, приказ выше всяких там сантиментов.

Машина вырвалась на пустынные улицы. Исчезла реклама, редкие фонари и не пытались бороться с темнотой, упавшей на окраину города.

Осталась позади и городская окраина. Шпак гнал теперь машину по автостраде с огромной скоростью, напряженно сжав руль. Минут через двадцать стремительной езды они догнали автомашину, трижды просигналившую им фарами. Шпак пристроился к ней в хвост — ехали теперь медленно, так как свернули на проселочную дорогу.

Встали темной стеной деревья — начинался лес. Шпак каменно сидел за рулем, повторяя все маневры впереди идущей машины. Стучали по ветровому стеклу ветки низко склонившихся деревьев — дорогой пользовались мало. Машину мягко покачивало на ухабах, Леся прижимало к Шпаку, а ей хотелось отодвинуться от него, забиться в угол, стать маленькой и незаметной.

Наконец они остановились на маленькой полянке — ее вырвал из темноты свет автомобильных фар.

— Выходите, — сказал Шпак. В голосе его звучало то безразличие, которое явно свидетельствовало о тщательно скрываемом волнении.

Леся вышла, зябко кутаясь в плащ. В лесу было сыро, тоскливо шуршал палый лист. Высоко в бездонной темноте неба покачивались голые ветви и, сталкиваясь, скрипуче жаловались на непогоду.

«Значит, это произойдет здесь», — подумалось Лесе, и она сделала шаг туда, где уже ее ждали пассажиры передней машины. Их было трое, они стояли посреди поляны, пряча сигареты в кулаках.

— Погасить фары! — резко приказал один из них, и поляна, как тонущий корабль, погрузилась во мрак.

— Вы догадываетесь, Чайка, зачем вас сюда привезли? — спросил тот, кто приказал вырубить свет.

— Значит, так было надо, — спокойно ответила Леся.

— Вы разоблачены, товарищ Чайка, — слово «товарищ» прозвучало издевательски. — Мы привезли вас сюда, чтобы привести в исполнение приговор провода.

— Не понимаю, — искренне сказала Леся.

— По законам нашей борьбы предательство карается смертью, — высокопарно не произнес — продекламировал тот, кто был здесь старшим.

Судя по всему, это Боркун, догадалась Леся. Злата говорила: «Ты его узнаешь по голосу. Гундосит, как сельский дьячок».

— Я это знаю, — ответила она.

А если прыгнуть в темноту, за деревья, попытаться увильнуть от пуль? Она в темном плаще, сольется с лесом — пусть ищут...

— Нами установлено, что вы являетесь агентом НКВД. В результате вашего предательства погибла верная дочь народа нашего Злата Гуляйвитер и ее соратники...

Голос Боркуна глушил шум леса, но Леся отчетливо слышала каждое слово.

— Каким образом провалилась Злата? Кто ее предал? — спросила Леся.

— Вы! — драматично повысил голос Боркун. — Ее смерть на вашей совести.

— Скотина! — крикнула Леся. — Ублюдок, крыса, бежавшая с Украины! — Она уже не сдерживалась, гнев пересилил здравый смысл. — Кто ты такой, чтобы выдрючиваться в этом вонючем лесу передо мной? Кто? Назови свое имя, чтобы я могла в аду тебя найти и попросить чертей под твой котел побольше дров положить!

Шпак, стоявший на два шага сзади Леси, тихо хихикнул. Она услышала этот смешок, он показался ей странным и непонятным.

Леся сыпала отборной руганью, она не сдерживала себя, и слова катились по ночному лесу глухо, исчезая в его чаще не сразу, а лишь коснувшись каждого, кто стоял на поляне.

— Эх, был бы у меня автомат! — с горечью сказала Леся.

— Ну и что? — спросил Боркун.

— Положила б я вас рядочком и закапывать не стала б! Потому что среди законов, на которые вы ссылаетесь, есть и такой: оскорбление смывается кровью!

— Переходите к делу! — посоветовал Боркуну один из его спутников.

Боркун достал из кармана сложенный вчетверо листок, развернул. Ему подсветили фонариком, и Боркун,

повышая голос до истеричного крика, зачитал приказ провода о том, что курьер Леся Чайка за измену ОУН приговаривается к смертной казни. В приказе были слова о величии национальных идей, происках чекистов, особой ответственности, возложенной историей на тех, кто снова поднимает знамя УПА. Приговор надлежало привести в исполнение немедленно, после оглашения приказа.

Леся увидела в руках спутников Боркуна пистолеты. Ей стало очень тоскливо: вот и закончился курьерский рейс, и никто никогда не узнает, как прошли последние минуты ее жизни. Лес приглушит выстрелы, упадет она на чужую землю, не попрощавшись с Родиной.

«Слава героям!» — закончил чтение Боркун.

И наступила тишина. Трое стояли против Леси, ожидая, что она скажет.

— Украине я не изменяла, — проговорила Чайка и отвернулась, чтобы не видеть тех, кто готовился ее убить.

Ей стало холодно, и она плотнее запахнула плащ, поправила косынку на голове. И подумала, что после выстрелов холод ей уже, наверное, не будет страшен и кончится промозглая сырость этого враждебного, хмурого леса.

Пошел мелкий дождь, и Леся отметила, что время для расправы выбрано очень хорошо — дождь смоем все следы. Впрочем, ее и искать никто не будет: она пришла в страну нелегально, она вообще не существует для властей этой страны. В лучшем случае через какое-то время здешние газеты сообщат, что в лесу найден труп неизвестной, убитой выстрелами в упор.

Леся почувствовала, как на нее наваливается огромная усталость, — хотелось опуститься на землю и не шевелиться.

— Скоты, — громко сказала она, — попались бы мне в ровенских лесах...

Лучше было не молчать, потому что усталость вдруг стала сменяться отчаянием — очень не хотелось умирать.

Скорее бы все кончилось!..

— Ваше последнее слово? — спросил Боркун торжественно.

— Слава Украине! — крикнула Леся.

— И это все?
— Для меня это больше, чем все!
— Значит, вы признаете обвинения в измене?
— Не морочьте мне голову, — махнула рукой Леся. — Ничего я не признаю. Получили приказ убить меня — так убивайте.

Безразличие, с которым она сказала это, удивило Боркуна и его спутников. Девушка не упала на колени, не молила о пощаде, не кричала, чтобы ее выслушали...

— У вас есть шанс, — сказал Боркун. — Мы оставим вам жизнь, если вы расскажете все, что знаете: связи, явки, назовете своих помощников.

— Я все это уже рассказала Мудрому, — не поняла Леся Боркуна.

— Не считайте нас идиотами! — заорал Боркун. — Вы — агент НКВД, это доказано.

— А-а, идите вы к дьяволу! — Голос Леси в шуме дождя был почти не слышен.

Трое подошли к Лесе ближе, почти вплотную.

— Вы должны застрелиться, — сказал Боркун. — Мы сейчас дадим вам пистолет с одним патроном. Нажмите на спусковой крючок.

— Обычное самоубийство? — догадалась Леся. — И никто не ищет, не ведет следствие? Неизвестная покончила с собой?

— Да, — подтвердил Боркун. И посчитал возможным объяснить: — Нам не нужны неприятности.

Спутник Боркуна тщательно протер свой пистолет носовым платком, уничтожая отпечатки пальцев. Он и протянул его Лесе в платке — холодно отсвечивала сталь.

Леся взяла пистолет, вскинула руку. Боркун чуть отшатнулся, и Леся подумала, что он тоже боится смерти, боится, как бы она не всадила эту единственную пулю ему в грудь.

Умирать всем страшно...

А если представить, что это просто путешествие в неизвестность? Что-то там, по ту сторону границы между жизнью и смертью, должно ведь быть?

Лес и дождь — это не так уж и плохо. Пусть идет все время дождь...

Леся распахнула плащ, приставила ствол к груди. Конечно, лучше сразу умереть...

Сухо щелкнул боек. Леся шагнула вперед; она приказала так себе — упасть лицом вниз, чтобы познакомиться с землей.

Спутники Боркуна подскочили к ней, вырвали пистолет, повели к машине. Она еще не понимала, что ничего не произошло, только казалось странным, что все идет дождь и капли падают на глаза, на губы.

Ее усадили в машину Шпака, Боркун плюхнулся на заднее сиденье.

Машины, круто скрипнув тормозами, врезались в темень леса. Ярко вспыхнули фары, и лес стал почти нарядным в косых струях дождя, закрывший ветвями землю от холодного неба. И сосны вокруг показались Лесе такими же, как на Ровенщине, дождь украсил их низкими жемчуга. Ветер стих, и стояли они неподвижно.

Леся нажала на кнопку ящичка — упала крышка. Она достала плоскую фляжку — заметила по прежним поездкам, что держит Шпак всегда при себе шнапс.

Аккуратно отвинтила колпачок, сделала два-три глотка.

— Ну и ну... — покачал головой Шпак.

Леся прижалась к стеклу машины. Глаза у нее были сухими и колючими. Машина вырвалась на шоссе и, будто пришпоренная, рванулась по умытому дождем асфальту.

Безразлично смотрела Леся, как мелькают в глубине ночи редкие огоньки, — здесь рано ложились спать. Пестрыми яркими островками плыли в темноте бензokolонки, придорожные ресторанчики. Дождь реденько протянул нити, серебрившиеся в свете фар, от неба к земле.

— Гей, Боркун, — сказала чуть хриловато Леся, — ты на «земли» не собираешься?

— То тайна, — солидно прогундосил Боркун. — А что?

— Прикидываю, как я смогу с тобой рассчитаться. Здесь уже не удастся...

Шпак покачал головой, а Боркун нарочно весело рассмеялся, пробормотал:

— Ну, дивчина...

— Друже сотник, — резко сказала Леся.

— Что? — не понял Боркун.

— Для тебя я — сотник!

— Хе, — засмеялся Боркун, — у меня чин по-
важнее...

— А ты мне не представлялся.

— Случая не было.

— Потому ты для меня — никто, — упрямо ска-
зала Лесе. И непримиримо, как любому врагу, бро-
сила: — За мной долг. Не волнуйся: расплачусь.

— Ладно, — будто и не замечая угрозы в тоне Леси,
ответил Боркун, — скоро остынешь. На сердитых воду
возят.

Машины, только чуть сбавив скорость, выкатили на
знакомую Лесе улицу — здесь, в коттедже, она жила
много дней. Охранник нажал на кнопку, плавно распах-
нулись ворота.

Боркун глянул на часы.

— Десять минут на то, чтобы привести себя в по-
рядок, — бросил Лесе. — Скоро придет Крук.

— А все-таки ты мне на Украине лучше не попа-
дайся, — непримиримо сказала Лесе. — Мои хлопцы
инсценировками не занимаются — они просто стре-
ляют.

— Не злись, друже сотник, — предупреждение Леси
пошло впрок. — У каждого из нас своя служба...

В комнате Лесе бросились в глаза две вещи. На
видном месте на столе лежало извещение о том, что на
ее имя в банк перечислена крупная сумма. А на спинке
стула повисла отлично сшитая форма сотника УПА.
На кителе отливали золотым и серебряным светом зна-
ки отличия. Были даже пилотка с трезубом и широ-
кий офицерский ремень, отвисший под тяжестью пи-
стоleta.

Лесе быстро переделась — форма оказалась ей
впору.

Подошла к зеркалу, терпеливо пристроила на при-
ческу пилотку — чуть наискось, на три пальца от ле-
вой брови. Трезуб был приколот по центру, это не устрои-
ло девушку, так носили звездочки в Советской Армии.
Она пришила эмблему на левую сторону пилотки —
как Рен. Правда, Рен носил не пилотку, а смушковую
мазепинку, но, очевидно, те, кто готовил форму для
Леси, несколько ее «модернизировали» на чужеземный
лад — цвет хаки, накладные карманы френча, брюки,
наконец, офицерская пилотка, сшитая по иностранному
образцу.

Извлекла из кобуры пистолет, это был любимый
ею «вальтер», из обоймы выглядывала головка патрона.

Форма изменила ее: выражение лица стало строгим
и отрешенным, взгляд не улыбочивый.

— Вам пора, — появился в дверях Шпак.

— Иду, — сказала Лесе и еще раз глянула в зер-
кало, провела пальцами под ремнем, проверяя, нет ли
где складок. Она шла по лестнице, тяжело опуская на
деревянные ступени ботинки с толстым рантом, и ей,
как показалось Шпаку, нравилось, что ботинки — на
подковках, а ступени жалобно поскрипывают. «Борку-
ну лучше и в самом деле на Украине не появляться, —
подумал Шпак. — Ишь грохочет... эсэсовка».

А Лесе казалось, что ступенек у лестницы не шест-
надцать, как однажды посчитала, а очень много и
ведут они к новому этапу операции.

В нарядно освещенной комнате ждали ее пять-
шесть человек.

— Слава героям! — вскинула руку Лесе.

— Героям слава! — ответил за всех Крук.

Здесь собрались люди, направлявшие тайную войну
в украинских лесах. Люди, прошедшие длинную изви-
листую тропу из подпольных боевок, рейдов в темноте,
жестоких ударов по мирным селам, хитроумных дивер-
сий. Каждый из них считался мастером своего дела
и сам себя, не колеблясь, причислял к сонму борцов
и «лыцарей».

Крук... Боркун... Мудрый... Шпак... Варава... Ма-
кивчук... Две девицы из наиболее приближенных наде-
ли кокетливо расшитые в украинском стиле передники
и обслуживали «высокое собрание». Лесе уловила в их
взглядах плохо скрытую зависть — они завидовали ей,
сотнику, отмеченному наградами и вниманием «верши-
телей судеб» националистической эмиграции.

— Как вы себя чувствуете? — спросил доброжела-
тельно Крук.

— Дуже добре, дякую! — Лесе ответила лаконично
и бодро, как и подобает боевому сотнику, прошедшему
сквозь леса и бои.

Без подобострастия, но и с должным уважением по-
жала она руки пришедшим напутствовать ее перед рей-
сом. А что они ей? Сотник, прибывший с «земель», дол-
жен предстать перед ними таким, какими изображает
подобных сотников «Зоря»: мужественным, резким, су-

ровым — что-то вроде атамана славной Запорожской Сечи, вольного, козацкого братства.

— Удалось ли хорошо подготовиться к трудной миссии? — спрашивал Крук.

— Готова послушно выконуваты ваши наказы, — четко доложила Леся. Она сразу угадала в Круке старшего и, как велел устав, обращаясь к нему, тянулась по стойке «смирно».

Крук мимоходом подумал, что у этой девицы красивые глаза, а голос солдафона: привыкла, наверное, ругаться и самогонку пить. И тут же перестроил свои мысли на другой лад, более приличествующий событию: на таких, как Леся Чайка, держится ОУН, они огнем и мечом проложат ему, Круку, дорогу на Украину.

— Да вы не стесняйтесь, почувствуйте себя среди равных, — снисходительно предложил он Лесе.

И курьер послушно сбросила напряжение и даже чуть улыбнулась, как бы благодаря за доброе слово.

Крук щелкнул пальцами. Одна из девиц торопливо приблизилась к нему с подносом.

— Давайте поднимем первый тост, — торжественно провозгласил Крук, — за нашу героиню, судьбе которой можно только позавидовать! Она прошла огонь и тяжелые бои, она видела мужество и предательство, она осталась и в аду чистой, нежной и прекрасной! За самого очаровательного сотника в нашей армии — за Лесю Чайку!

Леся чисто по-женски отметила, как умильно заглядывает в глаза Круку девица с подносом, и какое у нее холеное лицо, а манеры горничной второразрядного ресторана. Девица «нарисовала» себя под юную украинку и теперь нетерпеливо пыталась обратить внимание «почти вождя».

Были и другие тосты — в них чередовались слова «слава», «Украина», «героиня», «борьба», переставляемые в фразах и так и эдак.

— Слава нашей юной героине, ведущей мужественную борьбу на самой линии фронта! Слава всем, кто не сложил оружия! — проголосил Макивчук, высоко поднимая рюмку. И неожиданно закончил: — За ваше здоровье, друже Крук!

История с провалом связной научила Макивчука кланяться еще ниже, до земли...

Леся удостоилась беседы почти с каждым из званных гостей.

Они по очереди подходили к ней, чокались рюмками, спрашивали о здоровье, желали успехов. О делах специальных не говорили — так, видно, условились, да и не место для этого. Разговаривали вполголоса, очень чинно и степенно, явно копируя какие-то «большие приемы».

Леся пила с каждым вроде бы до дна, чтобы не обидеть кого ненароком, не породить подозрительности. Ей не хотелось много пить, нелегко это, и пришлось прилагать немало усилий, чтобы рюмка в нужный момент оказывалась опорожненной. Ей нельзя было пить, потому что так и не удалось сбросить огромное нервное напряжение, пережитое несколько часов назад. Рядом стоял Мудрый и «доброжелательно» сверлил ее глазами. Мудрый был здесь, пожалуй, единственным «на работе» — он демонстрировал руководству своего курьера и очень хотел, чтобы смотрины прошли благополучно. Но он же первый и поднял бы тревогу, если бы заметил что-то подозрительное. Леся обязана быть такой, какой он ее знал.

— Подойди к Круку, — тихо, почти шепотом посоветовал Лесе Мудрый.

— Я уже с ним говорила, — так же шепотом ответила Леся.

— Ничего, кашу маслом не испортишь.

Крук все больше входил в силу, и Мудрый хотел, чтобы один из «вождей» по достоинству оценил его старания. Вечер этот был экзаменом не только для Леси, но и для Мудрого. Чувствовал эсбековец, что стареет, утрачивает былую изворотливость, сложнее стало ему ориентироваться в смене курсов, вождей и настроений. А так недолго оказаться не у дел, добывать хлеб себе на пропитание каким-то иным способом. А каким? Ничего не умел Мудрый, кроме как стрелять, шпионить и готовить шпионов.

Леся послушалась доброго совета, подошла к Круку. Тот, как от назойливой мухи, отмахивался от Макивчука, с подъемом витийствовал о новом этапе борьбы, который приведет к консолидации всех антибольшевистских сил. Знал редактор, носится Крук с этой идеей: создать антибольшевистскую лигу, в которую вошли бы все, кто ненавидит Советы.

— Добри думки! — одобрил равнодушно Крук и повернулся к Лесе. — Как вам наш вечер? Это все в вашу честь...

— Очень я вам благодарна за внимание. И для меня большая удача — встретиться с вами...

«Не такой уж и грубый голос у этой девицы», — отметил мимоходом Крук. И вспомнил Злату, прощание на конспиративной квартире.

— Как там наша Злата? Надежно ли ее положение?

— Очень надежно, — заверила Леся. — Злата наша та, что искала. И надеюсь, Украина по заслугам оценит ее усилия.

«И мысли какие-то у этой девицы шевелятся», — опять отметил Крук. Доверительно попросил:

— Берегите Злату, она того стоит.

— Полностью с вами согласна, — воспринимая его слова как приказ, ответила Леся. — Мы там, на Украине, в этом убедились.

«Коханый, я возвращусь, — обещала Злата в тот давний вечер, когда Крук сказал, что уже пора им прощаться. Выпито тогда было немало. Злата не ломалась, не привередничала, сказала: «Судьба перед рейсом подарила мне чудесную ночь».

Воспоминания были приятные, и улыбка косым лучиком скользнула по лицу Крука.

Все уже давно обратили внимание, как долго и с интересом разговаривает Крук с курьером. Особая милость! Мудрый был доволен, а гости даже примолкли, чтоб не мешать пану Круку. Девицы, обносившие гостей чарками на подносах, завидовали Лесе откровенно, они тоже приложились к горилке. Крук казался им почти доступным, если бы не эта энергичная курьерша.

Леся, спросив разрешения у Крука, сняла френч, осталась в расшитой черно-красной нитью блузке. Раскраснелась, от выпитого повеселела, стала не такой уж и строгой, как вошла.

— Хочу сказать! — поднялась она с рюмкой. — Хочу выпить за Украину!

Тост у нее был хороший — за любовь к родине, за то, чтобы нигде и ни в чем не изменять ей, чтобы ни ненависть, ни расстояния не легли пропастью между человеком и родиной.

Крук покивал одобрительно и первым приблизил свою рюмку к рюмке девицы-сотника, без френча став-

шей очень похожей на юного казачка из мелодрам минувшего столетия.

В гостиней было уютно, гости тоже почувствовали, что официальная часть вроде бы закончилась и можно налечь на закуску.

— Ты на меня не обижайся, — попросил Лесю Мудрый, — то, что произошло, требовалось.

— А если бы я умерла, если бы сердце не выдержало? — чуть прищурилась Леся.

— У тебя — выдержит. У тебя оно как камень...

— Спасибо за комплимент, — сказала Леся.

Настроение у нее было прекрасное. Все эти «диячи на национальной ниве» собрались здесь ради нее. Они пришли чествовать ее, Лесю Чайку, курьера ОУН, сотника УПА, удостоенной высших наград, располагающей приличным счетом в банке и прочая и прочая...

— А у меня для тебя сюрприз, — сказал Лесе Мудрый. — Отойдемте-ка в дальний угол, чтобы не мешали.

Он оглянулся, поискал кого-то среди гостей, пома-нил пальцем Шпака:

— Петро, подойди к нам...

Шпак на фоне раздобревших от выпитого гостей, шумно и крикливо провозглашающих новые тосты, был необычно задумчивым.

— Вот вам спутник в трудном рейсе, — церемонно представил Мудрый Шпака.

Шпак протянул Лесе руку, чтобы обменяться, как велела неписаная традиция, рукопожатием.

Леся руку не заметила.

— А он что-нибудь умеет? — спросила у Мудрого.

— Все, что необходимо там, на «землях»...

— Посмотрим, — Леся окинула Шпака неожиданно трезвым, изучающим взглядом.

Шпак не выдержал этого взгляда, опустил глаза.

— Не ходи со мной, хлопче, пропадешь, — пошутила Леся.

— За тобой — хоть на край света, — ответил Шпак.

Мудрый внимательно следил, как и что говорит Леся.

— Мы отдаем тебе своего лучшего человека, — подчеркнул он.

— Тогда по чарке? — Леся гибко склонилась над подносом, разлила коньяк.

Мудрый и Шпак взяли рюмки.

— Пью за родную землю! Пью за счастье Украины! Слава героям!

— Героям слава, — без энтузиазма ответил Шпак.

Мудрый же просто кивнул, опрокидывая рюмку.

— Слава, слава! — зашумели гости, увидевшие, что героиня вечера произносит тост.

Леся Чайка окинула их безразличным взглядом — кучка теней, голосисто предающихся воспоминаниям о «славных сторинках борьбы».

ГЛАВА XLII

Майор Стронг принял Мудрого сразу, как только тот позвонил.

— У нас все готово, — доложил Мудрый. — Курьер Чайка и агент Шпак отправляются на Украину сегодня.

— Хорошо. — Стронг после постигших Мудрого в операции «Голубая волна» неудач не очень верил в успех рейса Чайки и не скрывал этого. — Будем надеяться, — сказал Стронг, — что «Голубая волна» все-таки выйдет в эфир.

— Мы приложим все силы, — заверил Мудрый.

— Что же, посмотрим...

Майор подошел к карте Украины, отыскал город, где в скором времени должны будут объявиться Леся Чайка и Шпак. Мудрый тоже смотрел на карту и за кружками, обозначающими города, за синими линиями рек, за сплетением дорог увидел огромную страну, чужую и враждебную. Он ее ненавидел и жизнь свою отдал этой ненависти.

— Когда придет первая весточка от Чайки? — спросил Стронг.

— Через месяц.

— Хорошо. Чайка — это на вашем языке, кажется, такая птица?

— Да.

— Пожелаем тогда, чтобы у нее были сильные крылья. И будем ждать...

Майор умел ждать. Пусть огонь и обожжет крылья Чайке, пусть она попадет в ловушку, пусть, наконец, затеряется в неизвестности. Пусть!.. Мудрый и такие,

как он, подготовят других агентов, у которых будут другие клички, и улетят они по новым маршрутам, продиктованным ненавистью.

...Была поздняя осень. На Европейском континенте повсюду бушевали ветры «холодной войны».

* * *

Город, выбранный Мудрым и обозначенный на карте майора Стронга, жил спокойной жизнью.

Десяткам тысяч горожан не было никакого дела ни до Мудрого, Боркуна, Крука, ни до майора Стронга с их планами «проникновения», с их операцией «Голубая волна», с надеждами на создание идеологических и стратегических форпостов на «землях», как они выражались, а точнее — на территории Украинской Советской Социалистической Республики. Но это не значит, что планы эти были не опасны. Бывает и так, что спичка в руках ослепленного ненавистью бандита становится причиной несчастья для многих людей.

Тайная война, один из очагов которой был обозначен на карте Стронга именно здесь, в этом тихом западноукраинском городе, коснулась только очень немногих людей — тех, кто по долгу коммунистов обязан был первым принять ее удары, отразить их и нанести удары ответные.

Едут солдаты с фронта — кумач на эшелонах, девчата забрасывают вагоны цветами, и на каждом, даже самом маленьком полустанке — оркестры, митинги.

Возвращается чекист с операции — знают об этом только несколько самых близких людей...

И это не имеет ничего общего с несправедливостью — просто такова логика той особой войны, тех тайных фронтов, на которых чекист сражается.

Возвращение Чайки не было отмечено печатью торжества. Просто в один из дней к небольшому особняку, затерявшемуся среди улиц и переулков областного центра, подкатила «Победа».

Была уже зима, снег лежал чистый и пушистый, в переулок высыпала детвора с санками и лыжами. Все было очень обычно.

Из машины вышли трое: девушка и сопровождающие ее двое мужчин. По тому, как один из них сделал шаг назад, пропуская вперед девушку, как в ногу за-

шагали они по очищенной от снега дорожке к особняку, в них легко можно было, несмотря на штатскую одежду, угадать людей военных, привыкших к четким движениям, к лаконизму даже в жестах.

— К полковнику Коломийцу, — сказала девушка дежурному по областному управлению.

В вестибюле они задержались на несколько минут.

— Спасибо, товарищ старший лейтенант, что встретили, — сказала девушка одному из своих спутников.

— Встреча прошла в духе взаимопонимания, — пошутил старший лейтенант.

Они весело рассмеялись, вспомнив, как с готовностью потянул руки кверху агент Шпак, которого Мудрый назвал на прощальном ужине в Мюнхене «одним из лучших своих людей». Забыл и про ампулу, зашитую в уголок воротничка. На лице у него было написано неподдельное удивление. Это выражение так и не покидало его с того момента, когда встретил «гостей» старший лейтенант Малеванный со своей группой.

Девушка подошла к строгой мраморной доске, укрепленной на центральной стене вестибюля. На белом камне были золотом выбиты фамилии. Одна... две... три... Много...

Звание, фамилия, инициалы, год... И больше ничего, кроме памяти товарищей, горя родных, вечной благодарности народа им, павшим уже после салюта Победы.

Девушка положила к подножию мемориала еловую веточку, которую принесла с собой.

— Цветы бы, — сказал тихо Малеванный.

— Это им подарок из лесов. Они сражались за их тишину...

— Там сегодня тихо... — подтвердил Малеванный.

Многие из погибших были моложе Малеванного и его спутницы — бойцы, сражавшиеся так, что и после гибели остались в строю.

Девушка поднялась по лестнице на второй этаж, в кабинеты, где когда-то — кажется, целую вечность назад — получила приказ начать операцию.

Полковник шагнул к ней навстречу, сказали

— Здравствуйте, товарищ капитан.

— Здравствуйте, товарищ полковник, — ответила девушка и, отбросив сдержанность, обняла его, — Здравствуйте, Михаил Федорович!

Она очень долго ждала этих минут, и иногда ей казалось, что они никогда не наступят.

— Товарищ полковник, разрешите доложить! Задание выполнено...

— Знаю, что выполнено. Жаль, что не мог встретить. Рада, что возвратилась?

— Очень! — искренне сказала девушка. И чисто поженски пожаловалась: — Никогда не думала, что чужая шкура такая тяжелая, скользкая и противная.

— Раньше было проще? Ну, например, с бандой Стафийчука?

— Да, — ответила девушка. И объяснила: — Тогда я была на своей земле. И рядом со мной были товарищи — они прикрывали меня, поддерживали. А там, — она указала неопределенным жестом куда-то вдаль, — я оказалась совсем одна. Одна среди волков.

— Ну, волк по сравнению с Мудрым — благороднейшая тварь, — сказал полковник. — Волк, как правило, на людей не нападает. А такие, как этот Мудрый, без крови жить не могут...

Они помолчали. Потому что никуда сейчас не надо было торопиться — операция закончилась, и они получили это право после того, как долгие месяцы каждый день был рассчитан по минутам, сейчас никуда не торопиться. Может быть, завтра снова по приказу Родины они вступят в схватку, и тогда жизнь опять пойдет по боевому расписанию...

— Малеванный хорошо встретил?

— Очень спокойно и деловито, так что Шпак и не сообразил вначале, что происходит. А вы знаете, я загадывала — кто будет встречать.

— Малеванный очень просил, чтобы доверили ему. «Я, — говорит, — провожал, я и встречаю...»

Мария вспомнила «студента» в пригородном поезде, которым добиралась она до хутора Чижа. «Студент» провел ее почти до самого кордона — Чиж так и не заметил, что не одни они вышли к болоту, за которым уже другая страна.

Не исключалось, что Бес выкинет какой-либо из своих многочисленных фокусов, что хутор Чижа окажется западней — многое могло случиться в дороге. Потому и был Малеванный рядом, готовый в любую минуту прийти на помощь.

А попрощаться они не смогли — нельзя было. Про-

сто в какие-то часы Мария почувствовала, что теперь она одна и рассчитывать может только на себя.

— Знаете, о чем я мечтала в комнате, отведенной мне милостью Мудрого в коттедже? О том, чтобы встретиться нам всем вместе: вы, я, Малеваный и еще другие товарищи, помогавшие мне в операции. Но, наверное, это невозможно...

— Почему же? — в шутку удивился полковник. — Закажем банкетный зал в лучшем ресторане города и объявим, что состоится банкет в честь возвращения из закордонного вояжа капитана государственной безопасности Марии Григорьевны Шевчук. И Беса на банкет пригласим.

— Взяли его?

— Как только ты пересекла кордон.

— Погодите, дайте мне самой сообразить... Я думаю, что Юлий Макарович пытался скрыться вместе с казной Рена.

— Да, у этого бандита нюх тонкий. Он почувствовал, что дело идет к концу, и приготовился бежать. Как ты и предупреждала, хотел уйти в глубь страны. Его арестовали на вокзале. Только вот Серый, к сожалению, ушел...

— А Эра?

— Эра-Ванда, когда ей стало известно о гибели Мыколы, сама пришла к нам.

— Поломали жизнь девушке «лыцари»...

Мария сказала это с сожалением. Ей и в самом деле было жаль дивчину, судьба которой сложилась незадачливо и жестоко.

— Хочу выговор тебе вынести, — строго сказал полковник, — за самоуправство. Кто тебе разрешал стрелять в лесу? А если бы не ты положила тех двоих, а они тебя? Сама погибла бы и операцию сорвала. В первый раз ты проявила такую недисциплинированность...

И опять вспомнила Мария: осенний лес, тишина — и вдруг выстрел: валится как скошенный Мыкола, и она падает на тропу... Выходят двое: «Не стреляй, Мавка, нам Бес приказал его убрать...»

— Я ведь тоже живой человек, товарищ полковник. Столкнулась на узенькой дорожке с врагами, для которых убить кого-нибудь — раз плюнуть, был бы при-

каз проводника или референта. А с такими — один разговор...

— Так-то оно так, — покачал головой Коломиец, — но Бес, старый коршун, мог ведь и сообразить, что к чему.

— Виновата, товарищ полковник, — признала наконец Мария.

— Вот это лучше...

— А как себя чувствует та, настоящая Леся Чайка? — спросила Мария.

— Сейчас она на востоке страны. Мы посоветовали сменить место жительства после случайной встречи с Бесом.

— Трудно сложилась жизнь дивчины, — сказала Мария. — Пройти через леса, войну, побывать курьером Рена...

— Да, нелегкая у нее была дорога, — согласился Коломиец. — И нам она решила помочь вначале из мести, когда узнала, что смерть ее жениха на совести Рена. И только позже задумалась над тем, где у кого правда...

— Я ей верила, когда начала с нею работать.

— Это хорошо. Мы опасались, что недоверие может ее оскорбить. Или, наоборот, ты будешь осторожничать, опасаться предательства... Надеюсь, у Леси все будет хорошо. А работа в паре с тобой для нее действительно стала экзаменом...

Мария вспомнила, что, когда ее познакомили с Лесей, подумала: «Выдержит ли дивчина?» А предстояла Лесе «роль» не простая: вернуться на какое-то время в свое прошлое, снова стать курьером Рена, помощницей и правой рукой закордонного курьера Златы.

Мудрый и Боркун снабдили Злату Гуляйвитер в общем-то основательной легендой. Они не стали ее придумывать — просто украли биографию Ганны Божко и подарили ее своему курьеру. Злата долго входила в роль Ганны. А Мудрый, еще не зная, для какого конкретного задания понадобится ему эта фанатичка, обеспечил всестороннюю подготовку: в среде националистически настроенной эмиграции, в спецшколе, в лагере для перемещенных лиц. Подготовка эта была успешной, имел дело Мудрый не с новичком — Гуляйвитер и раньше выполняла поручения службы безопасности. Мудрый не стал ждать, пока просьба Ганны Божко

о возвращении на родину будет удовлетворена. Его не устраивал такой исход: репатриантка могла привлечь к себе внимание. Официальный выезд в страну скрывал курьера, лишал его свободы действий. В то время Мудрый еще мог обеспечить нелегальный переход по курьерской «тропе». Он, конечно, не подозревал, что «тропа» эта уже длительное время контролируется чекистами. У курьера, по расчетам Мудрого, самый опасный отрезок пути пролегал от границы до встречи с Бесом. Бес снабжал его новыми документами и помогал легализоваться. А если бы курьер провалился где-то на пути к Бесу, то удар смягчили бы бесхитростная, прошедшая в бесцельных скитаниях жизнь Ганны Божко и ее документы. Преступлений Ганна действительно никаких не совершила и понесла бы наказание только за нелегальный переход границы. Мол, ждала, ждала официального разрешения и не выдержала, сдали нервы...

Так рассчитывал Мудрый. Он, конечно, сравнивал степень опасности при легальном переходе кордона курьером по документам репатриантки и при нелегальном проникновении в страну. И выбрал второе. Ибо при этом варианте риск был кратковременным — момент преодоления границы и два-три дня вслед за этим.

Мудрый операции свои рассчитывал с ювелирной точностью, оставляя несколько боковых тропинок.

Этот почерк Мудрого хорошо был знаком Коломийцу по прошлым «встречам» с его выучениками. И он знакомил с ним Марию Шевчук день за днем, ничего не упуская и ничего не забывая. Ибо ей тоже предстояло на время попасть в число «воспитанников» Мудрого и продемонстрировать стиль, который бы совпал со стилем «наставника».

Мария сказала полковнику:

— Да, с курьером Рена нам повезло. Великая сила — правда.

Мария справедливо считала, что в том деле, которым были заняты она и Коломиец, талант так же необходим, как и в искусстве, в науке, в поэзии.

— Мы поверили Лесе, потому что видели — жизнь вне сотни, после того как ушла она от Рена, многому ее научила. Леся мне сказала перед операцией:

«Если вы мне поверите — я вас не подведу. Даже если придется погибнуть».

Мария после долгих размышлений согласилась ра-

ботать в паре с Лесей. Полковник тогда предупредил, что одним из сложных этапов операции явится обмен ролями. Мария помнила, как на последнем инструктаже у полковника она чертила на листочке:

«Злата-Ганна встретила с Лесей Чайкой, курьером Рена...»

Я прихожу к Бесу, как Ганна-Злата. С его согласия моим помощником становится Леся Чайка...»

Когда же возникла необходимость уходить за кордон, Буй-Тур сообщил Бесу, что Злата-Ганна благополучно прибыла к нему в его несуществующую сотню, Леся вышла из игры, а Мария действовала уже под ее именем.

«Смена легенд» — так называл этот этап полковник Коломиец. Она произошла на ходу. Но это не была смена ролей в хорошо отрепетированном спектакле, это были и творчество, и огромный риск.

— А помните, Максим Федорович, как неожиданно, будто лешак на болоте, вынырнул Сыч?

— Да, Сыч заставил нас поволноваться. Кстати, да будет тебе известно, именно шановному Юлию Макаровичу принадлежит авторство той инсценировки, которую разыграли с тобой Сыч и Рыбалка.

— Я и не сомневалась.

— После командировки, где он так внезапно «исчез», Сыч разговорился, и его показания лишний раз помогли нам точно очертить очаг деятельности Беса.

— Очаг?

— В данном случае этот термин вполне уместен. Иногда я сравниваю нашу профессию с профессией врача. Ведь долг медика не только врачевать, но и предупреждать заболевания. Националистический яд опасен, особенно для молодых, за плечами у которых нет ни жизненного опыта, ни опыта политической борьбы.

Мария поняла, кого имел в виду полковник. Тот же Буй-Тур примкнул к националистам в восемнадцать лет, полагая, что этим принесет пользу Украине. А вышло что? На совести у этого незаурядного и храброго человека — пожары мирных сел, жестокие рейды его сотни.

— Когда Буй-Тур вошел в квартиру Беса, — улыбнулась Мария, — он был таким натуральным бандит-

ским сотником, что я чудом удержалась от желания выстрелить.

— Куда уж натуральнее... — засмеялся и Коломиец.

— Хорошо, что вовремя увидела за его спиной Малеванного в какой-то нелепой шляпе с пером.

— Такую носил Щупак, адъютант Буй-Тура. Бес не знал Щупака в лицо, потому мы и рискнули определить в адъютанты сотнику нашего старшего лейтенанта.

— Как сейчас Буй-Тур?

— Читает запоем все газеты и книги, которые к нему попадают. Часами молчит. Оживает, становится мягким и добрым, когда видит сына.

— Злая выпала доля хлопцу.

— Можно было бы сказать: сам виноват. Но в искалеченных жизнях, таких, как Буй-Тур, виноваты и Рен, и Мудрый, и Бес.

Теперь, когда все было уже позади, Коломиец и Мария обстоятельно, неторопливо шли по следам операции, ими же осуществленной.

Так и солдаты после боя вспоминают, как поднимались в атаку, как пуля врезалась в каску, и рвут на мелкие шматочки письма-завещания родным: смерть прошла стороной.

— Уже поздно, — сказала Мария. — Я так обрадовалась встрече, что и забыла — у вас завтра обычный рабочий день.

— А у тебя отдых. Два-три дня отдохнешь — и сядешь за письменный стол: припомни каждую деталь, каждую мельчайшую подробность. Ты побывала в самом логове — нам крайне важно было узнать, что там творится.

Полковник протянул Марии лист папиросной бумаги — ввелись в него полустертые буквы. Мария прочитала: «Надлежит разыскать особо опасного для нашего движения агента НКВД, известного нашим людям под псевдо «Зоряна», «Горлинка», «Подольянка», «Мавка» и другими».

Далее шел обстоятельный перечень примет Марии и приказ:

«Каждый член организации, который опознает эту чекистку, должен, не ожидая особых на то приказов, любым путем, даже ценою собственной жизни, ее уничтожить».

Мария внимательно прочитала каждую строчку, взгляд у нее стал твердым — таким же, как тогда, когда ударила из автомата по приспешникам Беса.

— Крупно распорядился моей судьбой Мудрый.

— Не он, — поправил полковник, — Бес. Мудрый еще ничего не знает. Это последний приказ Беса.

— Он мог попасть к Мудрому?

— Нет, тропа к референту службы безпеки не действует. Но я хотел тебя предупредить... — Полковник как бы взвешивал, стоит ли говорить об этом Марии или нет.

— О чем?

— Бес передал отпечатанные под копирку экземпляры приказа одному из своих уцелевших курьеров — Серому. Серый ушел от нас, как-то выскользнул. Что это значит, сама понимаешь...

— Значит, борьба продолжается, — повторила Мария, — хоть и густой сетью мы прошли, но кто-то из «лыцарей» смог закопаться в ил, где-то отсиживается в глухих омутах.

— Потому и рассказал тебе об этом приказе.

— Учту, товарищ полковник, — ответила Мария и подумала: пусть лучше не становятся на ее пути те, кто вздумает выполнить последний приказ Беса. Враги научили ее стрелять первой...

— Ну, еще раз с возвращением тебя, Мария Григорьевна! — Полковник встал, подчеркивая этим и значимость того, что хотел сказать, и давая понять, что пора прощаться. — И с успешным выполнением задания Родины!

Мария тоже встала.

— Служу Советскому Союзу! — ответила тихо.

И может быть, именно сейчас, в эту минуту, капитан государственной безопасности Мария Григорьевна Шевчук окончательно поняла, поверила, что многодневная операция закончена, она дома, среди своих.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Когда в жаркие летние дни 1944 года Советская Армия, громя фашистов на западных землях Украины, выходила на берега Западного Буга и Вислы, многим казалось поначалу, что с войной здесь покончено навсегда и можно спокойно приступить к мирному труду, восстанавливать разрушенное оккупантами хозяйство.

Однако действительность оказалась более суровой. Борьба не закончилась.

Огрызаясь, уходя на Запад, гитлеровцы и их секретные службы оставили в тылах наступающей Советской Армии широко разветвленную «пятую колонну», так называемую «Украинскую повстанческую армию», предварительно снабдив ее курени и сотни всем необходимым для тайной войны: от подземных бункеров до минометов. Цель УПА была ясна: любыми путями разжигать националистическую вражду, с помощью террора и диверсий тормозить восстановление на этих территориях Советской власти, отравлять сознание населения националистической, фашистской пропагандой.

Советским литераторам, особенно тем, кто работал на переднем крае, на тех землях, которые пережили фашистскую оккупацию, предстояла напряженная борьба с буржуазным национализмом. Первые годы эту борьбу пришлось вести жанрами ближнего боя, публицистикой, острыми памфлетами, статьями. Зачастую литераторы, отложив на время перо, уходили в леса бить банды, выкорчевывать боевки.

Тогда многое еще было неизвестно, о многом мы только догадывались. Гитлеровцы тщательно маскировали свои связи с украинскими буржуазными националистами, и даже такой знающий уловки врага публицист и писатель, как Ярослав Галац, не знал, например, печатая в то время свои памфлеты, разоблачающие организацию украинских националистов, что делегат ОУН Герасимовский, ездивший неоднократно для переговоров с гестапо и СД в Варшаву и другие города созданного фашистами «генерального губернаторства», — это не кто иной, как бывший капеллан националистического батальона «Нахтигаль», униатский священник и правая рука митрополита Шептицкого Иван Гриньох. Эта тайна, как и многие другие факты сотрудничества ОУН с гитлеровцами, была раскрыта сравнительно недавно.

В последние годы одна за другой появляются большие, серьезные художественные книги, в которых более глубоко, спокойно и доказательно осваивается тема борьбы с украинским буржуазным национализмом, его «идеологией» и античеловеческой практикой. Одной из таких книг, очень порадовавших меня, был роман «Удар мечом» Льва Константинова. В нем рассказывалось о том, как наши чекисты, заслав в крупную банду Рена комсомолку-чекистку Марию Шевчук, ликвидируют этот очень опасный бандитский очаг на украинской земле. Книга «Удар мечом», построенная на остром приключенческом сюжете, вместе с тем является очень серьезным художественным произведением, в котором тема «удара по врагам» органически сочетается с гуманными и смелыми действиями чекистов: они не только карают, но и выводят на поверхность, из вонючих бункеров к сознательной жизни таких заблудших, как Чуп-

рина, других, кто попал к националистам случайно, в результате обмана и угроз.

«Удар мечом» радовал достоверностью, правдой жизни, умело подмеченной талантливым автором.

В новой своей книге «Схватка с ненавистью» Лев Константинов продолжает эту же тему, знакомит читателей с дальнейшей судьбой своих главных героев: Марии Шевчук — «Горлянки», старшего лейтенанта Малеванного и других. Сюжет книги еще более усложнен по сравнению с «Ударом мечом». Чекистам приходится здесь осуществлять операции еще более трудные, основанные на мастерстве и интеллекте тех, кто ведет борьбу с нашими врагами.

Не только то обстоятельство, что автор книги провел детство и юность на Украине, был комсомольским работником, находился в самой гуще событий, но и тщательное изучение им архивных материалов, беседы с активными участниками разгрома банд УПА не только на Украине, но и в Польше, и в Чехословакии привели к несомненному успеху и этой книги.

За многими ее персонажами стоят реальные прототипы. Автор вскрывает классовую природу вожаков бандеровщины. Часто мелькает на страницах его книг имя, вернее, кличка — «Рен». Да, рены и им подобные существовали и в действительности, и жестокость Рена из «Удара мечом» и «Схватки с ненавистью» не придумана и не преувеличена. Вот подлинные строки из кровавой «биографии» одного из националистических вожаков: «Рен», или 477, — говорят архивные материалы, — Василь Иван Мизарный, был командующим участком УПА «Лемко». В организацию украинских националистов вступил еще до войны. В этой террористической организации пользовался большим авторитетом, принимал участие в 1934 году в ликвидации министра внутренних дел Польши Бронислава Перацкого, после чего под фальшивой фамилией удрал через Данинг в фашистскую Германию. Там, а также в Австрии проходит специальную подготовку в диверсионно-штабных школах, руководимых немецкой военной разведкой — абвером. В сентябре 1939 года вместе с фашистскими войсками вторгается в Польшу. Во время гитлеровской оккупации исполняет обязанности коменданта уездной украинской полиции в Санюке. По поручению руководителя УПА — «Запад» организует отделы УПА из украинских полицейских и националистов, которые бежали в Карпаты от Советской Армии. Провел переподготовку восьми сотен УПА в горах Буковы Бердо, в Лесском уезде. Повышается в звании — становится начальником куреня. Советская Армия идет на Запад, а курень Рена прорывается на восток, на западноукраинские земли, чтобы действовать по приказу гитлеровских разведывательных органов в тылу советских войск. Тула прорвался «Рен» вместе с сотнями «Бурлака», «Бродича», «Байды», «Бурого» через карпатские ущелья. В Черном лесу соединился с другим бандитским вожаком по кличке «Резун-Грегит». Из рейда возвратился зимой 1944/45 года, когда наступила реорганизация структуры и зон действий УПА.

После разгрома его куреня «Рен» бежит на советскую землю, где его и ликвидируют советские органы государственной безопасности.

Сухой язык оперативно-чекистской сводки, а сколько за этими скучными словами, рисующими биографию жестокого бандита, сожженных сел, убитых женщин, детей, стариков разных национальностей,

бойцов «истребительных батальонов», состоявших главным образом из комсомольцев и коммунистов!

И вот против ренов, против таких опасных хищников, сражалась комсомолка Мария Шевчук — «Горлинка», «Мавка» — и, проникая в тайные гнезда врагов, победила.

Лев Константинов не боится показывать «Рена» и ему подобных сильными и умными врагами, какими они и были, ибо он понимает, что, если изображать врагов жалкими и ничтожными, тогда бы не было подвига Марии Шевчук, ибо слабого врага побеждать легко и просто.

Автор книги «Схватка с ненавистью» хорошо показал Мюнхен и фашистские очаги, в которые проникает «Горлинка». В Мюнхене и поныне существуют националистические центры, откуда пытаются засылать в нашу страну своих курьеров недоучившиеся поповичи, возомнившие себя националистическими наполеонами. Это они засоряют эфир своей подлой, клеветнической пропагандой, пытаются пробраться с нею в души молодежи.

Книги Льва Константинова «Удар мечом» и «Схватка с ненавистью» являются ценным оружием в нашей идеологической борьбе с ядом национализма. Однажды на совещании Львовского областного партийного актива, в тот момент, когда на западных землях Украины шла ожесточенная классовая борьба и начинался военный разгром УПА, мне посчастливилось слышать выступление соратника Ленина Дмитрия Захаровича Мануильского, которое он закончил словами:

— Национализм — последняя баррикада капитализма!

События последних лет убедительно подтвердили верность этой оценки.

Своими книгами Лев Константинов смело идет на штурм этой последней баррикады, соединяя свои действия, свой литературный труд с произведениями других советских литераторов, пишущих на эту же тему.

Мне хочется не только пожелать ему успеха в его благородном труде, но и надеяться, что мы еще встретимся в новых книгах Константинова с талантливой чекисткой «Горлинкой» — Шевчук, воспитанной комсомолом, с Малеванным, полковником Коломийцем и другими героями, ведущими борьбу с нашими классовыми врагами.

Владимир БЕЛЯЕВ